Мария Гинзбург
Хозяйка Четырех Стихий

Мир Мандры –

Текст книги предоставлен автором http://www.litres.ru
«Гинзбург М. Хозяйка Четырех Стихий: фантастический роман»: Лениздат; СПб.; 2007
ISBN 5-289-02471-9

Аннотация

Этот мир причудлив и эклектичен, но вместе с тем хорошо узнаваем. Это мир волшебных сказок, где эльф Финголфин действует рука об руку с пьяницей-сапожником Толяном, а ведьмы, ругаясь, вспоминают мирового змея Ёрмунганда. Отношения между людьми и эльфами в Мандре заходят в тупик. Судьба этого необычного и яркого мира зависит от того, смогут ли договориться между собой боги Детей Старшей Расы и людей – Эльф и Нава. Ради этого они спускаются на землю в облике Верховного мага Фейре Шенвэля и боевой мандреченской ведьмы Карины...

Мария Гинзбург
Хозяйка Четырех Стихий

Проклятое отродье опутало Наву мерзкими чарами. Яроцвет бился изо всех сил, но его невесту насильно разлучили с ним. И теперь Бессмертная Дева томится в ужасной крепости Друккарге, изнемогая от похотливых снов, которые на нее насылает мать Ящера.

Тайная книга Ярилы.

Почему Нава оставила Яроцвета, мы не знаем. Не знаем, любила

ли она Эльфа, или не нашла для себя другого выхода. Но я знаю одно.

Даже те, чью жизнь и разум разрушил Яроцвет, оказавшись между смертью и предательством, выбирали верность. Верность тем, кого любили.

А Яроцвет выбрал жизнь.

Хаген, второй главный волхв Ящера.

Пролог

Вдова смотрителя погоды из Лабаца заказала Ульрику резной ларь для муки с фигуркой богини плодородия на крышке. Хотя у столяра осталась всего одна рука, с работой он справлялся ничуть не хуже прежнего. Только хрупкие маленькие фигурки теперь вытачивал Шенвэль. Они закончили ларь как раз к обеду. Подмастерье отнес заказ. Обратно Шенвэль пошел не по дороге, а по тропинке. Эльф вырос в горах и не боялся заблудиться, несмотря на то, что был слегка под хмельком. А до встречи с Тенквиссом оставалась еще уйма времени.

Шенвэлю нужно было побыть одному.

Он не задумывался, куда идет, и очень скоро оказался в незнакомой долине. Через неделю эльфы собирались отмечать Мидаёте, праздник середины лета, но в горах лето не спешило сменить затяжную весну. Сочная зеленая трава не доходила Шенвэлю и до щиколотки. В тени скалистого утеса доживал ноздреватый сугроб. Естественную каменную чашу, в которой поместился бы человек, заполняла вода. В этом месте из-под скал выходил горячий ключ. Листья на старой иве еще не распустились, хотя почки уже набухли. По обнаженным корням дерева весело крутился и скакал ручей, вытекавший из чаши. Узловатые, набухшие, корни напоминали пальцы рук старой прачки.

Шенвэль повалился на траву и захохотал, как безумный. «Небольшое дело», повторял он про себя. – «Небольшое дело». По лицу эльфа текли слезы, отраженный скалами смех звучал просто отвратительно. Шенвэль почувствовал резь в животе, но уже не мог остановиться.

Направляясь в Лабац, Шенвэль заглянул в портовый трактир, промочить горло. Хозяин заведения, один из немногих эльфов, рискнувших вести дела на человеческой половине Рабина, не взял денег с соплеменника. В оплату пива трактирщик попросил Шенвэля сыграть на флейте для его маленькой дочки. У эльфов не было принято отказывать детям, которых в Рабине росло совсем немного, а с флейтой Шенвэль не расставался никогда. После этого к эльфу подошел маг, похвалил игру и предложил выпить еще по кружке пива. Маг назвал себя Тенквиссом, и говорил он слегка чудно. Словно давно не пользовался мандречью. Они прошли за столик в углу зала, подальше от любопытных взглядов. Между второй и третьей кружкой Тенквисс начал намекать на небольшое дело, в котором ему нужен компаньон. Шенвэль отказался, не дослушав. Последним совместным предприятием людей и эльфов стал мирный договор между Мандрой и Фейре пять лет назад, который закрепил раздельное существование разумных рас.

И тогда маг, гадко улыбаясь, показал Шенвэлю небольшую полоску пергамента. Эльф увидел зеленый полумесяц и гербовую печать известного экенского банка.

– Что это? – спросил Шенвэль брезгливо.

– Это аккредитив, – сказал Тенквисс. – Поддельный, разумеется. На основании которого один мой приятель, уважаемый банкир из экенских гномов, закрыл счет своего самого крупного вкладчика. Он выдал все деньги агенту-сидху, предъявителю аккредитива. Увозить слитки пришлось на лошади, сам сидх не мог все унести.

Шенвэль запустил руку под стол, на что маг, увлеченный своей речью, не обратил внимания. Эльф стиснул флейту.

– А потом клиент заявился собственной персоной, и оказалось, что агент – настоящий, а документ – поддельный, – продолжал Тенквисс. – Дело удалось замять. Банкиру, чтобы не потерять репутации, пришлось вложить свои средства.

Шенвэль отхлебнул из кружки, расслабленно откинулся на спинку скамьи, расчищая себе пространство для замаха.

– У себя на заднем дворе гном установил чучело со светлыми волосами и каждый день упражняется на нем во владении боевым топором, – доверительно продолжил маг. – После чего куклу заменяют на новую. Чи вора сохранилась в этом клочке дубленой кожи, и…

Шенвэль ударил Тенквисса флейтой по голове так, что инструмент сломался пополам. Маг не успел схватиться за меч. Тенквисс свалился под стол, не издав ни звука. Все произошло так быстро, что никто из присутствовавших в трактире людей и сидхов не обратил на них внимания. Да и сидела пара в самом темном углу общего зала. Предосторожность мага обернулась против него самого.

Эльф проворно перегнулся через стол и выхватил документ из ослабевших пальцев. Однако аккредитив исчез с тихим шелестом, едва Шенвэль прикоснулся к нему. Эльф застонал от разочарования, поняв, что это была всего лишь магическая копия объекта. Шенвэль вытащил Тенквисса из-под стола, плеснул в лицо пивом из кружки. Маг открыл глаза.

Шенвэль сплюнул и сказал угрюмо:

– Тех денег у меня уже нет. Я на них купил себе дом здесь, да еще кое-что по мелочи. Но дом сейчас заложен…

Тенквисс обтер лицо рукавом, усмехнулся.

– Я не за этим тебя искал, – сказал маг. – Мне показалось, что звон монет тебе ласкает слух больше, чем большинству сидхов. Я просто хотел уточнить, так ли это.

– Так-то оно так, да только редко я эту мелодию слышу, – мрачно сказал Шенвэль.

– Приходи часа в четыре пополудни на обзорную площадку над Рабином – сказал Тенквисс. – У меня есть к тебе предложение. Если дело выгорит, ты будешь слышать эту сладкую музыку постоянно.

– Хорошо, – сказал Шенвэль и поспешно вышел. Он чувствовал, как поднимаются в нем пузырьки издевательского смеха. Эльфы всегда уступали людям в умении пить, а при виде надменного лица мага Шенвэль чувствовал, что теряет контроль над собой. Тенквисс был абсолютно уверен, что сам выбрал эльфа, нашел его и шантажом принудил к сотрудничеству.

Подняться на ноги Шенвэль уже не мог. Хихикая, он дополз до ручья и умылся. «Хорошо смеется тот, кто смеется последним», неосторожно подумал Шенвэль и расхохотался снова. Эльф умылся. Вода в ручье оказалась теплой, и не слишком-то помогла ему успокоиться. Шенвэль глубоко вдохнул и осмотрелся. Теперь Шенвэль узнал место. Преодолев завал в восточной части лужайки, в соседней долине ручей встречался с другим потоком. Сливаясь, они образовывали ручей, который люди называли Росным, а эльфы просто Рос. Росный впадал в Куну недалеко от Рабина. Для того, чтобы вернуться в город, Шенвэлю нужно было идти вниз по течению ручья. Глянув на солнце, Шенвэль понял, что уже не успеет вернуться в Рабин и купить себе новую флейту до встречи с Тенквиссом. Шенвэль встал, перешагнул через ручей, вытащил нож и срезал ветку ивы. Побег хрустнул под ножом. По срезу потек сок. Шенвэль прищурился, пробормотал заклинание, чтобы кора не высохла до того момента, когда он обстучит ее и сделает себе дудку. Ему доводилось играть и на серебряных флейтах, но, как говорил учитель Шенвэля, инструмент не имеет значения. Жрец Ящера не уставал повторять, что значение имеет только музыка.

Шенвэль не знал, выгорит ли дело, которое задумал маг. Но предчувствовал, что сегодня город загорится точно. Шенвэль так же знал, что услышит ласкающую слух музыку.

Но это будет совсем не пошлый звон золота, на который намекал Тенквисс.

С неба раздался отвратительный, чудовищный хохот. Шенвэль вздрогнул и вскинул голову.

На долину легло черное пятно тени. Размытый силуэт небесной всадницы стремительно уменьшался.

Боевая ведьма заходила на посадку.

I

Волна с шумом ударилась о берег, с криками пронеслись потревоженные чайки. Адриана взяла из корыта отжатую простыню, растряхнула тугой жгут и повесила сушиться.

Михей, ее сын, сидел на завалинке у дома. Мальчик развлекал свою грудную сестру, потряхивая облезлой погремушкой. Наташа гулила в ответ и тянула ручки из своей корзинки. Услышав паузу в ритмичных позвякиваниях, Адриана покосилась на сына. Если девочка заплачет, может проснуться Радагаст. И мать, и сын искренне надеялись, что отец проспит до вечера, а потом, как всегда по вечерам в пятницу, куда-нибудь пойдет прогуляться с друзьями. Возвращался отец обычно в таком состоянии, что остальным домочадцам приходилось ночевать в госпитале, где работала Адриана. Она прошла всю войну медсестрой при полевом госпитале дивизии Серебряных Медведей, Михей родился и провел большую часть жизни там же. Казенная обстановка медицинских учреждений казалась мальчику уютнее и милее домашней. Тем более, в госпитале по ночам никто не бросался на них с топором. Начальник Адрианы давно знал старшую медсестру – во время войны Поджер был помощником главного хирурга дивизионного госпиталя. Поджер разрешил Адриане с детьми жить в госпитале во время запоев мужа.

Михей смотрел на замки сидхов, и по лицу его было ясно, что мальчик забыл и о сестренке, и об отце. Впрочем, Наташа уже нашла себе другое развлечение. Поймав рукой свою ножку, она засунула ее в рот и теперь с наслаждением сосала.

Женщина перевела взгляд.

Всего лишь несколько саженей отделяло дом Адрианы от залива, вокруг которого раскинулся Рабин. Мальчику казалось, что он может дотронуться рукой до ажурного причала на другом берегу. Дворцы, облицованные внизу синей и зеленой плиткой, словно вырастали из сверкающих вод. Прозрачные и легкие строения стояли будто и не на прибрежных скалах, а на мягких облаках, и были готовы улететь с первым порывом ветра.

Но они не улетали. Вот уже шесть веков.

Сидхи поселились здесь первыми. Он выбрали скалистый западный берег залива, оставив людям пологий восточный. Сидхи бежали от буйства зимних штормов своей родины к ласковому морю юга. Но нет и не будет места краше того, где родился. Дворцы сидхов Рабина стояли на таких же крутых скалах, что и дома их родичей в Фейре, отличаясь только цветом. Сидхи севера вырубали их из черного льда, а не из белоснежного мрамора. Крыша же дома Михея дома покосилась так, что забавная фигурка на коньке теперь смотрела в землю перед порогом. Наличники окон, украшенные затейливой резьбой, почернели от времени и сырости. Штукатурка на стенах отвалилась целыми кусками, обнажая черно-красные камни, из которых был сложен дом. Радагаст сам выломал их из стен замка Черного Пламени после того, как вернулся с войны.

Но даже в лучшие времена добротность их дома казалась отвратительно пошлой по сравнению с изяществом замков на противоположном берегу.

– Вот за это сидхов жгут и в землю втаптывают, – сказала Адриана.

Михей вздрогнул и очнулся от грез.

– За что за это? – переспросил мальчик.

– Они слишком прекрасны, – отвечала мать. – Рядом с сидхами люди ощущают себя выродками, ошибкой богов.

– А учитель Святовит говорит, что это как раз сидхи – выродки, – сказал Михей задумчиво.

Адриане удалось пристроить сына в приходскую школу при храме Хорса. Матери очень хотелось, чтобы Михей выбился в люди. Но всех сбережений Адрианы не хватило бы на обучение сына в университетском лицее. А в храме захудалого бога учили бесплатно. Грамота, счет и история Мандры давались мальчику легко. Если бы способности паренька произвели впечатление на Святовита, жреца Ярилы, Михей мог бы стать послушником при

храме бога солнца. Император Мандры Искандер считал Ярилу своим покровителем, и жрецы этого бога были самыми холеными среди священнослужителей. Михей знал, что мать спит и видит на нем тунику жреца, скрепленную бронзовым солнцем.

– Красота их порочная, мудрость – неверная, а кровь – порченая, – продолжал Михей. – Магия – это ж ведь сидхов дар, чистокровные люди этой мерзкой способностью не владеют. Чем сидхи и воспользовались в свое время, захватили всю Родину нашу. Да только сластолюбивы они сверх всякой меры, что мужчины, что женщины, за что и поплатились.

Михей повторял заученное на уроке, не особенно вдумываясь в смысл гладких слов. Мальчик заметил, как мать скривилась от отвращения.

– А ты что думаешь? – спросил он.

Адриана повесила последнюю пеленку и села на завалинку.

– Это тебе Святовит поручил разузнать? – спросила она, вытаскивая железный портсигар. Михей отрицательно покачал головой.

– Ты тоже волшебница у меня, но ты же хорошая, – сказал мальчик.

Мать достала папироску и закурила. Адриана пользовалась силой Огня. Для магов Воздуха курение было самоубийством, для магов Воды – просто невозможной вещью. А магам Огня было свойственно сжигать себя, так или иначе.

– Сидхи – они очень, очень другие, – сказала Адриана. – Хотя внешне они и похожи на людей.

– А сластолюбивые, это что значит? Что сидхи сладкоежки?

– Можно и так сказать, – ответила Адриана, усмехаясь. – Дар к магии передается по наследству, и когда у людей и сидхов стали рождаться общие дети, то маги появились и среди людей. Вы уже проходили бунт Детей Волоса?

Михей кивнул.

– Проклятые полукровки вступили на путь Нави и изгнали северных выродков.

Мать закашлялась, поперхнувшись дымом.

– Однако, как изменилась история с тех пор, как я ее учила, – сказала она, но Михей не почувствовал иронии. – Дети Волоса действительно были полусидхами, почти все. Но слугами Нави они не были. Дети Волоса призывали мертвую силу при помощи Пальцев Судьбы. И после бунта они отказались от своей власти, вернули артефакты в храм Судьбы.

– Какая разница, Нави, Прави, – сказал Михей небрежно. – Если вся магия – темный дар Хаоса, которым боги зла стараются отвлечь людей от предначертанного пути?

Мать усмехнулась.

– Да, – сказала она. – Император Искандер и жрецы Ярилы хотят отказаться от магии. А как это сделать? Только запретить общие браки людей и сидхов.

– Да понял я. Вон, в позапрошлом году сидха застукали в Хельмутовом гроте в обнимку с сестрой нашего князя и руку отрубили. Помнишь, мы еще ходили смотреть? – сказал Михей.

Мать кивнула, хотя и удивилась тому, что Михей до сих пор это помнит. Адриана тогда взяла сына с собой, потому что он был слишком мал, чтобы оставить его дома одного. Адриана и Михей наблюдали за казнью с балкона КПП. Их туда провел Радагаст, который не хотел, чтобы его жена и сын давились в толпе на солнцепеке. Солдаты старались находиться в хороших отношениях с городским палачом, и Адриане и Михею досталось не только лучшее место – в тени, но даже нашлись два стула.

На помосте, кроме осужденного – сидха Ульрика, главного рабинского хирурга, который должен был зашить рану после казни, бледного князя Ивана и Радагаста, присутствовал еще один человек. Радагаст работал без рубашки, Иван то и дело вытирал пот со лба, а тот мужчина не снял даже кожаной куртки. На черном рукаве был вышит фиолетовый колокольчик с четырьмя лепестками – яроцвет. Этот милый цветок Чистильщики, отдел Имперской Канцелярии по борьбе за чистоту расы, выбрали своей эмблемой. Солнечные зайчики дюжинами разлетались во все стороны от серебряной пентаграммы на правом погоне мужчины. Пятый магический класс являлся высшим

возможным для человека уровнем владения магией. Среди сидхов встречались же и волшебники седьмого класса.

Это был имперский маг Крон, главный Чистильщик, личность неоднозначная и жуткая.

Вытатуированная на предплечье Радагаста обнаженная женщина похабно вильнула бедрами, коротко тенькнул топор, и окровавленный обрубок ударился о помост. Сидх не издал ни звука – за него громко ахнула толпа. Радагаст отошел в сторону, уступая дорогу врачу. Именно в этот миг Михей встретился глазами с имперским магом. Крон смотрел на них с матерью и улыбался. В следующий миг Михей увидел вместо его лица морду рыси с окровавленной пастью и поспешно отвел глаза. Но рассказывать матери об этом видении он постеснялся. В конце концов, Михей был уже большим мальчиком.

– Только одного не пойму я, – сказал Михей. – Причем здесь рука? Надо было писюн ему отрубить тогда.

Адриана улыбнулась.

– Но тогда у него больше никогда не будет деток, даже от женщин своего народа. А что тебе на завтра задано, кстати?

Михей сразу поскучнел.

– Про свержение Черного Пламени, – сказал он. – Песню сложить надо. Для малышей, простую и понятную.

– Сложил? – спросила Адриана.

Михей неохотно кивнул.

– Ну, рассказывай.

– На память, что ли? – смутился Михей.

Взглянув на лицо матери, он сказал просительно:

– Ну можно, я хоть на колени свиток положу?

Адриана нахмурилась и пытливо посмотрела на сына. Последнее время матери все чаще казалось, что Михей унаследовал ее способности управлять Чи. Маг третьего класса легко мог уловить смысл текста, лишь прикоснувшись к свитку. Адриана кивнула, и Михей побежал в дом.

– Отца не разбуди только, – негромко сказала Адриана ему вдогонку.

Михей прихватил в доме еще и писало. Эльфийский стержень был одним из трофеев матери, привезенных с фронта. Стержень писал сам, его не надо было обмакивать в чернила, и с него никогда не соскакивали кляксы.

– Вдруг что-нибудь поправить надо будет, – деловито сказал Михей и уселся на завалинку.

Наташа оставила надоевший палец и загукала. Адриана дала дочери погремушку.

– Посреди Рабина стоял замок, черный-пречерный, и жил в нем черный-пречерный дракон, – торжественно, нараспев начал мальчик. – И люди звали его Черным Пламенем, а сидхи – Морул Кером, то есть Черным Кровопийцей. С одной стороны замка была глубокая пропасть, а с другой – огненный ров. Никто не знал, откуда он пришел.

– Кто пришел? – перебила сына Адриана. – Огненный ров? Глубокая пропасть? Замок?

Наташа заворочалась в корзинке и захныкала. Адриана взяла ребенка на руки, спинкой к себе, чуть развела ножки девочки. Курица, на хохолок которой упала горячая струйка, с кудахтаньем бросилась прочь.

– Дракон, конечно, – пробормотал Михей.

– Так и напиши, – сказала Адриана, усаживая дочку к себе на колени.

Она вдруг ощутила горький запах миндаля, предвестник пророческого транса. «Как некстати», подумала Адриана и переложила дочь в корзинку. Михей внес новые поправки и продолжал, крепко сжимая свиток в руках:

– Дракон держал в страхе Рабин и всю Мандру. И все, кто населял нашу землю – и гордые люди, и волшебники-сидхи, и искусники гномы, – все подчинялись ему. Но сломлены были духом люди, не пели своих прекрасных песен сидхи, а угрюмые гномы вообще не показывали носа из своих глубоких горных нор. Дракон был жесток, и жить под

его владычеством было очень грустно. Никто не жил хорошо при драконе, даже его слуги и стража, которым он хорошо платил. Все ненавидели дракона, но еще больше боялись его.

Мать пристально смотрела на него, но не видела колебаний ауры мальчика, свидетельствующих о том, что он проникает своей Чи в текст. И это обрадовало Адриану. Если бы из Михея полезли магические способности, с мечтой о карьере жреца Ярилы пришлось бы распрощаться.

Миндалем пахло все сильнее. Адриана выбросила окурок.

– Ну что ты все мусолишь: сломлены, носа не показывали… – морщась, сказала она. – Ненавидели, плохо жили…

– А разве не так? – спросил Михей.

Мать пожала плечами.

– По-разному, – сказала она. – Многие и сейчас тоскуют по тем временам. По-настоящему ненавидел Черное Пламя только Лайтонд, Верховный маг Фейре. Никто не знает почему, правда.

Михей развернул свиток, но мать остановила его руку.

– Оставь как есть, – сказала Адриана. – Вас ведь так сейчас учат?

– Ну да, – сказал Михей. – Учитель Святовит так и сказал: ненавидели, мол, все, мучились, но терпели, потому что не след против верховной власти бунтовать, грех это…

– Понятно, – усмехнулась мать. – Вот ты ему так и ответь. Но помни, что я тебе сказала.

– У дракона был магический жезл, который обладал могучей волшебной силой Объединения, и поэтому все были вынуждены повиноваться чудовищу, – вернулся к своей песне Михей. – Люди называют его Жезлом Единства или Жезлом Власти, а сидхи – Эрустимом. Но однажды пришел конец терпению. Люди и сидхи, самые мудрые из сидхов и самые смелые из людей, сговорились между собой, ворвались в замок к дракону. Вел их Искандер, наш любимый император. Больше никто не осмелился возглавить столь опасное дело. Ведь не изнеженные сидхи же…

Адриана взглянула на замок. Черная спица протыкала ярко-синее небо. Бывшая резиденция дракона располагалась на высоком утесе в самом центре Рабина, в той части залива, где море глубже всего вдавалось в сушу.

– Что было дальше, никто не знает, – продолжал Михей. – Люди слышали звуки жестокой битвы, замок шатался от бросаемых сидхами заклинаний, как былинка под ветром, а затем на двор выкатились головы дракона.

– Ничего не выкатывалось, – с усилием сказала Адриана. Перед глазами женщины все плыло, голос сына доносился как из глубокого колодца. – Вообще, никто не видел Черное Пламя мертвым. Но и живым тоже.

Михей уже не стал ничего поправлять.

– Но из замка так никто и не вышел. Ни люди, ни сидхи, ни дракон, ни его слуги. Страх перед бывшим повелителем был так силен, что никто не решился зайти внутрь замка, где, судя по всему, лежало его мертвое тело. К тому же, магический огненный ров погас. Все решили, что дракон погиб, и смелые освободители тоже…

Но Адриана уже не слышала сына. Не видела хмурого, помятого Радагаста, остановившегося за спиной Михея. Тело Адрианы обмякло.

… Замок полыхал в ночи, как огромный факел. Раздался треск ломающегося камня. Половина утеса величаво подалась вперед и рухнула в воду. Длинная лента пламени упала в залив вслед за изуродованным, но все еще узнаваемым телом дракона, похожим на раздавленную ящерицу…

Радагаст сделал шаг вперед и вырвал свиток из рук Михея. Мальчик в ужасе сжался. Когда на отца накатывало, успокоить его могла только мать. Но сейчас на ее помощь рассчитывать не приходилось. Адриана лежала с закрытыми глазами, по расслабленному лицу то и дело прокатывались волны тика. Михей знал, что это. С матерью говорила ее богиня – Парвата, та, что своим прикосновением исцеляет раны.

– Что за бред ты несешь? – яростно воскликнул отец. – Все было не так! Нас вел не Искандер, а Лайтонд!

Радагаст развернул свиток, пробежал глазами по строчкам.

– И почему ты не сказал ни слова о бунте Танцоров Смерти, о том, как сидх приходил сюда в первый раз? Если бы не Королева Без Имени, Лайтонд бы прикончил Черное Пламя еще тогда!

– Но учитель Святовит, – пискнул Михей.

Радагаст кратко и грязно высказался насчет учителя Святовита, смял свиток в руках. Михею показалось, что отец сейчас разорвет его. Мальчик снова посмотрел на мать, но та все еще была в трансе – глазные яблоки ее бешено вращались под сомкнутыми веками.

...Михей вложил в руку деревянного солдатика игрушечную сабельку и улыбнулся. Жилистая рука схватила маленькую детскую ручку, резко вывернула ее. Раздался хруст...

Радагаст захлебывался в собственной блевотине, а рядом стояло два сидха. По лицу одного из них текла кровь. Второй улыбался. И у смешливого была только одна рука...

Наташа испуганно заплакала. Радагаст увидел лицо Адрианы и осекся.

– Опять, – сочувственно пробормотал он.

Сунув свиток в карман, Радагаст поднял жену на руки. Михей поспешно вскочил и распахнул дверь.

– Успокой сестру, – сказал отец и скрылся в доме.

Мальчик взял Наташу на руки, покачал.

– Привет, Михей, – раздался голос от калитки. – А где папанька твой?

Михей увидел соседа Толяна. Он очень дружил с Радагастом, поскольку у того всегда было на что выпить.

– Спит, – неприязненно соврал мальчик, но в этот момент Радагаст вернулся на крыльцо.

– Твой дед четвертовал тех экен, которые остались в живых после штурма замка, – сказал Радагаст, обращаясь к сыну. – И это была утомительная работенка! Четвертовать двести человек – это тебе не чернила переводить! Он сам видел, как дракон помиловал Лайтонда уже на эшафоте. А ты что пишешь? «Изнеженные сидхи», «великий Искандер…».

– Брось горячиться, Радик, – сказал Толян. – Так совсем замучишь пацана, а ему ведь отдохнуть надо. Да и сам-то не хочешь пойти прогуляться?

На лице Радагаста мелькнуло хорошо знакомое сыну выражение. Михей мысленно застонал.

– Только зря пачкаешь пергамент, а он денег стоит! – подвел итог отец. – Так что он тебе ни к чему!

Идти «прогуливаться» без денег смысла не имело. Пергамент стоил не так уж дорого, но на пару бутылок вина за него можно было выручить. В отличие от бумаги, которой пользовались сидхи, с пергамента можно было бесконечное количество раз соскоблить ненужные слова и заполнить новыми.

Радагаст вышел за ворота, к ожидавшему его другу.

– Матери скажи, что к вечеру буду, – сказал он сыну на прощанье.

Зимой и большую часть весны крылья не брали заказов. Снежный буран или весенняя гроза на высоте пятидесяти саженей над землей означали верную смерть для того, кто в них попадал. Ведьма поднялась в небо первый раз в этом году за неделю до Купайлы. Карина надеялась, что эйфория от полета притупит боль. Но веселая зелень полей Нудайдола, по которым прокатывались волны от ветра, только усилила ее отвращение к себе. А острые, обглоданные ветром и лавинами вершины Черных гор превратили страдание в острый черный клинок, все глубже впивавшийся в душу ведьмы.

Осколок Льда.

Так Светлана назвала артефакт, блуждающий в теле подруги.

Первая целительница крыла, Анастасия, погибла в битве за Долину Роз, так и не

заметив ничего подозрительного в отношениях старшей крыла «Змей» с мужчинами. Карина же с самой первой влюбленности, закончившейся постыдно и горько, списывала все на свой скверный характер. После физической близости ведьму охватывало необоримое отвращение к объекту страсти. Сила отвращения была прямо пропорциональна испытанному наслаждению. Ум Карины становился странно искаженным. Ведьму охватывало безудержное желание высмеять, оскорбить бывшего властелина своего сердца и тела. Светлана, вторая целительница крыла «Змей», смогла распознать Проклятие Ледяного Сердца только после того, как Карина убила своего очередного любовника, первого и последнего сидха, с которым ведьма была близка. Светлана увидела в теле подруги артефакт, наполненный мертвой силой. Именно он искажал внутренние жизненные каналы Карины, каналы разума и чувственности. Снять проклятие мог только тот, кто владел магией Подземного мира. Или тот, кто проклял Карину. Ведьма давно уже догадалась, что проклятие перешло к ней вместе с даром ее наставницы Кертель. Способности самой Карины к магии были ниже среднего. Буровей, создатель Горной Школы, не хотел брать Карину в боевые ведьмы даже по протекции Кертель, своей старинной подруги. Кертель передала Карине свой дар вместе с проклятием, и умерла.

Карина не побоялась бы вызвать духа Кертель. Но к тому времени у боевой ведьмы не осталось ни одной вещи, в котором бы сохранилось Чи ее наставницы, что делало ритуал невозможным. Искать другого мага, владеющего мертвой силой, было опасно. Люди с такими способностями рождались редко и обычно вставали на путь Нави.

Карина смирилась с тем, что ей придется носить проклятый артефакт в себе до самой смерти. Ведьма стала сторониться мужчин, а сидхов особенно. Мужчины и так гибнут слишком часто, чтобы приносить их в жертву похоти и проклятию. Когда начался роман Светланы и князя Черногории Ивана Рабинского, целительница познакомила Карину с бароном Владиславом Ревенским. Барон осыпал Карину подарками и знаками внимания. Пожилые мужчины не нравились ведьме. Однако барон сумел быть настойчивым без навязчивости. И Карина рассудила так: «Если тот, кто нравится мне, утром становится противен до омерзения, то, может быть, тот, кто отвратителен мне до постели, станет мил после?». И трюк сработал. Ведьме удалось обмануть чары, обойти проклятие, испортившее ей всю жизнь. Владислав оказался вполне приятным и верным кавалером, не без недостатков, конечно, но у кого их нет. С тех пор барон был единственным любовником Карины.

И ведьма самонадеянно полагала, что если ей один раз удалось обмануть проклятие, то теперь оно утратило власть над ней. Но этой весной в ночь после праздника возвращения Ярилы Карина узнала, что жестоко ошибалась. «Все отдала бы», мрачно думала Карина, рассеянно поворачивая рога управления метлой. – «Мою магическую силу, мою свободу, все сбережения мои, тому, кто вытащил бы из меня этот проклятый артефакт. Да, видно, не судьба…».

Карина так погрузилась в невеселые мысли, что пролетела мимо долины, где ее крыло всегда собиралось перед первым в сезоне заказом – искупаться в горячем источнике, обменяться последними новостями и вообще поразмять языки. Только увидев впереди синюю громаду моря, ведьма выругалась и повернула обратно. Ловко маневрируя в узком ущелье, Карина громко расхохоталась. «Назло врагам, на радость маме», яростно подумала она. – «Не буду я размазывать сопли! А Тенквисс пусть радуется, что живым ушел…». Отразившись от скал, звук превратился в чудовищный лай. Как ни странно, это взбодрило ведьму.

После обжигающего холода высоты в воздух долины казался теплым, как парное молоко. Карина отстегнула корзину и отослала свою метлу. Старшая крыла «Змей» прилетела первой, чтобы искупаться в одиночестве, заплести шлем-косу и предстать примером того, как должна выглядеть боевая ведьма. Карина за зиму соскучилась по своим девочкам, и если бы не грустные мысли о собственном проклятии, с наслаждением предвкушала бы встречу. Ведьма расстегнула фибулу в виде свернувшегося в кольцо змея,

покрытую темно-синей эмалью в виде чешуек, и распахнула плащ. Россыпь серо-белых пятен на ткани делала ведьму совершенно неразличимой в небе в облачную погоду. Фибула сорвалась с воротника и тихо булькнула, упав в источник. Карина этого не заметила. Она сбросила плащ и расстегнула куртку. На рукаве, левой стороне груди и правом плече куртки ярко-синей нитью была вышита оскалившаяся летучая мышь, эмблема боевых ведьм. На правом плече куртки красовался серебряный четырехугольник. Ведьма кинула куртку на плащ. Тихо звякнули украшения, густо покрывавшие левый рукав куртки. Карина запрыгала на одной ноге, снимая штаны. Затем постелила полотенце на край каменной чаши, села, спустив ноги в теплую воду. Ведьма начала расплетать толстую черную косу, напевая:

– Ах, была когда-то я девою младою,
От вампиров и троллей не было отбою,
Колдуны и вещуны в чувствах признавались,
На Купайло за меня гномы передрались…

Она отбросила волосы за спину и спрыгнула с неровного каменного края. Из-под ног ведьмы с громким плеском дернулось прочь что-то скользкое. Прежде чем Карина успела удивиться, в центре чаши с шумом и грохотом воздвиглась желто-коричневая фигура. Вода выплеснулась через край. По зеленым волосам мужчины стекала вода. Карина шарахнулась назад. Водяной проявил себя впервые за пять лет, что ведьмы купались в его источнике. Дух воды схватил Карину подмышки и прижал к скале. Их лица оказались так близко, что Карина увидела – волосы водяного только показались ей зелеными из-за ила. На самом деле они были цвета выгоревшей на солнце соломы. Две тонкие косички открывали узкие острые уши. Ведьма взвыла и ударила сидха ногой в пах. Он успел повернуться бедром, блокируя удар. Магические кандалы обхватили лодыжки Карины, прижимая ноги к скале. Сидх развел ей руки в стороны. Карина сопротивлялась, но он был намного сильнее. Сидх хотел лишить ведьму возможности двигаться, приклеить к утесу своей магией, как бабочку в гербарии. Карина впилась зубами в мускулистое предплечье, ощутила на губах солоноватый привкус даже через мокрую ткань. Светлые глаза сидха потемнели от ярости, и он укусил ведьму в шею. Карина закричала. Сидх не собирался насиловать ведьму, но теперь он уже не смог бы остановиться. Вдруг по телу мужчины прошла судорога. Он отшатнулся, отпустил Карину. Ведьма, тяжело дыша, пыталась освободить руки, но магические кандалы держали надежно.

– Ты, – странным голосом спросил сидх. – Ты когда-нибудь спала с эльфом?

От неожиданности Карина сказала правду:

– Да.

Мужчина болезненно улыбнулся.

– Ты убила его?

Ведьму обожгла короткая вспышка ужаса. Комок подкатил ей к горлу, и Карина только кивнула в ответ.

Сидх отошел от нее и сел на валун спиной к ведьме.

– Я случайно зашел сюда, – сказал он, снимая сапог. Карина смотрела на облепленную мокрой рубашкой спину. Своим мощным сложением мужчина походил не на сидха, а на рабинского шахтера. Он вылил воду из сапога и продолжил:

– Я увидел тебя, когда ты заходила на посадку. Опасаясь, что ты меня атакуешь, я спрятался здесь.

Карина поняла, что ее неожиданный собеседник черпал Чи из Воды. Иначе он не смог бы просидеть в источнике так долго.

– Чернила на мирном договоре между Фейре и Мандрой высохли не так давно… Теперь я вижу, что совершил глупость. Прости, я не хотел напугать тебя.

Ведьма усмехнулась.

– Да нет, ты поступил разумно, – сказала она. – Увидев сидха в нашей долине, я бы напала не раздумывая. Ничего личного, просто рефлекс.

Мужчина вытряс воду из второго сапога и оглянулся через плечо. У него оказались типично мандреченские широкие скулы. Карина утвердилась в мысли, что он – полукровка.

– В нашей долине? – повторил сидх.

– Мы всегда встречаемся здесь перед первым заказом, – сказала Карина. – Такая традиция…

Мужчина скрылся в клубах шипящего пара. Ведьма вздрогнула, но быстро сообразила, что сидх просто сушит одежду заклинанием. Когда пар рассеялся, стало видно, что он неторопливо перематывает портянки.

– Я Шенвэль, – представился сидх. – Я мог бы оставить тебя так и уйти. Твои подруги легко снимут эти чары. Но мало ли что может произойти до их прибытия? Тут водятся медведи и волки. Да потом, даже маленькая птичка порой может причинить неприятностей больше, чем она сама весит…

Он обулся, встал и повернулся к ведьме. На бедре женщины Шенвэль заметил татуировку – свернувшийся в кольцо змей.

– Крыло «Змей», – сказал сидх. – Так это вы каждый год устраиваете воздушный праздник на именинах князя Ивана?

Ведьма кивнула.

– Освободи меня, Шенвэль. Меня, кстати, зовут Карина. Я понимаю, что война закончена.

Шенвэль вздохнул.

– Жаль, что подобная понятливость крайне редко встречается – сказал сидх, делая небрежный жест.

Карина почувствовала, как исчезают кандалы. Шенвэль наклонился, вытащил из-под корней ивы заплечный мешок, забросил его за спину. Когда Шенвэль взобрался на каменную гряду, преграждавшую выход из долины, над его головой просвистел огненный шар. Он ударился о скалу. Ослепительные искры и осколки камня брызнули в разные стороны. Сидх остановился, оглянулся через плечо. Ведьма уже успела надеть штаны и сейчас застегивала верхний крючок на шелковой синей рубашке.

– Я забыл, что одни и те же вещи мы с людьми понимаем по-разному, – ровным голосом сказал Шенвэль.

– Я хочу поговорить с тобой, – спокойно сказала Карина.

– «Ты чего меня шарахнул балалайкой по плечу? Я того тебя шарахнул, познакомиться хочу», – с нескрываемой иронией сказал сидх.

– Примерно так… Что тебя остановило, когда мы боролись?

Шенвэль первый раз взглянул в лицо ведьме. Такие крупные, резкие черты и небольшие светлые глаза имперская пропаганда приписывала истинным мандреченам. Тем былинным героям, из-за которых земли от залива Вздыбленного Льда до Внутреннего моря Сюркистана долгое время назывались «Империя Мандра», а не «Великий Каганат Сюрков» или «Фейре и Эдайнард». Непримиримость и страстность привела мандречен на трон владык. Именно эта излишняя, по мнению сидхов, живость характера и погубила их. Богатыри остались на полях сражений, выжили только генетические трусы. Подвиги героев забылись. Да и к чему все эти подвиги, рассуждали более практичные потомки богатырей, если наградой за них может быть только смерть? Но на лицах дочерей и сестер былинных героев иногда еще вспыхивал отблеск небесного огня, пожравшего души их отцов и братьев.

– Проклятье, которое лежит на тебе, – ответил он.

У Карины перехватило дыхание.

– Что еще за проклятье? – с деланной небрежностью спросила ведьма.

– После секса любовники становятся омерзительны тебе, – ответил Шенвэль. – В проклятие включена интересная клаузула насчет эльфов. Плата за любовь в данном случае – смерть.

– И ты можешь его снять? – быстро спросила ведьма. – Ведь оно…

– Оно наведено с помощью Цин, я заметил, – сказал Шенвэль. – Да, я могу.

Карина глубоко вдохнула и сжала кулаки. Кажется, боги услышали ее.

– Ты ведь сидх, – сказала ведьма недоверчиво. – Из сидхов только Лайтонд владел мертвой силой, потому что его мать была из Детей Волоса. Но он погиб во время бойни в Мир Минасе.

– Шесть веков назад и люди не могли управлять Чи, – хладнокровно ответил Шенвэль. – Монополию на оружие – генетический материал можно сохранить только в том случае, если перекрестные браки остаются бесплодными. Не только Разрушительница Пчела дарила своей благосклонностью эльфов, поверь мне.

Карина криво усмехнулась.

– Убедил, – сказала она.

Ведьма рывком подняла с травы свою куртку. Шенвэль увидел россыпь украшений на левом рукаве, доходившую почти до локтя. На золотую булавку с рубином, вколотую под самым плечевым швом, металла пошло не меньше, чем на шейный обруч. Рубин, ограненный в форме ромба, был таким крупным, что вполне мог защитить руку от удара мечом. Серебряные броши с сапфирами, подвески с бирюзой, дарственные фибулы с темно-синим кошачьим глазом на форме боевой ведьмы смотрелись как детская люлька в разбойничьем притоне.

– Это все потянет тысяч на шесть гривен, я думаю, – сказала Карина, прищурившись. – Достаточно для того, чтобы ты рискнул жизнью?

– Судя по выражению твоего лица, – сказал сидх медленно, глядя на нее. – Это не то предложение, от которого можно отказаться. Но к четырем часам пополудни я должен быть в Рабине.

– Будешь, – пообещала Карина. – Я не могу взять второго всадника на свою метлу, но у целительницы есть запасное место. Что тебе нужно для извлечения? У меня есть травы…

Шенвэль отрицательно покачал головой и начал спускаться с завала.

– Расстели свой плащ.

Ведьма хмыкнула.

– Я забыла, насколько по-разному мы понимаем одинаковые вещи. Я думала, что ты хочешь извлечь из меня артефакт, а ты, кажется, хочешь воткнуть в меня свой.

Сидх поморщился и остановился.

– Мне никогда не нравились женщины людей, и ты не исключение, – сказал он высокомерно.

– О, это я заметила, – усмехнулась Карина.

Шенвэль пожал плечами.

– Ты оказалась подо мной, ты сопротивлялась… Ничего личного, рефлекс. И не более того.

Ведьма присела на корточки, расправила плащ на траве. Сидх снял свой мешок с плеч и опустился на колени. Жестом он указал Карине место перед собой. Ведьма повиновалась.

– Целуй меня в губы, – сказал Шенвэль. – Как будто любишь меня больше жизни. Можешь представить вместо меня того эльфа, которого убила…

Карина глубоко вздохнула. Затем закрыла глаза и подалась вперед. Шенвэль чуть наклонился, встретил ее губы и ответил на поцелуй.

У Карины закружилась голова. Ничего больше не было сейчас в этом мире, кроме влажных, горячих губ эльфа. Нестерпимо горячих. В рот Карине словно заливали свинец. Ведьма отпрянула, но Шенвэль крепко держал ее. Тело ведьмы пронзил холод, а невыносимый жар разорвал ей горло и легкие. Карина дернулась назад, ударилась головой и потеряла сознание.

Седой мужчина в сером дорожном плаще с богато вышитыми вензелями в форме буквы «Т» стоял на обзорной площадке над Рабином и задумчиво смотрел на город. Тенквисс давно не бывал в здешних местах, и вид с тех пор разительно изменился.

После изгнания дракона столицу перенесли обратно в Кулу, и Рабин утратил

значительную долину своего великолепия и пышности. Но город был по-прежнему очень красив вот так, с высоты птичьего полета. Прямо по оси залива возвышался остров Крука. Сверху его покрытая лесом вершина походила на украшенный развевающимися водорослями шлем огромного воина, наступающего на город из морской пучины. Уродливые краны порта в восточной половине дуги казались копьями, которые воин уже успел бросить. Черный замок в центре города выглядел так, словно воин пытался вырвать его скалы, как гнилой зуб. Одна из четырех башен крепости была разрушена почти полностью. С трех остальных, при драконе отделанных гематитовыми плитами, содрали всю облицовку до высоты человеческого роста. Тяжелые цепи, когда-то поднимавшие мост через ров, проржавели. Во рву цвела ряска. Единственная часть замка, которую поддерживали в безукоризненном порядке, были тяжелые ворота, забитые крест-накрест железными полосами. Ходили упорные слухи, что раненный дракон все еще скрывается в своем замке. Именно для того, чтобы успокоить горожан, власти окружили призамковую площадь высокой насыпью. Полуразрушенный дом, стоявший прямо напротив замка, оборудовали под КПП между эльфийской и человеческой частями города. От КПП начинался высокий земляной вал, который перечеркивал весь город пополам и упирался в горный склон прямо под входом в пещеру, известную как Хельмутов грот. Тенквисс знал, что в нем находится источник с животворной водой. Через Хельмутов грот можно было попасть в огромный лабиринт переходов, которыми известняковый склон был начинен, как сыр дырками – справа, где земля принадлежала людям, находился серебряный рудник. Он съел гору до самых известняков, выпиравших, словно ребра огромного зверя. Да и после изгнания Морул Кера, когда дотла выгорело полгорода, рабинцам понадобился кирпич. А склон был сложен из прекрасной белой глины. Земля из отвала как раз пошла на насыпь, разделившую город.

Теперь же сочетание осквернённой, растерзанной земли и мирного соснового бора смотрелось как иллюстрация к закону о раздельном существовании двух рас, сделанная безумно смелым художником, притом склонным к гротеску.

На дороге от города показалось облако пыли. Оно приближалось к биваку, и вскоре стали видны черные куртки всадников в серебряных наклепках. Маг нанял экен по просьбе Карины. Очевидно, воины находились в близких отношениях с кем-то из ведьм крыла «Змей». Впрочем, Танцоры Смерти являлись ценным приобретением для любого отряда и без всяких рекомендаций.

Тенквисс посмотрел на солнце. Скоро должен был явиться эльф, а потом подтянулись бы и сами ведьмы. Ученики мага уже разбили лагерь на террасе несколькими саженями ниже и развели костер. Судя по аппетитному запаху, картошка с мясом уже почти поспела. Тенквисс услышал шаги, обернулся и увидел Заша.

– Прибыли экены, – сказал ученик. – Ужин готов.

Маг кивнул.

– Послушай, – сказал Заш. – Если все пройдет, как надо… Она влюбится в тебя?

Он смотрел на мага почти сердито. Тенквисс поморщился, ласково потрепал его по голове.

– Ненадолго, – сказал маг.

– А ты? – насупившись, спросил Заш.

Тенквисс дернул щекой, словно вспомнил что-то неприятное.

– Этим чарам никто не может противостоять, – сказал он спокойно. – Пойдем вниз, надо встретить гостей.

Карина открыла глаза. В высокой синеве плыли серебристые облака. Собственное тело показалось ведьме таким же невесомым. Она ощутила удивительное спокойствие. Но вот заныл ушибленный затылок, засаднило в ободранном изнутри горле. «Похоже», подумала Карина. – «Сидх действительно вытащил эту проклятую штуку из меня». Ведьма повернулась на бок и обнаружила, что Шенвэля рядом нет. Карина резко приподнялась на локте. Взгляд ее упал на маленькое алое пятно на плаще. Ведьме приходилось видеть, как

фонтаном ударяет вверх кровь из шейных артерий, когда человеку отрывают голову, как алой струей хлещет из разорванного бедра. Но почему-то Карина не могла отвести глаз от этой крохотной кляксы несколько невыносимо долгих минут. Затем ведьма огляделась, ища сидха.

Тень от скал уже почти закрывала долину. Но Карину пробрал озноб совсем не от этого. Вода в ручье была черной, трава на его берегах пожухла. Ветки ивы печально обвисли. Ведьма вскочила. В глазах Карины замелькали черные пятна, она пошатнулась и чуть не упала.

Сидх лежал у источника лицом вниз. Карина подошла к нему, задумчиво посмотрела на нож, валяющийся на траве рядом. Левая рука Шенвэля свесилась с края чаши в воду. Ведьма окликнула по сидха имени, но сидх не отозвался. Карина, кряхтя, стала переворачивать его. Тяжелая мокрая рука проехалась ей по лицу, и ведьма снова ощутила вкус крови. Кисть сидха находилась под странным углом к запястью. Карина опустилась на корточки рядом с ним, взяла Шенвэля за руку и увидела, что запястье перерублено почти наполовину. Сидх пытался отрезать себе кисть, но его нож был слишком маленьким, чтобы это удалось сделать одним ударом. Шенвэль потерял сознание от боли после того, как перерубил лучевую кость. «Зачем ему это понадобилось?», озадаченно подумала Карина, и тут увидела в центре ладони сидха еще одну рану, поменьше. Вокруг кисти Шенвэля заколыхались тонкие черные струйки. Они сплетались и густели на глазах. Ведьме потребовалось все ее мужество, чтобы не призвать метлу и не броситься прочь из долины. Тело волшебника, владеющего мертвой силой, являлось вратами в Подземный мир.

Которые приоткрывались в случае ранения, а в момент смерти мага распахивались настежь. И всех, кто имел несчастье оказаться рядом, засасывало в чертоги Ящера.

Мрак над ладонью сидха сгустился, превратившись в черную хрустальную иглу. Карина сообразила, что это Осколок Льда, который она проносила в своем теле без малого двенадцать лет. Артефакт торчал из раны дюйма на полтора. В глубине камня закрутились рваные судороги вспышек, и Осколок Льда погрузился в рану еще на полдюйма. Ведьма догадалась, что Чи Воды замедляла движение артефакта. Если бы сидх не успел опустить руку в источник перед тем, как потерял сознание, Осколок Льда уже целиком вошел бы в его тело.

По ладони Шенвэля потекла кровь. Он застонал и открыл глаза.

– Отруби мне руку, – искаженным от боли голосом сказал Шенвэль. – Если Осколок Льда дойдет до сердца, я умру.

– Но у меня нет меча, праща только, – сказала Карина растерянно. – Подожди, сейчас прилетят мои девочки…

– Улетай, – прохрипел сидх. – И ведьм своих отзови…

Карина поежилась.

– Но почему ты должен умереть?

– Осколок Льда должен был убить твоего возлюбленного-эльфа, если бы ты преодолела чары и не сделала этого сама, – ответил Шенвэль сквозь зубы. – Я думал, что успею остановить артефакт…

Глаза ведьмы сузились.

– Как удачно, – язвительно сказала она. – Это было бы пределом моих мечтаний. Одним остроухим кривлякой в этом мире станет меньше, слава Ящеру…

Шенвэль вскрикнул. Игла в его руке засияла мрачным светом. Ломаные зигзаги в камне закрутились еще быстрее.

– Я не люблю тебя, не люблю! – воскликнула ведьма яростно. – Я тебя ненавижу! О, хвост Ящера! Ненавижу! Ненавижу! Чтоб ты сдох!

Эльф изогнулся в беззвучном крике, уткнулся лицом в грудь Карины. Ведьма обхватила его за плечи. Раздался тихий всплеск, вода в источнике забурлила. Несколько мгновений холодное сияние еще пробивалось со дна чаши, а потом исчезло.

Карина помогла сидху подняться и отойти от источника. Но лечь на плащ ведьмы

Шенвэль отказался. Здоровой рукой он вытащил из своего мешка желто-коричневый плащ и устроился на нем.

– Светлана закатает тебя в гипс, когда прилетит, а пока надо наложить повязку, – сказала ведьма.

– Не надо, – сказал эльф спокойно. – Способности моей расы к регенерации намного превосходят человеческие.

Шенвэль подул себе на руку. Исчезли кровавые лоскуты и белые обломки кости, торчавшие из раны. Изуродованное запястье вновь покрылось кожей.

На которой даже шрама не было.

Глаза ведьмы округлились, но она промолчала. Шенвэль закрыл глаза.

– Тот Осколок Льда… Он все еще опасен? – тихо спросила Карина. В артефакте была запечатлена Чи Кертель, и ведьме наконец-то представлялась возможность побеседовать с духом наставницы и выяснить, за что она прокляла ученицу.

Эльф отрицательно покачал головой.

– Все действия, которые были заложены в проклятии, уже выполнены, – сказал Шенвэль. – Интересно было бы узнать, как этот Осколок Льда попал в твое тело.

– Тебе не кажется, что ты слишком любопытен для того, кто только что чудом избежал смерти? – усмехнулась ведьма.

Эльф пристально посмотрел на нее. Карина наморщила нос.

– Я помню только жертвенник в форме экенской восьмерки, – сказала она, тряхнув головой, и вернулась к источнику. Вода в чаше постепенно светлела, но все еще оставалась непрозрачной. Ведьма закатала рукав, опустила руку и некоторое время шарила по дну. Карина укололась об артефакт, когда начала думать, что его уже унесло из чаши течением. Она достала Осколок Льда, негромко произнесла заклинание.

Эльф приоткрыл глаза, ощутив дрожание Чи в воздухе. Плетеная квадратная корзина появилась на плаще ведьмы. Ведьма достала свою форменную куртку и воткнула Осколок Льда прямо под рубиновой брошью.

– Ты сделал свою работу, пришла пора расплатиться, – сказала Карина.

Она отколола самую нижнюю подвеску с бирюзой, и положила рядом с эльфом. За ней последовал сапфир, оправленный в серебро, и огромная фибула с кошачьим глазом. Горка украшений на плаще росла. Шенвэль почувствовал странные вибрации Чи, исходившие от них. Эльф прищурился.

…Окровавленные комки мышц в ряд висели на рукаве Карины. Вокруг них радостно жужжали мухи. Шенвэля передернуло, когда он понял – это сердца, вырванные из живых тел. С некоторых сердец еще капала черная кровь, другие сморщились и высохли, некоторые были с гнильцой. А некоторые, самые нижние, еще судорожно сокращались. Алые линии чужой Чи окутывали ведьму неровной сеткой.

Шенвэль встряхнул головой, отгоняя видение. Природа магии, пропитывающей украшения, осталась ему неясна, но одно было очевидно. Женские побрякушки на самом деле являлись мощными защитными талисманами.

– Вот, – сказала Карина, сняв последнюю, рубиновую заколку. – Теперь осталось только дождаться Светланы, и она отнесет тебя, куда захочешь.

Эльф закрыл глаза. Карина стала искать в корзине керамическую бутылочку с настоем укрепляющих трав. Боевые ведьмы ухаживали за волосами с особым тщанием – от их толщины и густоты в конечном итоге зависела жизнь воительниц. Ни один вид обычных шлемов в воздушном бою не мог обеспечить необходимую широту обзора. И вместо металлических шлемов небесные воительницы укладывали вокруг головы свои косы.

Шенвэль сел, начал перекладывать украшения в заплечный мешок и задел ведьму рукой. Карина выронила с большим трудом обнаруженную бутылочку, и она снова ушла на дно корзины. Шенвэль пытался просканировать ее ауру, увидеть ее внутреннюю суть. «Смотри, смотри», подумала Карина злорадно, даже не пытаясь противостоять, хотя такое сканирование далеко выходило за рамки приличий и было обыкновенным магическим

хамством. Никому еще не удавалось увидеть гештальт ведьмы. Раньше или позже любого, кто пытался заглянуть в душу Карины, начинало уносить вверх. На физическом плане это означало смерть, и продолжить путешествие никто не пытался. Каждый наоборот старался прервать восхождение.

Но не всем это удавалось.

Карине и в голову не пришло, что Шенвэль задел ее случайно. Шенвэль немного прихвастнул, демонстрируя свои способности к заживлению ран, и левая рука еще не вполне повиновалась ему. Не собирался эльф и сканировать ауру ведьмы – она сама раскрылась перед Шенвэлем.

Карина тоже увидела внутреннюю суть эльфа. Это оказалась стена, вся в резных завитушках и фигурках. Для эльфийского стиля барельеф был слишком прост и даже суров, но Карине это понравилось. Некоторые мотивы – геометрический орнамент, стиль изображения животных – были типично мандреченскими. Украшениями хотелось любоваться бесконечно, гладить, касаться лакированной поверхности. Ведьма так и поступила, и неожиданно почувствовала, что стена под ее рукой задрожала. Карина ахнула, увидев четкий прямоугольник, появившийся на стене от ее прикосновения. Это была дверь… Карина осторожно, ласково нажала снова, и дверь распахнулась. Ведьма оказалась в самой сердцевине души Шенвэля.

За дверью была тьма. Это были не те сумерки души, где почти у каждого живут странные твари, иногда отвратительные, иногда злобные. Это была темнота пустоты, безграничной, бескрайней, темнота смерти и одиночества. Карина сделала шаг вперед и поняла, что во тьме что-то есть. Что-то огромное, но неподвижное. Неживое. По небу этого странного места заструились разноцветные яркие ленты. Ведьма отшатнулась было, но в тот же миг поняла, что этот фейерверк холоден и безопасен, что в нем нет неугасимого магического огня. В отсветах холодного сияния Карина увидела высокую башню в форме огромной руки, сжимавшую в высоте тусклый шар. У подножия башни, опираясь на меч, стояла высокая фигура в черном балахоне. Гарда меча в форме ящерицы удобно охватывала руку. На клинке было выгравировано какое-то устрашающее насекомое, больше всего похожее на паука.

Карина сглотнула. Судя по общей картине, это могла быть только Смерть. В душах многих воинов жило Уничтожение, всегда в разных формах, но суть от этого не менялась. Карина знала по опыту, что если удавалось договориться с этой частью души, воин не мог поднять руку на ведьму даже тогда, когда от этого зависела его собственная жизнь.

– Здравствуй, – сказала Карина. Светлана объяснила ей, что главное, что нужно делать при встрече с любым духом – это выяснить его имя. – Как тебя зовут?

Фигура зашевелилась. Всполохи на небе стали гаснуть. Ведьма в первый момент подумала, что огромный шар, венчающий башню, и является источником разноцветных зигзагов на небе, но теперь поняла, что ошиблась. Башня-рука вообще и шар особенно были источником тьмы, покрывавшей душу эльфа. Сияние стало гаснуть, поглощенное странной башней, и Карина поняла, что пора возвращаться. Если бы она осталась в темноте одна, башня поглотила бы и ее. Ведьма обернулась, ища дверь, но там оказалась та же бескрайняя тьма.

И вот тут Карине стало страшно.

Шенвэль окунулся в медленные, сильные струи и увидел в глубине женское лицо. Шенвэль узнал его, и у эльфа захватило дыхание. Когда жрец Ящера рассказал Шенвэлю, какая женщина предназначена ему, эльф не поверил. Он не думал, что мужчина и женщина могут быть предназначены друг другу так же неотвратимо, как смерть предназначена каждому из живущих. Но увидев это лицо, Шенвэль прочувствовал правоту старого жреца всем своим существом. Шенвэль устремился вниз и вперед, к этому лику, который он искал всю жизнь, не зная, что именно его и ищет.

Шенвэля хлестнул ужас Карины. Эльф понял, что финтифлюшки маскировочного фасада расступились перед ведьмой, как сон, как туман. Что Карина уже там, куда сам

Шенвэль старался не заходить.

Шенвэль рванулся назад.

Карина беспомощно обернулась. Становилось все темнее. И тут фигура подняла меч. Ведьма попятилась, сжимая кулаки. Фигура не сделала ни единого шага. Карина заметила, что лезвие меча светится само по себе. Ведьма заколебалась. Что произойдет с ней во мраке, Карина предчувствовала настолько ярко, что даже думать об этом не хотелось. Но фигура внушала не меньший страх.

– Кто ты? – настойчиво повторила ведьма. – Как тебя зовут?

Фигура откинула капюшон свободной рукой. Но Карина не успела увидеть ее лицо. Что-то засветилось за спиной ведьмы, и упавшая от ног Карины огромная тень скрыла фигуру. Ведьма обернулась, увидела в пылающем магическим огнем прямоугольнике чашу источника, и, не размышляя больше ни о чем, шагнула вперед.

А в следующий миг она снова очутилась в реальности мира, рядом с эльфом. Шенвэль смотрел на нее так, словно она у него на глазах спустилась с небес, легко ступая по радуге. Карине показалось, что перед ней нет барьеров; на самом деле эльф опутал себя трехслойным коконом хитро преобразованной Чи, чтобы скрыть истинный уровень своего магического дара. И расплетать его в ближайшее время не собирался. Никто и никогда не мог так запросто проникнуть в самую глубину души эльфа.

Несколько мгновений они молча смотрели друг другу в глаза. Карину охватило желание, яростное и хищное, как ночной цветок далеких стран, который, по поверью, питается неосторожно присевшими на ароматную чашу мухами. Она знала, что это закономерное следствие только что пережитого ужаса, но ничего не могла с собой поделать.

– Что же было правдой? – тихо спросила Карина. – Те узоры на стене или… или…

Шенвэль пожал плечами.

– Прекрасная лодка на поверхности моря и огромный змей на его дне – что из этого правда?

– Правда только море, – пробормотала ведьма.

Шенвэль наклонился к ее лицу. Одна из его косичек упала на щеку ведьме. Теперь она не видела ничего, кроме его блестящих глаз, синих, как небо, и холодных, как вечные льды Фейре.

– Вот видишь, – сказал он. – Ты сама все понимаешь…

Эльф был удивителен. Шенвэль прикасался к ней бережно, но в тоже время уверенно, словно прислушивался к звучанию незнакомого инструмента, перед тем как настраивать его. Карина ощутила его прохладный скользкий язык, и тут эльф, наконец, дотянулся здоровой рукой до того места, до которого хотел. Карина всхлипнула, тело ее выполнило сложное змеиное движение. Шенвэль настроил ее быстрее, чем она ожидала сама, и даже быстрее, чем обычно.

Шенвэль тихо вскрикнул.

– Хвост Ящера… – сказала Карина полным мечтательности тоном. – Какой тут у нас змей на дне моря…

– Какое же это…. море, – отвечал эльф, не открывая глаз. – Это же устье, и даже не Нудая, а Куны…

Шенвэль крепко сжал талию Карины, лишив ее возможности двигаться.

– Змей оказался драконом, – задыхаясь, сказал он. – Если его не перестанут душить, из пасти вырвется пламя…

– Оно погаснет в воде, – прошептала Карина, прижимаясь к эльфу. Ведьма ощутила тяжесть его тела. Шенвэль сквозь прищуренные веки опять увидел то самое лицо, ослепительное и прекрасное. То, на которое был обречен. Он устремился вперед и вниз.

Эльф нашел несколько новых, неожиданных созвучий. В симфонии, которую они исполнили, странным образом яростная, дикая страсть переплелась с необыкновенно нежной грустью, которая оказалась ведущей темой, и в момент репризы пронзила Карину до мозга костей.

Валет с Крюком расседлали и стреножили лошадей, пустив их пастись рядом с биваком. Гёса же так увлекся, рассматривая ученика мага, что даже не заметил появления самого Тенквисса. Бесцветное, блеклое лицо Тана не могло принадлежать ни поланину, ни сюрку, ни мандречену. Больше всего ученик мага напоминал туго набитый мешок картошки. Деревянные, неуклюжие движения ученика мага наводили на мысль о том, что перед ними голем. В движениях Заша, второго ученика мага, который пошел сообщить хозяину о появлении гостей, наоборот было что-то змеиное. Тан, очевидно, был первым опытом мага, а Заш получился уже удачнее.

Крюк толкнул Гёсу локтем в бок. Трое экен сдержанно кивнули магу. Тенквисс бесцеремонно разглядывал их.

– Я вижу, у вас по одному мечу, – сказал маг вместо приветствия. – Купель Вахтанга?

– Да, – сказал Гёса. – Лайтонд забрал из Гнезда почти всех своих птенцов, и там мало кто танцует теперь.

– Мне хотелось бы увидеть ваш танец, – сказал Тенквисс.

Гёса совершенно по-волчьи оскалился. Заш увидел, что у экена белые, словно сахарные, зубы.

– Для этого мы и здесь, – сказал Гёса. – Только вам придется вернуться на ту площадку, откуда вы спустились. Если, конечно, после нашего танца вы намерены увидеть что-нибудь еще.

– Тебе известно, я думаю, как обозначается место посадки боевых ведьм? – спросил Тенквисс.

– Малых крыльев? – уточнил Гёса. Маг кивнул. – Конечно, да. Руной сидхов «жизнь» без средней палочки. Размахом сажень на полторы.

Обычно на месте посадки выкладывали специально предназначенные полосы яркой материи, но Гёса уже понял, чего хочет Тенквисс.

– Нет, – так же нехорошо улыбаясь, как только что экен, сказал маг. – Эльфийской руной «смерть» без средней палочки. Размахом сажень на полторы.

Экены переглянулись и начали медленно расходиться в стороны. Маг схватил Заша за руку и потащил за собой. Тан бросил ложку, которой пробовал варево, обратно в котел, и устремился за ними. Когда маг с учениками взобрались на площадку, танец был уже в самом разгаре. Экены крутились, словно волчки, размахивая мечами. Потрясенный Заш смотрел, как пространство между Танцорами Смерти наполняется знакомой тьмой.

– Что они делают? – спросил ученик мага.

Три полосы уже пролегли поверх травы, расходясь в форме руны «тотен».

– Приводят Подземный мир в этот, – ответил Тенквисс.

Вдруг маг побледнел и качнулся. Заш подхватил его.

– Что случилось? – спросил он испуганно. – Наш мир зовет тебя?

Тенквисс отрицательно покачал головой. Экены уже закончили свой танец и шли к костру, обходя черные, будто выжженные на земле толстые линии.

– Идите, – сказал маг. – Накормите гостей, Танец отнимает много сил. Я пока побуду здесь.

Тан сразу начал спускаться, а Заш еще раз тревожно обернулся на Тенквисса, но тот только махнул рукой. Когда Заш подошел к костру, наемники уже уминали мясо, тушеное с картошкой. Удивительные корнеплоды появились в меню людей совсем недавно с легкой руки сидхов. Когда прошло первое недоверие, с которым люди всегда встречали эльфийские новинки, картофель во всех видах стал одним из самых популярных блюд. Сидхи, конечно, утверждали, что вывели новое растение в своих магических лабораториях. Но ходили слухи, что картофель, как и табак, сидхи привезли с нового материка, на который не так давно наткнулись в морских странствиях. Людям, к сожалению, ни разу не удалось достичь таинственных берегов нового континента. Но вряд ли разговоры о нем были пустыми сплетнями. Вытесненные людьми на самые северные, бесплодные земли Старого Света,

сидхи не намеревались повторять собственных ошибок и скорее всего решили придержать новые земли для себя, преградив путь к новому материку мощным магическим экраном.

Гёса поскреб ложкой по дну миски, глянул на скалу, где на площадке виднелась фигура Тенквисса. Маг завернулся в плащ и стоял совершенно неподвижно.

– Он явно кого-то ждет, – заметил Крюк.

– Ведьм, наверное, – предположил Гёса. Валет не стал вступать в спор, а растянулся на травке, заложил руки за голову и закрыл глаза. С его стороны это была похвальная предусмотрительность – экены проделали долгий путь, а сегодняшний ночью им вряд ли удалось бы поспать.

– Вряд ли, – возразил Крюк и тоже лег на траву. – Он увидит их только у себя над головой, а отсюда увидел бы сразу, едва они покажутся из-за хребта.

Гёса вопросительно посмотрел на Заша.

– Господин Тенквисс ждет сидха, – сказал ученик мага, тоже озабоченно посмотрев наверх.

Заш не был уверен в своих словах. Он успел почувствовать, что с Тенквиссом происходит что-то странное.

Маг смотрел на запрокинутые лица и понимал, что разговор идет о нем. Но боль, накатившаяся на него, была такой невыносимой, что он не смог бы ее скрыть в присутствии экен и учеников. Только раз в жизни до этого Тенквиссу приходилось испытывать похожие ощущения. Тогда он полз по подземному коридору, который все сужался, и когда маг понял, что больше не может двигаться вперед и здесь и погибнет, потому что развернуться Тенквисс тоже не мог, он увидел свет и рванулся, обдирая кожу. Маг знал, что с ним происходит.

Волшебный щит, делавший Тенквисса неуязвимым, стремительно разрушался, и причина этого могла быть только одна.

«Как хорошо, что мне здесь осталась только одна ночь», подумал маг, стискивая зубы. – «Но ведь Карина не может полюбить никого, кроме меня! Никого! Не может! Что же происходит?»

Шенвэль проснулся, когда уже солнце ушло из долины. «Тенквисс уже думает, что я сбежал», мелькнуло у эльфа. Если бы не плащ, которым заботливо укрыла его ведьма, холод разбудил бы Шенвэля намного раньше. Он сел и огляделся. На поляне царил тот беспорядок, который умеют устраивать только женщины при встрече и разбитая наголову армия при паническом бегстве. Ведьмы крыла «Змей» сидели большим кругом и заплетали друг другу косы. Рыжие, черные и светлые пряди так и мелькали в умелых руках. На траве лежали раскрытые баночки с воском, ларчики с заколками и шпильками, которыми ведьмы укрепляли прическу. После трех оборотов коса заканчивалась на макушке, а в оставшийся хвостик вплетались разноцветные нити. Карина сидела в центре круга. К ее боку привалилась рыжая ведьма, томно жевавшая травинку. Она показалась эльфу смутно знакомой. Шенвэль подумал, что это должна быть целительница крыла. У ведьмы были большие зеленые глаза. Острый подбородок и тонкие черты лица придавали ей сходство с лукавой лисичкой. Впечатление усиливалось коричневым платьем с рыжим отливом – в отличие от остальных ведьм, она еще не переоделась в форму. Браслет в виде змея, кусающего собственный хвост, красовался на левом предплечье. Очевидно, украшение было одето с целью скрыть уродливый шрам, но Шенвэль его заметил. Ведьма засмеялась, и эльф увидел, что у нее ровные, без клыков зубы. Он узнал ее.

Хотя во время войны маг потерял счет убитым им людям, эти рыжие кудри, всплеск живого пламени, запали ему в душу.

Судя по движениям губ Карины, старшая крыла пела.

Шенвэль заметил вокруг себя молочно-серебристый кокон и сообразил, почему он не слышал прибытия ведьм. Обычная предосторожность, чтобы чужак не проник в их дела – ведьмы на поляне не видели его, а эльф хотя и видел, но не мог слышать. Эльф сделал

сложный жест. Он не хотел разрушать кокон совсем, но хотел послушать пение ведьмы. Карина как раз дошла до второго куплета:

– Как бывает то, беда грянула средь бала.
Из-за гор Горыныч Змей залетел к нам долы
Мне бы поверить колдунам, ведьмам не перечить
Разве стала я тогда жизнь свою калечить…

Дружные голоса подхватили припев:

– Ах, жизнь была кипучая, ах жизнь была горячая!
Слетались мы по праздникам во царство тридесятое
Не пахнет где ни ладаном, ни духом человеческим
Слетались, бесновались мы – элита местной нечисти.

Шенвэль увидел над ведьмами пустые метлы, кружащиеся в неспешном хороводе, и на миг забыл обо всем. Шенвэль знал, что метлы являются полуживыми существами, но в любом случае он был первым эльфом, который видел это чудо, триумф биомагии и инженерного гения, так близко, и имел шансы остаться после этого в живых. Сразу стало ясно, что с обычной метлой метлы боевых ведьм имеют ровно столько же общего, сколько пасть живого льва с ароматным львиным зевом. Эльф пересчитал метлы – их оказалось одиннадцать. Существовали две разновидности боевых крыльев, полные – в тринадцать метел и малые, в одиннадцать, но Шенвэль уже видел по отсутствию бомбовых корзин, что это метлы малого крыла. Полные крылья использовались для нанесения бомбовых ударов по крепостям. Малые же крылья активно участвовали в штурмах, первыми высаживаясь на стены, доставляли депеши, занимались разведкой с воздуха и сопровождали обозы. После войны полные крылья практически исчезли, а малые переквалифицировались на охрану князей и прочие частные заказы.

На верхнем конце подвижной оси находилась круглая свинцовая нашлепка. Шенвэлю было известно, что за свинцом спрятан кусок черного горного хрусталя. Магия кристалла преодолевала силу земного тяготения. Чуть ниже находились рога управления – две поперечные рукоятки, обтянутые кожей. Между рогами располагались компас, высотомер и рычаг управления рулем. Примерно посередине оси крепилось сиденье с высокой спинкой. Во время полета ведьмы пристегивались к метле. Сейчас лямки свободно свисали, чуть покачиваясь, когда метлы разворачивались в воздухе. Заканчивал ось руль из узких стальных планок, соединенных между собой тонкими цепочками. В вертикальном положении руль как раз и придавал аппарату сходство с метлой, а в горизонтальном был практически незаметен. На одной из метел была бомбовая корзина, и Шенвэль понял, что это и есть метла Карины, старшей крыла. Все остальные метлы из вооружения несли только личный меч наездницы, который крепился на внешней стороне спинки сиденья, чтобы не нарушать баланс. На одной метле сидений было два, и Шенвэль понял, что и целительница уже точно прибыла. Следовало поторапливаться.

Карина как раз закончила петь. Черноволосая ведьма с хищным эженским носом, украсившая свою шлем-косу алыми нитями, сказала старшей крыла:

– Они уже на месте. Большое тебе спасибо, что ты их сосватала на этот заказ тоже. Денежки хоть и небольшие, но никогда не лишние.

Карина кивнула.

– Всегда пожалуйста, Зарина.

– Кстати, может, ты расскажешь нам об этом заказе? – спросила рыжая ведьма.

– Да что тут рассказывать, Светик, – отвечала Карина. – Один мой старый знакомый маг решил наведаться в сокровищницу дракона.

Шенвэль вздрогнул.

– От нас требуется прикрыть их с воздуха и эвакуировать из замка, когда они набьют тюки монетками и драгоценностями, – продолжала Карина. – Только и всего.

Несколько мгновений эльф сидел, оглушенный. Разговор ведьм свернул на то, кто как провел зиму. Многие крылья проводили нерабочий сезон в Горной Школе в полном составе. Из крыла «Змей» там зимовало только одно звено – тройка Дарины. Шенвэль узнал, что звено самой молодой ведьмы вошло в состав крыла уже после войны, когда трое ветеранш погибли в Лихом лесу от рук партизан. У остальных ведьм на зиму уже были найдены теплые, уютные норки. Целительница крыла, Светлана, жила у Ивана, князя Черногории, хозяина Рабина. Звено Марины пронежилось зиму в покое и комфорте замка ее любящего отца – герцога Кулы Бронилада. У Карины была ведьминская избушка около родной станицы. Старшая крыла «Змей» коротала зиму, исцеляя прихворнувших односельчан и отводя от Пламенной метели и вьюги. Карину также часто приглашали в замок Владислава, барона Ревена. Его супругу Розалию мучили сильные мигрени, которые ведьма по старинке снимала сонными чарами. Звено Зарины воевало вместе со своими любовниками в Сюркистане, на самой восточной границе обжитого мира. Там происходило что-то странное – из Мертвой Пустыни стали появляться отряды монстров, уничтожавшие пограничные поселки.

Карина увидела, что кокон, которым она опутала Шенвэля, начал переливаться всеми цветами радуги, и отошла от подруг. Кокон с громким треском лопнул. Ведьма улыбнулась эльфу.

– Долго же ты спал, – сказала она. – Как твоя встреча, ты еще не опоздал?

Шенвэль почувствовал на себе одобрительные взгляды ведьм. Представители Старшей Расы всегда одевались элегантно, что князья, что случайно встреченные в горах подмастерья столяров. Безрукавка эльфа из коричневой замши на боковых шнуровках была расшита золотыми кленовыми листьями. Такие же листья, только коричневые, украшали рукава рубахи из желтого шелка. Плетеный из тонких ремешков и золотых нитей кожаный пояс сам по себе был произведением искусства.

– Если ты выполнишь свое обещание и твоя целительница доставит меня, то я еще успею, – сказал Шенвэль.

– Светлана сейчас переоденется, отловит свою метлу и отвезет тебя, – сказала Карина. – Чем больше груз, тем сложнее оторваться от земли. Пойдем к завалу.

Когда они поднялись на гряду, Карина сказала:

– Благодарю тебя за все, и прощай.

Эльф посмотрел на нее и усмехнулся.

– Мир тесен, может, еще встретимся, – сказал он. – Смотри, не используй свою свободу по-глупому. Ты ведь теперь уязвима.

Карина покачала головой.

– Нет, Шенвэль. Единственный мужчина, которого я любила по-настоящему, мертв. Я недавно встретила одного своего старого любовника, единственная радость, что у нас теперь хоть с ним все пойдет по-человечески…

– Я тебя понимаю, – ответил эльф. – Смотри. Я ведь тоже так думал…

Он вдруг резко наклонился к ней, взял за руку.

– Пойдем в замок, вдвоем, прямо сейчас, – сказал Шенвэль. Карина вздрогнула, потому что глаза у него были совершенно безумные. – Ты поможешь мне. И тогда я оставлю Тенквисса в живых, и, возможно, у вас с ним действительно все пойдет по-другому.

Ведьму ударили холод и пустота, мертвая пустота из красиво украшенной двери. Карина облизала пересохшие губы.

– Это шантаж? – спросила она.

– Это деловое предложение, – сказал Шенвэль.

– Извини, Шенвэль, – медленно произнесла Карина. – Но я уже взяла аванс.

Эльф отпустил ведьму.

– Понятно, – спокойно сказал он и пристально посмотрел ей в глаза. Шенвэль не мог

стереть мысли Карины, но спрятать их туда, где знание ведьмы не будет ему угрожать, эльф мог. – Не рассказывай Тенквиссу, что переспала с незнакомым эльфом. Что проклятия на тебе больше нет. Вообще забудь обо всем, о чем мы сейчас говорили. Хотя бы до полуночи…

И Карина забыла.

Светлана заложила лихой вираж и затормозила рядом с ведьмой и эльфом.

– Прошу! – сказала она весело. – Карета подана!

Шенвэль замешкался на миг. Все-таки это был его первый полет. Светлана спросила:

– Ты хорошо держишься в седле?

Эльф кивнул.

– Тогда все должно получиться, – ободряюще сказала ведьма. – Не смотри вниз, и что бы ни случилось, не делай резких движений. Самое страшное в полете – это потерять равновесие.

Она бросила взгляд на плащ Шенвэля, скрепленный крупной фибулой в форме кленового листа, вздохнула и спросила:

– Тергаль?

Это было название плотной, переливчатой ткани. Секретом ее производства владели только эльфы. Шла она не на метраж, а по весу, и по цене приближалась к стоимости золота.

Шенвэль кивнул и полез на метлу.

– Пристегнись, – сказала Светлана. – Я всегда взлетаю резко.

Карина помахала им рукой, и метла взмыла в темнеющее небо. Шенвэль вцепился в ручку на спинке сиденья перед собой. Под ногами Шенвэля замелькали изломанные кряжи, покрытые лесом. Он понял, что не может разжать руки, которыми сжимал гладкую скобу.

– Куда тебе надо? – спросила ведьма.

– Высади меня неподалеку от обзорной площадки, что над Рабином, – ответил Шенвэль.

Перед собой эльф видел плечо ведьмы, на котором красовались три аккуратные платиновые броши с алмазами, а за ним – солнце, запутавшееся в зеленом гребне Круки.

– Какие красивые у тебя украшения, – сказал эльф. – И дорогие. Что за странное Чи в них?

Светлана рассмеялась.

– Это одна из наших традиций, – сказала она. – Каждая из этих побрякушек – это признание в любви, искренней и бесконечной, сделанное в момент наивысшего накала романа. То есть где-то за день перед тем, как я рассталась со щедрым дарителем.

Ведьмы не были оригинальны. Ежи, эльфийские лучники-снайперы, нашивали себе на лацканы плащей серебряные звездочки за каждый десяток убитых. Пехотинцы армии Мандры вдевали в уши бронзовые кольца по числу удачных штурмов.

– И все ведьмы твоего крыла любят эту игру? – спросил Шенвэль.

– О, и еще как любят! – ответила Светлана. – Но начала ее Карина. Видишь ли, каждая из нас в юности была оскорблена мужчиной. Или даже мужчинами, как, например, я. Человек, которого я любила больше жизни, отдал меня троим вонючим пьяным ублюдкам. Я долго мечтала встретить его, чтобы вынуть сердце. Своими руками. Но только Карина объяснила мне, как я была глупа. Мертвые не страдают.

– Мне почему-то кажется, – сказал эльф. – Что теперь эта ваша традиция отомрет сама собой.

Ведьма засмеялась.

– Не льсти себе, – сказала она. – Я слышала, что вы, сидхи, непревзойденные мастера траха, но есть вещи поважнее этого. Боевое братство, например.

Она спикировала так резко, что у Шенвэля помутилось в глазах.

– Прибыли, – сказала Светлана, приземляясь на дорогу. – Отсюда до обзорной площадки два раза упасть.

Эльфу понадобилась вся его сила воли, чтобы отпустить скобу, за которую он

держался.

– Но есть кое-что еще и кроме боевого братства, – сказал Шенвэль, спустившись на землю. Светлана искоса посмотрела на него. – Ты все еще наслаждаешься компанией своей левой руки потому, что ваши полевые хирурги в своем мастерстве далеко превосходят наших магов. Но жива ты до сих пор только потому, что успела улыбнуться за миг до того, как я ударил тебя. Я увидел, что в тебе немало нашей крови, крови эльфов.

Глаза ведьмы расширились.

– Так что впредь постарайся быть не столь категоричной в суждениях, – сказал Шенвэль. – Многие решения принимаются – или изменяются – по самым непредсказуемым причинам.

К Светлане вернулось ее самообладание. Она сильно толкнулась ногой и резко взлетела, обдав эльфа облачком каменистой пыли.

С обрыва посыпались камешки.

Тенквисс резко обернулся, поднимая руки для заклинания. Шенвэль еще утром заметил, что на правой руке мага не хватает указательного пальца, а от мизинца осталась лишь последняя фаланга. Эльф думал, что Тенквисс уже не может колдовать. Вместе с потерей любой из частей тела маг лишался возможности призвать Чи. Но Тенквисс оказался очень сильным магом. Немногие люди смогли бы повторить этот жест, даже при полном комплекте пальцев. Тенквисс пользовался Чи Огня. Хотя эльф не мог почувствовать вибраций энергии, антагонистичной его собственной, Шенвэль ни на миг не усомнился, что Тенквисс действительно преобразовал Чи и готов ударить его.

Эльф вскинул руку в ответном жесте. В воздухе между магами сверкнули алые и синие искры.

– Я уже подумал, что ты не придешь, – неприятным голосом сказал Тенквисс, опуская руку.

– Но я здесь и готов выслушать тебя, – ответил Шенвэль надменно. – Что за дело ты хочешь предложить мне?

– Я хочу предложить тебе небольшую прогулку, – сказал Тенквисс вкрадчиво.

Шенвэль коротко взглянул на замок.

– Ты хочешь прогуляться со мной в сокровищницу дракона?

Тенквисс терпеливо кивнул.

– Все, что сможешь унести – твое. Поужинаем и выдвигаемся, когда стемнеет.

Эльф покачал головой.

– Мне не хватит этого, чтобы вернуть долг, – сказал он. – Тогда, чтобы увезти все, мне понадобилась лошадь.

Маг вытащил из кармана полоску пергамента с зеленой печатью, взглянул на подобравшегося Шенвэля. Эльф уже видел, что это не копия, а тот самый злосчастный аккредитив.

– Возьми, – сказал Тенквисс. – Я не работорговец.

Шенвэль принял пергамент, чуть подбросил на ладони. Аккредитив исчез в короткой вспышке.

– Ты не боишься, – сказал он, пристально глядя на мага. – Что я сейчас уйду? И сдам вас всех князю Ивану?

Тенквисс, тоже не отводя глаз, медленно покачал головой.

– И ты прав, – со вздохом сказал Шенвэль. На лице мага расползлась безобразная улыбка.

– Раньше дети Старшей Расы не были столь алчны, – заметил он. – Но война развращает всех. Впрочем, я этому рад.

Эльф не пожелал углубляться в эту тему.

– Ты знаешь о проклятии Черного Кровопийцы? – спросил Шенвэль. – Том, которое сгубило мятежников во время последнего нападения на замок?

– Да. В замок могут попасть только противоположные начала, если они объединятся, – ответил маг. – Люди и эльфы, например. Но все нападавшие погибли, потому что забыли о еще одной полярности.

– Среди них были только мужчины, – кивнул эльф. – Однако я и сейчас не вижу здесь женщин.

– Я нанял крыло боевых ведьм, – сказал Тенквисс. – Крыло «Змей», они одни из лучших. В прошлом году, когда в Куле разыгрывался тендер на охрану императора, «Змей» взял второе место.

– Я видел их, – сказал Шенвэль. – Князь Иван приглашает их каждый год на свои именины. Как ты собираешься проникнуть в замок? Ведьмы могут высадиться на ту башню, у которой нет крыши. Но они не могут брать с собой пассажиров.

– Могут, – сказал Тенквисс. Эльф вопросительно поднял бровь. – Не на метлу, а на свой плащ, который крепится к четырем метлам.

– Никогда не слышал о таком, – заметил Шенвэль. – Допустим, что это правда. Но ведь нас заметят в небе, даже ночью – смотритель погоды с эльфийской стороны дежурит круглые сутки. А замок, как тебе должно быть известно, стоит на земле Ивана и номинально считается его собственностью. Князь слишком осторожен, чтобы пытаться прибрать к рукам денежки дракона, но и не позволит этого сделать никому другому.

– Поэтому мы пойдем через Хельмутов грот, – сказал Тенквисс. – А потом ведьмы заберут нас со внутреннего двора замка.

Шенвэль посмотрел вниз, на выжженную руну смерти, на тройку экен, которые резалась в карты у костра. Лицо его изменилось. Фейре и Экна вышли из состояния войны уже десять лет назад, но отношения между соседями оставались напряженными.

– Ну что же, твой план кажется мне вполне осуществимым и разумным, – сказал эльф. – А это что за люди?

– Это Танцоры Смерти, – сказал Тенквисс. – Я нанял их. На всякий случай.

– Я смотрю, ты серьезно подходишь к делу, – усмехнулся Шенвэль. – Извини за любопытство. Танцоры Смерти всегда берут вперед. Да и ведьмы обычно требуют аванс. Ты уже сейчас потратил больше денег, чем сможешь унести. Со мной все ясно, но что тебе там надо?

– Клыки, шкура с трупа, – ответил маг. – Они необходимы в приготовление многих эликсиров, а добыть эти составляющие не так уж легко.

Шенвэль оценивающе посмотрел на Тенквисса. Магические декокты, в которых требовалась плоть мертвого дракона, использовались только некромантами.

– Не боишься, что тебя из Круга Волшебников Мандры выпрут? – спросил Шенвэль.

– Последние двенадцать лет меня эта перспектива ничуть не страшит, – усмехнулся маг.

Эльф увидел, что экены побросали карты, вскочили на ноги и стали приветственно махать руками. А в следующий миг Шенвэль услышал характерный свист и шелест.

Ведьмы зависли перед ними. Они держались в воздухе тремя тройками, одна над другой, старшая крыла и целительница ближе всех к земле.

– Приветствую тебя, маг! – воскликнула Карина. Она скользнула взглядом по эльфу, но как будто не узнала его.

– Приветствую вас, свободные воительницы, – отвечал Тенквисс.

Ведьмы разом провалились в воздухе, да так резко, что у Шенвэля екнуло сердце. Он глянул вниз. Все одиннадцать ведьм одновременно приземлились на знак, приготовленный для них Танцорами Смерти. Эльф знал, что синхронная посадка – один из самых сложных маневров. Ведьмы крыла «Змей» по праву считались мастерами высшего пилотажа. Черные линии скрылись под метлами. Боевые ведьмы образовали собой руну «тир».

– Смерть и удача, – сказал Шенвэль задумчиво. – Они всегда идут рука об руку, ты не находишь?

Тенквисс усмехнулся.

– Вы, эльфы, мастера находить аллюзии там, где их нет, – сказал маг. – Просто такое построение наиболее удобно с точки зрения тактики.

Шенвэль промолчал, и они стали спускаться вниз.

Когда они подошли к костру, Тан уже накладывал ведьмам картошку с мясом. Шенвэль обратил внимание, что геометрический узор, стандартный для утвари мандречен, встречается на мисках ведьм ничуть не реже растительных мотивов, торговой марки эльфийских мастеров. Сам Шенвэль еще вчера вырезал по краю деревянной заготовки точно такие же. Однако на этот раз эльф не стал искать аллюзий там, где их заведомо не было, а достал из мешка миску и подошел к Тану за своей порцией. Хвостики кос ведьм придавали ужину очарование шабаша. Мирные, домашние миски ведьм на этом фоне смотрелись жутким диссонансом. Наемники вернулись к игре. Экены косились на эльфа, но пока молчали. Шенвэль же с интересом присматривался к их аурам. Наемники были не только любовниками ведьм. В нарушение Запрета Лайто, все трое оказались Синергистами. Молчаливый Валет соединил свои каналы Чи с белокурой ведьмой, своим богатырским сложением напоминавшую валькирию из боремских сказаний, которую звали Ундина. Крюк связал свою жизнь и смерть с Сабриной, пепельно-русой изящной ведьмочкой, черты лица которой выдавали поланку. Гёса разделил свою жизнь со звеньевой – экенкой Зариной.

– Интересно, есть ли в сокровищнице дракона изумруды, – мечтательно сказала Зарина, облизывая ложку. – Мне они так нравятся…

Гёса усмехнулся.

– Я думал, ты любишь красные камни, – сказал он. – Захожу с пик…

Крюк шлепнул поверх своей картой и забрал взятку.

– Мне вообще нравятся драгоценности, – решительно сказала экенка.

Наемники закончили партию как раз тогда, когда солнце село. Они поднялись и отправились на берег Росного, пересекавшего противоположный край террасы. Там они опустились на колени, и до слуха эльфа донеслось монотонное пение. Шенвэль ожидал, что Зарина последует за Гёсой, и то, что экен не стал ее даже уговаривать, просто потрясло эльфа.

– Прости за любопытство, – сказал Шенвэль. – Ты не пошла вместе с Гёсой на намаз. Почему?

Зарина бросила на эльфа короткий взгляд.

– Последний раз я молилась тогда, когда твои соплеменники подожгли мой аул, а моя мать усадила нас с братом на коня и от души стегнула животинку, – сказала экенка. – О, как я молилась! Но Баррах не услышал. Зачем мне бог, который всегда смотрит в другую сторону?

– Но ты же здесь, – заметил Шенвэль.

– Я просила Барраха спасти маму, – ответила экенка.

На это Шенвэль не нашелся, что ответить, а Зарина сказала:

– Ответь и ты на мой вопрос. Все знают, что вы, сидхи, просто бредите Жезлом Власти. И говорят, что эта палка все еще валяется где-то в замке. Если ты наткнешься на Эрустим… случайно…. Ты возьмешь его?

Шенвэль ощутил на себе тяжелый взгляд мага.

– Я об этом как-то не задумывался, – сказал Шенвэль. – Ведь продать Эрустим невозможно.

Зарина одобрительно хмыкнула. Тенквисс отвернулся, подал Карине кружку с чаем.

– Наш человек, – сказала Зарина.

– Я не человек, – сказал эльф холодно.

– Нашел, чем гордиться, – презрительно сказал Крюк.

Шенвэль промолчал.

Карина осушила кружку и поставила ее на землю. Затем поднялась на ноги. Тенквисс тоже встал, и они, непринужденно обнявшись, направились прочь от костра.

– Мы сейчас уйдем, – сказал маг. – Вы поднимайтесь в небо, как только стемнеет. Над

замком вы должны быть не позже десяти – примерно в это время мы тоже доберемся туда.

– Хорошо, будем, – сказала ведьма. – Но нас могут заметить.

– Придется рискнуть. Вас тут знают, и сначала могут подумать, что у вас какие-нибудь ночные маневры. Когда все будет кончено, я зажгу ров, – продолжал Тенквисс. – Это будет сигналом, что нас пора забрать. Я думаю, это произойдет не раньше полуночи.

Карина чуть поморщилась, неохотно кивнула. Затем крепко обняла мага и сказала:

– Прости меня, Тенквисс. С этой ночи у нас все с тобой пойдет по-другому, обещаю.

В глазах Тенквисса мелькнула короткая вспышка.

– О да, – сказал он. – Все, все будет иначе.

Ульрик озадаченно крякнул. Елене казалось, что если Ульрик засмеется, или скажет: «Сама недосмотрела, сама и разбирайся. И сюда не ходи больше», то она тут же умрет.

Они встретились на своем любимом месте – у Водопада Надежды. Подземный ручей был насыщен известью. Там, где вода обрушивалась со скалы, известь понемногу осаждалась. За многие века ручей создал себе изящное ложе из блестящего и прочного камня. Ульрику эти прихотливые каменные кружева напоминали эльфийские замки. Елене они казались похожими на волшебное дерево. Один из королей эльфов сделал так, что источник всегда светился ровным, серебристым светом.

Ульрик пришел на встречу с возлюбленной через Хельмутов грот, одному ему известной дорогой. Широкие, чистые коридоры, в которых учителя показывали маленьким эльфам процесс образования сталактитов, остались пятьюдесятью саженями выше. Елене хватило смелости проделать путь через заброшенную штольню и несколько верст пустынных темных коридоров, где стены были усеяны мелкими каплями, словно плакали от сочувствия к ее судьбе, пройти в местах, куда не всякий шахтер рискнул бы сунуться. Но сейчас княжне было страшно.

– Я думаю… – начал Ульрик, но тут по сталагмитам скользнул свет. Три крупных магических шара один за другим появились в противоположном конце зала, в оранжевых отсветах мелькнули фигуры людей.

Эльф вскочил, протолкнул Елену в нишу под водопадом. Там начиналась естественная лестница. С другой стороны от источника находилась высокая галерея. Ульрик знал, что проход через пятьдесят саженей сворачивает вниз, а боковых ответвлений от него нет. По узкому коридору за водопадом, куда они сейчас забились, можно было добраться до поперечного горизонта, а оттуда – в сам Хельмутов грот. Но протискиваться вглубь эльф не стал. Он увидел, что один из магических шаров повернулся в их направлении. За шумом воды человек не услышал бы их шагов, но любой эльф уловил бы колебания Чи при движении. Ульрик замер, прижимая к себе возлюбленную единственной рукой. Елена не раз говорила Ульрику, в шутку, чтобы он сделал пятачок земли перед источником сухим и вечно теплым. Сейчас эльф очень сожалел, что не последовал совету подруги, когда еще мог. Вместо этого Ульрик приволок железную скорлупку непонятного происхождения, которые в избытке валялись поблизости. В скорлупке остались их вещи.

– Никого нет… А чего это вода светится? – спросил Гёса.

– В этом зале во времена нашего правления было подземное убежище. Жители Рабина скрывались тут от нападения сюрков, пока воины бились наверху, – сказал Шенвэль, пристально рассматривая истчоник. – Водопад сделали светящимся, чтобы скрасить часы ожидания во тьме.

Гёса наклонился. В уютной скорлупке, похожей на перевернутый щит пехотинца, лежал теплый плащ и яркая шелковая лента.

– Однако, – сказал экен. – И не холодно им.

Наемник поднял ленту.

– Если считать с той, что развевалась на кустах у входа, это уже двадцать пятая, – сказал Гёса. – В Рабине что, потрахаться больше негде?

– Да, это единственное место, где эльфы могут потрахаться с людьми, – сказал

Шенвэль и посветил на источник. Ульрику на миг показалось, что подмастерье смотрит прямо ему в глаза. Елена испуганно сжалась. Экен присел на корточки, задумчиво качнул скорлупку, затем перевернул ее. Таких щитов не носили воины ни одной из существующих армий. Железный лист оказался цельным и очень тонким. Он имел форму капли и с выпуклой стороны был полностью черным.

Эльф отвел шар и двинулся в соседнюю галерею. Гёса колупнул пальцем черную, гладкую поверхность. Это была не краска. В этот момент раздался грохот. Экен вскочил, вытаскивая меч.

– Здесь такая же штуковина, – сказал Шенвэль.

Гёса последовал за ним, и голоса их теперь слышались немного приглушеннее, но все равно достаточно отчетливо. В высокой галерее оказалась целая куча псевдощитов, таких же тонких и черных с одной стороны. Эльф уже понял, что это такое, но думал, что экен не догадается. Но Гёсе случалось бывать не только на экенском склоне Драконьих гор.

– Знаешь, что это? – спросил эльф.

– Знаю, – сказал Гёса. – Это чешуя черного дракона. Причем такого маленького, что это скорее не дракон, а линдворм.

В глазах Шенвэля мелькнул интерес, и он продолжал слушать, не перебивая.

– Но я вот одного не пойму, – сказал Гёса. – Чешуйки так лежат, словно дракон наружу полз. Коридор для него тесноват был, вот он шкуру-то и обдирал. Черного Кровопийцу я, конечно, не видел, но по рассказам выходит, что он в эту галерею одну-то голову с трудом смог бы просунуть. А у него их было целых три. Пойдем, посмотрим, что там дальше. Дорогу-то найдешь обратно?

Шенвэль кивнул, и они пошли по круглой галерее. Магический шар так и плясал от встречного потока воздуха. Экен чувствовал под своими ногами невысокие, но чертовски неудобные столбики.

– А проход-то сквозной, – сказал Шенвэль.

– Ну-ка, подними свет, – сказал Гёса.

Оранжевый шар взмыл вверх. Эльф и экен увидели на своде прямо по центру продольную гряду крохотных сталактитов. Гёсе мешали идти симметричные им сталагмиты. Насколько хватало света, сталактиты свисали по всему потолку. Здесь в породе могла быть трещина, но эльф и экен знали правильный ответ.

– Это он гребнем промял, – сказал Гёса. – Шипы–то у драконов на хребте разного размера, и выбоины остались неравномерные. За годы выбоина заплыла, вот и сосульки нависли…

Эльф и экен остановились там, где проход круто уходил в глубину. Обе стороны устья были смяты, словно оплавлены, породу покрывали темные пятна. Известь вскипела и так застыла черными кружевами. В камне виднелись многочисленные глубокие борозды. С левой стороны царапин было меньше.

– Это кровь дракона, – сказал Шенвэль.

– Да, и хлестало из Черного Кровопийцы, как из водосточной трубы, – заметил Гёса.

– Всю кровь, что он из нас веками цедил, выблевал здесь… – сказал эльф сквозь зубы.

Гёса покачал головой.

– Не всю. Если бы у него было разорвано брюхо, или, скажем, шея, дракон не добрался бы до верха. Коридор вертикальный, тут надо расщепериться было, в стенки грудью и попой упираться. Он бы издох, кровью изошел. Похоже на то, что Черному Кровопийце кто-то пальцы на правой передней лапе отсадил. Вон, видишь, порода вспучилась, как бы на стороны? И таких ямок много, вон, и вон… Это Черное Пламя обрубком цеплялся, а из-за крови порода плавилась, он оскальзывался.

Эльф посмотрел на него с уважением.

– Ты так спокойно говоришь об этом, – произнес Шенвэль. – Очевидно, что Черный Кровопийца пробрался здесь. Из этого зала есть выход наружу, и эти ворота очень большие – чтобы люди не давили друг друга в толпе. Сейчас они, конечно, закрыты, но дракон, даже

раненный, мог открыть их если не силой, то чарами. Тебя не пугает, что Черный Кровопийца жив?

– Если бы дракон был в силе, то уже объявился бы, за двенадцать-то лет, – пожал плечами Гёса. – А так, видать, заговорщики сильно его покалечили. Ковыляет сейчас бывший правитель Мандры где-нибудь по Драконьей пустоши на трех лапах, ну и что с того? Пойдем обратно. Наш маг уже, наверно, думает, что мы заблудились или свалили…

Когда все три шара исчезли, Ульрик и Елена стали пробираться по узкой лестнице. Свет водопада проникал и сюда, и лестница была хоть скудно, но освещена. Они вышли на поперечный горизонт, оставшийся еще со времен серебряных разработок. Елена на ощупь достала из ниши факел, который припрятала здесь, когда шла на свидание. Эльф подержал факел, пока девушка возилась, чиркая огнивом по кремню.

– Домой не заходи, беги прямо к брату, – сказал Ульрик, когда факел загорелся. – Все ему расскажи…

Елена кивнула. Они быстро шли по галерее, пламя чуть качалось.

– Этот экен, он не из телохранителей Ивана? – спросил эльф. – А то попадешь из огня да в полымя…

– Нет, – сказала Елена. – У этого выговор другой.

– А я пойду к Лакгаэру, – сказал Ульрик.

Елена уверенно свернула в ничем неприметный проход. Эльф успел заметить знак, выведенный копотью на стене. Слово «мел» [1], написанное рунами мандречен. На языке людей это означало мел, залежи карбоната кальция. Если бы кто-нибудь случайно забрел в галерею, то вполне мог принять за метку, сделанную еще шахтерами.

– А может, обойдется? – спросила Елена. – Они явно в сокровищницу пошли. Ну и пусть возьмут, что хотят, да и уйдут себе с миром. Все равно те богатства проклятые…

– Твои бы слова да Илу в ушки, – вздохнул Ульрик. – Но я думаю, что так вряд ли получится. С ними маг есть, ты слышала. Да эльф этот. Да экен.

Пол под их ногами ощутимо поднимался. Елена взяла возлюбленного под локоть, зная, что с одной рукой трудно удерживать равновесие.

– Не все знают об этом, но замок охраняют злобные духи, созданные драконом, – продолжал Ульрик. – Их пробуждает к активности пролитая кровь, а я сомневаюсь, что эти охотники за сокровищами смогут при дележе добычи обойтись без мордобоя.

Пара добралась до заброшенной штольни. Здесь приходилось идти с осторожностью, огибая ветхую крепь. Обычно штольня была освещена лунным светом, но сегодня небо затянули тучи. Эльфу и Елене пришлось идти с факелом почти до самого входа. Там они погасили огонь – их могли увидеть с КПП, которое находилось всего саженях в десяти. Ульрик обнял княжну на прощанье.

– Ульрик, ты так ничего и не сказал насчет… насчет…

Эльф улыбнулся.

– А что я могу сказать? У нас это зависит только от женщины.

Лицо Елены окаменело. Поняв, что сказала что-то не то, Ульрик решил поправиться.

– Я очень хочу, чтобы наш ребенок жил, – сказал он. – Но если этого хочешь и ты, тебе придется отказаться от родины. Подумай об этом.

Елена обняла его, поцеловала.

– Что тут думать, – сказала она.

Тонкая фигурка растворилась во мраке.

Ульрику очень не хотелось давать крюк под землей. Но все же он повернулся и стал спускаться в штольню. Короткий путь далеко не всегда самый быстрый, а ему нужно было попасть к Лакгаэру как можно скорее.

---

[1] Любовь

Абдула протянул руку к горлу князя. Иван открыл глаза и перехватил ее.

– Там твоя сестра пришла, – спокойно сказал телохранитель. – Я тебя звал, звал, ты откликаешься …

Иван отпустил руку экена. За полгода князь отвык спать один. Хотя Иван и лег рано, ему удалось задремать только перед самым приходом телохранителя, и от внезапного пробуждения Иван чувствовал себя разбитым. Князь провел рукой по лицу, потер виски.

– Сколько время? – вполголоса спросил он.

– Только что отзвонили десять, – ответил экен. «Неудивительно, что все тело ломит… Знал бы, вообще не ложился», подумал князь.

Елена приходилась Ивану младшей сестрой по матери и жила вместе с Анастасией в Рабине. Князь попросил мачеху оставить родовое поместье властителей Черногории два года спустя после смерти отца. Иван устал от покушений, которые устраивала честолюбивая Анастасия. Однако князь по-прежнему хорошо относился к сводной сестре и брату. Иван подумал, что знает причину визита сестры.

– Заходи, Елена, – сказал князь, отбросил одеяло и сел. – Абдула, зажги свет.

Абдула подлил немного масла в лампу, осторожно, чтобы не потушить едва теплившийся фитиль. Рахман, второй телохранитель Ивана, стоявший у дверей, опустил алебарду. Экены были Танцорами Смерти, еще из тех, что привел с собой Лайтонд. Деду Ивана удалось уговорить Черное Пламя отдать раненных экен ему. Ярослав не мог даже предположить, насколько удачным оказалось его приобретение. Избавив от смерти на эшафоте двух экен, князь Рабина обеспечил себя и своих потомков верными телохранителями. Обычно Танцоры Смерти жили ничуть не больше людей, но тут был особый случай. Абдула и Рахман во время битвы в замке стали Углами одной Двери.

Елена вошла в покои брата. Даже в неровных отблесках лампы князь смог разобрать испуг на лице сестры. Иван указал княжне на стул. Елена покосилась на него и осталась стоять. Пока княжна бежала к замку, начался дождь, и ее платье вымокло насквозь.

– Садись, садись, – сказал Иван нетерпеливо. Елена сочла за лучшее повиноваться. – Послушай, Светланы сегодня нет. Я понимаю, что в городской госпиталь ты не можешь обратиться. Приходи завтра к вечеру, хорошо? Света к тому времени уже вернется, и я попрошу ее помочь тебе.

Елена чуть усмехнулась и сказала:

– Спасибо за заботу, Ваня. Но я здесь не за этим.

Она немного помолчала, собираясь с духом.

– Я была сейчас в старой шахте, – сказала княжна. «Вот удивила», отчетливо читалось на лице Ивана. – Я видела эльфа, мага и несколько экен. Они идут в замок дракона.

Елена со страхом ожидала неизбежного вопроса «А ты-то что делала там?». Но Иван сказал:

– Разбудите Онуфрия. Пусть свяжется с главой Нолдокора и сообщит это ему. Или…?

Князь вопросительно посмотрел на сестру.

– Я думаю, он тоже уже знает, – сказала Елена.

В дверь осторожно постучали.

– Похоже, твоего мага и так разбудили , – сказал Рахман, отворяя.

– Мне показалось, что ты сам должен это услышать, – сказал маг, входя. Онуфрий положил на стол расписную плоскую тарелку, привычным движением катнул по ней выточенный из розового опала шар в форме яблока. Опаловое яблоко не успело описать и двух полных кругов, как на тарелке появилось лицо сидха. Князь про себя подивился его огненно-рыжей шевелюре. Обычно Дети Старшей Расы были светлововолосы.

– Кулумит, дежурный смотритель погоды, – представился тот. – Простите, что так поздно. Крыло ведьм вышло на позицию для атаки над замком дракона, а ведь эта территория объявлена нейтральной. Эти ночные маневры проводятся с вашего ведома, князь?

У Елены оборвалось сердце. Несколько секунд стояла такая тишина, что было слышно,

как потрескивает фитиль в лампе.

– Нет, – сказал Иван. – Я хотел бы встретиться с главой Нолдокора на КПП, чем скорее, тем лучше. Ты можешь передать ему мою просьбу?

– Вас понял, – сказал Кулумит, и вместо сидха на тарелке вновь проступили тонко выписанные узоры.

– Онуфрий, подготовь телепорт для меня и моих телохранителей, – сказал Иван. – Да, и разбудите этого жирного борова, воеводу. Пусть бежит на КПП со всех ног, наведет там порядок.

Княжеский маг молча вышел. Иван поднялся с постели и стал одеваться.

– Рахман, – добавил князь, прыгая на одной ноге и пытаясь попасть в штанину. – Владислава тоже подними.

Барон прибыл из Ревена только вчера. Иван всегда поручал ему хлопоты по устроительству своих именин. Владислава считали нахальным выскочкой, и многие потомственные дворяне Рабина избегали общаться с ним. Но самого Ивана мало печалил тот факт, что отец Владислава имел не длинную вереницу благородных предков, а всего лишь аптеку в Рабине. После войны Владислав женился на баронессе Розалии Ревенской, последней из выморочного рода. Невеста к тому времени была уже вдовой и совсем не рвалась снова вступать в брак. Однако другого способа подарить своему старому соратнику титул Искандер не нашел. Иван решил взять с собой Владислава не в качестве барона. Во время войны Владислав был главным хирургом полевого госпиталя при дивизии Серебряных Медведей, и продолжал практиковать и сейчас. Иван подумал, что опытный врач с военным прошлым может оказаться весьма кстати сегодня ночью.

К тому же, у Владислава была Карина.

Рахман ушел. Иван задумчиво посмотрел на сестру. Елена затаила дыхание.

– Домой тебе лучше не возвращаться, – сказал князь. – Переоденься в сухое, прикажи подать горячего вина себе. Заночуешь здесь, в своих детских покоях.

Елена облегченно вздохнула и покинула спальню брата.

– Что ты думаешь? – спросил Иван Абдулу, когда они направлялись к покоям княжеского мага. – Опасны ли эти искатели сокровищ?

Телохранитель не стал говорить князю, что сегодня ночью к нему в сон приходил Лайто. Не приснился, а именно навестил его душу, Абдула знал толк в таких вещах. Отношения Танцоров Смерти со своим Музыкантом всегда были глубоко личным делом.

– Я не думаю, – сказал Абдула. – Но почему-то кажется мне, что сегодня я буду танцевать.

Поскольку последний раз Абдуле «казалось» в тот день, когда Анастасия прислала к пасынку целую свору наемных убийц, настроение у князя испортилось окончательно.

Гёса остановился, пнул труп ногой так, что он перевернулся.

– Застрелиться веником, опять сидх, – сказал экен, заметив острые уши трупа. – Когда же мандречены начнутся?

Шенвэль пожал плечами.

Подземный ход привел всю компанию в одно из подсобных помещений в западном крыле замка. Покои выглядели покинутыми очень давно, раньше, чем весь остальной замок. Свиная кожа с золотым тиснением, которая пошла на обивку кресел, не могла истлеть за двенадцать лет. Тенквисс сказал, что здесь жила Королева Без Имени, которая оставила дракона сразу после бунта Танцоров Смерти. Маг настроил некродатчики, и они показали большую мертвую массу в сорока саженях к югу.

– Это тронный зал, – сказал Тенквисс и энергично устремился вперед. За ним следовали ученики и Валет с Крюком. Шенвэль и Гёса плелись последними. Эльф вовсе не рвался к трупу дракона. Насчет Гёсы Шенвэль подозревал, что маг поручил экену следить за эльфом.

Первые следы бушевавшей в замке битвы обнаружились на полпути к тронному залу.

Покои, разгромленные так, что сложно было пробраться между обломками шикарной некогда мебели. Изуродованные трупы и части тел. Магические ловушки, поставленные наспех, сработавшие, но не снятые – в этих местах незваным гостям приходилось вести себя особенно осторожно. Сейчас авантюристы продвигались по полностью обугленной длинной анфиладе – очевидно, дракон пришел в отчаяние, раз воспользовался своим природным оружием в закрытом помещении. Но если некродатчики не врали, это не спасло Черного Кровопийцу.

– Странные вы, сидхи, все-таки, – сказал Гёса, когда они пошли дальше по коридору. – Бились, бились, а что получили? Закон этот о раздельном существовании, чтобы теперь по старым шахтам бегать?

Эльф смерил экена взглядом и сказал:

– Ты считаешь, что можешь рассуждать о поступках Лайто, потому что принес ему клятву в вечной верности?

– Нет, – сбавив тон, сказал наемник. – Лайто сказал: «Можно учиться и у врага». Я просто хочу понять. Мне редко доводится разговаривать с сидхами, знаешь ли.

– Тебе легко быть толерантным, – сказал Шенвэль. – Экенки ведь предпочитают своих, даже вдали от родины. А мандреченки на нас кидаются и у себя дома. Эта нация растворилась бы поколения через три-четыре, если бы не закон, вынудивший нас болтаться в поисках любовных утех по старым шахтам.

– Если ты думаешь, что Зарина, когда меня увидела, кинулась ко мне распростертыми объятиями, крича: «Ах, как я соскучилась по х.ю обрезанному», то ты жестоко ошибаешься, – мрачно сказал Гёса.

Эльф с экеном дошли до развилки. Шенвэль остановился, посмотрел на дрожащие в воздухе следы Чи. Три красные и две сине-черные нити уходили в левый коридор. Шенвэль с Гёсой повернули туда же, покинув опаленную анфиладу.

– Ты добился ее, – сказал Шенвэль. – А мандречены не хотят добиваться, вот уж я не знаю почему. Даже приворотными чарами последнее время пользуются по большей части их женщины.

– Лентяи потому что, – буркнул Гёса. – И пьют по-черному. А приворот – это для слабаков, по-моему. Вас же, сидхов, все время обвиняют, дескать, вы баб чарами охмуряете. Но это еще хуже, чем когда баба с тобой только из-за денег живет, хотя так тоже часто бывает. Ведь тогда баба имеет хоть что-то, а под чарами она полностью как рабыня.

Под ногами захрустело битое стекло, Шенвэль ощутил на губах влагу. Окна здесь были разбиты, и причиной сырости мог быть идущий снаружи дождь. Но эльф почуял в воздухе вибрации Цин. Он резко остановился, поднял руку. Экен тоже ощутил что-то, почти одновременно с Шенвэлем. Гёса сжал рукоять меча.

Огромное серое студенистое тело медленно проползло перед ними и втянулось в соседний коридор. Экен сглотнул.

– Но от любви женщины теряют голову и делают много опасных глупостей, – продолжал Шенвэль, спокойно пересекая скользкий след. – Как и мужчины, впрочем. Какая разница, потерять контроль над собой из-за чар или от настоящей, скажем так, любви?

– Такая же, как между изнасилованием и когда женщина сама тебя об этом просит, – сказал Гёса очень серьезно. Шенвэль остро взглянул на него. – А мандреченки своих мужиков ни о чем уже не просят. Ну не с вами их бабы сойдутся, так с сюрками. Или с нами, или с неречью, в конце концов. Исход-то будет один.

– Я смотрю, ты близко принимаешь к сердцу судьбу этой нации, – заметил эльф. – С чего бы это?

– Да потому что, – сердито сказал Гёса. – Среди экен маги почти не рождаются, ты должен знать. А сюрки – они ведь пострашнее тех чудовищ, что из Мертвой Пустыни выползают. Мы там воевали этой зимой. В центре Сюркистана – вроде люди как люди, а чем ближе к Мертвой Пустыне – урод на уроде, да такие жуткие. И магия их больная, безумная какая-то.

– Это как раз из-за врожденных генетических дефектов, – сказал Шенвэль. – Каналы Чи искривляются…

– А у нас говорят, что наоборот, это магия сюрков так их тела перекручивает, – сказал Гёса. – Но, по большому счету, без разницы. Когда мандречен не станет, вы оборзеете совсем. Вот и окажемся мы между двух огней. И мне почему-то кажется, что это еще я сам увижу.

– Ну что же, посмотрим, – сказал Шенвэль.

Им навстречу выскочил мрачный Крюк.

– У тебя что, перемежающаяся хромота? – напустился он на эльфа. – Что ты ползешь, как беременная мандавошка по мокрому х.ю? Маг уже весь на изжогу изошел.

– Не ори, – сказал Гёса. – Уже идем, говорят тебе.

Крюк покосился на предводителя и снова умчался вперед.

Ведьмы терпеливо скучали в мокрой черноте, слизывали с лица капли и надеялись, что этот нудный дождь не сменится грозой.

– Ты знаешь, – сказала Светлана. Целительница и старшая крыла висели в воздухе бок о бок, но Карина не видела ее лица и слышала только голос. – Этот сидх был в Мир Минасе. Это он меня ранил.

– Вот как, – сказала Карина. – Странно, что тебя вспомнил.

– А еще страннее то, – сказала целительница. – Что он оказался здесь. Жизнь сидхов в Мандре сейчас не сахар, и многие наоборот уезжают. А он вернулся, причем проделал путь почти через весь материк. Зачем?

Карина пожала плечами.

– Чужая душа – потемки, – сказала она. – А душа сидха – и тем более.

Карина задумалась о том, что видела в душе Шенвэля и замолчала.

Лакгаэр постучал в дверь КПП. В небе громыхнуло так, что вежливый стук старого эльфа мог потонуть в шуме. Гроза все-таки началась. Глава Нолдокора поднял руку, чтобы постучать еще раз. Но тут эльф услышал голоса и понял, почему ему никто не открыл.

– Никого нет? – орал хриплый голос. Лакгаэр узнал воеводу Рабина, Андрея. – А над замком у тебя кто? А здесь у тебя что? А?

Эльф повернул голову в сторону невидимой в ночи громады замка. В этот момент судорожная вспышка озарила небо. Лакгаэр почувствовал, что у него шевелятся волосы на затылке.

Но совсем не из-за того особенного свойства, который придает воздуху гроза.

Молния уже погасла. Однако в глубине глаз эльфа, за чернотой век, отчетливо, как на гравюре, отпечатались силуэты ведьм, их длинные плащи и метлы. Сообщение Ульрика не сильно обеспокоило главу Нолдокора, но после того, как Кулумит сообщил о ведьмах в небе над замком, Лакгаэр думал только об одном. Малое крыло не могло нанести большого урона городу; но и поразить ведьм с земли было практически невозможно. Можно было только договориться.

Раздался треск рвущейся ткани. Лакгаэр догадался, что Андрей сорвал с дежурного по КПП погон. Судя по яростному скрипу половиц, воевода начал топтать погон ногами. При этом он приговаривал:

– Вот тебе следующее звание, Перцев! Сержантом был – сержантом и похоронят, понял?

– Я не…

– Молчать! Свистеть команды не было!

Лакгаэр снова постучал. На этот раз дверь открыли. На пороге стоял растерзанный дежурный.

– Князь Иван назначил мне здесь встречу, – сказал эльф.

– Входите.

Лакгаэр поднялся по ступенькам и оказался в темном коридоре, поперек которого лежала узкая полоса света из распахнутой двери дежурки.

– Подождите здесь, – сказал поручик. – Я сейчас спрошу.

– Куда! – взревел Андрей. – Сиди здесь, обалдуй! Всех пускать, никого не выпускать, понял?

Андрей вышел навстречу эльфу. Под расстегнутым мундиром виднелась волосатая грудь. Очевидно, воеводу тоже подняли с постели, и одел он только то, что успел схватить.

– Пойдемте со мной, – обратился Андрей к эльфу совершенно обычным голосом. – Князь ждет вас.

Сержант попятился, уступая дорогу, спиной он налетел на вертушку и тихо ойкнул.

– Куда ты, дубина? – рассердился воевода. – Иди в караулку и пропусти нас через вертушку!

– Никак нельзя, – пролепетал дежурный. – На ночь рычаг пломбируется…

– Ты совсем рехнулся, – сказал Андрей. – Тут такие дела! Ломай печать! Это ведь наша печать, гарнизонная?

– Никак нет, – отвечал дежурный мученическим голосом. – Печать княгини, она ведь старшая у Чистильщиков…

Андрей крякнул. Связываться с Чистильщиками воеводе явно не хотелось.

– Идите через каморку, как пришли, – закончил сержант.

Эльф протиснулся мимо него. Мундир был мал Перцеву, от человека пахло отвратительной смесью пота и страха. Лакгаэр вошел в караулку. Основную часть пространства занимал расшатанный стол, на котором лежал засаленный журнал учета посетителей. Глава Нолдокора удивился отсутствию стула. Неужели дежурный всю ночь проводил на ногах? На макушку эльфу капнул горячий воск из закрепленного на стене светильника, и Лакгаэр едва не закричал от боли и неожиданности.

– Осторожнее головой, – сказал сержант хмуро.

Андрей повернулся и толкнул дверь в задней стене. Глава Нолдокора последовал за ним. Судя по запаху задохнувшейся шерсти, здесь находилось не менее двух старых шинелей. В темноте эльф потерял Андрея и двигался наугад, выставив вперед руки. Неожиданно Лакгаэр наткнулся на что-то мягкое и теплое. Эльф осторожно ощупал предмет, изумляясь его сходству с обнаженной женской грудью. Раздался оглушительный визг. Лакгаэр отдернул руку, и звук тут же оборвался.

– Что такое, Перцев? – взревел воевода где-то за спиной у Лакгаэра. – Баба на посту?

– Перцев там, – пролепетал сержант.

– Что вы мне голову морочите? Это же баба! – заорал Андрей.

В этот момент раздался могучий храп.

– Это еще кто здесь?

– Сержант Перцев, – с отчаянием в голосе ответил дежурный по КПП.

– Вы мне комедию ломать прекратите! – зарычал воевода. – Если Перцев – там, то ты кто?

– Я? Я Николай, – ответил мужчина растерянно.

В драматической тишине эльф шарахнулся назад, задел в темноте какой-то шкаф. С него с грохотом посыпалось что-то твердое. Лакгаэра сильно стукнуло по затылку и сбило с ног.

– А зачем ты мне сказал, что ты – сержант Перцев? – спросил воевода. Глава Нолдокора на четвереньках пошел на голос и уперся в ноги Андрея.

– Я не говорил ничего такого, – ответил Николай жалобно. – Вы же ворвались и спросили: «Кто здесь дежурный?», я и ответил – сержант Перцев…

Эльф поднялся на ноги, цепляясь на воеводу.

– Лакгаэр, прекратите меня лапать! – рявкнул тот ему прямо в ухо.

Лакгаэр отскочил спиной, ударился о стену, своим весом распахнул оказавшуюся там дверь и выпал в соседний зал. Глава Нолдокора чудом сохранил равновесие, плотно закрыл

дверь за собой и привалился к ней, тяжело дыша.

Он давно не общался с мандреченами и забыл, чего следует ожидать.

За стеной что-то бубнили. Голоса то повышались, то понижались. Видимо, воеводе все же удалось разбудить сержанта Перцева.

– Проходите, Лакгаэр, – раздался голос Ивана. – Садитесь, вон табурет.

Эльф увидел князя в свете огненно-красного магического шара, висевшего под самым потолком. Иван оказался у пролома в стене. Со своего места князь отлично мог видеть замок, площадь перед ним и крыло ведьм в небе. Иван сидел на подозрительном колченогом стульчике. Судя по потекам воска, этот стул в обычное время стоял в дежурке. Камзол красного бархата, домашние шаровары в полоску и серебряная подвеска-тритон на груди, талисман князей Рабинских, составляли весь костюм князя. Лакгаэр тоже не успел толком одеться, но теперь перестал переживать по поводу беспорядка в своем наряде. По бокам от Ивана стояли его телохранители в черно-синей форме Танцоров Смерти, с двумя мечами. Напротив князя сидел пожилой мужчина, которого Лакгаэр видел первый раз в жизни, и стоял свободный табурет.

Глава Нолдокора ломающимися шагами подошел к нему и сел. На Лакгаэра никто не обращал внимания. Эльф пришел в себя, отдышался и посмотрел на фреску, занимавшую дальнюю стену. На огромном белом круге художник изобразил черный силуэт змея. Лакгаэр знал этот сюжет из мифологии сюрков – вселенский дракон, пожирающий Ифиль. Стало ясно, почему князь и его свита сидели на такой жалкой мебели. КПП разместили в здании, где при Черном Пламени находилось посольство Сюркистана, а сюрки не признавали стульев. На голове змея, находившейся у самого пола, вспыхнул красный огонек, и из нарисованной пасти повалил дым. Эльф вздрогнул, но тут заметил человека, сидевшего на полу у стены. Благодаря своему черному плащу мужчина был почти неразличим на фоне фрески.

Мужчина снова затянулся и представился:

– Онуфрий, княжеский маг.

Короткая бородка мага узкой полосой охватывала скулы и подбородок. Лакгаэр обратил внимание, что у остальных мужчин точно такие же бороды, и усмехнулся про себя. У ближайшего сподвижника императора, мага Крона, была слишком решительная линия подбородка, чтобы Крон стал скрывать ее бородой. Сам Искандер, наполовину сюрк, мог отрастить только усы, если бы очень захотел.

Но Искандер не хотел.

– Как зовут меня, вы знаете, – сказал эльф.

Иван словно очнулся.

– Рядом с вами барон Ревена Владислав, – сказал князь.

Пожилой мужчина кивнул и сказал:

– Чаю хотите?

– С удовольствием, – сказал Лакгаэр.

– Дежурный! – рявкнул Владислав так, что Лакгаэр понял – барон тоже воевал.

Николай осторожно выглянул из двери в противоположной стене. Мундира на нем уже не было. Эльф догадался, что Николай предоставил Перцева его судьбе и собирался тихо улизнуть, перепрыгнув через запломбированную вертушку, когда услышал повелительный зов барона.

Барон протянул руку, и эльф увидел в ней старинную сюркскую пиалу.

– Принесите чаю нашему гостю, сержант, – сказал Владислав. – Да покрепче и погорячее! И где ваш мундир, хвост Ящера? Совсем распустились!

Николай забрал чашку и вернулся в каморку, откуда с таким трудом вырвался Лакгаэр. Эльф понял, что заварка хранится где-то рядом с телом Перцева, и пить чай ему сразу расхотелось.

В зале снова наступила тишина. Было слышно только шуршание капель дождя по камням площади.

Лакгаэр молчал и смотрел на Ивана. Они много общались, когда князь был еще совсем мальчиком, мельком виделись во время казни Ульрика, и еще тогда глава Нолдокора заметил, что мандреченская кровь все-таки возобладала в Иване. Черноволосый и светлоглазый князь выглядел настоящим богатырем из мандреченских былин. Более «истинно мандреченское» лицо Лакгаэр видел только у главы Чистильщиков. Сейчас никому и в голову не пришло бы, что Иван – полуэльф.

Иван спросил:

– Ну что, Онуфрий? Это они?

У Лакгаэра захватило дух. Лицо князя совершенно преобразилось при этом вопросе. Иван до боли стал похож на свою мать, Файламэл. Файламэл оставила Лакгаэра ради сюрка. Молодой князь Ладомир, отец Ивана, повстречал ее в Ринтали, куда ездил с торговой миссией, вскружил голову эльфке и привез обратно в родной город.

– Да, это крыло «Змей», – сказал Онуфрий. – Позвать Светлану?

Лакгаэр понял, что между магом и Светланой существует закрепленный телепатический канал, войти просто так в ауру незнакомого человека, тем более боевой ведьмы, маг не смог бы.

– Не надо пока, – сказал Иван.

И тут Лакгаэр, уже подумавший, что его игнорируют намеренно, что это такой тщательно выверенный дипломатический ход, наконец понял, в чем дело. Иван поднял своих людей и примчался на КПП среди ночи не для того, чтобы перехватить авантюристов, когда они, нагруженные сокровищами, будут выбираться из замка.

Иван пришел сюда, чтобы в нужный момент помочь своей любимой ведьме.

– Мне не меньше вашего хочется узнать, что они там делают, – обратился князь к главе Нолдокора. – Но вы понимаете, закон о профессиональной тайне…

Именно эти законом, закрепившим право ведьм – и их нанимателей – на конфиденциальность и определялась цена услуг крыльев. Боевые ведьмы могли не отвечать на вопросы даже жрецов Прона, бога справедливости, и это не считалось доказательством вины.

– Я знаю, – кивнул эльф. – Вы можете спросить, но они вам все равно не ответят.

Явился воевода с чаем. Судя по наступившей за стенкой тишине, сержанта он задушил. Николая, возможно, тоже. Бесшумно ступая, Андрей подошел к эльфу, подал кружку и отступил за их спины, к стене. Чай оказался очень горячим, и Лакгаэру пришлось окутать руки магическим полем, чтобы взять пиалу. Ему показалось, что чай пахнет старыми носками. Лакгаэр сделал над собой усилие и сделал глоток. На вкус напиток оказался вполне сносным. Эльф пил чай и смотрел на князя. Иван почувствовал его взгляд и повернулся.

– Я снова вижу твое лицо в отблесках пламени, – сказал Лакгаэр и с ужасом понял, что за двенадцать лет совсем разучился строить фразы на мандречи.

Иван сказал:

– Много книг испортило водой?

У главы Нолдокора отлегло от сердца. Иван его понял. Лакгаэр отрицательно покачал головой, поставил опустевшую пиалу на пол.

– Выгорел только кабинет, а в книгохранилище ни вода, ни огонь не дошли, – сказал он.

– Ну и слава Перуну, – усмехнулся князь. – Да, кстати. Вы знаете сидха, который пошел в замок? Кто он такой?

Лакгаэр хотел ответить, но не успел.

Тишину ночи разорвал безумный крик.

В начале своего правления дракон ходил в человеческом облике, но после того, как Королева Без Имени покинула его, вернулся к привычному телу. Замок переоборудовали, и маленьких помещений в этой его части не было, но тронный зал все равно поражал своими размерами. Колонны, поддерживающие потолок, уходили вверх, словно стволы вековых

деревьев. Белое пламя вспыхнуло в узких окнах, затмив слабый свет уцелевших на стенах магических ламп. Тенквисс понял, что гроза все-таки началась. Маг, аккуратно обходя лужи, направился к возвышению, на котором стояли два трона. От красного бархата, некогда покрывавшего причудливой формы спинку и сиденье большого трона, остались жалкие обрывки, но все еще можно было понять задумку придворного декоратора – сидящий на этом троне находился словно бы в сердце пламени. Трон поменьше был черного цвета, без всяких украшений.

Тенквисс вольготно устроился на большом троне, закинул ногу за ногу. Маг был в тронном зале один, ученики и наемники остались у входа подождать отставшего эльфа и Гёсу.

Почти весь зал занимали два огромных черепа. Пустовал только квадрат пола перед тронами, саженей десять в диагонали. На черепах еще кое-где сохранилась плоть и черная чешуя, скользко блестевшая в магическом свете. Выбитые зубы левой головы лежали на полу. Проход между мертвыми головами преграждали куски разбитой колонны. Один из обломков торчал из макушки левой головы. Она лежала боком, поперек зала. Второй череп пялился пустыми глазницами прямо на Тенквисса. Маг, не в силах выносить этот призрачный взгляд, стал разглядывать мозаику на полу. Это была карта стран, которыми когда-то владел дракон. Когда Черное пламя садился на свой трон, у его ног лежал весь обитаемый мир.

Из прохода выплыл магический шар и тут же погас. Заш берег силы. Экены и ученики мага перебрались через завал между черепами и спустились вниз. Валет и Крюк остановились около валявшихся на полу зубов дракона, чтобы рассмотреть их. Последними появились Гёса и Шенвэль.

– Ну, вот мы на месте, – сказал Тенквисс. – Тан, приступай.

Тан взялся за отставшую чешую у основания правого черепа и дернул на себя. Прогнившая плоть с треском отвалилась. Ученик мага несколькими ударами меча разделил ее на куски поменьше и стал лениво упихивать их в мешок. Тенквисс достал из своего заплечного мешка спиртовку, небольшую книжицу в засаленном переплете, какие-то подозрительные коренья и разложил это все на черном троне.

– Ты чего это? – спросил Гёса. – Какое-то снадобье прямо здесь собрался варить?

– Да, – отвечал Тенквисс. – Проход в сокровищницу опутан сильными чарами. Снять их можно только эликсиром, в который входит плоть их создателя. Заш, отруби мне вон то-оот кусочек…

Заш ловко вскарабкался на скулу левого черепа и срубил свисавший кусок плоти. Упав на пол, обрубок неприятно чавкнул. Ученик мага спрыгнул вниз, брезгливо морщась, поднял его и понес Тенквиссу.

– Почему их только две? – сказал Крюк, осматривая черепа. – Где же третья?

Гёса равнодушно пожал плечами. Он увидел зубы, около которых стояли Валет и Крюк, и присвистнул. Длиной они превосходил тело Гёсы, да и толщиной были с самого наемника. Гёса присел на корточки, потрогал, щелкнул ногтем по кости. На белой эмали пополз зигзаг трещины.

– Гляди-ка, и правда линдворм, – задумчиво сказал Гёса.

Экен поднялся на ноги. Валет, кряхтя, пытался зацепиться за глазницу черепа, чтобы вскарабкаться наверх. Эльф иронически наблюдал за его попытками. Гёса заметил это и сказал:

– Спорим, и ты до глаза не достанешь?

Шенвэль усмехнулся. Затем подошел к черепу. Макушка эльфа оказалась над верхним краем острой скулы, то есть он мог, даже не приподнимаясь на цыпочки, засунуть руку в пустую глазницу. Шенвэль обернулся и взглянул на экена, чуть приподняв бровь.

– Велика Федора, да дура, – пробормотал Крюк.

Эльф не полез за словом в карман.

– Мал клоп, да вонюч, – ответил он.

Экен зашипел, как змея, и схватился за меч, но Гёса жестом остановил его.

– Потерпи, – сказал он на родном языке. – Еще успеешь отвести душу.

Крюк молча отошел. Шенвэль усмехнулся и так посмотрел на Гёсу, словно тоже понял его слова.

Тан уже наполнил мешок и подтащил его к магу. Заш стоял за красным троном, наблюдал за действиями Тенквисса, варившего эликсир. Маг тихо что-то бормотал и гремел склянками. Валет и Крюк забрались на баррикаду из обломков и стали мечами отшвыривать мелкие осколки. Они искали место, где шею отделили от тела, чтобы узнать, какой способ убийства применил драконоборец. Гёса решил осмотреть второй череп, тот, который лежал боком. Шенвэль пошел вместе с ним. Они оказались между мертвой головой дракона и стеной, в которой обнаружились две резные дубовые двери, рассчитанные на человеческий рост. Очевидно, они вели в какие-то служебные помещения, поскольку единственными людьми в замке были слуги дракона. Одна из дверей была плотно закрыта, другая сорвана с петель и валялась на полу. При вспышках молний в проеме Шенвэль увидел внутренний двор замка. Именно там ведьмы и авантюристы собирались встретиться по возвращении из сокровищницы.

Гёса заметил картину во всю стену и остановился, разглядывая ее. Некоторых мелких деталей не хватало, краска местами обгорела, местами поблекла от сырости, но крупные фигуры еще можно было разобрать. Слева находилось изображение эльфа, положившего руку в пасть дракону. Изо рта чудовища вырывались язычки пламени, лицо эльфа искажал неподдельный ужас. Всю остальную часть стены занимал алый от крови эшафот, заваленный безрукими, безногими телами. Рядом валялись отрубленные конечности, палач в черном колпаке заносил топор над эльфом в разорванной одежде. Волосы осужденного стягивал черно-синий жгут.

Экен узнал сюжет.

– Хивкрис вымаливает для брата прощение у Черного Пламени, – сказал он.

Гёса перевел взгляд. Придворный живописец был талантливым портретистом и смелым человеком. Он не стал изображать врага дракона дрожащим трусом, хотя, заказ, полученный мастером, несомненно, был именно таким. Лайто стоял во весь рост, с гордо поднятой головой, и смотрел не на зрителя, а вглубь картины. Туда, где стояла женщина в черном плаще.

Шенвэль не проявил никакого интереса к картине. Эльф смотрел на Тенквисса. Из-под рук мага с шипением вырвалось облако пара. Как не закрывал маг свои манипуляции полами плаща, Шенвэль понял, что готовит Тенквисс. Это был отнюдь не обещанный антимагический декокт. Эликсир, который готовил маг, действительно разрушал чары. Но не магические сети, скрывающие проход.

А оптические чары, наложенные с помощью Чи Воды. Эльф догадался, что Тенквисс собирается искать, и что магу примерно известно, где находится предмет его поисков, но он не может его увидеть за антагонистичной Чи. Шенвэль почувствовал, что у него от ярости занемело лицо, и отвернулся, чтобы не выдать себя.

– А эта баба в черном, я так понимаю, Королева Без Имени, – заметил Гёса. – Это вроде она ведь настаивала на казни Лайто, Черное Пламя сразу хотел его в Гниловран отправить…

Однако лицо легендарного бунтаря выглядело на редкость отталкивающе. Гёса подумал сначала, что таким образом художник решил все же прогнуться перед своим повелителем, но присмотревшись, понял, в чем дело. Лицо Лайто обезобразили ярость и ненависть, а вовсе не прихоть мастера.

– Смотри-ка, вылитый ты. И скулы такие же… – заметил экен.

Взглянув на эльфа, он вздрогнул и непроизвольно отшатнулся. Шенвэль справился с лицом, но было уже поздно.

– Ты… пробормотал Гёса. – Ты…

– Я не буду говорить тебе, что мы для вас все на одно лицо. Не буду напоминать о клятве, которую ты принес, – тихо сказал эльф по-экенски. – Решай сам.

– Знаешь, Гёса, а кости целы! – крикнул Крюк.

Экен обогнул острый угол челюсти и вышел к основанию черепа. Шенвэль последовал за ним. Гёса бегло осмотрел обрубок шеи. Все семь позвонков, от самого большого, длиной в руку экена у основания черепа и до самого маленького, вилообразной формы и очень толстого, соединявшим в свое время добавочную шею с хребтом дракона, были на месте.

– Здесь тоже, – сказал Гёса.

Экен оценивающе взглянул на изношенные межпозвонковые диски, зашевелил губами, что-то прикидывая.

– Левая это, – сказал он.

– И как же Лайто его взял? – спросил Крюк, спрыгивая с кучи обломков и подойдя к Гёсе. За ним появился и Валет.

Гёса покосился на эльфа.

– Черное Пламя был не драконом, а линдвормом, и своя голова у него была только одна, – сказал Шенвэль. – Две добавочные головы у него выросли из-за магии Эрустима. Лайтонд, судя по всему, применил заклятье Истинного Облика, и лишние головы отвалились сами.

Крюк почесал в затылке.

– Мудрено, но похоже на правду, – сказал он.

Тенквисс повернулся лицом к наемникам.

– Эликсир в принципе готов, – сказал он, мерзко улыбаясь. – Не хватает последнего ингредиента. Крови эльфа. Горячей крови из аорты… Ведите его сюда.

Шенвэль даже бровью не повел. Крюк взялся за меч.

– Пойдем, что ли, – недружелюбно поглядывая на Шенвэля, сказал он.

– Оставь его, – сказал Гёса по-экенски. Наемник удивленно глянул на него, но послушался.

– В чем дело? – спросил Тенквисс нетерпеливо.

Гёса, вздохнув, уселся на валявшийся рядом обломок.

– Мы нанимались охранять тебя, а он пока на тебя не нападает, – сказал экен, поколебавшись.

– Слишком много ты рассуждаешь для наемного убийцы! – воскликнул маг яростно. – Заш, Тан, приведите мне сидха! Надеюсь, в этом вы не будете им мешать?

Гёса отрицательно покачал головой.

– Если попытается бежать, задержите его, – добавил Тенквисс и снова повернулся спиной, занявшись своим эликсиром.

Ученики мага направились к завалу. Эльф взобрался на баррикаду и спокойно смотрел на их приближение.

– Что случилось, Гёса? – спросил Крюк.

– Вляпались мы с вами в такое дерьмо, что я и не знаю, удастся ли выбраться, – сказал Гёса по-экенски. – Маг этот – дракон в человеческом облике. Черное Пламя.

Крюк несколько секунд обдумывал слова командира.

– Ну и что?

– А то, что он нас либо сам сожрет, когда с сидхом покончит, либо своему Жезлу скормит. Эта чертова палка ведь из гематита сделана, прикинь, как она истосковалась по крови за двенадцать-то лет…

– А что с сидхом? – спросил Крюк, покосившись на Шенвэля. Эльф со скучающим видом разминал пальцы. – Почему ты…

Глаза экена округлились. Он понял.

– Заходи слева, – сказал Тан Зашу.

Звякнули вытаскиваемые мечи големов.

Подняв руки, Шенвэль произнес короткую энергичную фразу на эльфийском. Заш засмеялся. Челюсти ученика мага резко вытянулись вперед, превратив его узкое лицо в морду. Тан вспучился, как лягушка, которую мальчишка надувает через тростинку. Голова

его затрещала, разваливаясь на части. Заша начало вытягивать вверх, руки и ноги ученика мага удлинялись, покрываясь черной чешуей. Во все стороны брызнули обрывки одежды.

Тенквисс обернулся и встретился глазами с эльфом. Маг попятился, своротив трон. Эликсир с шипением вылился из опрокинувшейся колбы.

Эльф улыбался, не менее отвратительно, чем только что сам Тенквисс.

– Милостивый Баррах! – воскликнул Крюк.

Гёса выразил свои чувства на мандречи. Для выражения всех оттенков обуревавших его чувств экенский был слишком беден. Но наемник не забыл родные корни. Короткая энергичная фраза описывала злого духа Иблиса и его рот.

Валет не стал тратить время на такие мелочи. Экен шустро обежал череп и выскочил во внутренний двор замка через открытую дверь.

Ослепительная вспышка расколола небо. Шерсть на плаще Карины встала дыбом. Если бы не защитные чары, нахождение насквозь промокших ведьм в эпицентре грозы было бы самоубийством.

– «Пятерка»! – крикнула Карина так, что ее голос на миг заглушил шум дождя.

Так называлась вторая фигура при выходе на атаку. Особой необходимости в маневре не было, но старшая крыла чувствовала, как падает боевой дух крыла при каждом ударе молнии, и решила отвлечь ведьм от неприятных ощущений. Занять делом.

Нижняя тройка опустились на один уровень со старшей и целительницей. Светлана сдала чуть назад, формируя клин, к ней в затылок пристроилась Ундина, а Зарина и Сабрина встали по правую руку Карины. Снизу клин из пяти ведьм напоминал растопыренную ладонь или старинную цифру “V”, отчего и получил свое название. Оставшиеся два звена, выдерживая масштаб, снизились тоже.

– Светик, – сказала Карина через плечо. – Вот представь себе руку, из черного камня сделанную. А в руке той черный шар. Ты не знаешь, что бы это такое могло быть?

– Ты описываешь Жезл Власти, – сказала Светлана. Карина поперхнулась. – Где ты его видела?

– Да так… Слушай, а вот у кого это было принято, гарду в форме ящерицы делать? А на клинке меча всякую живность гравировать? Ящерок там, пауков?

– Карина, ты меня удивляешь, – сказала Светлана. – Ты на том уроке, когда нам про Детей Волоса рассказывали, в «пять листков» резалась, что ли? Так ведь у Буровея был такой меч, ты должна была запомнить. Он же всегда с этим палашом ходил. Там гарда в виде ящерицы, а на клинке такая завитушка выгравирована, имя хозяина. Буровей – это же, по-вашему, северный ветер.

«Дверь», вдруг подумала Карина. – «Суть Шенвэля – дверь в Подземный мир. Он не просто владеет Цин, он Танцор Смерти. А за дверью – Жезл Власти».

Тут ведьма наконец поняла, что за насекомое украшало клинок мрачной фигуры. Это был не паук, а пчела.

«Разрушительница Пчела… Хвост Ящера!»

– Лайтонд! – выдохнула ведьма.

– Что?

Карина не успела повторить.

В темноте раздался страшный, нечеловеческий крик. Во внутреннем дворе замка вспыхнуло голубое пламя. Столб крутился, продолжая ужасно кричать. Пронзительно и тонко завизжала Ундина. Ведьма судорожно взмахнула руками, схватилась за грудь, словно пытаясь отстегнуться. Ее метла заплясала в воздухе. Зарина и Сабрина шарахнулись в одну сторону, Карина с целительницей в другую. Если бы метлы сцепились, все ведьмы рухнули бы на землю.

Светлана схватила метлу Ундины за рога управления. Метла дернулась так, что предплечье ведьмы отозвалось острой болью. Целительница стиснула зубы, но руки не разжала. Метла последний раз вздрогнула, успокаиваясь. Теперь можно было заняться

обезумевшей ведьмой. Ундина продолжала истошно вопить, и ее крик словно аккомпанировал жуткому вою, доносившемуся с земли.

– Что случилось, Уна?

– Валет! – завопила ведьма. – Валет умирает!

– Повторяй за мной! – ответила Светлана и начала громко выкрикивать заклинание. Ундина вторила ей. Пламя погасло как раз тогда, когда они произнесли последние слова. Светлана сделала несколько пассов и ободряюще погладила Ундину по плечу, активировав магию амулетов.

– Что ты применила? – спросила Карина.

– Разрыв Кертель, – отвечала Светлана. – Он разрушает Клятву Синергистов.

Карина задумчиво хмыкнула, подумав о совпадении имени наставницы и неизвестной чародейки. Однако это еще ничего не значило, «Кертель» входило в десятку самых распространенных в Мандре женских имен.

– Как хорошо, что хоть кто-то из нашего крыла на уроках не играл в карты, – сказала старшая крыла. – Спроси Тенквисса, нужна ли помощь.

Светлана чуть прикрыла глаза, выходя на связь.

– Тенквисс говорит, что нет, а Шенвэль… – начала целительница. Вдруг глаза ее широко открылись, на ее лице появилось безграничное изумление.

– Карина, меня Онуфрий спрашивает, что у нас происходит! – воскликнула Светлана.

– Онуфрий? – изумилась Карина. – Они что, слышали крик Валета в замке Ивана?

Родовое гнездо князей Черногорских находилось верстах в пяти к востоку от замка дракона.

– Они с Иваном здесь, на КПП! – возбужденно выдохнула Светлана.

С грохотом брызнула во все стороны черепица. Из отверстия в крыше вырвалось пламя. Вслед за ним, словно головы чудовищного птенца, разбивающего скорлупу, показались головы на длинных шеях.

Огромный дракон мотал всеми шестью головами и неуклюже переступал с ноги на ногу. Маленький черный дракон, в которого превратился Заш, едва успевал уворачиваться. Черепица, куски балок и какая-то труха сыпалась прямо на головы экенов и эльфа. Тан попытался вырвать хвост, застрявший в окне. Окно превратилось в звездчатую дыру, по стене пошла трещина.

Шенвэль кубарем скатился с завала.

– Ты что, рехнулся? Зачем ты превратил их в драконов? – завопил Крюк. Гёса дернул его за куртку, но экен только отмахнулся.

Эльф смущенно почесал за ухом.

– И на старуху бывает проруха, – сказал он. – Я ошибся. Я подумал, что это големы.

– Мне тоже так показалось, – пробормотал Гёса.

Стена, на которую Тан навалился боком, тяжело охнула. Посыпались кирпичи, а потом центральная секция крякнула и вывалилась наружу. В пролом крыши лил дождь, дальняя часть крыши горела, роняя длинные огненные слезы.

– Я заставил их принять свой истинный вид, – закончил Шенвэль.

– А других заклинаний ты не знаешь? – яростно спросил Крюк.

– Знаю, – очень спокойно ответил эльф. – Но если бы кое-кто здесь хранил верность принесенным клятвам, мы бы уже открыли Дверь, и мне не пришлось бы упражняться в заклинаниях.

– Зачем ты убил Валета?

– Он сам себя убил, – сказал Шенвэль. – Только женщина может пройти по двору.

Тан чуть не наступил на Заша, попятился назад и врезался в стену. Замок вздрогнул. Перед глазами Гёсы поплыло какое-то странное марево. Воздух дрожал, как это бывает во время сильной жары, хотя в зале было довольно прохладно. Очертания предметов искажались, звуки глохли.

– Что это? – воскликнул экен. – Откуда этот туман?

– Для нашего мира Тан слишком велик, – ответил эльф. – Надо загнать его обратно, в Подземный мир! Иначе он сам проломит дыру, куда пол-Рабина затянет…

Заш осторожно прокрался между передними лапами сородича. Приподняв голову, он заглянул за завал. Крюк хлестнул его мечом по глазам. Заш зашипел и отпрянул.

– Как? – спросил Гёса, уже зная ответ.

– Откроем Дверь, – отвечал Шенвэль. – Попроси Зарину пока отвлечь Тана.

Гёса чуть прикрыл глаза и зашевелил губами.

– Нас же только трое! – прорычал Крюк.

Иван позабыл про свой вопрос и крикнул Онуфрию:

– Спроси Светлану, как мы можем им помочь!

Абдула, привалившийся к стене, встрепенулся и подошел к пролому. Рахман, с беспечным видом ковырявшийся в носу, тоже вытянулся по струнке и широко раскрыл глаза.

– У них все в порядке, а вот сидх из замка просит… – начал Онуфрий.

Но Иван его не слышал. Из-под крыши замка вырвалось пламя. Потом появилось три головы, а потом еще три. Головы яростно метались во всех направлениях и плевались огнем. Несмотря на дождь, замок занялся быстро и охотно. Драконы не преобразовывали Чи Огня, как люди; они сами были Огнем, и все, чего касалось их дыхание, загоралось магическим пламенем, которое было очень сложно сбить.

– Андрей! – закричал князь. – Скачи за пожарной командой!

Воевода вылетел из КПП, как ошпаренный.

– Вам бы я тоже это советовал, – тоном ниже обратился Иван к старому эльфу. – Тем более, что дождь слабеет.

– Я уже связался телепатически, с кем нужно, – ответил Лакгаэр.

В этот момент в дверь просунулась голова, облепленная мокрыми светлыми волосами.

– Ваня, ты здесь? – спросила голова осторожно.

Глава Нолдокора обернулся. Пришедший оказался высоким нескладным парнишкой лет четырнадцати в промокшей насквозь рубахе. Князь увидел подростка.

– Что случилось, Митя? – спросил он.

Эльф понял, что это младший брат Ивана. Подросток протиснулся внутрь целиком. Дверь он так и не открыл полностью, словно боялся сорвать ее с петель. Митя покосился на Лакгаэра. Глава Нолдокора безрадостно наблюдал, как на круглом добродушном лице княжича проступает давно знакомое старому эльфу выражение опасливой жестокости.

– Сейчас сюда мать придет, – сказал Митя. – К ней прибежала из замка какая-то дама и сказала, что вы здесь заговор против императора и законов разводите.

– Спасибо, братец, – сказал Иван мрачно.

Лакгаэр знал, что отношения в семье князя очень сложные. Файламэл умерла, когда Ивану было всего семь лет. Ладомир вскоре женился снова, на молодой рабинской дворянке Анастасии. Она незамедлительно родила Ладомиру своих детей – Елену и Митю. При старом князе Анастасия головы не поднимала. Ладомир прошел всю войну, и почти сразу же по возвращении домой погиб, погиб глупо и странно. Немедленно пошли слухи, что Анастасия приложила руку к смерти мужа. И старому эльфу казалось, что в этих слухах есть большая доля истины. Анастасия хотела сама править Рабином. По человеческим законам о наследовании, вторая жена Ладомира имела столько же прав на престол, сколько и последняя прачка с княжеского подворья. Если бы даже Иван и Елена вдруг исчезли, то Митя не смог бы править Рабином. Подросток нуждался бы в регенте, хотя бы некоторое время. Старый эльф почти не сомневался в том, что до совершеннолетия младший брат князя бы не дожил. Очевидно, понимал это и Митя, раз пришел предупредить Ивана.

– Это моя вина, князь, – сказал Владислав, виноватым жестом прикладывая ладонь к груди. –Розалия спит очень чутко, и она проснулась, когда я встал. Она закатила мне истерику, кричала, что в моем возрасте уже стыдно должно быть ходить по бабам…

– Наоборот, гордиться надо таким мужем, – тихо сказал Онуфрий. Князь усмехнулся, чуть улыбнулись даже бесстрастные экены. Лакгаэр понял, что со стороны баронессы это был не пустой упрек. У Розалии имелись какие-то основания полагать, что барон действительно изменяет ей. «Однако», подумал старый эльф, по-новому взглянув на Владислава. Судя по внешности, барону было не меньше пятидесяти лет. Мандречены, если и доживали до этого возраста, обычно женщинами уже не интересовались. Гораздо больше их уже волновали скачки давления, ревматизм и простатит. Лакгаэр знал, что дело здесь не в «некачественности» материала, из которого состояли тела мандречен. Гены эльфов и людей не так уж сильно отличались, на самом-то деле. Полане и боремцы сохраняли ясность рассудка до семидесяти лет. Отцу теперешнего Первого Бека Сюркистана и вообще было семьдесят пять, когда у него родился последний ребенок.

Но и полан, и сюрков мандречены оставляли далеко позади в своем искусстве пития.

– Пришлось рассказать ей, куда вы меня вызываете, – продолжал Владислав. – Вы уж простите…

Иван устало махнул рукой.

– Я могу уйти, – сказал старый эльф, приподнимаясь. – Я буду в ближайшем доме, а Онуфрий будет связываться со мной телепатически…

– Да, вы заговаривайтесь быстрее и расходитесь, – сказал Митя, шмыгнув носом.

– Сидите, – сказал Иван сквозь зубы. Лакгаэр опустился обратно на табурет. – Онуфрий, высуши Митю, он же так простудится.

Маг, не меняя позы, метнул в подростка красную ленту своего Чи, от одежды княжича с шипением повалил пар. Митя ойкнул от неожиданности.

– Домой тебе сейчас нельзя, – сказал князь задумчиво. – Можешь с матерью по дороге столкнуться… Лакгаэр, а что там, за дверью, откуда вы пришли?

– Каморка, где спит дежурный, – ответил эльф.

– Отлично, – сказал Иван. – Митя, посиди пока там.

Подросток скрылся в каморке.

– Сидх спрашивает, не можем ли мы телепортировать в замок Танцора Смерти, одного, прямо сейчас, – скороговоркой произнес Онуфрий.

– Интересно, зачем, – удивился барон.

Ульрик признался главе Нолдокора, что в замок пошел Шенвэль, подмастерье столяра. Но подмастерье столяра вряд ли нуждался бы в Танцорах Смерти. Лакгаэра пронзила догадка. Это было невозможно, невероятно, но Танцоры Смерти могли понадобиться только одному эльфу. И люди тоже должны были понять это с минуты на минуту.

– А больше ему ничего не надо? – спросил ошеломленный Иван.

Абдула кашлянул.

– Я же говорил тебе, князь, что буду танцевать сегодня, – сказал экен. – Пусть Онуфрий швыряет меня в замок!

– Ну хорошо, – пробормотал Иван.

Маг поманил экена к себе. Абдула направился к Онуфрию. Рахман нетерпеливо цокнул языком.

– Сидх просил только одного! – покосившись на телохранителя, сказал князь.

Рахман помрачнел. Абдула остановился, не доходя до мага аршина три. Лицо экена было абсолютно спокойно. Видимо, маг «швырял» Абдулу далеко не первый раз. Онуфрий встряхнул кистью, сделал несколько пассов. Вспышка раскрывшегося телепорта совпала с очередным ударом молнии. Пол под ногами задрожал.

– Похоже, молния угодила прямо в замок, – сказал Иван.

Но эта была не молния. Потрясенный князь, его свита и Лакгаэр смотрели, как стена замка рухнула прямо в ров, выплеснув гнилую воду и ряску на площадь. Внутренности замка открылись, как разрезанные ножом. Магия в светильниках продолжала действовать, и тронный зал сиял в ночи, словно ярко освещенная сцена. Огромные черепа и мечущиеся по залу драконы были видны как на ладони. На теле большого дракона один за другим стали

расцветать яркие красные фонтанчики. Рев усилился настолько, что стало больно ушам. Князь догадался, что ведьмы пришли на выручку экенам в замке и стали бомбить чудовище. Нанести серьезного урона они не могли, но хотя бы отвлекли дракона. Сходство с театральной постановкой усиливалось тем, что со стороны замка стала отчетливо слышна дикая музыка, которая тревожила душу и заставляла сжиматься сердце. Мелодия странным образом переплеталась с ревом разъяренного дракона, образуя выразительную симфонию. Иван всегда любил сидеть в первом ряду; но в этот раз он бы предпочел место на галерке. Да и в музыке, на вкус молодого князя, было слишком много грохота. Иван предпочитал более нежные мелодии.

Князь увидел, как пространство между черепами заполняется темнотой, и сначала подумал, что магия светильников потеряла силу при разрушении стены. Черный прямоугольник рос, пока своими вершинами не уперся в макушки черепов. Затем в его центре вспыхнула ослепительная спираль.

И тут Иван понял, что это за музыка, хотя слышал ее первый раз в жизни. Повернувшись к Лакгаэру, он выдохнул:

– Так там же Лайтонд!

– А говорили, что он погиб при захвате Мир Минаса… – пробормотал потрясенный барон.

Глава Нолдокора только развел руками.

Когда рухнула стена замка, ведьм качнуло в воздухе вместе с утесом. Метлы отталкивались от поверхности земли, когда летели, и все колебания почвы мгновенно сказывались на ровности полета.

Зарина прокричала:

– Гёса хочет, чтобы мы бомбили большого дракона! Иначе они все погибнут!

– Ну что же, – сказала Карина. Допустить гибели экен, а вместе с ними и целого звена, старшая крыла не могла. – Прикройте меня! Света, ты с нами вместо Ундины! Вы на головы, я на спину! Вперед!

Засвистели вынимаемые из пазов за спинками сидений мечи. Ведьмы обнажали оружие и кидались вниз, на черную громаду замка.

Мимо мелькнула огромная голова с налитым кровью глазом. Карина лихо развернулась, чуть не сорвав локтем со стены магическую лампу. Здесь, внизу, было очень душно. Воздух как-то странно дрожал перед глазами ведьмы, искажая очертания предметов и не давая возможность определить точное расстояние до чудовища. Казалось, что гладкая спина, покрытая чешуей, уже под самыми башмаками ведьмы. Но высотомер показывал четыре с половиной сажени. Светлана рассказывала Карине, что самый высокий дракон из когда-либо убитых неречью был весь такого роста, от кончика хвоста до самого носа. Карина нажала на педаль сброса и тут же дернула ось метлы на себя так резко, что чуть не кувырнулась назад. Метла нервным скачком поднялась аршин на пять. Ведьму настигла ударная волна вместе с горячими ошметками мяса Тана. Заряд был слишком мал, чтобы повредить позвоночник дракона, но вполне достаточен, чтобы доставить ящеру массу незабываемых ощущений и заставить забыть о каких-то козявках, спрятавшихся от него в черепах давно погибшего родича. Тан начал извиваться всем телом и закрутился на месте, словно собака, которую кусает блоха.

Карина выровняла метлу, пригнулась вперед к самой оси и рванулась вперед так, что у нее в ушах засвистело. На педаль она жала почти непрерывно.

Зарина увидела, как надуваются щеки ближайшей к ней головы дракона. Тан хотел сжечь Карину. Ведьма чуть провалилась в воздухе (в Горной Школе этот маневр назывался «сядь на горшок») и рубанула по шее наотмашь. Рубить шею дракона мечом ведьмы было все равно что перочинным ножичком ковырять вековой дуб. Но огромная голова начала медленно поворачиваться к ней, дракон забыл про Карину. В алом свете догорающей крыши Зарина видела Сабрину, с маху ткнувшую мечом в нос соседней голове. Огромная пасть

раскрылась, из нее вылетели языки пламени, но ведьма уже перестроилась и висела в воздухе в мертвой зоне рядом со щекой дракона. Тан мотнул головой, надеясь зашибить Сабрину, как надоедливую муху, но ведьма виртуозно повторила его движение и уцелела. Дракон по-прежнему видел ведьму, но достать никак не мог. Светлана поднырнула под нижнюю челюсть другой головы, кольнула ее снизу так, что достала изнутри корень языка. Голову начало рвать. Со стороны это походило на извержение крохотного вулкана. Клочья пламени падали на внутренний двор и стену восточного крыла замка. Горящий комок рухнул прямо на правую переднюю лапу Заша, заодно опалив и грудь. Маленький дракон взвыл, но его жалоба потонула в общем шуме. Одна из голов попыталась схватить пролетавшую мимо Светлану языком. Целительница коротко взмахнула мечом, отрубленный язык, корчась, рухнул вниз. Из раны струей хлынула кровь.

Достигнув основания шеи, Карина свечкой пошла вверх. Значительно облегченная метла слушалась каждого касания. Если бы не это, ведьма не успела увернуться от водопада крови дракона, обрушившегося почти ей на голову. Светлана уже начала задыхаться от запаха горелого мяса, когда Карина вынырнула из клубов дыма прямо рядом с ней.

– Уходим! – крикнула старшая, проносясь мимо целительницы. Светлана продублировала приказ телепатически. Звено, собравшись в клин, ушло в высоту.

Яркая звезда телепорта раскрылась прямо перед носом Заша. Он шарахнулся назад, чуть не угодив под ноги Тану. Из воздуха вывалился смуглый мужчина. И хотя он был одет на мандреченский манер, круто загнутый нос не оставлял сомнений в том, что это экен. Он приземлился прямо на баррикаду, чуть пошатнулся, но устоял. Экен склонил голову перед эльфом.

– Мы с тобой будем на этом черепе, Абдула, – Шенвэль махнул рукой, указывая. – Ты внизу, я сверху.

Абдула юркнул в пасть.

– Прости, Лайто, что мы усомнились, – дрожащим голосом сказал Крюк.

– Как ты это сделал?– пробормотал Гёса.

– Мы, эльфы, тоже кое-чему учимся у людей, – сказал Шенвэль. Про то, что телохранители князя Ивана – Танцоры Смерти, он узнал почти сразу, как приехал в Рабин. – Например, действовать сообща, а не полагаться только на собственные силы.

По лицу экена было ясно, что он ничего не понял.

– Приказывай, – сказал Крюк.

– Полезай наверх, Крюк! – скомандовал Шенвэль. Экен облегченно вздохнул и быстро, пока эльф не передумал, стал карабкаться на макушку другого черепа. Губы Гёсы задрожали.

Он попал в диагональ с эльфом. Ни один Танцор Смерти еще не оставался в живых после этого. Но думал Гёса не о себе, а о Зарине, которая должна была погибнуть вместе с ним.

Шенвэль нахмурился.

– Именно поэтому я запретил вам давать Клятву Синергистов, – сказал он.

Гёса молча развернулся и двинулся к пасти.

– Стой. Дай руку, – сказал эльф. – Левую.

Голова Заша снова появилась над завалом. Шенвэль, не поворачиваясь, ударил дракона направленным пучком Чи с правой руки. Обожженный дракон заревел. Тан наконец разобрался со своими ногами и головами. Три головы дракона повернулись на крик Заша.

Гёса остановился, протянул руку. Шенвэль взял его кисть в свою. Гёса почувствовал, как что-то входит в его ладонь, острое и очень холодное.

– Танцуй, – сказал Шенвэль, отпуская экена. – Танцуй так, как никогда не танцевал!

Гёса нырнул в пасть черепа. Шенвэль засунул руку в глазницу, ухватился за обломок кости. Затем эльф оттолкнулся от криво стоявшего в челюсти нижнего клыка и забросил себя наверх. Из глазницы он перебрался на мощную надбровную дугу. Шенвэль поскользнулся на ошметках плоти дракона и чуть не сорвался с костяного карниза. Эльф оказался на макушке

черепа, пронзенной осколком колонны. Шенвэль вынул из своего мешка ивовую дудку, которую сделал на привале, и зашел за колонну.

Эльф прислонился к обломку, глубоко вздохнул и поднес инструмент к губам.

Тенквисс оказался у восточной стены лишь на несколько мгновений позже Валета. В отличие от экена, он знал о проклятии, и во двор не пошел. Маг взмахнул руками в сложном жесте, бормоча себе под нос заклинание. На стене, как раз между двумя другими выходами, засветились прозрачным светом руны и очертания двери. На следующей фразе Тенквисса она беззвучно распахнулась. Но маг, вместо того, чтобы скрыться в ней, обернулся, ища глазами Заша.

Заш! Немедленно превращайся обратно! Мы уходим!

Маленький черный дракон нетерпеливо мотнул изящной головой. Колючая шкура Заша казалась в магическом свете антрацитово-черной, алые блики играли на ней.

Сейчас, па. Сейчас. Я только схвачу этого проклятого эльфа. Он ведь испортил всю твою жизнь, па! Я раздавлю его, мигом!

Нет, Заш, оставь его!

Заш заглянул за баррикаду и тут же отпрянул. У Тенквисса болезненно сжалось сердце, но он увидел, что морда сына цела.

Ах, ты кусаться! Ну я тебе!

Заш, прекрати! Ты не сможешь его убить, ведь даже я не смог! Иди сюда!

Сейчас, отвечал маленький дракон, уворачиваясь из-под ног своего дяди. *Сейчас.*

Заш решил разметать баррикаду и ткнул завал мордой. Вдруг в голове у него раздался болезненный гул, и дракончик едва успел отскочить от раскрывающегося телепорта.

НЕМЕДЛЕННО СЮДА!

Заш пробрался сквозь подвижный лес ног Чудо Юдича. До двери, около которой ждал отец, оставалось уже рукой подать, когда на дракончика упало что-то горячее, опалив ногу и грудь. Заш завизжал. Тенквисс видел, как лопнула чешуя, как клочьями сползло мясо, обнажая ребра. Внутренний огонь дракона пробил плевру, и Заш вдруг почувствовал, что дышать ему нечем. Тенквисс бросился к сыну, но тут на мага с высоты понеслась огромная ступня Чудо Юдича. Тенквисс едва успел отпрыгнуть назад к магической двери.

Скорее же! Я спасу тебя! Еще два шага, ну!

Ноги Заша подогнулись, и дракончик завалился на бок.

Я что-то… устал… Иди один, папа. Я пока прилягу…

НЕЕЕЕТ!

Колонноподобная нога убралась. Тенквисс побежал к Зашу.

Дрожа, черный прямоугольник развернулся между двумя огромными черепами. Нечеловеческая, дикая музыка огласила зал.

Маг одним прыжком оказался по ту сторону волшебной двери и захлопнул ее за собой. Тенквисс привалился спиной к двери. Дубовую доску сотрясали вибрации Цин. Дерево угрожающе потрескивало.

По морщинистому лицу мага текли слезы.

Зал затопила волна приторно-сладкого запаха. Лакгаэр чихнул. Хотя духи изобрели именно эльфы, они пользовались ими весьма умеренно, в отличие от высокой женщины в черном плаще, ворвавшейся на КПП. Глава Нолдокора увидел алмазную диадему в волосах женщины, уложенных в высокую прическу, и узнал Анастасию.

На щеках князя перекатились мощные желваки. Но Иван даже не повернул головы в сторону мачехи.

– Кто это такой? – взвизгнула Анастасия, тыча рукой в эльфа.

– Это наш гость, – сказал Иван.

– Знаем мы этих гостей! – перебила пасынка княгиня. – Это называется тайные сношения с врагом!

Из-за плеча княгини выглянула пожилая женщина. В руках дама держала раскрытый зонтик, словно щит. Рядом с холеной княгиней женщина напоминала сморщенную обезьяну. На лице Владислава появилось крайне брезгливое выражение. Лакгаэр понял, что эта дама и есть Розалия.

– Этот сидх во время бунта Детей Волоса разрушал капища наших богов! – подхватила баронесса.

– А до бунта насиловал наших женщин! – воскликнула Анастасия.

Лакгаэр молчал, и лицо у него было каменное.

– Кто бы тебя изнасиловал, – сказал Онуфрий тихо, но отчетливо. – Затрахал бы до смерти…

Анастасия захлебнулась от ярости. Иван с благодарностью посмотрел на мага. Лакгаэр догадался, что Онуфрий, помимо основной своей должности, играет при дворе молодого князя роль шута.

Которому позволено то, чего не мог себе разрешить сам Иван.

Розалия сложила зонтик, намеренно обдав Онуфрия брызгами.

– Осторожнее, – сказал княжеский маг.

Баронесса презрительно скривилась и открыла рот, но увидела алые искры, заплясавшие меж ладоней мага.

– Извините, – прошипела она.

– Это было давно, – сказал Иван хладнокровно. – Сейчас Лакгаэр глава эльфов Рабина, и я пригласил его для принятия важного решения. А вот вас я сюда не приглашал.

– Я вам почти что мать! – воскликнула Анастасия. Князя передернуло. – И я имею право находиться здесь! А сидх мог бы подождать за дверью, на своей стороне, пока вы примите это решение!

– Там дождь, княгиня, – напомнил Владислав.

– Меня это не касается! – выкрикнула Анастасия. Княгиня все же поняла, что выгнать сидха ей не удастся, и сменила тему. – Вы заставляете меня стоять, когда этот выродок сидит?

– Барон, уступите место даме, – бесцветным голосом сказал Иван.

Владислав поднялся. Розалия подошла к мужу за табуретом.

– Отчего вы не здороваетесь? – яростным шепотом спросила она.

– Желаю здравствовать вам так же, как вы этого желаете мне, – вежливо ответил барон.

Первое время после замужества баронесса думала, что легко обретет свободу снова. Однако Владислав во время войны выучился держать в руках не только скальпель, но и меч. С пращой же барон обращался так, что и теперь иногда выигрывал у Карины. Трое наемных убийц не оправдали даже взятого ими аванса. Но барон до сих пор оставался в живых не только поэтому. Владислав не оставил практики и оперировал ревенских крестьян так же спокойно, как благородных офицеров в своем полевом госпитале. И подданные просто боготворили нового барона. После четвертого покушения старосты деревень Ревена послали к баронессе ходока. Крестьянин напомнил Розалии про старинный мандреченский обычай. Вдова должна была взойти на погребальный костер вместе со своим мужем. Баронесса поняла, что если Владислав умрет, то обычай будет возрожден, хочет она этого или нет.

Розалия фыркнула и отнесла табурет княгине.

– Все равно я не сяду, пока этот враг рода человеческого здесь! – сказала Анастасия гордо.

– Как вам будет угодно, – холодно сказал Иван.

Но тут наконец горящий замок привлек и ее внимание. Княгиня замолчала.

Первым в Дверь втянуло маленького черного дракона. Судя по безвольно висящим лапам и волочившейся по полу голове, он был уже мертв. Тело скрылось за черепом бывшего хозяина замка. В черном прямоугольнике вспыхнул ломаный зигзаг.

– Откуда они там взялись, интересно знать, – сказал барон задумчиво. – Этот, маленький похож на сильно похудевшего Черное Пламя, но тот, шестиголовый…

Иван вопросительно посмотрел на эльфа. Тот пожал плечами.

– Что здесь происходит? – произнесла княгиня тоном ниже.

– Онуфрий, нам эта Дверь не угрожает? – обратился князь к магу, проигнорировав реплику мачехи. – Может, нам стоит отойти куда-нибудь подальше?

Онуфрий пожал плечами.

– Я сталкивался с Танцорами Смерти только в Пориссе. Их Танец уничтожал все живое в радиусе пяти саженей. Но такую большую Дверь вижу первый раз.

Иван снова посмотрел на главу Нолдокора.

– Мы можем остаться здесь, – сказал Лакгаэр.

После маленького дракона пришла очередь большого. Но дракона таких размеров Дверь не могла поглотить целиком. Сначала оторвалась ближняя к порталу половина тела. С чавканьем и хрустом, слышным даже на КПП, она стала вминаться в узкий проход между черепами.

Анастасия побледнела и поднесла руки ко рту.

– Мне дурно… – пролепетала она.

Розалия, поспешно вытащив веер, стала махать на княгиню.

Из разорванного тела повалились пламенеющие внутренности. Одна из голов метнулась в сторону портала, и ее выдрало из тела вместе с шеей. Дракон зарычал, но даже люди слышали в его голосе ужас и боль.

– Прекрати, Роза, мне так только хуже… – Анастасия сделала горлом булькающий звук.

Иван покосился на мачеху и сморщился.

– Если вы собрались блевать, будьте любезны сделать это на улице, – сказал он.

– Но там же дождь! – гневно воскликнула Розалия.

– Подержите зонтик для своей госпожи, – сказал князь равнодушно. – Рахман, проводи.

Экен вынул палец из носа, задумчиво осмотрел добычу и отвалился от стены.

– Пойдемте, княгиня, – сказал он, взял Анастасию под руку и энергично потащил к выходу. Княгиня едва успевала перебирать ногами. Розалия посмотрела на Ивана с ненавистью. Потом баронесса подхватила зонтик и пошла за своей госпожой, выкрикнув напоследок:

– Вы за это еще ответите!

Пять голов судорожно бились, пытаясь ухватиться за скользкие от крови черепа. Две оставшиеся ноги дракона медленно скользили по полу. Раздался треск. Из груди дракона вылетела огромная кость с обрывками мяса на ней, и врезалась в стену. Дракон жалобно вскрикнул в последний раз и исчез.

– Ведьмы спускаются вниз, подобрать экен, – сказал Онуфрий. Он единственный не смотрел на площадь. Маг вообще сидел с закрытыми глазами, и поэтому выглядел бодрее всех. Лица у Владислава и князя были зеленоватые.

Шенвэль спрыгнул с черепа. Щегольский костюм эльфа побурел от крови, ткань усеивали ошметки плоти дракона. Плащ взметнулся в полете, и Шенвэль показался Гёсе обожравшимся вампиром. Эльф мягко, как кошка, приземлился на окровавленный завал. Экен услышал шорох и увидел Абдулу. Разбрасывая мечом кровавую массу, Танцор Смерти выбрался из пасти напротив.

– Посмотри наверху, – сказал Шенвэль. Абдула проворно вскарабкался на череп. Сам Шенвэль, пригнувшись, пробрался между зубами и подошел к Гёсе.

Экена придавило зубом Тана. В агонии дракон пытался ухватиться за череп Морул Кера, и огромный клык вывернуло с корнями. Гёса знал, что его правая рука сломана, а все ребра с правой стороны раздавлены. Экен оставался в сознании только потому, что успел обезболить себя заклинанием, которому его научила Зарина. Гёсе повезло, что ни одно из раскрошенных ребер не проткнуло легкие. Шенвэль обхватил зуб двумя руками и отшвырнул его прочь. Затем присел на корточки рядом с Гёсой. Эльф взял левую кисть экена

в свои. Черная дымка окутала руки обоих.

– Ты будешь жить, – сказал Шенвэль, поднимаясь. – Если ведьмы успеют доставить тебя в госпиталь, и там будет хороший хирург. Если же ты умрешь, то от ран. А не оттого, что танцевал сегодня со мной.

– Благодарю тебя, Лайто, – с трудом проговорил экен.

– Теперь твое дело молчать и не шевелиться, – сказал Шенвэль.

В пасть заглянул Абдула.

– Танцор Смерти наверху тяжело ранен, – сказал экен.

Дверь втягивала в себя все живое, но не защищала тех, кто был ее «рамой». Абдулу с Гёсой хоть немного прикрыли от летящих кусков плоти зубы Морул Кера, Шенвэль спрятался за обломком колонны. Крюк же танцевал на полностью открытой площадке.

– До прибытия ведьм не трогай его, – сказал Шенвэль, и они оба выбрались из пасти.

– Позвольте мне вернуться к князю, – сказал Абдула почтительно, когда они спустились с баррикады. Шенвэль посмотрел на красный глаз КПП, горевший над изгаженной площадью, словно маяк над бурным морем.

– Дождись, пока ведьмы заберут раненных, и можешь возвращаться, – сказал эльф. – Передай Карине, чтобы меня не искала, я не трону Тенквисса. Понял?

– Хорошо, Лайто, – сказал экен.

Шенвэль подошел к стене, остановился между двумя дверями и сплел пальцы в магическом жесте.

– Лайто, – сказал Абдула. – Ты ведь ее знаешь. А что, если…

– Тогда пусть люди уходят с берега, – сказал эльф и шагнул в открывшийся проем.

Карина и Инна, ведьма из звена Марины, кружили в воздухе, осматривая зал. Карина искала Тенквисса, живого или мертвого. Да и с эльфом ей хотелось бы перемолвиться парой слов.

Как только Дверь исчезла, старшая крыла отправила двух ведьм во двор, забрать тело Валета. Тройку Дарины Карина оставила в небе, на всякий случай, а звено Зарины пошло на посадку в замок. Для приземления в разгромленном зале годилось только возвышение с двумя тронами. Зарина прибыла первой и столкнула трон дракона напрочь. Светлана высадилась на макушку черепа, где лежал истерзанный Крюк. Ундина и Сабрина прямо в воздухе крепили плащ Сабрины к своим метлам, чтобы вынести раненного экена.

Зарина заметила незнакомого экена в форме Танцора Смерти. Воин сидел на баррикаде, свесив ноги вниз. Ведьма вскинула руку с мечом.

– Спокойно, сестра. Ты можешь поранить кого-нибудь, если будешь так размахивать этой железкой, – сказал Абдула по-экенски.

– Кто ты такой? – спросила Зарина. – Откуда ты взялся?

– Успокойся, – раздался из пасти слабый голос Гёсы. – Это Абдула, он танцевал с нами…

Зарина кинулась вперед, на ходу поймав свою метлу. Ведьма держалась за нее, словно за копье, которое хотела метнуть, и Абдула невольно сжал свой меч. Но метла плавно пошла вверх. Экенка поджала ноги, чтобы не зацепиться за баррикаду. Метла подняла свою хозяйку на завал. Зарина отпустила ее и нырнула в пасть.

Карина поняла, что ни Тенквисса, ни Шенвэля в зале нет, и приземлилась. Ведьма увидела на полу под опрокинутым троном Королевы Без Имени маленькую книжицу, нагнулась и подняла ее. Кожаный переплет позеленел от пролитого на него эликсира, листы скрутило и выгнуло. Вряд ли кому-нибудь удалось бы теперь что-нибудь прочесть в этой книге. Но Чи Тенквисса в ней еще хватало, чтобы использовать книгу как поисковый талисман.

Светлана остановила кровотечение и наложила фиксирующее заклинание на сломанную шейку бедра. Больше ничем целительница не могла помочь Крюку.

– Несите его госпиталь, – сказала Светлана, подзывая метлу. – Требуйте Поджера. Из

хирургов еще есть Эней, но он в основном по абортам…

Она осторожно подтолкнула Крюка, потом напряглась и пихнула тяжелое тело изо всех сил. Крюк упал на плащ, который ведьмы держали прямо у края черепа. Целительница поправила свесившуюся руку экена. Ундина и Сабрина, приговаривая ласковые слова, заставили метлы выйти на высоту и покинули тронный зал.

– Сюда, Светлана! – позвала Зарина из пасти.

Целительница спустилась к основанию черепа и тоже заметила экена.

– Абдула, – сказала Светлана удивленно. – А ты как сюда попал?

– Лайто был нужен один Танцор Смерти, – сказал Абдула. – И Онуфрий швырнул меня сюда.

– Но как вы оказались на КПП? – спросила Светлана. – Откуда вы узнали, что Лайто здесь?

– Сестра князя видела их, когда они шли через старую шахту, – ответил экен.

– А где Лайто сейчас? – спросила Карина, подходя к завалу. – И где маг, который был с ним?

Светлана хотела еще что-то спросить, но тут Зарина снова закричала из пасти:

– Светлана, скорее!

Целительница пробралась в пасть. Инна, снизившись, свистом подозвала метлу Зарины и стала сооружать вторые носилки.

– Никакого мага я не видел. А Лайто ушел сразу после того, как мы закрыли Дверь, – сказал Абдула. – Он оставил тебе послание, Карина.

Ведьма усмехнулась.

– Да? И какое же?

– Не ходи за ним, – глядя на Карину тяжелым взглядом, сказал экен. – Тогда Тенквисс будет жить. Я думаю, ты знаешь, кто это.

Светлана и Зарина вытащили Гёсу из пасти. Инна зависла на одном уровне с краем баррикады. Целительница и экенка опустили Гёсу на плащ, как младенца в люльку, и Зарина ловко вскочила на свою метлу. Инна только этого и ждала. Ведьмы стали медленно подниматься в воздухе. Плащ натянулся под тяжестью тела, метлы неохотно шли с перегрузом.

В зале остались только старшая крыла «Змей», Светлана и Абдула. Через распахнутую дверь были видны две ведьмы во дворе. Над их головами мигал голубой магический шар. Ведьмы тоже соорудили носилки и перекладывали туда что-то, больше всего напоминающее обугленное бревно.

– Куда ушел Лайто? – спросила Карина, в упор глядя на экена.

– Ты не веришь его слову? – спросил Абдула.

Карина яростно топнула ногой и закричала:

– Куда ушел этот проклятый сидх?

Абдула указал на стену между двумя дверями.

– Он раскрыл себе проход вот здесь, – сказал экен неохотно. – Но ты должна знать, что обрекаешь на смерть людей Рабина.

– Это мы еще посмотрим, – сказала Карина сквозь зубы. Ведьма прижала книгу к боку, сложила пальцы в сложном жесте. Светлана с сомнением покачала головой, но тут в стене засветились контуры волшебной двери. Одновременно с этим раздался гул. Первым огненную стену, вставшую изо рва, заметил Абдула.

– Шайтан! – закричал он. – Как же мне теперь попасть к Ивану?

– Я отнесу тебя, – сказала Светлана Абдуле. – Не оставим же мы тебя одного в горящем замке!

Абдула всегда симпатизировал ведьме, но в этот момент окончательно убедился, что князь сошелся с ней в счастливый для экена час.

– Что случилось? – изумилась Карина.

Вспыхнувший ров должен был послужить сигналом ведьмам, но в этом случае он

немного запоздал.

– Замок пропитан магией, – сказала Светлана. – Это как костяшки домино, стоит задеть одну, и обрушится все… Карина, не ходи, прошу тебя. Лайто ведь пообещал. Они раздавят тебя и даже не заметят!

– Если ты так печешься о моей судьбе, – не глядя на подругу, ответила ведьма. – Пойдем вместе.

Волшебная дверь распахнулась, из нее хлынул нестерпимо яркий свет.

– Карина, подожди хотя бы, пока я отнесу Абдулу!

– Догонишь, – бросила Карина и скрылась в проходе.

Светлана подозвала метлу и сурово крикнула экену:

– Садись!

Абдула поспешно вскочил на сиденье за спиной ведьмы, пристегнулся. Светлане уже приходилось носить телохранителя князя на своей метле, и полета экен не боялся. Ведьма, однако, повернула в противоположную от площади сторону. Светлана вылетела во внутренний двор. Абдула задел ногой за косяк, и его чуть не сорвало с метлы.

Две ведьмы как раз взлетали с останками Валета на плаще.

– Оставьте! – воскликнула Светлана.

Ведьмы притормозили в воздухе.

– Марина, идите за Кариной, срочно!

– Что случилось? – спросила Марина.

– Тенквисс исчез, Шенвэль ищет его, – торопливо начала объяснять Светлана.

– Наверняка, чтобы прикончить, – заметила вторая ведьма, и звеньевая согласно хмыкнула.

– А Карина ему хочет помешать! – ответила целительница. – Но ей не справиться с эльфом одной!

– Конечно, нет, – сказала Марина. – Это же сам Лайтонд.

– Так помогите ей, догоните, пока волшебная дверь не закрылась!

– Извини, Светлана, но Карина приказала нам отнести тело в госпиталь, – сказала Марина твердо.

Светлану словно обдало холодной водой.

– Да как же…. – начала ведьма растерянно.

И тут она поняла.

– Ты сама хочешь быть старшей крыла! – закричала Светлана.

Если бы возникла хоть тень подозрения, что Карина умерла от ее рук, у Марины отобрали бы метлу, и она больше никогда не поднялась бы в небо. Но сейчас удача плыла в руки честолюбивой дочери герцога Бронилада. Карина сама пошла на верную смерть. На разборе случившегося в Горной Школе было бы только слово Светланы против слова Марины.

Марина холодно посмотрела на целительницу и подала знак второй ведьме. Они стали подниматься в черную высоту. Плащ с телом Валета ритмично раскачивался между их метлами.

– Ёрдмунганд! – воскликнула целительница.

Так боремцы звали огромного змея, опоясывающего землю. Но на мандречи подобное сочетание звуков звучало как забористая матерная брань.

II

Алая нить горела в воздухе длинных пустых коридоров и мрачных пустых залов, дрожала над крутыми винтовыми лестницами.

Все время вниз, и вниз, все глубже под землю. Маг спешил к потайному выходу из замка.

Шепот и мерзкое хихиканье, которые сначала едва доносились до слуха Шенвэля,

становились все громче. Замок дракона охраняли созданные Черным Пламенем стражи, жуткие твари, выведенные путем скрещивания домовых и упырей. Такие охранники в отличие от живых гвардейцев обходились очень дешево. Они не требовали жалованья, не рубили мебель в пьяном угаре, и не портили девок, родители которых потом приходили бы за отступным. Большую часть времени злобные призраки находились в оцепенелом полусне. Их пробуждала к активности только кровь, а ее сегодня пролилось уже больше чем достаточно. Но на эльфа духи-стражники не нападали, хотя, как он чувствовал, следовали за ним по пятам. Они вспомнили Шенвэля и предпочли не связываться.

Алая нить Чи мага становилась все толще и ярче. Тенквисс побывал здесь совсем недавно. На одной из развилок, где маг повернул влево, Шенвэль задержался. Справа доносилось журчание воды. Эльф потратил много сил на Танец Смерти. Нехватка Чи проявилась в бешеной жажде. Шенвэль словно почувствовал у себя на губах железистый привкус холодной воды. Эльф пошел на звук.

На стенах при появлении Шенвэля замерцали магические лампы. Эльф сощурился, осматриваясь.

Каменная лестница привела его в небольшой зал с серыми, неровными стенами. Источник, на звук которого и пришел Шенвэль, был заключен в кувшин, вделанный в стену на уровне плеча эльфа. Вода падала в малахитовую чашу, из которой, очевидно, имелся сток. У противоположной стены стояло несколько искусно сделанных кустов ракитника. Изумрудные листья и рубиновые ягоды казались настоящими. Шенвэль взглянул себе под ноги. На малахитовой плитке тут и там красовались цветы и бабочки, усиливая сходство с летним лугом. Эльфу стало больно дышать. Шенвэль узнал место, которое старался воссоздать дракон.

Морул Кер скопировал любимую лужайку своей возлюбленной, Королевы Без Имени.

Шенвэль подошел к фонтану, на всякий случай проверил источник – не заговорено ли, и позабыл о том, что хотел пить.

В каменном кувшине, полностью погруженный в воду, лежал Эрустим. Стало ясно, почему дракон не смог забрать жезл с собой, когда бежал из замка в прошлый раз. Хотя артефакт находился под самым носом хозяина, от простого взгляда Эрустим был надежно укрыт стенками кувшина, а через Воду Морул Кер не видел. Но он догадался о чем-то похожем, поэтому и пытался приготовить эликсир.

Шенвэль понял, кто спрятал жезл здесь.

Горловина кувшина была слишком узка для руки эльфа. Для мужской руки.

Он, как во сне, наклонился и подставил губы под струю. Шенвэль почти не чувствовал вкуса воды, который так дразнил его воображение, пока он шел к источнику. Напившись, эльф прислонился к стене. Его трясло, как в лихорадке.

Придел Королевы Без Имени соседствовал с сокровищницей замка. Шенвэль смотрел на груду золотых монет, тепло мерцавших в магическом свете, на вмятину, оставшуюся от тела дракона. Парадный панцирь, украшенный рубинами и агатами, торчал из золота, словно коряга из песка на речном берегу. Рубины переливались алым. Панцирь напоминал труп, у которого освежевавшие его оборотни успели отгрызть только руки и голову. Эльф видел этот доспех на Морул Кере в день, когда стоял на эшафоте. Дракон тогда был в человеческом облике, а рядом с ним сидела Королева Без Имени. Она пришла посмотреть на казнь, и даже не закрыла лица.

Мысли Шенвэля кружились, как деревянные лошадки на карусели. Вперед и по кругу, не находя выхода.

Эрустим обладал собственной волей. Это он позвал Шенвэля сюда. Жезл истосковался без хозяина, изголодался без крови. С пальцев эльфа соскочили синие искры. Шенвэль отдернул руку, словно обжегся. Он прижался горячим лбом к влажной стене, и у него заломило виски от холода.

Шенвэль мог разбить кувшин и достать Эрустим, даже не прибегая к магии. Достаточно было протянуть руку.

Но он слишком хорошо знал, что будет потом. И дело было даже не в клятве, которую эльф когда-то дал жрецу Ящера.

– Ведь сто раз ходил в Лабац, – пробормотал Шенвэль. – И вот надо же, чтобы именно сегодня…

Ласково журчала вода. Наверху горел замок. Минуты, как капли срывались в вечность.

Эльф не услышал шагов за спиной.

Светлана гнала метлу на предельной скорости. Под ногами ведьмы мелькнули языки пламени, обломки стены и залитая водой площадь. Рахман заметил приближение черного силуэта. Экен сдернул Ивана со стула и упал на князя сверху, прикрывая своим телом, за миг до того, как метла с двумя всадниками ворвалась в пролом в стене. Ведьма развернулась в воздухе, раскрыв руль на полную. Светлане надо было погасить скорость. С пола взметнулась туча пыли. Целительница приземлилась в центре зала, щелкнула пальцами, и метла исчезла. Абдула едва успел отстегнуться.

Иван рванулся из рук телохранителя.

– Света, – бормотал князь, обнимая ведьму. – Светланка…

– Ваня, ну ты что… – пробормотала Светлана. – Тут же люди…

Она успела заметить барона Владислава, какого-то незнакомого эльфа весьма преклонного возраста и Онуфрия у дальней стены.

– Князь, – услышала Светлана голос Абдулы. – Лайто просил передать тебе, чтобы люди покинули берег.

Ведьма ощутила, как затвердели руки Ивана. У князя стало отчужденное, далекое лицо. Светлана с искренним восхищением смотрела на него. Вот за эту способность в пиковых ситуациях не терять головы она его и любила.

Иван выпустил подругу и повернулся к эльфу.

Светлана услышала негромкий скрип и покосилась на дверь. В зал вошла Анастасия. Княгиня увидела ведьму. Светлана широко улыбнулась. Анастасия попятилась, чуть не сбив с ног Розалию.

Через три дня Ивану исполнялось двадцать семь. В Мандре мужчина в этом возрасте обычно имел троих детей, и часто – уже вторую жену. Холостяцкая жизнь князя затянулась совсем не по его воле. После гибели двух его невест перед самой свадьбой молодые рабинские дворянки начали сторониться Ивана. Анастасию и так отделяло от желанного престола двое наследников, и новые претенденты, даже совсем юного возраста, княгине были совсем ни к чему. А на Светлане Анастасия споткнулась. Ведьма расправилась с наемными убийцами, не вставая с постели, где нежилась с князем. Правда, потолок и стены в покоях пришлось белить заново. А у княгини на следующий день вскочил чирей на самом неудобном месте. Вдобавок Анастасия покрылась коростой. Княгине удалось вылечиться, но с тех пор Анастасия боялась Светланы хуже чумы.

– Согласно договора между Фейре и Мандрой, – сказал князь, в упор глядя на Лакгаэра. – Убытки, нанесенные во время уничтожения Эрустима, возмещению не подлежат. Я помню об этом. Но я прошу вас о помощи, глава Нолдокора. Мы оба знаем цену словам Лайтонда. Возможно, рухнет не только замок, но и сам утес, на котором он стоит. Даже если я объявлю эвакуацию немедленно, большая часть людей не успеет уйти от волны.

Анастасия затаила дыхание, впрочем, как и все в зале. От согласия эльфа зависело существование Рабина. Но в отличие от остальных, на лице княгини проступило торжество.

– Ваня… – начала Светлана. Ведьма понимала, что нельзя вести столь важные переговоры в присутствии городской главы Чистильщиков и хотела предупредить князя, но Иван только отмахнулся. Мачеху он по-прежнему не видел, она стояла у него за спиной.

– Что же вы хотите? – спросил Лакгаэр.

– Я прошу, чтобы маги-сидхи встали вдоль нашего берега и отвели волну, если это возможно, – сказал Иван. – Я гарантирую безопасность ваших подданных на моей земле. Я готов оплатить работу магов согласно расценкам Круга Волшебников Мандры. И вообще, вы

же знаете – такое не забывается…

– Я все слышала! – завопила княгиня с наслаждением. – Ты призываешь сидхов на нашу землю! Какое гнусное предательство! Чего же еще ждать от полукровки! Я так и знала! Я сейчас же сообщу…

Иван обернулся, брезгливо дернув щекой, и взглянул на Онуфрия. Для того, чтобы применить нужное заклинание, замковому магу пришлось встать. Онуфрий прищурился и взмахнул обеими руками.

Анастасия рухнула на пол. Подхватить ее было некому, Розалия потеряла сознание от чар одновременно с княгиней. От удара диадема выскочила из прически княгини и покатилась в угол зала. Лицо Светланы на краткий миг исказила безобразная гримаса, которую заметил только Онуфрий. Ведьма давно искала один шанс. И только что этот шанс процокал перед ней острыми шлифованными гранями по грязному полу. Светлана засунула руки в карманы штанов, словно они у нее озябли.

– Хорошо, – сказал Лакгаэр. – Я сейчас свяжусь, с кем нужно.

Он привалился к стене и чуть прикрыл глаза.

– Извините, не рассчитал, – сказал маг Владиславу. – Привести баронессу в чувство?

– Не стоит беспокойства, – сказал барон хладнокровно и обратился к ведьме: – Светлана, а раненные есть?

Ей понадобилась вся ее сила воли, чтобы выпустить диадему из поля зрения и повернуться лицом к Владиславу.

– Один средний тяжести, один очень тяжелый, и один труп, – сказала ведьма. – Их уже понесли в госпиталь. Лайтонд преследует Тенквисса, это маг, который нас нанял. А Карина пошла за ними. Этот маг – ее старый друг, и…

Лицо Владислава исказилось, как от боли. Иван с сочувствием посмотрел на барона и сказал, обращаясь к подруге:

– Располагайся, Светик. Абдула принесет тебе чаю… Кстати, заодно отнесите княгиню в каморку, нечего ей валяться здесь.

Экены и Онуфрий направились к бесчувственным телам.

Ведьма незаметно покосилась туда, куда укатилась диадема. Глаза ее расширились. Светлана видела смазанный след в пыли, оставленный украшением. Он обрывался в пяти аршинах от стены с фреской, изображающей дракона на луне. Но сама диадема исчезла.

– Я только Абдулу оставить, и сразу же назад, – сказала Светлана.

– Может, в каморке найдется местечко и для Розалии? – спросил барон.

– Найдется, не переживай, – сказал Рахман.

Абдула с Онуфрием подняли баронессу. Рахман замешкался над Анастасией, хотя вполне мог поднять княгиню и один.

– Чего встал? – раздраженно бросил Иван.

– Но там твой брат, князь, – сказал Рахман почтительно. – Разве ты не хотел его спрятать как раз от княгини?

Светлана вызвала метлу.

– А, я и забыл, – сказал Иван. – Света, подожди, не улетай.

Князь подошел к двери в каморку, чуть опередив своих телохранителей, и открыл ее.

– Митя, выходи, мы тут положим твою мать, – негромко сказал он. Ответа не последовало. Абдула и Рахман пыхтели за спиной князя. – Митя! Ты что, заснул там, что ли?

– Там и правда кто-то спит, но это не ваш брат, – сказал Онуфрий.

– А где же Митя? – спросил князь растерянно.

Иван посторонился, пропуская экен.

– Там есть еще один выход, в комнатку, из которой управляют вертушкой, – сказал Лакгаэр. Старый эльф догадался, кто там спит, но объяснять князю не стал. – Может, княжич услышал голоса, испугался и убежал?

– Может быть, – сказал Иван задумчиво. – Но получается, что ли, что мой брат сейчас бродит по вашей половине Рабина?

– Вертушка заблокирована, это правда, но для подростка нет ничего легче перепрыгнуть ее, – заметил княжеский маг.

Светлана уже оседлала метлу и пристегнулась.

– Подожди, – сказал Иван, положив руку на рога управления. – Останься.

– Не беспокойся, я пойду за Кариной не одна, а вместе со звеном Дарины, – сказала ведьма мягко, но непреклонно. – Мы прорвемся.

– В замок сейчас может пойти только убежденный самоубийца, – сказал Онуфрий, останавливаясь рядом с князем. – Нам всем надо уходить отсюда. Всем! Ведь и Лайтонд может погибнуть – видишь, как я уважаю твою подругу, – и тогда…

Барон шумно вздохнул. Даже по лицу невозмутимого эльфа скользнула тень ужаса.

Несколько мгновений все молчали, но думали об одном и том же. До гибели Вахтанга Порисского ущелья не было картах. Музыканта Вахтанга убил наемник, лишенный магических способностей, а сейчас Лайтонду противостояли маг и пять боевых ведьм.

– Как же мы сразу не подумали, – пробормотал Владислав. – Молодец, Онуфрий….

– Я думаю, – сказал Лакгаэр. – Мы должны внять совету твоего мага, князь. Лайтонд окружил замок порталом, еще когда в первый раз шел на дракона. Портал должен активироваться в случае смерти Лайтонда и защитить город от Двери, которая при этом раскроется. С нашей стороны ключевые артефакты целы, но все дело в том, что два из них находились на вашей земле. Один был вмурован в статую Черного Пламени, которую снесли сразу после мятежа, а второй был спрятан в памятнике Детям Волоса, который вы демонтировали так же…

Ведьма сжала кулаки.

– Я улетаю в замок, – сказала она яростно. – Вы можете делать все, что хотите!

Иван молча снял руки с метлы.

– Хорошо, – сказал Онуфрий. – Тогда позволь хотя бы мне пойти с тобой. Я читал хроники бунта Детей Волоса и сумею закрыть Дверь, если Лайтонд погибнет. Но я должен войти в нее сразу, как только она откроется, и я должен войти в нее живым.

– Возьми Онуфрия с собой, – не глядя на ведьму, сказал Иван.

– А кто останется с тобой? – возразила Светлана.

– Полегче, Света, – пробурчал Рахман.

– Что полегче? – рассердилась ведьма. – Убивать вы умеете, но во время битвы магов это Ивана не спасет! Онуфрий нужен здесь!

– Вы можете лететь спокойно, Светлана, – вмешался в разговор Лакгаэр. – Я не отойду от вашего князя до тех пор, пока все это не завершится. А я – маг пятого класса.

Светлана коротко взглянула на эльфа и кивнула.

– Ладно, – сказала ведьма Онуфрию. – Садись!

– Только прежде, – сказал барон. – Онуфрий, отправь меня в госпиталь! Там сейчас один Эней, и ведь будут еще раненные… Ему одному не справиться!

Светлана знала, о чем думает барон. Плевать он хотел на раненных. Ближайшим местом, где Владислав теперь мог увидеть Карину, был рабинский госпиталь. И то, если боги будут очень милостивы к его безрассудной подруге.

– Это разумно, – кивнул Иван. – Телепортируй барона, Онуфрий, и отправляйтесь.

Владислав поднялся, подошел к сидевшему на метле магу. Онуфрий поднял руки.

– Швырни меня в дом Поджера, я его разбужу, пойдем вместе, – торопливо сказал барон. – Сейчас в госпитале будут нужны все, кто умеет держать скальпель.

Онуфрий раскрыл телепорт. Светлана увидела сквозь прозрачную вспышку знакомое изголовье кровати и черные кудри Поджера. Барон исчез. Ведьма торопливо поцеловала князя и рывком подняла метлу в воздух. Едва они вылетели в пролом, на них обрушился дождь. Онуфрий от неожиданности фыркнул. Светлана вела метлу почти над самой площадью, и лишь когда до огненной стены вокруг замка оставалось саженей десять, начала набирать высоту.

– Света, – сказал маг. – Диадема у меня.

Ведьма вздрогнула так сильно, что метла вильнула в воздухе.

– Зачем ты мне это говоришь? – спросила Светлана измененным голосом.

Онуфрий тихо засмеялся.

– А то ты не понимаешь, – сказал маг.

– Что ты хочешь? – спросила ведьма.

Маг несколько секунд смотрел на рыжую шлем-косу, которая только и была видна над спинкой сиденья Светланы.

– Тебя, – сказал Онуфрий.

Ведьма выпустила воздух сквозь плотно сжатые зубы. Звук получился очень похож на шипение разъяренной гадюки.

– Но диадему надо воткнуть в щель между камнями, пока замок еще цел. А пока ты удовлетворишь свои желания…

– Я отдам ее тебе, как только мы приземлимся. Но тебе не удастся меня надуть, – сказал Онуфрий спокойно. – Прежде, чем украшение перейдет в твои руки, мы свяжем друг друга чарами. Если ты переспишь со мной до рассвета, я забуду обо всем. Если нет – значит, нет.

Светлана только крепче стиснула руль.

Тенквисс вбежал в сокровищницу. Он чуял, что эльф идет за ним по пятам, и петлял по замку, надеясь сбить преследователя со следа. Маг поспешно пересек зал, отшвыривая попадавшиеся под ноги мелкие алмазы, как гальку. Тенквисс был уже на полпути к тайному выходу из замка, которым один раз уже воспользовался, когда ощутил мощные вибрации Чи. Маг замер, как вкопанный.

В сокровищнице находился кто-то еще.

Маг увидел эльфа и похолодел. Лайтонд затаился рядом с фонтаном, в том приделе, который Тенквисс когда-то обустроил для Королевы Без Имени. Первая мысль Тенквисса была, что его заклятый враг как-то разузнал про тайный ход и подкарауливал мага здесь, пока тот метался по верхним коридорам. Тенквисс вскинул руки для заклинания и только тут увидел, что Лайтонд стоит спиной. С пальцев эльфа посыпались синие искры. Лайтонд резко отдернул руку и что-то неразборчиво пробормотал. А в следующий миг Тенквисс понял, что эльф нашел в кувшине. От неожиданной удачи у Тенквисса захолонуло сердце. «Чистоплюй», мелькнуло у мага. – «Хочешь остаться хорошим мальчиком, несмотря ни на что?».

Он решил вернуться в свой привычный облик. Тенквисс знал, что у него не будет шанса ударить эльфа второй раз. Он мог рассчитывать на успех – и жизнь – только в том случае, если бы ему удалось раздавить эльфа при первом же броске. Маг опутал себя завесой неслышимости. В момент превращения всегда раздавались какие-нибудь звуки – трещала разрываемая одежда, скрипела чешуя. А единственным преимуществом Тенквисса, даже в истинном облике, была только внезапность.

Эльф почувствовал мощные колебания Чи и хотел обернуться. Шенвэль подумал, что это кто-то из особо наглых стражей все-таки решил полакомиться его кровью.

Но эльф не успел.

Черное Пламя просунул в придел лапу, как кошка, которая пытается вытащить мышонка из норы. Огромные когти клацнули по малахиту и впились в тело эльфа. На этой лапе дракона не хватало указательного пальца, и правая рука Шенвэля осталась свободной. Одним точным жестом эльф разбил кувшин. Мокрый Эрустим упал в его руку. Обрушившаяся волна воды едва не выбила жезл из пальцев Шенвэля, но эльф успел крепко стиснуть его. Шенвэль направил Эрустим себе за плечо. Эльфу еще никогда не доводилось активировать артефакт, но он надеялся, что принцип действия Эрустима не отличается от обычных магических жезлов. Так оно и оказалось.

Из жезла вырвался луч сине-черный луч. Стена между сокровищницей и приделом Королевы Без Имени рухнула. Дракон чихнул – каменная крошка забилась ему в нос. И в

этот момент поток Цин из жезла достиг его. Черное пламя заревел от боли и сделал непроизвольное движение, словно давился. Он хотел плюнуть огнем. Линдвормы этого не могут; но магия Эрустима оказала свое обычное действие. Из пасти дракона вырвалась струя огня. Пролетев над головой эльфа, черное пламя ударило в источник. Вода в нем мгновенно вскипела. Эльф успел закрыть лицо рукой с жезлом.

Шенвэль закричал от боли. Обваренная кожа лопалась и слезала с пальцев вместе с мясом. Раскалившийся Эрустим жег ладонь изнутри. Но эльф не выпустил жезла.

Далеко над Шенвэлем и Черным Пламенем вспыхнул огненный ров.

Адриана навела снотворные чары на больного из пятой палаты, который страдал от болей после операции, вымыла пол и устроилась в дежурке, небольшом огороженном «кармане» у входа в отделение. Выщербленный кафель пола, скамейки у стен приемного покоя, расписание дежурств на доске и подаренная кем-то из благодарных пациентов картина, изображающая богиню Парвату, – все это было привычно до тошноты и нагоняло тоску. На подоконниках по сторонам от двери стояли две герани, чахлые и вялые. Занавесочки веселенького ситца, которые она сама когда-то сшила, сейчас казались Адриане убогими, как вся ее жизнь.

Медсестра погрузилась в привычные невеселые мысли о муже.

Ведь раньше он так не пил. Конечно, Адриана понимала, что работа у Радагаста теперь такая, что мужу необходима какая-то отдушина. Он все же был воином, а не мясником. Адриана могла навести «непей-чары», заклятие было по силам самому слабому магу. Но что потом? Сумасшествие? Радагаст до сих пор сохранил рассудок только потому, что профессия палача была его фамильной. Адриана подумала о свекре, в доме которого они жили сразу после демобилизации. Тот был полностью невменяем. Адриана вдруг вспомнила деревянного коня, свекр выстрогал Михею игрушку в редкий момент ясности сознания. Морда лошадки до ужаса смахивала на лезвие топора. У женщины комок подкатил к горлу. «Но и дальше так жить нельзя», подумала Адриана. Конечно, она могла попробовать развестись. Но при одной мысли о всей предстоящей судебной волоките, о дрязгах при разделе дома женщину бросало в дрожь. К тому же, волхвы Ладо могли и не дать ей развода. Радагаст работал, и у них было двое детей. О том, какой будет жизнь в доме после неудачной попытки развода, медсестре не хотелось думать.

Адриана встала, взяла папиросы. Она вышла на крыльцо, прогулялась по аллее между кустами боярышника и остановилась за воротами госпиталя. Медсестра курила, поглядывала вниз, туда, где находился замок дракона. Резкие вспышки молний выхватывали из темноты уродливый силуэт. Адриана чувствовала растущее в воздухе напряжение. Что-то происходило там, что-то опасное.

Когда замок вспыхнул, она ощутила почти облегчение. Но видение касалось не только разрушения обители дракона. Адриана сделала шаг вперед, остановилась, закусила губу.

Радагаст вернулся непривычно тихий и сразу же заснул. Дети остались дома.

Медсестра торопливо затоптала окурок. Адриана вернулась в отделение и привела в порядок обе операционные, застелила койки в ближайших палатах. Доктора Энея, который спал в ординаторской, она решила не будить. Эней не отпустил бы Адриану, несмотря на то, что она выполнила все, что входило в ее обязанности, даже до появления первых жертв битвы. А в том, что они скоро прибудут в госпиталь, Адриана не сомневалась.

Если бы Адриане повезло, она успела бы вернуться вместе с Михеем и дочерью до того, как поступили бы первые раненные. До их дома было минут десять ходьбы, только спуститься вниз по переулку.

Но ей не повезло.

Дверь госпиталя заходила ходуном, едва не соскакивая с петель. Сердце медсестры упало. «О Парвата, пусть это будет пустячное ранение, такое, чтобы Эней мог справиться один», взмолилась она беззвучно. Адриана взяла со столика лампу и пошла открывать. Когда медсестра распахнула дверь, порыв холодного ветра метнул ей в лицо веер режущих капель.

Лампа тут же погасла, несмотря на защитный колпак. Решительная рука отодвинула ее с пути, и холл отделения наполнился энергичными возгласами. Адриана попятилась, уступая дорогу. Две гибкие фигуры пронесли на плаще мимо сестры чудовищно вывернутое тело. Раздался грохот и прощальный звон – посетители смахнули цветок с окна. Надежда медсестры оставить раненного на попечение врача рассеялась, как дым.

– Позови Поджера! – повернувшись к медсестре, крикнул один из ночных гостей. – Быстро!

Судя по голосу, это был не гость, а гостья.

– Сегодня дежурит доктор Марвак, – ответила Адриана.

Она разожгла лампу своим Чи и закрепила лампу в держателе на стене. Обернувшись, Адриана с грустью посмотрела на осколки горшка, рассыпанную по полу землю и сломанный цветок. Как ни билась над ним Адриана, герань так ни разу и не зацвела. Впрочем, магам Огня редко давалось садоводство, у них обычно все горело в руках, а не цвело. Затем медсестра перевела взгляд на бледного черноволосого мужчину, которого принесли в госпиталь. С кожаной куртки в отвратительных металлических набивках текли черные ручьи. Адриана видела, как темнеет кафель. Воды в этих струях было не так уж много. Голова мужчины лежала на подоле, нет, просто на коленях женщины, сидевшей на полу рядом с ним. Вместо обычной юбки на ней были широкие штаны. Толстая коса гостьи закручивалась на голове в известную каждой деревенской девчонке «корзиночку», на щеку свисал хвостик с вплетенными него ярко-зелеными нитями. С хвостика капала вода. Пять ярких брошей на рукаве ночной гостьи совсем не сочетались с мечом на ее на бедре. На штанах был вышит синий змей, свернувшийся в кольцо. Он выглядел очень мокрым и несчастным. «Крыло «Змей», подумала Адриана. – «Не те ли это, что в прошлом году устраивали воздушный парад в день именин князя?»

– Нет, – сказала боевая ведьма. – Вызови доктора Поджера.

– Боюсь, это невозможно, – сказала медсестра холодно.

Подруга боевой ведьмы подскочила к Адриане, вытаскивая меч. Медсестра прищурилась. Красный зигзаг обвил ладонь, ведьма зашипела и выронила меч из скрюченных пальцев.

– Мы готовы заплатить, – сдерживаясь, сказала первая ведьма. – Мы вас очень просим.

– Я выполню вашу просьбу, – сказала Адриана. – Но господин Эохам живет на другом конце города, ваш друг может не дождаться его.

– Поберегись! – закричали у входа.

В холл влетели еще две ведьмы с натянутым между метлами плащом. Снова загремело, и второй горшок оказался на полу. При виде беленьких ниточек корней, вырванных из земли, у медсестры болезненно сжалось сердце. Людей медсестра уже не жалела, но за цветок ей почему-то стало очень обидно. Не успели ведьмы опустить свою ношу на пол, как вошли Поджер и барон Ревенский. Очевидно, предупредительный оклик относился к ним. Поджер мельком взглянул на распростертые на полу тела. Ведьмы торопливо раздевали раненных. Хирург закрыл за собой дверь и сказал ошеломленной медсестре:

– Адриана, поготовьте обе операционные.

– Они уже готовы, – отвечала она. Поджер с благодарностью посмотрел на Адриану и сказал:

– Где Эней?

– В ординаторской, – ответила медсестра.

Поджер пошел за вторым хирургом.

– Адриана, подайте мне халат, – сказал барон. Шкафчик, в котором висели чистые халаты, находился в дежурке, и Владиславу не хотелось протискиваться, мешать медсестре.

– Идите, я же говорю – там все есть, – сказала Адриана мягко.

Барон прошел в операционную, на ходу снимая плащ. Послышался шум воды – Владислав мыл руки. Адриана вытащила бланк карты и стала заполнять его, поглядывая на ауру раненного. «Перелом шейки бедра, внутреннее кровотечение, очевидно, в брюшной

полости, разрыв селезенки, множественные кровоподтеки, вывих левого локтевого сустава, перелом лучезапястной кости», торопливо писала медсестра. Еще раз покосилась на дрожащие, искаженные каналы Чи и добавила: «двойной». Нормальному человеку хватило бы и половины, чтобы начать спуск в чертоги Ящера, но этот еще жил.

– Имя? – спросил медсестра у женщины, державшей голову раненного.

– Крюк, – отвечала та.

Адриана начала писать, но на полслове остановилась.

– Вы здесь не в цирке, – сказала медсестра. – Мне не нужны ваши собачьи клички!

Их взгляды встретились.

– Какая разница? – рявкнула боевая ведьма. – Пока вы возитесь с бумажками, ему… ему…

Она захлебнулась от ярости. «Так, понятно», подумала Адриана. – «Наш клиент в имперском розыске».

– Сабрина, не заводись, – примирительно сказала белокурая высокая красавица богатырского сложения. Ее хвостик был украшен голубыми нитями, подчеркивающими цвет ее глаз. – Такой уж здесь порядок.

– Его зовут Иннокентий, – сказала Сабрина вызывающим тоном.

Адриана не стала спрашивать, по какому стечению обстоятельств мужчине с кривым эженским носом досталось имя губернатора Полы. Увидев идущих по коридору Поджера и заспанного Энея, она сказала ведьмам:

– Заносите вашего Иннокентия.

Ведьмы подняли плащ за края и потащили раненного в операционную к барону.

– Эней, иди к ним, – сказал Поджер. Марвак последовал за ведьмами. Положив Крюка на ослепительно горевший в свете ламп стальной наклонный стол, ведьмы вышли. Эней закрыл дверь. Поджер снял куртку, достал из шкафчика халат и скрылся во второй операционной. В дверь деликатно постучали.

– Войдите, – крикнула Адриана, доставая еще один бланк. Женщина, сидевшая на полу рядом со оставшимся раненным, негромко говорила какие-то слова с успокаивающей, материнской интонацией. Медсестра поняла, что ведьма говорит по-эженски. «Интересно, как она его запишет», подумала Адриана мрачно. – «Как Святослава?»

В холле появилась еще одна ведьма. Она испуганно посмотрела на две кучки земли на полу по сторонам от входа, на черепки и сломанные герани.

– Не бойся, Марина, это не ты, это мы, – сказала Сабрина, заметив ее смущение.

Адриану всю войну удивляла прозорливость родителей боевых ведьм, давших своим дочерям созвучные имена. Выходит, эти зачатки были видны в малышках еще с колыбели? Только в Ринтали, разговорившись с одной из небесных воительниц, медсестра узнала, что все гораздо проще. При поступлении в Горную Школу девочке давали новое имя, оканчивающееся на «рина», «ина» или «на». По задумке Буровея, это подчеркивало женственность профессии, «на» и означало женское начало в мандречи. О том, что круг возможных имен очень узок, и это наоборот сотрет в девочках индивидуальность, основатель Горной Школы сначала не подумал, а потом уже не захотел отказываться от традиции.

– Позвольте узнать, как попасть в морг, – обратилась к медсестре Марина. – Я чувствую рядом большое скопление мертвой силы, но что-то мы кружим, кружим, а все бестолку.

Адриана покосилась на нее. Морг находился в отдельном здании, расположенном во внутреннем дворе госпиталя. Там росли мощные липы, и ведьмы не замечали морг за ветвями деревьев.

– У вас труп?

Ведьма кивнула. Белокурая богатырша закусила губу, и Сабрина погладила ее по плечу.

– Держись, Ундина, – сказала она.

Та в ответ только стиснула ее руку.

– Положите пока здесь, – отрывисто бросила Адриана.– Вон, каталка за дверью, видите?

Ведьма исчезла в проеме. Затем они вернулись уже вдвоем, таща на плаще труп. Ведьмы ловко перевалили тело с плаща на каталку. Адриану передернуло, когда она увидела дочерна обгоревший труп. Марина с напарницей присели на скамью у стены, рядом с Ундиной и Сабриной.

Ундина справилась с собой.

– Сказать тебе Разрыв Кертель, Сабрина? – спросила она.

Адриана поняла, почему Крюк дотянул до госпиталя. Он был Синергистом Сабрины, и ведьма держала его своей Чи.

– Попробуй, Сабриночка, – участливо добавила Марина. – Ундина-то ведь с Валетом только в прошлом году познакомились, по-моему, в Куле, да?

– Ну да, на розыгрыше императорского тендера, – кивнула Ундина.

Валет тогда случайно встретил своего родственника, Крюка, и прибился к компании Гёсы. До этого Валет ходил в банде Аслана Одноглазого. Но банду подкараулил в Порисском ущелье объединенный отряд из воинских частей Экны и Мандры. Банду вырезали подчистую, Валет спасся каким-то чудом.

– А вы-то с Крюком уже очень давно, сама подумай, что с тобой будет, если… – продолжала уговаривать Сабрину ведьма. Та скривилась.

– Марина говорит дело, я это и сама хотела сказать, да постеснялась, – произнесла Ундина.

– Ты же сама видела, в каком он состоянии, – заметила Марина.

– Ладно, давай, – решилась Сабрина.

Ундина стала негромко читать заклинание. Медсестра торопливо скрипела пером, хотя поняла уже, что у нее нет шансов сходить за детьми. Ведь еще предстояло ассистировать Поджеру, а потом везти труп в морг. А потом кто-нибудь еще появится, это точно. «Подготовила операционные, белье застелила… идиотка», горько думала Адриана. – «Надо было бежать домой, бежать со всех ног! Сами справились бы, вон, ведьмы своим Синергистам постелили бы».

– Что за Разрыв? – прохрипел раненный. Медсестра вздрогнула. Оказалось, что он тоже прислушивается к разговору, а ведь Адриана была готова поклясться, что он без сознания.

– Он разрывает Клятву Синергистов, Гёса, – ответила ведьма-экенка, снимая с него рубаху.

– Ты давай тоже повторяй, – сказал Гёса.

– И не подумаю, – отвечала та.

– Я сказал, повторяй!

Глаза ведьмы вспыхнули.

– Ты думаешь, что можешь меня заставить? – неприятно улыбаясь, спросила она. Гёса оскалился.

– А вот представь себе, могу.

Экен завертел головой, ища куртку, которую ведьмы с него уже сняли.

– В правом кармане, Зарина, будь любезна, – сказал он. Зарина засунула туда руку и вытащила из него какую-то маленькую вещицу. Адриана увидела серебряную брошь с тремя аккуратными красными камешками, недорогую, но изящную. Но судя по тому, как ведьма изменилась в лице, их с медсестрой вкусы не совпадали. Бормотание прекратилось, Сабрина глубоко вздохнула-полувскрикнула и откинулась к стене.

– Я люблю тебя, дура! – задыхаясь, прохрипел Гёса. – И всегда любил! Прикалывай, ради Барраха! И произноси этот Разрыв. А то ведь можешь и не успеть меня бросить, как у вас положено! Получится, что бросил тебя я!

Губы Зарины задрожали. Ундина внимательно смотрела на нее, ожидая любого знака, чтобы начать плести заклинание. Зарина зарыдала. Ундина тихо засмеялась.

– Да, Гёса, – сказала белокурая ведьма, сочувственно глядя в черные глаза наемника. – Как говорят на вашей родине, вот это облом так облом.

В холл выглянул Поджер.

– Адриана, что вы там тянете? – крикнул врач.

– Имя? – спросила Адриана торопливо.

– Джабраил, – ответила Зарина.

Гёса с трудом улыбнулся. Но медсестра ничуть не удивилась тому, что экен оказался тезкой князя М'Калии, и записала имя в историю болезни. Ведьмы подняли наемника на плаще и понесли. Медсестра последовала за ними. Когда изуродованное тело разложили на стальном столе, Поджер скользнул взглядом по застарелым шрамам и рубцам, обильно покрывавшим тело экена. Адриана поспешно мыла руки. Поджер мрачно спросил:

– Мы вас чиним, латаем. А вот зачем, если вы опять так калечите себя?

Гёса угрюмо посмотрел на врача исподлобья и что-то прохрипел по-экенски.

– Он говорит, – сказала Зарина, очень смягчая выражения. – Что для того, чтобы вам было что кушать.

– Да уж, голодать мне давно не приходилось, – усмехнулся Поджер. – А теперь, кормильцы мои, все в приемный покой. Молиться и ждать!

Митя почувствовал холод, когда женщина отодвинулась от него. Княжич зашевелился. Женщина поцеловала его в губы.

– Я пойду, – сказала она. – А ты молодец. Будешь хорошим любовником.

У нее оказался низкий, приятный голос.

Митя вспомнил про вертушку.

– Подожди, – сказал он, вставая и натягивая штаны. – Я тебе открою.

– Не надо, – сказала женщина.

Войдя в душную каморку, Митя хотел забраться подальше. Подросток решил спрятаться на тот случай, если мать вдруг захочет заглянуть и сюда. Но тут в темноте раздались ужасающие звуки, нечто среднее между ревом дракона и скрежетом ржавых петель на воротах замка Ивана. Митя прижался к стене, выставив перед собой руку с кинжалом. Когда звук повторился, княжич понял, что это всего лишь кто-то храпит, и устыдился своего детского испуга. Впрочем, не настолько, чтобы отойти от стены. Митя слышал, как Иван приказал Онуфрию телепортировать в замок Абдулу, как брат воскликнул: «Это же Лайтонд!». Устав стоять, Митя присел на корточки и сам не заметил, как, угрелся и заснул. Услышав голос матери, подросток перепугался. Митя подскочил, ничего не понимая со сна, и метнулся в темноту. Ему удалось проскочить мимо шкафа, о который ударился Лакгаэр. Но подросток поскользнулся на рассыпанных по полу бумагах и упал, чуть не разбив себе голову о железную спинку кровати. А когда княжич поднялся на ноги, он вдруг почувствовал руку на том своем месте, которого до сегодняшнего дня касался исключительно сам. С ужасом и стыдом Митя ощутил, как все в нем воспрянуло навстречу этой руке. Вторая рука легла ему на губы. Но это было совершенно излишне. От изумления Митя лишился дара речи.

Женщина пошла к выходу из каморки. Руки она не разжимала, и подростку ничего не оставалось, кроме как следовать за ней. Митя уже не слышал, как его мать выбежала из КПП, как рушился замок, как брат звал его. Митя был здесь, в крохотном и вонючем помещении поста, и в то же время очень далеко отсюда.

Женщина повернула направо. Туда, где был выход на эльфийскую половину Рабина.

«Эльфка», вдруг понял Митя. – «Она эльфка».

Женщина аккуратно придержала дверь, чтобы та не хлопнула. Митя увидел стройный силуэт, а потом дверь закрылась. Митя оперся руками о стол, а потом и лег на него всем корпусом, отпихнув раскрытый журнал. Ему вдруг вспомнилось, как это об этом говорили ребята на княжеском дворе.

Он уже спит с девками. Совсем взрослый стал.

«Я, значит, стал взрослым», усмехнувшись, подумал Митя. – «Совсем».

Княжич ошибался – этой ночью ему это еще только предстояло.

Растерзанный Митя уснул на столе.

Разбудили его громкие голоса, говорившие на чужом языке. Княжич открыл глаза и увидел, что узкий коридор ярко освещен и заполнен сидхами.

– Ну, наконец-то, – сказал высокий мужчина. Митя покосился на его лицо, к которому словно безумный кузнец приложил раскаленную подкову. Шрам стягивал мышцы сидха, и казалось, что он все время усмехается правым краем рта. – Крепко же вы спите, господин постовой.

– Дежурный, – бездумно поправил его Митя.

Мужчина подал в окошко коричневую книжечку паспорта. «Язык мой – враг мой», мрачно подумал Митя и протянул руку к чернильнице. Спросонья княжич решил, что уже утро, и это, должны быть, те сидхи, что работали на человеческой половине Рабина.

«Марфор», прочел он, раскрыв паспорт.

За спиной Мити скрипнула дверь, и княжич проснулся окончательно. Только в этот момент он заметил, что коридор освещен не солнечным светом, а магическим шаром.

Митя обернулся и увидел Ивана.

– Вот ты где, – обрадованно воскликнул князь. – А я тебе уже потерял.

– Ваня, тут сидхи пришли, – пробормотал Митя.

– Да, давай записывай их всех скорее и пропускай, время дорого, – сказал Иван.

Митя взялся за перо и рунами, скачущими вкривь и вкось, записал в журнал имя сидха и номер его паспорта. Брат стоял рядом и смотрел на заполнивших КПП эльфов через стекло.

– Прошу вас, сидх Марфор, – сказал Митя, подавая паспорт обратно.

Иван нажал на рычаг, торчавший из стены.

– Прямо по коридору, потом налево, – сказал князь громко. – Проходите, господа сидхи. Там ваш старейшина, он скажет вам, что делать.

Пройдя половину расстояния, рукоятка остановилась.

– Да что такое, – пробормотал Иван и надавил изо всех сил. Раздался хруст, вертушка со скрипом повернулась. Из щели в стене, в которой ходил рычаг, что-то выпало и больно стукнуло подростка по ноге. Митя ойкнул и наклонился. Когда княжич вынырнул из-под стола, в руке у него была половинка сургучной печати.

– Это мамина печать. Что все это значит? – спросил Митя.

В окошке показалась следующая рука с паспортом. На ногте указательного пальца, покрытом двуцветным лаком, был приклеен маленький изумруд.

– Прошу вас, – произнес приятный женский голос.

Подросток вздрогнул. Этот голос узнал. И изумруд тоже. У Мити засаднило спину, и он чуть не выронил коричневую книжечку.

– Сидхи встанут вдоль берега и удержат волну, когда она пойдет, – отвечал князь.

Митя посадил жирную кляксу, под которой скрылось имя обладательницы изысканного маникюра.

– Прошу вас, – пробормотал княжич руке в окне. Иван снова нажал рычаг.

Следующий паспорт, огненно-рыжие волосы сидха в окошечке, быстрый росчерк пера в журнале.

– Прошу вас, сидх Кулумит.

– Лакгаэр сказал мне, что радиус магического поля одного сидха, в среднем – саженей десять, в такой разбивке и будешь их ставить, понял? Жителей в домах предупредишь, чтобы уходили, а сидхов не трогали. Что это мой указ, ясно?

– Прошу вас, Тиандрил… Что?

Митя чуть не выронил следующий паспорт и обернулся к брату.

– Я? – произнес он. – Сидхов вдоль берега буду расставлять я?

– Да, – сказал Иван. – Сидхов поведешь ты. Я тебе дам Рахмана, на всякий случай.

Митя записал данные и протянул паспорт обратно.

– Прошу вас, Урсула. Но я не могу, – пробормотал подросток. – Я еще никогда…

– Когда-то надо начинать, – сказал Иван. – Пойми, Митя, кроме тебя, мне положиться не на кого. Сидхов надо не только расставить. Их надо будет потом обратно собрать. Сидхи хоть и могучие маги, но волна может быть такой, что они ее не удержат. Будут раненные, погибшие тоже. И не только среди сидхов, но и среди людей. Не все уйдут, не все поверят. Пока сидхи будут своей магией биться, ты в доке возьмешь грузовые подводы, разбудишь начальство. Обратно поедете на них. Как только смогу, я пошлю бригаду из госпиталя тоже.

– Прошу вас, сидх Ульрик. Ваня, а если…

Иван коротко взглянул через стекло, услышав имя сидха. Так и есть, у этого сидха была только одна рука. На спине висела объемистая сумка.

Ульрик выдержал взгляд князя.

– А разве ты – маг? – спросил Иван холодно.

Ульрик отвел глаза, но тут за него вступились из очереди.

– Вы правы, Ульрик теперь не маг, – сказала черноволосая эльфка, мило улыбаясь. Волосы у нее были обрезаны даже короче, чем у стоявшего рядом с ней мужчины. Да и ростом эльфка не вышла. В своем синем платье с серебряной вышивкой она смотрелась среди могучих эльфов как нарядная куколка. – Но когда маг волшебствует, он беззащитен, как ребенок. Ульрик будет стоять рядом с Марфором и следить, чтобы с ним чего-нибудь не случилось.

Иван смягчился.

– Колдует, а не волшебствует, – сказал князь и добавил, больше для порядка: – А что в сумке?

Сидх молча снял ее и протянул в окошко. Князь раскрыл сумку. Митя чуть скосил глаза. В сумке оказались игрушки, при одном виде которых у подростка захватило дух. Тут были и деревянные солдаты с жестяными саблями, и изумительного вида ладьи, и повозки, и ярко раскрашенные лошади…

– Зачем вы это взяли? – изумился Иван.

– Дети, разбуженные среди ночи, обычно пугаются, – сказал Ульрик угрюмо.– Я подумал, что это поможет успокоить их. А спокоен ребенок – спокойна и мать, и отец.

– Понятно, – сказал князь. – Проходи, Ульрик. Сумку получишь у Лакгаэра.

Иван нажал рычаг. Раздался заунывный скрип вертушки, и Ульрик прошел на человеческую сторону КПП.

– Ваш паспорт, – сказал Митя черноволосой эльфке, и она подала ему документ.

– Иди в зал через каморку, – тихо сказал Иван брату, пока тот писал. – Покажи сумку Абдуле или Рахману, не увидят ли они на этих игрушках каких-нибудь чар…

– Прошу вас, Ваниэль, проходите, – сказал Митя.

Иван улыбнулся эльфке и нажал рычаг.

– Иди уже, я сам запишу всех остальных.

Дальше события замелькали с головокружительной быстротой. Никаких чар Рахман на игрушках не обнаружил, и сумку вернули однорукому Ульрику. Митя прослушал инструкции, которые давал Лакагаэр свои сидхам. Княжич по примеру брата пытался найти в словах или действиях старейшины сидхов какой-нибудь подвох. Но сидхи были так спокойны, так серьезны, так почтительны. Ничуть не смущаясь его возрастом, Лакгаэр то и дело обращался к княжичу за советом, где лучше расставить магов. Многие из сидхов бывали на человеческой половине Рабина, но с тех пор планировка улиц изменилась, некоторые дома снесли, на пустырях, наоборот, выросли новые здания. Митя и сам не заметил, как уже горячо спорил с Рахманом, тоже принявшим участие в обсуждении, и с самим старейшиной эльфов.

Когда Иван, записав последнего гостя, вернулся в зал, он некоторое время смотрел на брата. Митя объяснял Лакгаэру, что последнего мага в цепочке придется поставить уже в самом порту, поскольку ближе подходящего места нет. Лакгаэр перехватил взгляд князя. Иван смотрел на брата и улыбался.

– А вот и князь, – сказал Лакгаэр. Митя обернулся. Иван поманил его к себе. Подросток подошел к брату. Рахман следовал за княжичем. Князь положил руку на плечо Мите, оглядел сидхов.

– Вас поведет мой брат Дмитрий, – сказал Иван.

– Слушайтесь его так же, как если бы вами командовал я, – добавил Лакгаэр.

– Что же, – сказала черноволосая эльфка. Ваниэль, вспомнил Митя. – Веди нас, княжич.

Митя направился к выходу из зала. Позади него и чуть левее держался Рахман, потом двигались эльфы. Открыв дверь из КПП, Митя увидел скользко белеющую на ступеньках студенистую массу.

– Добро пожаловать на нашу землю, господа сидхи, – сказал Митя. – Только тут наблевано, смотрите под ноги, чтоб не поскользнуться.

Что-то скользкое и холодное задело Карину по голове. Ведьма пригнулась, вскидывая руки.

Дух-стражник медленно материализовался перед ней во всей своей красе – клыки, когти, чешуйчатый хвост и крылья нетопыря. Карина привычным движением размяла пальцы.

– Приветствую тебя, госпожа, – сказал страж. – Прости, что не узнал сразу. Я могу помочь тебе чем-нибудь?

Несколько мгновений Карина думала, что ослышалась. Но дух стоял перед ней, терпеливо ожидая ответа, и совершенно не собираясь атаковать. Ведьма собралась с мыслями. Возможно, это была ловушка, но терять ей было нечего.

– Приветствую тебя, страж, – сказала она. – Тут недавно прошел маг, а затем сидх, преследовавший его. Я хочу найти мага.

– Ты хочешь пройти его путем или оказаться там, где он сейчас? – осведомился дух.

– Я хочу оказаться рядом с ним как можно скорее, – отвечала Карина.

– Следуй за мной, – сказал дух.

Оторвавшись от пола, он воспарил в воздухе на уровне ее глаз, превращаясь в зеленую указательную стрелку.

Ульрик наугад вытащил игрушку. Это оказался деревянный солдат. Шенвэль выкрасил мундир зеленым и не пожалел серебрянки для галунов и погон. Столяр еще заметил своему подмастерью, что в эльфийской армии нет подразделений, носящих форму такого цвета, но Шенвэль только улыбнулся в ответ. Шенвэль…

Ульрик взглянул на замок, полыхавший в ночи.

Пять лет они провели бок о бок. Вместе работали, шутили, разговаривали за жизнь. Иногда Ульрик ругал своего помощника, чаще хвалил, но ни разу ему не пришло в голову, не мелькнула даже тень догадки, с кем он разговаривает. Хотя, конечно, так и должно было быть. Но Ульрик ощущал легкую досаду, обиду даже. Он доверял своему подмастерью не только дела, но и свои сердечные тайны.

А Шенвэль, выходит, не доверял ему.

Рахман постучал в дверь последнего на улочке дома.

– Приказ князя! – рявкнул он. – Эвакуация! Всем немедленно покинуть берег!

Ульрик протянул мешок Урсуле.

– Береги себя, – сказал он сестре. Урсула должна была подстраховать мужа, как Ульрик – Марфора.

– Да ты тоже… не геройствуй сильно, – сказала Урсула и обняла брата.

– Так, двигаемся дальше! – сказал княжич. Искоса посмотрел на эльфа и добавил негромко:

– Будь осторожен. Ты нам нужен живой.

От неожиданности Ульрик не нашелся, что сказать, и только кивнул. Митя поставил его в колонне рядом с собой. Эльф предполагал, что княжич хотел краем глаза посмотреть на

игрушки, которые Ульрик выдавал остающимся магам. Но Митя, оказывается, хотел поближе познакомиться с избранником сестры.

– Спят, похоже, – буркнул Рахман и вернулся к княжичу.

– Ты уж разбуди их, и проконтролируй, чтобы все ушли отсюда, – сказал Митя, обращаясь к Ульрику. – Нам надо двигаться дальше.

– Будет сделано, княжич, – сказал Ульрик.

Эльфы направились вниз по улочке, туда, где она выходила на набережную Зеленого мыса. Ульрик проводил процессию взглядом. Марфор спустился к воде, осмотреть берег и выбрать место.

Ульрик подошел к дому и крикнул:

– Откройте! Эвакуация!

– Пошел на …! – раздался в ответ тоненький детский голосок. – Задолбали ходить, сволочи! Спит он!

Ульрик поднял руку, потрогал петли. Лицо столяра исказилось гримасой отвращения. Он сплюнул себе под ноги и в один мах высадил дверь. Ульрик вошел. На столе притулился огарок сальной свечи. Ее пламя чуть качнулось, но все же не погасло. Ульрик увидел мужчину, лежавшего на полу. Из одежды на мандречене оказались только брюки. Эльф наклонился, сморщился от густого запаха перегара и потрогал за дряблое плечо.

– Эй, вставай, – сказал он. – Замок горит, утес может рухнуть…

Ульрик увидел обнаженную женщину, вытатуированную на руке спящего, и осекся. «Не может быть», подумал он. – «Таких совпадений не бывает». Эльф выпрямился. Стало ясно, что Ульрик разговаривал с кем-то другим. Мужчина явно потерял способность к членораздельной речи еще до заката.

– Эй, – сказал Ульрик. – Я знаю, что здесь. Вылезай. Я тебе игрушку принес.

Под лавкой раздался шорох. Эльф немедленно запустил руку в пыльную черноту. Ребенок пыхтел и отбивался. Он не кричал, когда Ульрик случайно стукнул его в нос, не кричал, когда эльф ухватил за ворот рубашки и вытащил из-под лавки, не кричал, когда заметил, что у поймавшего его дяди всего лишь одна рука. Мальчик закричал только тогда, когда в неверном свете свечи увидел острые уши эльфа.

– Нет! – корчась в судорогах, кричал он. – Не надо! Нет! Хеб кой! Хеб кой! [2]

От изумления Ульрик разжал руку. Мальчик бросился прочь, забился в угол между стеной и давно небеленой печкой. Эльф взял со стола свечку, перешагнул через спящего мужчину, и прилепил огарок на печи. В щели сверкали пустые от страха глазенки.

– Успокойся, – сказал Ульрик, покосившись на мужчину. Тот не проявил никаких признаков жизни, хотя мальчик кричал так, что поднял бы и мертвого из могилы.

– Я прекрасно понимаю твой язык, – продолжал эльф. – Это твой папа?

– Да я уже вижу, – пробурчал мальчик. – Да, мой. Он до утра будет ни к чему не пригоден. Берите все, что хотите, и не торопитесь. Только не убивайте…

– Мне ничего не нужно, – терпеливо сказал эльф. – На вот, возьми…

Он осторожно просунул солдатика в щель. Сначала за печкой было тихо, а потом донеслось довольное сопение. Ульрик усмехнулся.

– В доме есть еще кто-нибудь?

– А как же, – отвечали из-за печки. – Сестренка моя.

– Где твоя мама?

– В госпитале, – сказал мальчик.

«Вот не везет», подумалось Ульрику. – «Только бы не инфекционное отделение».

– Чем она болеет?

– Ничем. Она там работает. Моя мама – медсестра.

Ульрик облегченно вздохнул.

---

[2] Оставь жизнь! (эльфийск)

– Как тебя зовут?

– Андрей, – ответил он, и по тону Ульрик понял, что ребенок лжет.

– Вот что, Андрей, – сказал эльф. – Ты видел замок, черный такой, стоит на утесе?

– Я слышал, что вы папке говорили, – сказал мальчик. – Что утес падает в залив. И что с того?

– Поднимется волна, – сказал Ульрик. – Это будет очень высокая волна. Такая высокая, что затопит весь ваш берег. Ваш князь попросил нас придти и сдержать волну. Но у нас может не получится. Я хочу, чтобы ты собрал вещи и ушел вместе с сестрой.

Последовала долгая пауза. Эльф решил, что придется развалить и печь тоже. Посыпалась известка, и из щели показался мальчик. В руке он бережно сжимал солдатика.

– Но сестра еще не может ходить, – сказал ребенок. – Натка еще сидеть-то не может. Она только зимой родилась.

– Ты сможешь донести ее?

– А чего ж нет.

– Ты знаешь, где у папы… – Ульрик покосился на тело и поправился: – У мамы лежат деньги? Документы? Какие-нибудь другие вещи, которые для твоей мамы исключительно важны?

Мальчик насупился.

– Нет, – сказал он.

– Ну и хорошо, – не стал настаивать эльф. – Но если вдруг вспомнишь, возьми их с собой. Я уйду, мне нужно помочь моему товарищу. А ты собирайся как можно быстрее и иди к маме, понял?

– Понял, чего ж тут не понять, – отвечал тот.

– Ну вот и славно, – сказал Ульрик и вышел.

Он нашел Марфора на берегу, у самой воды. Некоторое время они вместе смотрели замок. Пламя отражалось в воде под утесом. Вдруг Марфор наморщился.

– Что же там происходит, – пробормотал он. – Воздух насыщен магией, у меня аж в голове гудит… А ведь мы почти на полпути к докам.

Ульрик знал, о чем думает Марфор. Ваниэль осталась в самом опасном месте, у подножия утеса. У Марфора здесь болела голова от чар. А что сейчас чувствовала она, находясь в двух шагах от эпицентра схватки магов? Ваниэль была одним из самых сильных магов Рабина, и именно поэтому Лакгаэр попросил ее встать под замком. Там, куда придется основной удар. Оттого, смогут ли маги сформировать волну и направить ее дальше, зависело все. Да и Марфор не мог встать в другом месте. Половина эльфов, решивших помочь людям, пользовалась Чи Воды, вторая половина черпала Чи из Воздуха. Для того, чтобы обмениваться Чи в цепочке, эльфам были необходимы два Синергиста в середине «цепи», а именно Марфор и Кулумит.

И сейчас Марфор переживал за эльфку, но сделать ничего не мог.

– Скажи мне что-нибудь, чтобы все происходящее показалось мне незначительной ерундой, – сказал он.

Ульрик усмехнулся.

– Елена беременна, – сказал он.

– Ничего себе выдался год, – пробормотал ошеломленный Марфор.

Чистильщики уничтожали всех полукровок. Убивали и их отцов, если удавалось их найти, а в данном случае не пришлось бы искать долго.

Удар Эрустима опалил плечо и шею дракона, а также снес часть черепа. Изуродованная голова упала между вытянутыми лапами, придавив собой эльфа. Когда лапа разжалась, когти дракона вышли из его тела, и Шенвэль очнулся от боли. Язык Черного Пламени безвольно вывалился из пасти, с него сочилась слюна. Шенвэль зачерпнул немного в ладонь. Слюна линдворма, по преданию, оживляла даже мертвых. Эльф обтер раны, до каких смог дотянуться. Шенвэль почувствовал себя настолько лучше, что даже смог наложить на себя

заклинания, обезболивающее и останавливающее кровотечение.

Черное Пламя открыл один глаз. На месте второго чуть подрагивал и сочился кровью раскрытый мозг дракона.

– Гном, – пробормотал дракон. – Никогда не доверял этим горным карликам…

– Аннари ничего не подозревал, – отвечал Шенвэль. – Я украл деньги сам у себя. Просто это был единственный твой вклад, который Искандер не конфисковал. Потому что ничего не знал о нем, я так полагаю.

– Но как… – произнес Черное Пламя. – Как ты узнал про те деньги?

Вода из разбитой чаши лилась прямо на пол, на ноги Шенвэля и лапу дракона. Дракон брезгливо отдернул лапу, задел куст ракитника и своротил его. По стене зазмеилась трещина.

– Мне помогла Лилит, – сказал эльф, переждав грохот. – Она ведь демон не только похоти, но и алчности. Но какое теперь это имеет значение?

– Ты прав, – сказал дракон. – Никакого. И все же я рад. Пусть Карина лишь взбалмошная девчонка со скверным характером, она не заслужила этого отвратительного рабства. Пусть лучше погибнет вместе с остальными, когда ты умрешь…

Веки эльфа дрогнули.

– А моя мать, выходит, заслужила? – спросил он. – Может, она сама этого хотела?

– Перестань, – сказал Черное Пламя. – Я ведь не знал, во что ввязываюсь. Гада вспоминала о тебе, и я ревновал… О тебе я помнил только, что ты принес Змею Горынычу эту проклятую палку, и я решил, что все дело в ней…

– И ты вернулся за Эрустимом потому, что твоя жена опять тебя не хочет?

– В тебе яда больше, чем во мне, – заметил дракон. – Впрочем, так было всегда. Может, поэтому драконихи так тебя и любят, ха?

– Ответь, – сказал эльф.

Черное Пламя вздохнул. Надулись и опали кровавые пузыри на оболочке мозга, которая постепенно начала сереть.

– Нет, это все Чудо Юдич. Змея Горыныча не было дома, когда я приполз, и этот идиот решил сделать братцу подарок к возвращению.

– Да уж, сделал, – усмехнулся Шенвэль.

– И не говори, – согласился дракон.

– Прости меня, Черное Пламя, – сказал эльф.

Но дракон не ответил. Шенвэль увидел, как тускнеет золотистый глаз.

Его враг умер.

Когда сидх ушел, Михей некоторое время подождал, потом осторожно выглянул на улицу. Мальчик почти поверил ему. Однако Михей хотел убедиться, не затаился ли сидх за углом, не ждет ли, пока Михей достанет припрятанный матерью под половицей мешочек с серебряными гривнами. «Вся моя молодость», говорила мать про этот мешочек. Михей вовсе не хотел, чтобы молодость матери досталась этому сидху. Но сидх и правда пошел помогать товарищу. Михей увидел их обоих. Они стояли на самом берегу, в низинке.

Михей поднял половицу и достал мамину шкатулку. Там лежали разноцветные красивые бумаги, которые мама называла «документами». Сидх сказал, что надо взять с собой «документы», и Михей решил, что это дельный совет. Мальчик прищурился, пытаясь разобрать руны в тусклом свете огарка. Самым первым лежало какое-то «свидетельство», а дальше шло имя матери и незнакомые руны. Михей знал, что такое «свидетель». У соседа Толяна полгода назад украли лодку. Радагаст тогда сказал жрецам Прона, что видел высокого мужчину с острыми ушами, который шел на бон, где были привязаны две лодки – отцовская и Толяна. Так отец стал «свидетелем». Михей решил, что «свидетельство» – важный документ, и положил его в заплечный мешок. Там уже лежали штанишки, рубаха и картуз Михея, солдатик, мамина молодость и пеленки для Наташки. Вторая бумага была «документом» на дом. Михей это сразу понял, когда увидел чертеж. Он вообще хорошо рисовал, и планировку дома узнал, хотя ее кто-то изобразил так, словно снял крышу и

смотрел сверху и с очень большой высоты. Дальше лежали ордена Радагаста. Их Михей брать не стал, хотя они были очень красивые.

Мальчик совсем уже собрался идти в дальнюю горницу, где в своей люльке спала Наташа, но тут вспомнил об «исключительно важных» вещах. Мальчик заколебался. Что бы это такое могло быть, он не знал, но быстро сообразил. Михей прошел в кладовку. Осторожно протиснувшись мимо отцовского топора, он открыл шкаф, где мать хранила свой любимый платок с кистями. Он был теплым и очень большим, Михей еще помнил время, когда мог завернуться в него целиком. Когда мальчик положил свернутый платок в мешок, больше места там не осталось. Михей взял спящую сестру и вышел из дома.

Ульрика кто-то дернул за штанину. Эльф обернулся и увидел мальчика. На спине у ребенка была плотно набитая котомка, в руках он держал маленький сопящий сверток.

– Я ухожу к маме, как вы велели, – сказал мальчик.

– Отец твой так и не проснулся? – спросил Ульрик. Мальчик отрицательно покачал головой.

– Не тащить же нам этого пьяницу на себе, – раздраженно сказал Марфор. – Если он утонет, нашей вины в этом не будет.

– Теперь, когда мы уйдем, вы убьете папку? – спросил Андрей.

Марфор обернулся. Ребенок попятился, увидев в отсветах горящего замка уродливый шрам на лице эльфа.

– Война закончилась, малыш, – сказал Марфор. – Теперь нам надо как-то жить вместе.

По обескураженному лицу ребенка Ульрик понял, что тот ожидал услышать совсем другой ответ.

– А он с вами воевал, – сказал мальчик. – Папа много сидхов убил, правда – правда.

«А некоторых только покалечил», с горечью подумал Ульрик.

– Он из ваших ушей гирлянды плел, которые на елку в Коляду вешают, – продолжал ребенок. – Я сам видел.

Марфора передернуло.

– Если война закончена – значит, она закончена, – с нажимом повторил он. – Я, может быть, таких, как ты, полторы сотни за войну съел. На завтрак! Но я ведь на тебя с ножом не бросаюсь.

К его удивлению, мальчик не испугался.

– С ножом вы не бросаетесь, потому что у вас его нету, – сказал он рассудительно. – И врете все, думаете, я маленький. Мне мама рассказывала, да я и сам помню. Вы, сидхи, даже звериное-то мясо не очень жалуете, не то что человечье.

Эльфы переглянулись.

– Шел бы ты к матери, – сказал Марфор. – К своей.

– Я чего пришел-то, – сказал мальчик. – Вы здесь, чтобы удержать волну. А что будет, если вы ее не сможете сдержать?

– Твой дом смоет, – сказал Ульрик. – Но я думаю, что князь потом поможет вам построить новый, еще лучше.

Михей отрицательно покачал головой.

– Что будет с вами? – спросил он.

– Ничего, – сказал Марфор. – Только пузыри по воде пойдут, и все.

– Ага, – сказал мальчик задумчиво. – Ну-ка, дяденька, подержите.

Он всучил одеяло с малышкой ошеломленному Ульрику. Прежде, чем тот успел что-нибудь возразить, мальчик вприпрыжку бросился обратно к дому.

– Чего это он? – удивился Марфор.

– Не знаю, может, что-то забыл, – пробормотал Ульрик, глядя на сморщенное личико, выглядывающее из свертка. – Великая Эсте, какие же все малыши противные…

Марфор посмотрел на ауру девочки. Нарушения в строении каналов Чи говорили об аутизме и врожденном пороке сердца. Так же вскоре надо было ожидать злокачественную

опухоль где-нибудь в брюшной полости. Каналы старшего мальчика были в полном порядке. Он мог стать магом, не выше второго уровня, но крепкого второго уровня. Марфор знал причину столь большой разницы в здоровье детей.

– Они противные не все, – сухо сказал Марфор. – А только те, кто по пьяни деланные. В ребенке, которого ты держишь, такого наворочано, что я удивлюсь, если она доживет до следующего лета. Если скажут, что во всем виноваты сидхи, которые навели на ребенка порчу, я удивлюсь меньше.

– Но почему? – спросил Ульрик. – Почему люди так ненавидят нас?

– Они и себя не очень-то не любят, – пожал плечами Марфор.

– Она шевелится! – придушенно пробормотал Ульрик, прижимая ребенка к груди единственной рукой. – У меня руке что-то горячо…

– Писает она.

Ульрик поднял на товарища удивленный взгляд. Девочка открыла глаза, сморщилась еще больше и закричала, суча в одеяле ножками и выгибаясь всем телом. Ульрик представил себе бородатых мандречен с топорами, бегущих на крик ребенка, и аж вспотел.

– Успокой ее! – воскликнул Марфор, пробиваясь сквозь звуковую завесу.

– Как?

– Покачай!

Ульрик качнул девочку, в ответ она закричала еще громче.

Михей вернулся в дом. Он хотел дать сидхам лодку, которая хранилась в сарайке на заднем дворе. Отец поставил сараюшку сразу после того, как у Толяна украли лодку. Радагаст как раз в то утро купил по случаю целую подводу старых досок. Отец сказал, что времена теперь такие, что на улице ничего оставлять нельзя. При этом он делал свирепое лицо, но Михей видел, что глаза Радагаста смеются. Сарайку отец запирал на замок, а ключ всегда носил в кармане.

Сидхи могли поставить лодку на крышу дома. Тогда они уцелели бы наверняка.

Но слова сидха со шрамом навели мальчика на другую мысль. Тем более, Михей понял: сидхи не тронут отца. Свечу Михей погасил, когда выходил, но по собственному дому отлично мог передвигаться и в темноте. Мальчик подошел к столу и взял с него нож. Михей присел на корточки перед Радагастом. Лицо и шея спящего белели в темноте. У Михея вдруг пересохло во рту. Он вспомнил, как папка смеялся и подкидывал его на руках, еще совсем маленького. И Михей тоже радовался. Смеющееся лицо отца сменилось искаженным от боли лицом мамы. Папка ударил ее кулаком в живот, и из-за этого Натка родилась на два месяца раньше.

Мальчик провел ножом по горлу, нажимая изо всех сил. Отец дернул рукой, словно пытаясь кого-то схватить. Женщина на его плече призывно повела бедрами. Михей замер.

– Тридцать Ежей в квадрате А-семь, господин генерал, – сказал Радагаст ясным, звонким голосом, но глаз не открыл. – Блокируют переправу! Рад стараться! Так точно!

Отец повернулся на бок и захрапел. В этот момент мальчик услышал, как плачет сестренка. Михей бросил нож, бегом кинулся к столу, где мать оставила им на ночь краюху хлеба, отломил кусок и стал старательно жевать. Мальчик направился к выходу, но тут вспомнил.

Ключи.

Михей снова опустился на пол рядом с Радагастом, ловко выудил из кармана ключи – мужчина даже не пошевелился – и покинул родной дом.

Когда мальчик вернулся, Марфор заметил, что он что-то жует. Девочка истошно вопила.

– Скорее! – закричал обрадованный Ульрик. – Сделай что-нибудь!

Мальчик вытащил из кармана тряпицу сомнительной чистоты, выплюнул в нее то, что жевал и сунул в рот малышке. Та зачмокала и сразу успокоилась.

– Что ты ей такое дал? – спросил Марфор с благоговением.

– Мякишек нажеванный, – подозрительно глядя на сидха, отвечал парнишка. – Мама всегда так делает.

– Да благословят боги мякишек нажеванный, – сказал Ульрик с чувством.

Мальчик протянул ключ Марфору.

– Что это? – спросил эльф.

– Сарайку откроете, она там, за домом. Возьмите лодку, – объяснил паренек. – Поставите на крышу, авось и не накроет волной.

Эльфы переглянулись.

– Благодарю тебя, Андрей, – сказал Ульрик.

– Не за что, – сказал мальчик. – Если будет, как вы говорите, лодка и так пропадет. Прощайте, господа сидхи. Пусть вам помогут Сильнобог и Перун!

– Боюсь, те, о ком ты говоришь, не знают о нас, – усмехнулся Ульрик.

– Ну, пусть вам помогут ваши боги, – сказал мальчик, прижал к себе Наташу и вприпрыжку побежал вверх по улице.

– Ну, Сильнобог – это я еще понимаю, – сказал Ульрик. – Но причем здесь Перун?

– Перун – это их бог морей. Мальчик заметил, что я пользуюсь Чи Воды, – ответил Марфор. – Но он не осознает свои способности. И вряд ли когда-нибудь осознает.

Зашелестели призрачные крылья. Над плечом Черного Пламени появился зеленоватый силуэт с хищной мордой.

– Пошел вон, – сказал эльф резко. – Придешь, когда я сдохну.

Страж отвратительно улыбнулся.

– А вот и сидх, госпожа, – сказал он, обернувшись.

Карина вскарабкалась на спину дракона, цепляясь штанами за чешую. Ведьма посмотрела на разбитую голову Черного Пламени, как библиофил смотрит на редкую инкунабулу. Затем перевела взгляд на эльфа и взялась за пращу. Шенвэль надеялся, что Карина не сразу поймет, откуда взялся дракон. Но ведьма видела своего мага и в истинном облике.

– Карина, подожди, – пробормотал эльф. – Если ты убьешь меня, весь Рабин затянет в Подземный мир!

У Карина не дрогнула ни одна ресница. Шенвэль понял, что зря разрешил ведьме оставить Осколок Льда при себе. Артефакт все еще действовал на Карину. Карина вложила стальной шарик в петлю и замахнулась. Шенвэль потерял слишком много Чи вместе с кровью, чтобы остановить Карину заклинанием. Эльф стиснул жезл. Черно-синий луч ударил ведьму в висок. Дух-страж взвизгнул и исчез. Карина с выражением крайнего недоумения на лице рухнула на линдворма и скатилась с огромного плеча. Ее хвостик мазнул Шенвэлю по лицу. Эльф спрятал жезл в заплечный мешок и некоторое время отдыхал, уткнувшись лицом в чешую рядом с Кариной. «Пусть убьет меня теперь, если захочет», думал он. – «Пусть! Не прикоснусь больше к этой проклятой палке!».

Шенвэль приподнялся, заглянул Карине в лицо. Ведьма была очень бледна, на виске алела крохотная звездочка, как от удара молнией. Карина дышала, но очень медленно. Шенвэль набрал полную ладонь начавшей затвердевать слюны. Коготь Черного Пламени пробил предплечье Шенвэля насквозь, и вторая рука почти не слушалась эльфа, но все же он смог приподнять голову Карины. Эльф втер слюну линдворма в висок ведьме. Прозрачная жидкость стекла по брови и закрытому глазу Карины, и тут исчезла, впитавшись, но у ведьмы даже дыхание не восстановилось. Шенвэль откинулся назад. Больше он ничем не мог помочь Карине. «Так и правда будет лучше», подумалось эльфу.

Так ужаса Дарина еще никогда не испытывала. Целительница решила, что там, где пройдет ее метла, обычная боевая ведьма пролетит без всякого труда. В общем-то, Светлана была права. Но Дарине и ее звену еще никогда не приходилось выполнять маневры в таком

ограниченном пространстве, как замковый коридор, да еще на столь большой скорости. Мимо ведьм мелькали пыльные драпировки, какие-то шкафы и чучела диковинных зверей. Голубая нить Чи Карины горела во тьме и вела их – все дальше, все глубже. Коса Дарины зацепилась за что-то, и ведьму чуть не сдернуло с метлы. Затем что-то ударило по голове, и Дарина решила, что ей пришел конец. Но эта оказалась всего лишь картина, за раму которой попал хвостик боевой ведьмы и сдернул со стены. Светлана обернулась на звук, виртуозно развернув метлу меж двух кресел. За картиной находился тайник, из которого вывалилась серебряная флейта. Онуфрий удержал ее в воздухе направленным пучком Чи. Он принял инструмент за кинжал, вылетевший из давно установленной в замке западни для нежданных гостей. Разглядев, что это, ведьма задумчиво хмыкнула и подтянула флейту к себе.

– Вперед! – воскликнула Светлана, пряча инструмент в куртку. Увидев серые от страха лица ведьм, целительница энергично добавила:

– Вы что, собрались жить вечно?

Адриана выкатила в приемный покой каталку с экеном. Ведьмы звена Марины, кроме старшей, дремали, сидя на скамье. Зарина, сидевшая на полу рядом со своими ведьмами, вскочила и бросилась к раненному. Лицо ведьмы исказилось, когда она увидела, что глаза Гёсы закрыты.

– Да жив он, жив, – сказала медсестра мягко. – Просто еще под чарами.

– Благодарю вас, – сказала Зарина.

– Себя благодарите, – сказал Поджер, выходя из операционной. – Он ведь ваш Синергист, я правильно понял? Если бы не вы, он бы и до госпиталя не дотянул бы. Да, и где Владислав? Они закончили?

Тут хирург увидел передвижной стол, накрытый простыней, сквозь которую уже проступили алые пятна.

– Они ушли в ординаторскую, – сказала Зарина.

Мертвые, однако, мало волновали хирурга. Больше он заботился о живых.

– А что с ними? – спросил Поджер, указывая на Ундину и Сабрину. Ведьмы лежали прямо на полу, завернувшись в свои плащи. Глаза обеих ведьм были закрыты, на щеках горел нездоровый румянец.

– Мы все были Синергистами, – сказала Зарина тихо. – Сабрина и Ундина воспользовались Разрывом Кертель, но это как отрезать половину себя… Еще живую половину.

– После операции не стоит валяться на полу, – сказал хирург. – Вы можете занять любую из свободных палат.

– Благодарю вас. Уна, Сабрина, подъем, – сказала Зарина. Ведьмы зашевелились. – Сколько это будет стоить?

Поджер задумался.

– До утра – бесплатно, – сказал он. – Плюс, если прибудут более тяжелые пациенты, вам придется освободить палаты и рань…

Маленький зеленый дракончик задел хирурга крылом. Поджер изумленно замолчал.

– О, извините, – сказала Марина и прищелкнула пальцами. Дракончик исчез. Адриана увидела сына рядом с ведьмой. На глазах у медсестры от радости и облегчения выступили слезы.

– Отвезите его в палату, – сказала Адриана Зарине. – Первая налево по коридору. Там уже все приготовлено.

Зарина толкнула каталку. Ундина и Сабрина медленно последовали за звеньевой. Адриана бросилась к Михею.

– Где Ната? – спросила она, обнимая сына. – Что с ней?

– Я ее положил в дежурке, она спит, – ответил мальчик.

Медсестра выпрямилась.

– Ты у меня просто молодец, Михей, – сказала она.

– Спасибо, что поиграли с ним, – добавила Адриана, обращаясь к Марине. Ведьма отмахнулась. Поджер кашлянул.

– Адриана, – сказал он. – Отнесите дочь в детское отделение. Нам предстоит долгое и разнообразное дежурство, и я не хочу, чтобы вы отвлекались.

– Конечно, сию минуту, – сказала медсестра.

– И заодно отвезите тела в морг, – добавил Поджер. – Я пока подежурю.

Хирург прошел на пост и сел за столик. Адриана потрепала Михея по голове. Волосы парнишки были мокрыми.

– Тут горшки разбитые валялись на полу, так я черепки выкинул в ведро, а землю собрал и вынес на клумбу, – сказал мальчик деловито. – Вместе с цветами. Прикопал их там немного… Может, еще выживут.

– Спасибо, Михей, – сказала Адриана.

– Тебе помочь переложить их на одну каталку? – спросил мальчик. Марина поперхнулась. Откуда ведьме было знать, что Михей провел полжизни в полевом госпитале.

– Давай, – кивнула мать.

Мальчик, пыхтя, подкатил передвижной стол с Крюком к каталке, на которой лежал Валет. Адриана тем временем аккуратно подвинула останки. Михей нажал на рычаг, и каталка наклонилась. Медсестра приняла еще теплое тело, ловко уложила погибшего наемника рядом с товарищем.

– Принеси Нату, и постарайся не разбудить… подожди, я лучше сама, – сказала Адриана. Медсестра сходила за дочерью. Марина проводила ее недоумевающим взглядом. Ведьма никак не могла понять, как же Адриана намерена одновременно нести дочь и толкать каталку. Неужели цинизм медсестры доходил до того, что она собиралась положить ребенка прямо на трупы?

Михей осторожно потянул ведьму за рукав.

– Тетя Марина, – сказал он. – Сделайте еще дракончика, пожалуйста…

Марина вопросительно посмотрела на Поджера.

– Только чтобы огня он не выдыхал, – сказал врач строго.

Ведьма развела руки, и полупрозрачный дракон взмыл под потолок отделения. Этот летающий ящер у Марины получился голубого цвета. Дракончик присел на люстру, осмотрелся, смешно вертя вытянутой головкой, и хищно спикировал на изображение Парваты. Поджер нахмурился. Но зубы дракона прошли сквозь полотно, не причинив ему никакого вреда. Летающий ящер был всего лишь иллюзией, хотя и высококачественной. Михей от восторга захлопал в ладоши.

– Протяни руку, – сказала Марина. – Как для сокола.

Мальчик покосился на ведьму. Марина смутилась, сообразив, что родителя парнишки вряд ли могут себе позволить соколиную охоту. Михей неуверенно выставил руку, и дракончик, оставив бесполезные попытки разорвать картину, подлетел к нему и сел на запястье. Адриана вернулась. Одеяло с дочерью медсестра прижимала к груди.

– Мама, смотри! – воскликнул Михей. – Я приручил дракона!

Адриана улыбнулась.

– Вы так утруждаете себя, – сказала медсестра ведьме. – Даже не знаю, как и отблагодарить.

– О, не стоит, – сказала Марина. – Мы все равно должны дождаться здесь нашу старшую. Спать мне что-то не хочется, а просто так сидеть скучно.

Каталка со скрипом тронулась с места. Адриана шла за ней на расстоянии шагов пяти. Марина догадалась наконец, что у медсестры тоже есть магические способности.

Детское отделение находилось в соседнем корпусе, и путь туда пролегал по неосвещенному коридору. Адриана сотворила светящийся шар, завесила его над левым плечом. Под ногами медсестры захлюпала вода – дождь хлестал прямо в открытые окна. Адриана закрывала их прикосновением Чи, когда проходила мимо. Медсестра увидела впереди огромную лужу около двери, ведущей во внутренний двор госпиталя. Адриана

остановила каталку, обошла ее. Медсестра хотела закрыть дверь. Еще не хватало, чтобы тела при столкновении с дверью свалились на пол.

Ведьма очнулась от холода в ногах. В виске билась болезненная судорога. Карина села и увидела, что вода из разбитого фонтана все прибывает. Каменная крошка забила сток. Уровень поднялся уже до щиколотки Карины, и башмаки промокли. Ведьма поджала ноги, задев покрытую черной чешуей лапу, на которой лежала. Карину снова охватила ярость. Она повернулась к Шенвэлю.

– Ты убил его, – прошипела ведьма. – Я знала, что на слово сидха нельзя полагаться!

Ничего не осталось в ее душе, кроме всепоглощающей ненависти. На периферии сознания звучали смутные голоса. Они напоминали, что между драконом и Лайтондом были старые счеты, спрашивали, ну зачем ей похмелье в чужом пиру, призывали предоставить сидха его судьбе и уйти, спастись, пока еще можно. Но Карина заставила их заткнуться. Она убьет Лайтонда, даже если при этом погибнет весь Рабин.

– Черное Пламя напал сзади, как ты сама видишь, – сказал сидх спокойно.

Карина только сейчас обратила внимание на положение тел. Шенвэль, когда его придавило лапой Черного Пламени, упал назад, на спину. Если бы это была честная схватка, враги должны были находиться лицом к лицу, и Шенвэль теперь лежал бы на животе. Эльф сказал правду, но это уже не произвело на ведьму никакого впечатления.

– Жалкое оправдание, – скривилась Карина. – Впрочем, вы, сидхи всегда владели языком лучше, чем мечом.

Карина встала на ноги, размяла пальцы.

Эльф усмехнулся и спросил недоверчиво:

– Теперь ты меня убьешь?

– Да! – воскликнула Карина.

Ведьма подняла руки. Огоньки в светильниках синхронно мигнули. Сильный удар сотряс землю.

Светящийся шар лопнул с тихим треском, и все провалилось во тьму. Словно острая игла вонзилась в сердце Адрианы, не давая вздохнуть. Наташа слабо вскрикнула, дернулась всем телом. У медсестры вдруг подкосились ноги, и ей пришлось опереться на дверь. Адриана высунула голову наружу, мечтая, как холодные капли охладят ее лицо. Медсестре показалось, что она сошла с ума.

С неба сыпался пепел. Адриана отчетливо чувствовала на губах его кисловато-горький вкус. Это продолжалось всего несколько мгновений, а затем снова хлынул дождь. Светящийся шар снова возник из пустоты, но горел он теперь намного слабее. Игла выскочила из сердца медсестры. Адриана еще постояла несколько мгновений, подставляя лицо под удивительно холодные струи.

Битва в замке продолжалась. Кто-то одним могучим глотком вытянул Чи. Ведьмы, оставшиеся в замке, черпали силу из Воздуха. Но кому-то понадобилась и Чи Огня, именно от этого погас светящийся шар Адрианы, а так же Чи Воды и Земли, из-за чего капли дождя на несколько мгновений превратились в пепел.

«Не разнесли бы они весь Рабин», мрачно подумала медсестра. Адриана качнула дочь, чтобы успокоить ее. Странная вялость тела насторожила медсестру. Она взглянула на ауру Натки. Жестокая когтистая лапа впилась в сердце медсестры. Но тут уж магия сражавшихся в замке была не при чем. Адриана увидела, как в опустевших каналах жизненной энергии дочери переливается чернота.

Цин.

Мертвая сила.

В детское отделение Адриане теперь идти было незачем.

Каталка легко скатилась по пандусу. Здание морга было низким, а сам зал для хранения

тел находился в полуподвале. Его каждую весну обкладывали льдом, чтобы создать необходимую для хранения тел температуру. Когда медсестра вошла внутрь, изо рта у нее вырвалось облачко пара. Однако волхв Ящера, высокий седой старик, казалось, не чувствовал холода. Его черную тунику украшала массивная серебряная ящерица, и Адриана поняла, что перед ней главный жрец бога Смерти. Медсестра удивилась, но потом вспомнила, что два дня назад скончался один богатый купец. Очевидно, его родственники раскошелились и пригласили главного волхва из самой Кулы для совершения обряда.

– Ну-с, что у нас здесь? – спросил волхв.

– Валет и Иннокентий, наемники, их вытащили из горящего замка их подружки – боевые ведьмы, – сказала Адриана.

Жрец взял истории болезни из зажима над ручкой каталки, мельком заглянул в них и кивнул.

– Еще одно, – сказала Адриана. Волхв вопросительно посмотрел на женщину. Медсестра положила маленький сверток на стол. – Наталия, дочь Радагастова.

Волхв Ящера развернул одеяло, посмотрел на маленькое тельце с непропорционально большой головой.

– А почему без документов? – спросил он.

– Я принесу утром, – чужим голосом сказала Адриана. – Понимаете, это произошло так внезапно…

Жрец понял.

– Примите мои соболезнования, – сказал он медсестре.

Губы Адрианы задрожали.

– Бросьте, – тихо сказала медсестра. – Мне сразу говорили, что она не доживет до следующей весны. Предлагали оставить в госпитале, не мучаться, сердце не рвать…

– Почему же вы взяли ее? – спросил волхв.

Медсестра почувствовала, как под спокойным взглядом старика перестает дрожать глубоко внутри какая-то болезненная струна.

– Ей не суждена была долгая жизнь, – сказала Адриана. – Но я хотела дать ей все тепло и заботу, какую могла. Я хотела, чтобы она умерла не в одиночестве общей палаты, под вопли вечно голодных и мокрых малышей, а у меня на руках.

– И вот это произошло, – сказал волхв и погладил медсестру по плечу. Адриана ощутила короткую, но приятную вибрацию его Чи. – Вы сильная женщина, и я преклоняюсь перед вашим мужеством… У вас больше нет детей?

– Есть, – почти шепотом сказала Адриана.

– Так позаботьтесь о них, – сказал жрец. – Помочь встретить смерть – это достойно, но научить, как прожить жизнь – это еще достойнее.

Он коротким жестом благословил Адриану, и женщина ушла.

Искандер проснулся от дикого вопля. Император рывком сел, привычным движением ловя рукоять меча. Они давно уже спали втроем – император, с одной стороны его маг, с другой стороны его меч. Крон не раз уже намекал императору, что пока они спят вместе, меч в постели лишний. Но старый воин не собирался отказываться от своих привычек. Крон знал, что он сам тоже всего лишь одна из привычек императора, и поэтому сильно не настаивал. Искандер обвел покои быстрым взглядом. Спросонья он подумал, что это покушение. Но в спальне, кроме них, никого не было. Крон сидел, обхватив себя за плечи, и раскачивался взад-вперед, бормоча себе под нос:

– Теперь ты меня убьешь… Теперь ты меня убьешь…

«Что ты сделал?», мучительно думал Искандер. – «Что? Проворовался, спустил все деньги своего управления на карты и водку? Но ты же не пьешь и не играешь…ЧТО?»

Искандер положил меч на кровать. Лезвие тускло сверкнуло в лунном свете. Император разжег светильник, стоявший на столике рядом с постелью, и повернулся к своему магу. Крон перестал раскачиваться и смотрел на Искандера пустым взглядом.

– Нет, – осторожно обнимая мага, сказал император. – Никогда. Тебе придется сделать это самому, если приспичит. Но до тех пор, пока чудовище будет во мне, я не позволю тебе оставить меня.

Глаза Крона приобрели осмысленное выражение.

– Искандер, она в Рабине! – воскликнул маг. – Она только что призвала все четыре стихии! Ты понимаешь?

– Да, – выдохнул император, тяжело наваливаясь на мага. Глаза его стали мертвыми. Затем в них мелькнула искры разума. Разума нечеловеческого, далекого. Искандер стал призмой, сквозь которую смотрело огромное око. И оно горело чувствами, для которых нет слов в человеческом языке. Крон зябко передернул плечами.

То самое чудовище, которое император так ненавидел, услышало слова Крона.

И проснулось.

– Свяжись с Рабином, – сказало оно.

Крон поспешно отвернулся. Сумка с магическими принадлежностями стояла у кровати. Имперский маг извлек черную, с зелеными зигзагами нефритовую тарелку, такой же шар-яблоко и замызганный справочник телепатических кодов. Положив книгу на колени, он раскрыл ее на руне «рихт», с которой начиналось имя бывшей столицы Мандры. Первым стояли позывные главы местного подразделения Чистильщиков. Крон прищурился, выходя на связь, но шарик на тарелке даже не дрогнул. Он попробовал вызывать замок князя, но результат был точно таким же.

– Не отвечают, – сказал имперский маг. – Что там такое происходит, хотел бы я знать… А ну-ка…

Он вызвал замок дракона. Код был устаревшим, в замке давно никто не жил, но эффект превзошел все ожидания. Нефритовое яблоко не успело обежать и полкруга, как на тарелке появилось изображение. Крон невольно отшатнулся, когда перед его носом вспыхнули призрачные языки пламени. Стационарный телепатический порт сработал, хотя рядом с ним никого не было. Его активировала магия замка, а эти чары, как знал Крон, приводила в действие только пролитая кровь.

– Так! – сказал маг и скосился в справочник. – Я думаю, имеет смысл связаться с моргом. Все равно больше стационарных точек приема в Рабине нет.

– Связывайся с кем хочешь, – ответило чудовище. – Но найди ее!

Крон разорвал контакт и пробормотал под нос нужную формулу. Яблоко закрутилось, описав положенные при ближней связи три круга по тарелке. Имперский маг увидел седого старика с густыми бровями.

– Дренадан, первый главный волхв Ящера, – представился тот.

Крон понял, что напал на верный след. Главному волхву Ящера нечего было делать в Рабине, только если… Имперский маг назвал себя и спросил:

– Что у вас происходит?

– Какая-то банда вместе с боевыми ведьмами проникла в замок дракона и подожгла его, – ответил Дренадан. – Мне уже доставили два трупа, а больше я ничего сказать не могу.

При словах «боевые ведьмы» Искандер вздрогнул и подался вперед, но Крон сильно сжал его руку.

– Назовите имена убитых и особые приметы, – сказал маг.

Волхв на миг исчез из поля зрения, было слышно, как он шуршит бумагами.

– Валет, это экен, особых примет никаких, потому что он полностью обуглен. А разве что вот, татуировка на внутренней стороне кисти, цветок с четырьмя лепестками, – сообщил он. Крон прикусил губу, чтобы не выдать радости. – Второй, тоже экен, но записан как Иннокентий. И девочка, Наталия, дочь Радагастова.

– Мы забираем первое тело, я сейчас прибуду, – сказал имперский маг. – Этого Валета не обмывайте и к похоронам не готовьте.

Дренадан усмехнулся.

– Как прикажете. Но я должен напомнить, что за некромантия сурово карается, вплоть

до исключения из Круга Волшебников Мандры.

Крон промолчал, но тут неожиданно вмешался император.

– Делай, что велено, и не рассуждай! – рявкнул он, наклонившись к тарелке. – Тебе удалось от меня улизнуть, но ей от меня не уйти!

Оскорбленный волхв разорвал контакт. Крон задумчиво посмотрел на императора, убрал тарелку с яблоком в сумку и начал одеваться.

– Постарайся уснуть, завтра тебе понадобится свежая голова, – сказал маг, делая сложные пассы руками. Настройка столь удаленного телепорта требовала подготовки. – Я вряд ли вернусь до утра.

Император недовольно заворчал.

– Мы это все уже обсуждали, – не повышая голоса, сказал Крон. – Тебе нельзя идти. Да, и кстати, ты что, знаком с этим волхвом? Кто он такой?

– Раньше я был им, – сказало чудовище неохотно. – Но он предал меня, отдал себя Ящеру…

– Тогда тебе тем более нельзя там появляться, – сказал Крон. – Значит, этот волхв уже обо всем догадался.

Император вздохнул и лег. Крон сделал сложный жест, и исчез с таким грохотом, что в спальню заглянул телохранитель Анджей.

– Все в порядке? – спросил он.

– Да, вечно Крон со своими магическими штучками, – сказал Искандер. – Иди.

Анджей вернулся к себе. Но вместо того, чтобы продолжить чтение «Комментариев к Уставу гарнизонной службы», он наспех набросал небольшую записку. Затем потряс магический колокольчик, и явилась заспанная ведьма.

– Чего надо? – спросила она угрюмо.

– Доставьте в Нижний Город, адрес там указан, – сказал Анджей. – Да побыстрее.

Хотя телохранитель оглядел спальню лишь мельком, он успел заметить, что Крона там нет.

Марфор надавил на головку ключа. Судя по всему, хозяин дома давно не выходил в море. Замок успел заржаветь. Раздался хруст, и верхняя часть ключа осталась в руке эльфа. Ульрик толкнул дверь ногой. Она оказалась ничуть не крепче, чем дверь дома, и с треском сорвалась с петель. Эльфы затащили лодку на крышу дома, как им и посоветовал мальчик.

– Окажи мне одну услугу, – сказал Ульрик.

– Какую?

– Спустимся в дом. Я тебе кое-что покажу.

– Нет, – сказал Марфор.

Ульрик ударил кулаком по печке так, что посыпалась известка. Магический шар, висевший над головой Марфора и освещавший убогую обстановку дома, заплясал в воздухе.

– Он не проснулся, когда кричал его сын, – сказал эльф. – Мальчик даже не звал его на помощь! И ребенок сам просил тебя об этом!

Марфор, уловив слабое мерцание, стремительно нагнулся. Когда он поднялся, в руке его оказался нож.

– Он сам пытался убить его, – сказал эльф. – Вот паршивец, хотел свалить на нас!

– Почему же у него не получилось?

Марфор провел ногтем по лезвию.

– Этим ножом только в теплом дерьме ковырять, а не глотку резать.

– Вот видишь! – воскликнул Ульрик. – Теперь ты меня понимаешь?

Марфор пристально посмотрел на него.

– Еще как понимаю, – эльф перевел глаза на обнаженную руку мужчины и заставил мышцы сократиться. Красавица на краткий миг ожила. Она томно вздохнула, качнув роскошной грудью, и повела бедрами.

– Когда ты лишился своего магического дара, она сделала так же, – сказал Марфор сухо. – Ульрик, приди в себя. Они знают, что мы остались у этого дома. Они знают, кто он и кто ты. Ты что, совсем не хочешь покачать на руках собственного ребенка?

Ульрик хотел что-то сказать, но тут Марфор резко развернулся. Эльф прислушивался к телепатемме от своего Синергиста.

– Волна пошла! – воскликнул Марфор. – Быстро на крышу!

Изо рта и носа ведьмы хлынула кровь. Карину отбросило к стене.

– Карина, – превозмогая боль в обожженных легких, позвал эльф. – Карина…

Ведьма открыла мутные глаза, и попыталась встать на четвереньки. Со второй попытки ей это удалось. Цепляясь за ствол искусственного ракитника, Карина поднялась на ноги. Ведьма обвела зал непонимающим взглядом. Она только что помнила себя на каменной гряде, преграждавшей выход из долины с источником, их любимой долины, где они с девочками всегда собирались перед первым заданием. Сначала Карина подумала, что эльф каким-то неизвестным заклинанием перебросил их обоих в замок, несмотря на то, что она отказалась идти с ним. А потом она заметила изуродованное тело дракона, Шенвэля, придавленного мертвой лапой, и вспомнила все, что произошло после их разговора с эльфом. Ощущение было таким ярким, что ведьма даже покачнулась на ногах, словно опять бомбила огромного дракона, и надо было уходить от взрывной волны…

– Ты ударила меня, – тихо, но с наслаждением сказал эльф. – Ты! Ударила! Меня!

– Не знала, что тебе это нравится, – пробормотала Карина. – Зеркало Анцира?

Так назывался старый, но очень эффективный прием, позволявший отразить на атакующего его собственные чары. Шенвэль кивнул.

– Попалась, как первоклашка…

Ведьма вдруг зажала себе рот и с неожиданной резвостью кинулась за чахлый ствол. Характерные звуки сообщили о том, что справиться с желудочным спазмом ведьме не удалось. «Интересно, в Горной Школе проходят признаки перегрузки каналов Чи?», подумал эльф. Карина вышла из-за ракитника.

– Продолжим наши игры? – спросил Шенвэль, с трудом подняв руки и раскрывая объятия. Затем сделал страдальческое лицо и добавил с придыханием: – Сделай мне больно…

Карина смерила его взглядом, усмехнулась. Из такого положения рук Шенвэль мог бросить абсолютно любое заклинание. Но еще одной схватки не выдержал бы ни он, ни сама ведьма.

– Нет, – сказала Карина с усилием.

– А что так? – удивился эльф.

– Полночь наступила, – сказала Карина. – Твое счастье, Лайтонд, что ты заглушил мне память не до рассвета.

Шенвэль понял, что ему больше ничего не угрожает. Эльф вздохнул.

– Чтоб тебе придти на пять минут позже, – пробормотал Шенвэль. – Каким счастливым и здоровым ты сделала бы меня тогда…

Но Карина уже не слушала его. Ведьма снова смотрела на тело дракона. Лицо ее дернулось и застыло в маске боли.

– Судя по тому, что я вижу, – сказала Карина. – Я отказалась от твоего предложения пойти с тобой, когда ты меня звал.

– И пришла тогда, когда я запретил тебе это, – сказал Шенвэль.

Карина сняла свой плащ, подошла к дракону, приподнялась на цыпочки и накрыла огромную голову. Шенвэль знал, что в форменных плащах обычно хоронили самих боевых ведьм. Или их наставников.

– Любовь моя… – прошептала ведьма. – Если бы я могла вернуть тебе жизнь, оросить своими слезами, как в сказках, и ты бы встрепенулся и встал, улыбаясь! Нас ждали самые счастливые дни. Я не успела ничего объяснить тебе. Сидх снял проклятие, которое

испортило всю нашу жизнь. А затем он прикончил и тебя… Ах, почему я не пошла с ним! Как глупо, что ты, ты, которой плевком мог оживить убитую соловушку – помнишь? – теперь мертв, а слезы мои лишь пустая вода… Ты, самый прекрасный червяк на свете… Твоя черная чешуя уже больше никогда не заблестит под солнцем, не вспыхнут, как алмазы, твои глаза…

Исполнив над линдвормом погребальный плач, Карина вернулась к разбитому фонтану, жадно напилась и умылась.

– Что было между вами, позволь спросить? – ведьма вытащила из-за пояса рубаху и вытерлась ей. – В чем причина твоей смертельной ненависти?

Эльф долго молчал.

– Он лишил меня матери, – сказал Шенвэль наконец.

– Что же, – сказала ведьма. – Это причина.

Карина протиснулась в сокровищницу, присела на корточки и стала рыться в драгоценностях. Шенвэль проводил ее взглядом. Насколько он знал мандречен, уходить не прощаясь было не в их манере. Дух-страж материализовался перед ведьмой.

– Госпожа, – сказал он. – В замок вошли еще четыре женщины в такой же одежде, как твоя, и с ними мужчина. Что прикажешь делать?

Карина отбросила пригоршню монет, распутала жемчужное ожерелье, опутавшее кинжал.

– Веди их сюда самой короткой дорогой, – сказала ведьма, поднимаясь. Дух исчез. Шенвэль с интересом смотрел на кинжал в ее руках.

– Ты должен умереть первым, – деловито сказала Карина, возвращаясь к эльфу. – Я войду и закрою Дверь.

– Ты умеешь? – спросил эльф. – Откуда ты знаешь об этом?

Раздался неприятный треск. Пол под ними качнулся. На голову Карины посыпалась штукатурка. Задрав голову, ведьма увидела, как по потолку сокровищницы пошла длинная трещина. Издалека стал слышен неровный гул.

– Читала, у моей наставницы Кертель были записи, – ответила ведьма, присаживаясь на лапу дракона рядом с Шенвэлем. Услышав имя наставницы Карины, эльф на миг прикрыл глаза веками. – Хотя это было давно, я все помню. Ничего сложного в этом нет. Главное – войти в Дверь самому, оставаясь живым. Сидхам удалось убить нескольких Детей Волоса, и Пчела и Буровей заходили в Дверь и закрывали ее изнутри. Потом, правда, возвращались в мир живых, но у них ведь с Ящером были особые отношения.

Стены напротив них вздохнула, крякнула и обвалилась, открыв полный вид сокровищницы.

– Твоя наставница была Разрушительницей? – спросил эльф.

– Да нет, простая станичная колдунья, – пожала плечами Карина. – Кертель просто была в хороших отношениях с Буровеем, может, это он дал ей почитать.

В двух саженях от них обрушилась плита потолка и перебила хребет дракона. Кровь брызнула во все стороны. Там, где она попадала на стены, краска начинала шипеть и противно вонять.

– Ты не боишься смерти? – спросил Шенвэль.

– Я… – ведьма заколебалась. – Я боялась остаться одна, но я в очень хорошей компании. Да и может быть, мои девочки успеют найти нас и вынести.

Карина улыбнулась эльфу, провела рукой по его волосам и прошептала обезболивающее заклинание. Ведьма не пожалела Чи. Шенвэль перестал чувствовать свое тело вообще. Из того прохода, через который эльф попал в сокровищницу, вылетела струя белой каменной крошки. Раздалось глухое урчание. Когда пыль осела, прохода в стене уже не было. В месте, где он находился, из стены торчал каменный обломок, похожий на наконечник огромного копья.

Черные волосы Карины присыпало каменной крошкой так, что ведьма казалась седой. Эльф отвел взгляд. Сейчас Карина была слишком похожа на другую женщину, о которой

Шенвэлю перед смертью думать не хотелось. Эльф слышал, что если в момент расставания с жизнью подумать о ком-то, кто уже умер, то именно этот дух встретит тебя на Ступенях в Подземный мир. А Шенвэль не хотел встречаться с этой женщиной даже в Подземном мире.

– Хочешь, я спою тебе? – сказала ведьма. – Я знаю одну эльфийскую колыбельную. А когда пламя подойдет совсем близко, я ударю тебя кинжалом. Это небольно, ты почувствуешь только толчок, и все.

Эльф усмехнулся.

– И как называется этот курс в Горной Школе? – спросил он. – Помоги товарищу встретить смерть?

– Такого курса нет, – сказала Карина. – Этому каждый на войне учится сам. Так спеть тебе?

– Спой, что же, – сказал эльф. – Только не надо эльфийских песен. Ты знаешь такую песенку, начинается… сейчас…

Пол под ними затрясся мелкой дрожью. Шенвэль откашлялся и напел:

– Играй, рассвет – чародей, на флейтах ветров, на струнах дождей…

– Детей Волоса, значит, учили не только священным гимнам, – догадалась ведьма. – Понятно теперь, почему ты стал Музыкантом…

В дальний вход сокровищницы ворвалось пламя.

Карина глубоко вдохнула.

– Я их слышу, слышу! Наддай ходу! – возбужденно закричала Светлана.

Дарина увернулась от рухнувшей балки перекрытия и в этот момент услышала тоже. Впереди и чуть левее была распахнутая дверь. В глубине прохода танцевали огненные блики. Но голос Карины доносился именно оттуда.

– Не насмотришься вдоволь, смотри – не смотри, – пела ведьма. – Как туманы дымятся вдали…

Светлана подхватила во весь голос:

– И пылает роса, будто капли зари, на зеленых ресницах земли! [3]

Ведьмы ворвались в зал, опередив стража-проводника. Сначала Дарина не заметила старшей и озадаченно затормозила в воздухе.

Гора золотых монет, ставшая посмертным ложем дракона, напоминала песчаный пляж после бури. От крови часть монет разъело, другие просто почернели. Дальняя часть ложа уже горела. Дракон лежал хвостом к вошедшим. Ящер был не так уж и велик, как рассказывалось в сказках о нем. Морул Кер напоминал очень большую змею с длинными гибкими лапами и раздвоенным хвостом. Если дракон и мог летать, как пелось в наводящих ужас балладах, то только при помощи магии, потому что крыльев у него не было. Голова дракона лежала между вытянутыми лапами, словно он спал.

– Какой маленький, – пробормотала Светлана, спрыгивая с метлы. Дарина покосилась на нее. – Нечего так смотреть, я рядом с Драконьей пустошью родилась. Даже жалко… Карина!

Из-за спинных шипов дракона появилась бледная Карина.

– Он не дракон, – сказала старшая крыла. – Он линдворм. Света, эту лапу надо убрать.

– Встань, родная, – сказала Светлана.

– А что, замка больше нет? – спросила Карина, перелезая через плечо дракона.

– Я думаю, что и от утеса уже почти ничего не осталось, – кивнула целительница и метнула заклинание. Лапа дракона исчезла. Теперь Светлана заметила и эльфа. Окровавленный Шенвэль сейчас очень походил на отделанный рубинами панцирь, который ведьма заметила в груде сокровищ. Разница была только в том, что у Шенвэля еще была голова и руки.

---

[3] Стихи Пляцковского

– Дарина, построй свое звено для переноски раненного, – скомандовала Карина. – Мне тоже что-то нехорошо… Можно, Светик, я тоже к тебе сяду?

Светлана покосилась на Онуфрия. Карина сообразила, что место на метле Светланы занято.

– Мы можем поднять и двоих, – сказала Дарина. – Плащ выдержит. Только тогда надо пристегнуть его к четырем метлам, а не к двум.

Дарина сняла свой плащ. Ведьмы проворно прицепили его к своим метлам. Онуфрию пришлось слезть с метлы целительницы, пока Светлана заправляла кольцо в паз. Маг нагнулся и поднял с пола несколько монет. Онуфрий внимательно посмотрел на них и неожиданно усмехнулся. Хвост дракона уже дымился, от ядовитого дыма щипало в глазах. Но в то же время Карина почувствовала на лице касание свежего ветра. Да и внезапно наступившая тишина пугала больше, чем весь предыдущий грохот.

– А монеты – то наполовину медные, – сказал Онуфрий. – Да и сокровищ что-то маловато…

– Их большую часть вынесли слуги Морул Кера. Кое-что перекочевало, как это ни прискорбно, и в карманы моих соратников, когда я был здесь в прошлый раз, – сказал Шенвэль.

– Что же в этом прискорбного? – удивилась Дарина. – У каждого свой интерес.

– Ты права, наверное, – согласился эльф.

Ведьмы переложили Шенвэля на плащ. Карина забралась в воздушную люльку и легла рядом с эльфом. Светлана села свою метлу. Онуфрий устроился на втором сиденье. Вся четверка медленно двинулась в воздухе.

– Куда теперь? – кашляя от дыма, спросила Дарина.

Карина повернулась к призраку, услужливо плывшему в воздухе рядом с ней.

– Как нам покинуть замок? – спросила она. – Или это уже невозможно?

– В том углу хранилища – тоннель вверх, – ответил призрачный страж.

– Не провожай нас, – сказала Карина. – И замок охранять больше незачем. Ты свободен!

Дух согнулся в поклоне и исчез. Стены словно вздохнули. Ведьм качнуло – перекрытия стремительно уходили из-под них. Но звено удержалось в воздухе, несмотря на сложность построения и большую перегрузку. Потайной ход оказался там, где и указал страж. Ведьмы влетели в вертикальную трубу. Карина еще успела увидеть, как оседает стена сокровищницы. Лунный свет на миг затопил зал, а потом все пошло вниз. Ведьмы же – вверх. В туннеле было темно, и Онуфрий завесил над ними светящийся шар. Мимо проплывали неровные стены с наплывами сталагмитов, вспыхивающих бликами. Звено поднималось рывками, и плащ сильно раскачивало. Карина обняла эльфа, опасаясь выпасть из воздушной люльки. Ведьма почувствовала, как по бедру, которым она прижалась к эльфу, течет что-то горячее и липкое. В этот момент ее посетило странное предчувствие, что они теперь часто будут лежать вот так, рядом… Карина тряхнула головой. Шенвэль открыл глаза.

– Ну вот, – сказала Карина. – Если продержишься еще полчаса, сидхам даже не придется выбирать себе нового Верховного мага.

Эльф тихонечко распускал ее пояс. Делать одной рукой ему это было неудобно, и ведьма помогла ему.

– Я и вправду Верховный маг, – сказал Шенвэль. – А кто ты?

– Какие вы, сидхи, забывчивые, – хмыкнула ведьма. – Карина, старшая крыла «Змей».

– Я не про имя спрашиваю, – сказал Шенвэль. – Оно мне известно. Но известно ли тебе, кто ты на самом деле?

– Кто я на самом деле? – повторила Карина. – Какая, хво…

Ведьма осеклась. Карина со свистом выпустила воздух через сжатые зубы. Голова ведьмы откинулась назад, глаза закатились. Шенвэль досадливо дернул щекой. Эльф начал торопливо целовать Карину в губы, убыстрив ритм движения руки. Плащ покачивало от

движения тел ведьмы и эльфа. Дарина и ее звено были слишком озабочены выбором пути и смотрели только вверх, Светлана привыкла и не к такому. Онуфрий, поняв, что происходит, поспешно уставился на стену.

– Ты моя жизнь, – услышала Карина голос Шенвэля через полыхающий в ее голове ослепительный свет. – Вернись ко мне!

– Ну да, ты ведь смерть… – пробормотала она в ответ. Свечение начало гаснуть. У Карины возникло такое чувство, словно она стремительно падает.

– Я люблю тебя, – сказал эльф.

– Здорово тебя долбануло, – проворчала Карина и открыла глаза.

Ведьмы добрались до ажурного водопада, излучавшего свет, и остановились.

– Что теперь? – спросила Светлана. – Вы здесь не проходили, когда шли в замок? Может, ты помнишь дорогу?

– Да, – сказал эльф. – На метлах отсюда не выбраться. В той стене зала есть дверь, надо будет ее открыть.

– Она слишком большая, и на засове размером с тебя, – сказала целительница неуверенно.

– И сверху очень толстый слой земли, – добавила Дарина. – Нам не поднять ее.

– Засов поднимет Карина, – сказал Шенвэль спокойно. – Мы со Светланой будем упираться в центр двери, а остальные ведьмы и Онуфрий – по углам.

И тут Карина поняла. Оргазм был одним из способ втягивания Чи. Старшая крыла перевалилась через край плаща, с трудом встала на ноги и отошла к сияющему источнику.

– Ты нарочно так сделал, да? – спросила она с яростью.

Ведьмам этот тон был хорошо известен. У Дарины внутри все сжалось. «О Могота, не дай ей убить сидха», подумала Дарина. – «Только не сейчас! Мы все погибнем здесь тогда».

Карина повернулась к Шенвэлю.

– А с каких пор ты все тут решаешь, а? – спросила она и продолжала, все повышая голос: – Ты думаешь, что если я с тобой переспала, то ты можешь мной командовать? Как и где мне колдовать? А завтра ты будешь меня учить варить борщ?

Светлана посмотрела на эльфа с тоской. Ей в голову пришли мысли, созвучные мыслям Дарины. А фраза про борщ вообще была, если можно так выразиться, сакральной. Ведьмы редко бывали искусными кулинарками. Целительница знала о том, что барон Владислав не раз пытался объяснить Карине, как правильно следует приготовлять борщ. Ведьму это приводило просто в бешенство. Карина и подругу пару раз угощала этим национальным супом мандречен, и Светлане понравилось. Но возможно, что традиции и вправду диктовали немного другой рецепт.

– Я решил за всех, потому что я единственный мог это сделать, – сказал Шенвэль очень спокойно. – Борщ я не люблю… А то, что я с тобой спал, вообще из другой оперы. Теперь мы можем начать? Мне бы хотелось попасть в госпиталь живым, знаешь ли.

Карина молча повернулась к нему спиной. Светлана с большим облегчением увидела, что подруга раскинула руки. С пальцев Карины посыпались голубые искры.

«Какие-то они слишком синие», подумала целительница. – «Как будто Карина взяла Чи Воды из этого источника».

Но это было невозможно, и Светлана отогнала эту мысль.

– Начинаем все вместе на счет «три», – сказала Карина.

Марфор помог Ульрику забраться наверх. Ульрик вошел в лодку и обернулся.

– О Илуватар, – пробормотал Ульрик.

Кулумит вызвал их на крышу, когда почувствовал, как кто-то в замке втягивает Чи. Маг собирался обрушить заклятье, и вряд ли бы замок выдержал этот удар. Эльфы увидели, как утес, на котором стоял замок, раскололся надвое. На звоннице Рабина начали бить полночь. Ульрик бездумно считал удары. Их оказалось тринадцать. То ли звонарь был пьян, то ли увидел пылающий замок и сбился со счета. А скорее, и то, и другое. Замок накренился,

нацелился на эльфов своими догорающими башнями, задрожал и посыпался в залив. Со стороны это было очень похоже на то, как если бы великан-ребенок сгружал песок со своего огромного самосвала. Марфор раскинул руки и втянул Чи, сколько смог. Половина утеса величаво подалась вперед и рухнула в воду. Из моря выметнулась колонна воды и с грохотом обрушилась на обломки утеса. Марфор услышал, как Ваниэль отвела водяную колонну от берега. Для этого эльфке не понадобилась даже помощь соседей. Темные эльфы обычно превосходили ледяных в силе магического дара. Огонь, пожиравший внутренности замка, продолжал полыхать даже через воду.

– Приготовься, – сказал Марфор Ульрику. – Через меня сейчас начнут передавать Чи.

– Ты хоть сядь, – сказал Ульрик.

Из рассеченного утеса вместе с отхлынувшей водой упала в залив длинная лента пламени. Марфор видел, как остро блеснуло золото, расплавляясь, мелькнуло что-то, до нелепости похожее на куст ракиты. И тут раздался страшный треск ломающегося камня. Марфор почувствовал ужас Ваниэль, почувствовал, как разбухают его каналы Чи. Эльфы, стоящие у дока, передавали свою силу тем, кто стоял под утесом. Остановить такую массы воды не смог бы и сам Лайтонд. Марфор закрыл глаза. Он не слышал испуганного вопля Ульрика при виде волны высотой с Круку. Марфор начал падать с узкой банки, и Ульрик подхватил его. Марфора изгибало в конвульсиях. Ульрик понял, что ему не удержать это большое тело, будь у него даже две руки. Эльф положил товарища на дно лодки, сел на корме и положил голову себе на колени.

Марфор выгнулся дугой и страшно закричал. Поток Чи в нем поменял свое направление. Эльфы под утесом выполнили свою часть работы и теперь передавали свою силу тем, на кого пошла волна. Непрерывный шум льющейся воды и яростный гул все нарастали, приближаясь.

– Давай, Марфор, – пробормотал Ульрик, крепко сжимая его голову. – Держись!

Марфор что-то прорычал. Несмотря на все, что с ним происходило, маг должен был оставаться в сознании, иначе его каналы Чи возвращались в естественное состояние, теряя необходимую пропускную способность. Ульрик почувствовал движение огромной массы рядом с собой и на миг отвлекся от товарища. Рядом с ними, едва не касаясь края крыши, шла стена воды. Сквозь крутящиеся струи Ульрик неясно увидел серебряный лик Ифиль. Выброшенная из потока грязная ракушка просвистела мимо щеки эльфа и, чавкнув, раскололась об крышу. Холодный брызги обдали лицо Ульрика, и водяной столб продвинулся дальше.

Ульрик взглянул на Марфора и увидел, что из носа друга идет кровь. Каналы эльфа были перегружены. Ульрик вытер кровь, пока струйка не затекла в открытый рот. Марфор дышал с каким-то мучительным присвистом.

– Уже почти все, – ободряюще сказал Ульрик. – Совсем немного осталось.

Ульрик посмотрел вниз. Прямо у стены толстым слоем лежал морской мусор – водоросли, плавник и ракушки. Ульрик слышал, как бьются выброшенные на сушу рыбы. Марфор вскрикнул, кровь ударила из носа толстой струей.

– Цепь… – прохрипел он. – Цепь рушится…

Ульрик понял, что кто-то из магов погиб. А возможно, и не один. Кровь уже текла и из ушей Марфора. Эльф пытался удержать поток Чи. Столб воды двигался к середине залива, но гораздо медленнее, чем до этого, и уже начал шататься.

– Прекрати! – закричал перепуганный Ульрик. – И себя погубишь!

Водяная колонна качнулась, вильнула из стороны в сторону и начала опадать. Она с грохотом обрушилась на Круку. Ульрика вместе с Марфором даже подбросило на крыше.

И тут стало очень тихо.

Ульрик обтер лицо товарища рукавом, радуясь тому, что кровотечение остановилось. Марфор с трудом сел. Взглянув в сторону острова, он увидел в лунном свете голую скальную верхушку.

– Не так уж плохо, – сказал Марфор и сплюнул. Тело болело так, словно его долго били

ногами.

– Да уж, – сказал Ульрик. – Могло быть и хуже.

Но если Марфор жалел о том, что не удалось вывести водяной столб из залива, то столяр имел в виду состояние товарища.

– Ты сможешь спуститься?

– Да, – сказал Марфор. – Давай заглянем в дом. Может, тот мужик захлебнулся.

Ульрик с сомнением покачал головой, но послушался. Эльфы вошли в дом. Воды было по колено, но мандречен был жив. Он не захлебнулся, как предполагал Марфор. Волной мужчину приподняло и забросило на лавку, где спал его сын. Мандречен так и не проснулся. Он лежал на спине, и на лице его было все то же пьяное блаженство. Марфор пристально посмотрел на мужчину. Ульрик увидел, как крупные капли крови начали сочиться через шрам на лице Марфора.

– Не надо, Марфор, – сказал Ульрик. – Оставь его.

Марфор чуть скривился, и шрам вскрылся целиком. Кровь потекла по лицу эльфа. Но он не остановился. Тело мандречена изогнулось в рвотном спазме. Непереваренные куски вылетели изо рта в фонтане блевотины. Эльфы стояли и смотрели. Марфор вытер лицо рукавом, но особой пользы это не принесло. Старую рану надо было зашивать снова. Мужчина корчился, захлебываясь, но ни один из эльфов даже не пошевелился. Наконец мандречен издал какой-то утробный звук, похожий на те, что слышны на болоте, когда из прогнившей трясины вырывается газ, и затих.

Так нашел свою смерть Радагаст, лучший разведчик дивизии Серебряных Медведей, потомственный палач Рабина.

– Пойдем, – сказал Ульрик. – Тебе надо в госпиталь, а я знаю, где это.

Дренадан услышал скрип несмазанных колес. Маг, восхитивший старого волхва своей наглостью, подвез каталку с телом Валета и остановился за спиной Дренадана.

– Я поражен, – сказал Дренадан, не оборачиваясь. – Вернуть духа в то, что осталось от этого тела…. Тут меньше чем на пятисот гривен стыдно штрафовать. Ты маг шестого класса?

Крон усмехнулся.

– Пятого, – сказал он.

Волхв покачал головой. Закончив разрез, он положил скальпель в ванночку с инструментами.

– Как заплатишь штраф, приходи на переаттестацию, – сказал Дренадан, умело извлекая внутренности экена, записанного Иннокентием. – То, что ты сделал, ни одному магу пятого класса не под силу.

– Мне это ни к чему, – усмехнулся имперский маг.

«Ну конечно», подумал Дренадан. – «Ты сам установил для «чистокровного» человека планку на пятом магическом классе, и теперь тебе не с руки признавать, что и в твоей родне были эльфы».

– А вот поговорить с твоим богом мне очень хотелось бы, – добавил Крон.

Дренадан переложил сочащиеся кровью кишки и желудок в стоявший рядом таз и обернулся.

– Так иди в капище, принеси жертву согласно ритуалу, и Ящер сойдет к тебе, – сказал волхв, исподлобья глядя на имперского мага.

Крон отрицательно покачал головой.

– Я был в капище, но Ящер не принял жертву и не вышел.

Дренадан пожал плечами.

– Значит, моему богу не о чем говорить с тобой, – сказал волхв и хотел вернуться к телу. Крон удержал его, положив свою ладонь на рукав алой рубахи жреца.

– Но если бог не хочет снизойти, а его ответы нужны позарез, – сказал имперский маг вкрадчиво. – Есть способ призвать Ящера вне зависимости от его отношения к

спрашивающему. И посредник не имеет права отказать.

Дренадан глянул на него в упор и тут же отвел глаза. Голубые глаза Крона были абсолютно пусты, как у слепого.

– Если ты не успеешь произнести формулу призыва Ящера прежде, чем я сделаю три глотка, я не смогу остановиться и выпью тебя, – сказал волхв сухо.

– Я знаю, – кивнул Крон.

Дренадан направился к рукомойнику, висевшему у входа в зал, и тщательно вымыл руки. Крон рассеянно смотрел на тела, лежащие на деревянных столах. Экен, без кровинки в лице, с жутко вывернутой ногой и раздробленной кистью, внутренности которого сейчас лежали в тазу. Крон отвлек волхва в тот момент, когда тот собирался нашпиговать тело смесью трав, чтобы покойник не встал из могилы и не продолжил свое существование как нежить. Ее точный состав держался в секрете, но бурая паста в большой кастрюле, стоявшей у ног экена, отчетливо пахла осиной и вареными желудями. Из освященного состава торчала лопаточка для накладывания смеси. Крона передернуло. Ему приходилось есть желуди и сырыми, но об этом периоде своей жизни имперский маг вспоминать не любил. На соседнем столе лежал крохотный ребенок с раздутой водянкой головой, в изголовье валялось старенькое одеяло. Какой-то толстяк в роскошном бархатном камзоле, вся грудь в орденах, на глазах которого лежали две золотые монеты, замыкал ряд. Крон догадался, почему Дренадан оказался в Рабине – очевидно, родственники этого состоятельного человека оплатили похоронный обряд по высшему классу.

Дренадан вытер руки затрепанным полотенцем и поманил имперского мага к себе. Крон подошел к волхву, на ходу расстегивая ворот рубахи.

– Так достаточно? – спросил имперский маг, дойдя до третьей пуговицы.

– Вполне, – кивнул Дренадан и наклонился. Крон ощутил прикосновение холодных зубов к своей шее и чуть не вскрикнул, когда волхв прокусил артерию.

– Хочу увидеть тебя, Владыка Подземного Мира, – громко произнес Крон. Дренадан с урчанием сглотнул. Маг почувствовал, как у него закружилась голова.

– Дарю тебе свою кровь, – продолжал Крон. Дренадан сделал еще один мощный глоток.

– Но не свою жизнь, всему свой срок! – закончил Крон.

Дренадана словно отбросило от ослабевшего мага. Крон посмотрел на него. Волхва больше не было. Перед имперским магом сияла алым светом огромная призма, через которую, как сквозь щелку забора, на Крона смотрел огромный глаз. Но имперский маг не в первый раз видел снисхождение бога в человеческое тело, и ни секунды не смутился.

– Приветствую тебя, Ящер, – сказал Крон.

– Зачем ты позвал меня? – гулко спросил бог.

– Мне нужно знать, как Дренадану удалось изгнать Яроцвета?

– Он заполнил свою душу любовью ко мне, – ответил Ящер. – Для Яроцвета там просто не осталось места.

– Это не наш путь, – пробормотал Крон. – Яроцвет покинет Искандера навсегда, если воплощение Навы умрет?

– Да, – сказал бог. – Каждому воплощению богини – отдельную пару. Но ты должен знать, что человек, поднявший руку на Наву, после смерти не найдет приюта в Подземном мире.

– Для этого нужно сначала умереть, – сказал Крон спокойно. – Искандер не погибнет оттого, что Яроцвет покинет его тело?

– Нет, но проживет недолго, – ответил Ящер. Крон и сам знал, что каналы жизненной энергии императора в ужасном состоянии. Поводок, на котором небесный кукловод держал Искандера, был сплетен из Чи императора, но симметричные каналы Цин при этом размыкались сами. Яроцвет подпитывал императора своей божественной силой, но как только бог покинет Искандера, дни императора будут сочтены.

– Есть ли способ продлить жизнь Искандера? – спросил Крон.

В огромном глазу мелькнуло странное, непонятное выражение.

– Да, – сказал Ящер. – Если император станет Синергистом сильного мага, то партнер сможет держать Искандера. Как долго – зависит от силы дара.

– Благодарю тебя, Ящер, – сказал Крон. – Я узнал все, что хотел.

Имперский маг ожидал, что Ящер покинет тело Дренадана, но бог удивил его.

– Ответь и ты мне, – сказал Ящер. – Ты хочешь, чтобы Яроцвет покинул Искандера. И ты хочешь, чтобы Искандер после этого жил. Зачем **тебе** это нужно?

Крон задумался.

– Искандер дал мне возможность выбора, которой я был лишен, – сказал имперский маг. – Я хочу, чтобы у Искандера тоже был выбор.

– Судя по тому, что ты говоришь, путь любви не вовсе заказан для вас, – заметил Ящер.

Крон тихонько засмеялся. Алое око посмотрело на мага в упор.

– Давно я не слышал этого смеха, – сказал Ящер. – Смеха, перед которым склоняются даже боги…

– Ящер, прости меня, но ты ведь бог Смерти. Откуда тебе разбираться в любви? – сказал Крон.

– Так объясни мне, – сказал Ящер.

– Любящий и любимый – это всегда разные люди, – горько сказал Крон. – В те краткие мгновения, когда Искандер принадлежит только себе, всю его душу заполняет ненависть. Ненависть к своему мучителю. Места для любви там просто нет.

– Я хотел бы думать, что ты ошибаешься, – сказал Ящер. – Хотя наверное, ты прав. Любовь не по моей части. До встречи, маг.

Алое свечение стало меркнуть. Когда Дренадан пришел в себя, Крон уже застегнул рубашку. Выражение лица мага не понравилось волхву.

– Я чуть не поперхнулся, – сказал Дренадан. – Я уже позабыл этот вкус… Я думал, вас всех перебили.

– Как видишь, нет, – сказал Крон и сделал быстрый жест. Дренадан едва успел пригнуться, и голубой шар врезался в стену, с грохотом своротив рукомойник. Волхва окутала черная дымка. Маг раздраженно прищелкнул языком. Дренадан закрыл себя экраном из Цин, который Крон пробить не мог.

– За что ты хотел убить меня? – с интересом спросил волхв.

– Воплощение Навы приближается к госпиталю, и ты чувствуешь это, как и я, – сказал Крон. – А все волхвы Ящера дают клятву защищать воплощение богини до последней капли крови, разве не так?

– Нет, – сказал Дренадан. – Волхвы бога Смерти приносят клятву не вмешиваться в дела живых. Даже если ты нападешь на живую богиню, я не имею права помешать тебе.

– Ай, да ладно, – поморщился Крон. – Ты сам носил в себе Яроцвета и знаешь, что это такое. Благородство и верность клятвам нерентабельны в наше время.

Дренадан ощутил очень знакомый запах и задумчиво посмотрел на бедро мага.

– А верность любимым? – спросил волхв.

Крон непонимающе взглянул на Дренадана, и вдруг согнулся пополам. Ощущение было такое, как будто в бедро магу воткнули раскаленный прут.

– Я тебя не трогал, – усмехнулся волхв в ответ на бешеный взгляд мага.

Крон вытащил из кармана брюк маленький кусок ткани и побледнел. Вышитый золотом герб Гургенидов побурел от крови. Сочный сгусток сорвался с ткани и, хлюпнув, растекся по полу.

Дренадана ослепила вспышка открывающегося телепорта. Когда волхв проморгался, имперского мага в морге уже не было.

Первый дом, разрушенный полностью, попался Мите и его спутникам, когда княжич собрал уже добрую половину сидхов. Маг держал здание до последнего, но напором воды вымыло фундамент, и дом рухнул. От сидха осталась только кисть, торчащая из-под

расколовшейся балки. Безукоризненный маникюр, в котором сочетался лак двух цветов, говорил о том, что здесь стояла эльфка. Бледные пальцы были сплетены в сложном жесте. Волшебница билась до конца.

– Кто-то из ваших погиб, – сказал Рахман. – Будете извлекать тело?

– Здесь мы уже ничем не можем помочь, – сказал эльф. Кажется, Тиандрил. Митя слышал его голос как сквозь туман. Княжич не мог отвести взгляда от крохотного изумруда на ногте указательного пальца, указывавшего в небо. – Впереди нас ждут те, кому мы помочь еще можем, в основном, твои подданные, княжич. Если вы не против, мы заберем тело потом.

Рахман тронул Митю за плечо. Княжич хлестнул лошадь, и подвода двинулась дальше. Иван оказался прав – среди сидхов было только двое легкораненых, а вот изуродованных мандречен, не поверивших в серьезность происходящего и оставшихся в своих домах, на подводе лежало уже восемь человек. Экен услышал, что княжич что-то бормочет, и наклонился к нему.

– Почему, – повторял Митя. – Почему…

– О чем ты говоришь, княжич? – спросил Рахман.

– Почему она не ушла? – глухо спросил Митя. – Дом рухнул не сразу, она могла успеть…

Некоторое время Рахман молчал. Было слышно только, как цокают подковы по булыжной мостовой. Душераздирающе застонал раненный.

– Если бы эльфка ушла, разомкнулась бы линия передачи силы, княжич, – сказал экен. – Волна обрушилась бы на берег, на город… И она осталась. Она держала цепь.

– Сидхи… – произнес раненный с ненавистью. – Пришли, с-ссуу-кии… Все разнесли, сволочи…

Митя обернулся так резко, что сидевший сзади него Тиандрил вздрогнул. Свистнул хлыст. Мандречен вскрикнул.

– Да что же дела… – начал раненный, и тогда княжич ударил его снова.

Раненный схватился за лицо. Из-под пальцев его текла кровь.

Эльфы молчали. Негромко цокали подковы по набережной Зеленого мыса. Самый прекрасный бульвар Рабина был завален водорослями, рыбой и прочим морским хламом.

Врачи и ведьмы стояли у ограды госпитального сада и наблюдали за битвой в замке. Михей увязался за взрослыми, Марина взяла мальчика к себе под плащ, чтоб он не простудился под дождем. Ведьмы обменивались малопонятными комментариями.

– Теперь если только «на выверт», – сказала Инна, когда замок начал осыпаться в залив.

Марина покачала головой.

– Не думаю, – сказала звеньевая. – Огонь ушел в подземелья, слишком велика встречная тяга…

Владислав нервно прохаживался вдоль ограды туда-сюда, бросая короткие взгляды на пылающий замок. Надежда барона увидеть на фоне пламени четыре фигуры на метлах таяла с каждой секундой, как снег под весенним дождем. Поджер тоже чувствовал себя не лучшим образом, но пока еще мог держать себя в руках.

– Ну зачем, зачем она пошла туда, – пробормотал хирург себе под нос.

Владислав, однако, услышал Поджера.

– Князь тоже ее не пускал, – сказал барон. – Но Светлана вырвалась, чуть ли не силой… Мы не смогли ее удержать.

Поджер давно был знаком с бароном, но каждый раз благородство и стойкость Владислава изумляли его ученика. Владислав пытался успокоить его, чуть ли не извинялся – и это в то время, когда сам сходил с ума от беспокойства за свою подругу.

– Я не о Свете, – сказал Поджер неохотно. – Карина вытащила ее во время бойни в Мир Минасе. Но Карина-то зачем осталась в замке?

Владислав закусил губу.

– Откуда же я знаю, Поджер, – сказал он, и голос его дрогнул. – Света сказала, что Карина пошла за магом, который их нанял.

Поджер покачал головой.

– Похвальная верность работодателю, – заметил Эней. – Но ведьмы, которых я встречал, были более практичны.

– Смотрите, смотрите! – возбужденно закричал Михей. – Водяной столб! Это сидхи сделали, отвели воду от нас, да?

– Да, – кивнула Марина. – Это они расстарались…

Водяная гора разбилась о гору каменную, наступила тишина. Врачи смотрели на голую, блестящую в лунных лучах вершину Круки. Поджер только сейчас обратил внимание, что дождь кончился.

Ждать больше было нечего. То есть некого. Поджер ощутил холодную пустоту в груди. «Полюбишь ведьму – наплачешься», вспомнилась хирургу фронтовая поговорка. Поджер взглянул на Владислава. Лицо того искажала мука, губы барона дрожали.

Эней сплюнул.

– Ну, сейчас начнется, – сказал он. – Понабегут увечные…

– Пойдемте, – сказал Поджер с усилием. – Чистые халаты у Адрианы возьмем…

– Пожалуй, полетим и мы, – сказала Марина. – Ждать нам больше некого, а места в палатах сейчас понадобятся раненным.

Поджер восхитился выдержкой ведьмы. Если бы хирург знал, что Марина с трудом сдерживает ликование, к его восхищению примешалась бы изрядная доля отвращения. Эней открыл ворота из витых стальных прутьев. Прутья сплетались в эмблему врачебных заведений – крест и полумесяц. С ворот посыпались холодные капли. На посыпанной песком дорожке стояли черные лужи. Михей вприпрыжку бросился к приемному покою. Мальчику пришло в голову, что мать могла уже вернуться, не найти его и очень рассердиться. Вся группа тоже двинулась к приемному покою. Поджер смотрел на поникшие от дождя липы, на кусты боярышника, которыми был обсажена дорожка, но не замечал их. Налетел ветер, горький, пахнущий дымом, смешался с терпким запахом цветов боярышника. Под влиянием магии, которой воздух насытился сильнее, чем влагой, цветы на кустах раскрылись в ночи. Поджеру они показались зияющими ранами. *Фаут,* услышал Поджер. *Штай… Штай, вор Гатт…*

Хирург остановился на ступеньках, пропуская остальных вперед.

– Вы идите, я сейчас, – сказал Поджер.

Дверь захлопнулась. Хирург выжидательно смотрел на боярышник. Почти у самой дорожки были прикопаны два помятых куста герани, которые обычно стояли в горшках у входа в отделение, а сегодня ночью Поджер видел их там же на полу. Чья-то рука раздвинула ветки боярышника. Поджер нахмурился. Ему не хотелось, чтобы ночной гость раздавил многострадальные цветы. Невысокой женщине с мальчишеской стрижкой удалось выбраться на дорожку, не повредив герань. Пришелица вступила в освещенный круг перед дверью госпиталя. Сначала Поджер увидел ее обнаженную руку, белевшую на фоне ночной тьмы, а только потом понял, что рукав оторван по самое плечо. Несколько мгновений они молча смотрели друг на друга. Серебряная вышивка тихо мерцала на синем платье женщины в отблесках фонаря, висевшего над входом в приемный покой. На груди гостьи висел массивный серебряный кулон, который мандреченка никогда бы не одела, выходя из дома поздней ночью. Перед хирургом стояла эльфка. «Как она, интересно, оказалась здесь», думал Поджер. – «Мимо нас они не проходили…». Хирург вспомнил, что за моргом есть еще один вход на территорию госпиталя. Но это означало, что эльфка хорошо знала человеческую половину Рабина.

– Ар’у хаффлинг? – тихо спросила женщина. Поджер отрицательно покачал головой. Хирурга не первый раз принимали за полукровку благодаря его внешности, но ни темных, и никаких других эльфов среди предков Поджера не было. «А вот ты, пожалуй, да», думал

хирург, глядя в зеленые глаза эльфки. Томный разрез и рудиментарные остатки третьего века придавали темным эльфам сходство с сюрками, но у чистокровных авари зрачок был вертикальным, а у ночной гостьи – круглым, человеческим.

– Но ты же понимаешь наш язык, – растерянно сказала эльфка. На этот раз она воспользовалась мандречью.

– Я учился в Келенборносте, – сказал Поджер.

Эльфка в нерешительности качнулась на носках.

– Помоги нам, человек, – сказала она.

Хирург догадался, зачем был так безжалостно оторван рукав ее дорогого платья. Кто-то из эльфийских магов пострадал во время борьбы со стихией, и друзья приволокли его к госпиталю. Поджер ощутил короткое покалывание в висках – кровь ударила ему в голову от бессильной ярости и отчаяния.

– А почему я должен помочь тебе? – спросил он. – Вы остановили волну, которую поднял ваш соплеменник. Соплеменник, который бредил страшной эльфийской игрушкой! И ему было все равно, сколько людей и сидхов надо погубить для того, чтобы завладеть ею! А почему мне должно быть не все равно, скажи мне?

Поджер почти кричал. Эльфка убедилась, что он закончил, и сказала тихо:

– Эрустим – не эльфийская игрушка. Его создала Разрушительница, мандреченка. Вы подобны одаренным, но безумным детям, которые создают ужасные игрушки. Игрушки, которые надо отобрать у вас для вашей же пользы, пока вы не погубили себя… Что же, извини. Я думала, что клятва, которую ты дал в Келенборносте, для тебя не пустой звук. Но я забыла, что у вас – у единственного народа в обитаемом мире – существует бог, который учит нарушать клятву, когда она становится неудобна!

Из приемного покоя выглянула Марина. Увидев ведьму, эльфка попятилась и подняла руки в защитном жесте.

– Не трогай ее, – через плечо сказал хирург Марине.

– Как скажете, – отвечала боевая ведьма. Звено Марины и заспанные ведьмы тройки Зарины вышли на крыльцо. – Мы улетаем. Еще раз благодарим за помощь.

Ведьмы пошли к воротам. С дорожки они взлететь не могли, мешали густые ветви лип. Поджер проводил взглядом темные силуэты, поднимающиеся в небо. У хирурга снова комок подкатил к горлу. «Я ведь знал, что раньше или позже все кончится именно так», думал Поджер, пытаясь справиться с собой. – «Почему же мне так больно?».

Когда он снова посмотрел на дорожку, эльфки там уже не было. Хирург вздохнул, спустился со ступенек и пробрался сквозь кусты. Три смутные фигуры расположились у ближайшей липы. Поджер подошел ближе, увидел спину эльфки, и через ее плечо – лицо лежащего сидха, которое от скул до подбородка скрывала разбойничья маска. Еще один сидх сидел рядом. Он с ненавистью посмотрел на хирурга. Поджер увидел, что у сидха только одна рука. Хирурга пробил холодный пот. Если бы не чары, сидх уже умер бы от потери крови.

– Хоть бинтов дай, – сказал однорукий. Голос его показался Поджеру странно знакомым.

Эльфка обернулась.

– Немедленно в приемный покой, – сказал Поджер. – Вы не принесли с собой руку? Еще можно пришить…

Однорукий хрипло рассмеялся.

– Что ж ты не пришил, когда еще можно было? – спросил он. Поджер наконец узнал Ульрика, возлюбленного княжны. Стало ясно, кто провел сидхов в через черный ход. Глава Чистильщиков настояла, чтобы после экзекуции Ульрика поместили в мандреченский госпиталь. Княгиня сообщила, что известны случаи, когда эльфийские маги приращивают отрубленную конечность назад, и по закону даже ничего сделать нельзя – ведь приговор был приведен в исполнение.

Эльфка сказала, не оборачиваясь:

– Да что ты с ним разговариваешь…

Хирург снова взглянул на лежащего сидха. То, что Поджер принял за разбойничью маску, оказалось побуревшей от крови повязкой. Она охватывала виски, скулы и подбородок сидха, как если бы у него болели зубы. Сидха чем-то от души приложили по лицу, похоже, что топором или серпом.

– Если вам нужна моя помощь, поторопитесь, – сказал Поджер сухо. – Сейчас сюда прибудут еще раненные…

Он повернулся и пошел к приемному покою. Затрещали мокрые сучки – сидхи последовали за хирургом.

Хирург толкнул дверь. Увидев лежащего на полу Энея, Поджер спросил:

– Что с ним, Владислав?

– Не знаю, – ответил тот растерянно. Барон стоял около Марвака на коленях и хлопал его по щекам. – Мы попрощались с ведьмами, он закатил глаза, захрипел и упал…

Эней невнятно застонал, выругался и сел.

– Приятная новость, – сказал он, потирая виски. – Карина и Светлана живы.

Губы барона беззвучно зашевелились – он возносил хвалу богам. Поджер почувствовал острое, почти невыносимое облегчение.

– Ведьмы успели покинуть замок, с ними Верховный маг Фейре, в очень тяжелом состоянии, – продолжал Эней. – Карина тоже не смогла оседлать метлу, ее несут, но физически она не пострадала, как я понял… А упал я потому, что тут вторая телепатемма наложилась. Сидх с КПП передал, что князь Иван ранен. Сотрясение мозга и, по-моему, что-то с рукой… Они тоже скоро будут здесь.

– Ты в порядке? – спросил Владислав.

Эней кивнул.

– А вот и первые пострадавшие, – сказал Марвак, глядя на вошедших эльфов.

– Я возьму их, а вы с бароном готовьтесь к прибытию следующих. Пойдемте в перевязочную, я посмотрю вас, – обратился Поджер к раненному.

Поджер вошел и указал раненному на кушетку у стены.

– Снимите это, – кивнул хирург на повязку. Сам Поджер открыл шкафчик с инструментом и достал коробку со стерильными тампонами.

– Давай, я помогу тебе, Марфор, – сказал эльфка.

Обернувшись, Поджер обнаружил, что сидхи ввалились в перевязочную вслед за раненным и сейчас с любопытством осматриваются по сторонам. Хирург словно увидел их глазами обшарпанные стены, застиранную простыню, свисавшую с кушетки, убогий рукомойник с отбитым носиком и пришел в ярость. Поджер не обладал магическим даром, но легко мог представить себе, что сейчас думают ночные гости.

– Подождите в коридоре, – сказал хирург холодно. – Я не собираюсь пытать вашего товарища, а если вы мне не доверяете, можете уходить той же дорогой, что пришли.

Однорукий сидх недобро посмотрел на него. «У этого парня гоблины должны быть в родне», подумал Поджер. – «Один взгляд чего стоит!»

– Можно попросить вас хотя бы не закрывать дверь? – сказала эльфка.

– Ульрик, Ваниэль, не спорьтесь, – сказал Марфор, разматывая повязку. Глаза сидха лихорадочно блестели из-под бурой корки. Часть корки оторвалась вместе с тканью, и из раны снова начала сочиться кровь.

Поджер покачал головой.

– Ну хорошо, – сказал он.

Сидхи вышли в коридор и сели на скамеечку напротив перевязочной. Поджер набрал в миску холодной воды, сел рядом с Марфором, который уже устроился на кушетке. Хирург смочил тампон и стал оттирать засохшую кровь. Он чувствовал, что Ваниэль неотрывно наблюдает за его руками, и это раздражало хирурга. Впрочем, раздражение не помешало Поджеру выполнить процедуру аккуратно и точно. Проходившая мимо Адриана заглянула в открытую дверь.

– Я вам нужна? – спросила медсестра.

– Пока нет, – сказал Поджер, бросил пропитавшийся кровью тампон в ведро и взял чистый. – Приготовьте комплект документов, стандартный договор на оказание медицинских услуг.

Адриана удалилась.

«Да, не повезло парню», думал Поджер, разглядывая лицо. Мужская привлекательность много значила для сидхов, а это лицо, бывшее редкостно красивым, даже смазливым, перечеркнула безобразная дуга. Полукруг на щеке выглядел вторым ртом сидха, и эти губы, алые, с хищными узкими губами, растягивала гротескная ухмылка от виска до виска. Наибольшей глубины рана достигала на правом виске и скуле – там сквозь разорванные мышцы скользко белела кость, но щека не разошлась. Верхняя губа сохранила свою подвижность, хотя рана проходила как раз между носом и ртом. На левой щеке рана превращалась в неприятную, но неопасную царапину.

– Чем это вас так? – спросил хирург.

– Это важно? – ответил Марфор неприязненно.

– В ране могли остаться осколки или, скажем, щепки, – сказал Поджер сухо. – Я должен прикинуть стоимость операции, а для это мне нужно знать, что мне придется делать.

– Ни щепок, ни осколков там нет, – сказал эльф. – Меня ударили направленным пучком Цин.

– Сейчас? – изумился Поджер.

– Давно…. – Хирург задумчиво посмотрел на Марфора. Сидх казался слишком молодым для того, чтобы участвовать в бунте Детей Волоса. «Хотя кто вас разберет!», подумал Поджер.

– Вы должны знать, что такие раны очень плохо срастаются, а полностью не заживают никогда, – продолжал Марфор. – От перенапряжения шрам раскрылся.

– Вот как, – сказал хирург и вдруг досадливо скривился. Поджер заметил следы от старого шва. – А зашивали вас чем? Сапожной дратвой?

– Тетивой, – сказал сидх. – От легкого лука.

Краем глаза Поджер уловил движение. Это Ваниэль подалась вперед на скамеечке, услышав про лук. В партизанском движении участвовали не только мужчины. Отрядом, прославившимся своей дерзостью, руководила сама Черная Стрела, ненаследная принцесса темных эльфов. У Поджера зародилось смутное подозрение, что он знает, тетивой от чьего лука было зашита рана Марфора в первый раз. Но оставалось совершенно непонятно, что заставило Марфора, по виду типичного ледяного эльфа, принять участие в борьбе темных эльфов за свою независимость.

– Что я могу предложить, – сказал хирург. – Мы можем наложить шов, не нитью из скрученных жил, а шелковой. Кстати, у вас медицинская страховка есть?

Эльф кивнул.

– Она у вас с собой?

Марфор кивнул снова.

– Прекрасно, – сказал Поджер. – В этом случае, вы просто выпишете поручение по обычной форме, и все покроет банк. Проведем как « увечье при общественных работах», там есть такая графа. Однако со своей стороны могу порекомендовать нечто лучшее.

Хирург покосился на Ваниэль. Ему очень хотелось утереть нос эльфке. Та устало смотрела на него. «Ну что ты можешь предложить?» читалось на ее лице. – «Саморассасывающиеся нитки?»

– У нас есть мазь, специально для обработки ран от мертвой силы, – сказал Поджер непринужденно. Он знал, что в эльфийские госпитали это лекарство не поставляется. По соображениям государственной безопасности.

– Как продвинулась вперед медицина! – пробормотал Марфор. – Откуда вы его раздобыли?

Из коридора донесся глубокий вздох. Удовлетворенный Поджер продолжал:

– Все наши госпитали комплектуются этой мазью, на случай поступления пациентов, пострадавших в схватке с некромантами. Хотя и в очень небольшом количестве, конечно, поскольку такие повреждения очень редки.

Поджер чувствовал, что Ваниэль смотрит на него во все глаза, и вся презрительная усталость эльфки исчезла.

– Потом медсестра наложит обычную асептическую повязку. Через неделю от вашего шрама останется только тонкая розовая полоска. А может, и раньше, срок действия указан для людей. А под загаром к концу лета даже видно не будет…

– И во сколько это обойдется? – спросил Марфор.

– Подобную операцию страховка целиком не покроет. Нужно будет доплатить, – Поджер прикинул в уме. – Восемь с половиной кун, или две серебряные гривны.

Ульрик тихо крякнул.

– Из чего эта ваша мазь сделана, из серебра, что ли? – спросил он.

– Вы почти угадали, – сказал хирург холодно. – Ну, плюс чары, наложенные магом, который владеет мертвой силой, а также деготь и масла для заживления раны. Я не настаиваю, я просто предложил.

– У меня с собой только три куны, – сказал Марфор. – Очень жаль, вы так все расписали…

– Не переживай, – сказал Ульрик, роясь в карманах. – Мы за тебя заплатим, отдашь потом. Хотя нет, у меня самого только две…

– Сколько еще не хватает? – спросила Ваниэль.

– Три с половиной куны, – сказал Поджер. Эльфка завела руки назад, расстегивая кулон. При этом ее грудь отчетливо обозначилась под платьем. Хирург почувствовал, как у него пересохло во рту. Он отвел взгляд.

– Возьмите, пожалуйста, – сказала Ваниэль.

Поджер принял украшение, прикинул на руке его вес и удовлетворенно кивнул.

– Теперь должно хватить, даже с лихвой, – сказал он, вставая. – Пойдемте в дежурку и все оформим.

Марфор с трудом сел.

– Вы можете не ходить с нами, – сказал Поджер. – Паспорт только дайте, и страховку. Ваш друг вполне может оформить все за вас.

Сидх подал хирургу документы и снова лег. Ульрик вместе с Поджером вышли из перевязочной, а Ваниэль осталась с раненным. Эльфка присела на кушетку рядом с Марфором и нежно погладила его по волосам, а тот в ответ прижал ее ладонь к губам.

Владислав, в нетерпении ходивший по приемному покою кругами, не обратил на медсестру никакого внимания. Его аура переливалась фиолетовым и черным, тревогой и страхом. Барон думал о том, что за это время от замка до госпиталя можно было доползти, не то что долететь. Адриана зашла в дежурку, достала типовые бланки договора и квитанции из ящика стола и заглянула за шкаф с халатами. Там стояла небольшая коечка, где можно было прикорнуть во время дежурства. Адриана думала, что Михей там. Медсестра ожидала обнаружить сына спящим, но она ошиблась. Сначала она увидела стоящий на койке заплечный мешок Михея, из которого торчал угол цветастого платка Адрианы и уголок свидетельства о браке. Медсестра очень удивилась, зачем сын взял с собой свидетельство, и хотела спросить об этом, но тут увидела в руках у Михея деревянного солдата. Мальчик, азартно сопя, вкладывал в руку солдатику блестящую сабельку. Адриана нахмурилась.

У Михея никогда не было такой игрушки и не могло быть. На трилистник, вышитый на крохотном плаще солдата, пошло больше серебра, чем Адриана зарабатывала за месяц. У нее зародилось очень нехорошее подозрение.

– Мама, смотри, какой у меня солдатик! – закричал Михей.

– Я вижу, – сказала Адриана. – Где ты его взял?

– Мне его подарил сидх! – сообщил мальчик. – Когда…

Он увидел алую сферу, стремительно набухавшую в ладонях матери, и осекся.

– Положи игрушку вон туда, на железный поддон, – ровным голосом сказала Адриана. Мысленно она молилась только о том, чтобы дом, в котором Михей украл солдатика, сгорел. Только такого позора еще не хватало их семье.

– Я не украл его! – чуть не плача, сказал Михей. – Не надо, мама!

Адриана наморщилась.

– Хватит врать, – сказала она. – Это недостойно мужчины. Делай, что сказано.

Мальчик, хлюпнув носом, положил игрушку в поддон.

– Это правда! – заливаясь слезами, завопил Михей. – Мне подарил сидх! Однорукий! Он пришел сказать, чтобы мы уходили, потому что замок сейчас развалится и волной наш дом разрушит! Да вот же он!

Он указал за спину матери. Адриана покачала головой и хотела метнуть алый шар в поддон, как вдруг за ее спиной раздался спокойный голос:

– Мальчик сказал правду. Это я подарил ему игрушку.

Изумленная Адриана обернулась. У стойки стояли Поджер и однорукий сидх. Адриане показалось, что она узнала его. Ульрик, кажется, так звали ухажера княжны. Хотя, даже если лица она теперь и не помнила, медсестре почему-то казалось, что в Рабине не так уж много одноруких сидхов. Ноги у медсестры стали как ватные.

– Мы с товарищем были в вашем доме, – сказал Ульрик. – Ваш князь объявил эвакуацию, а мы встали вдоль берега, чтобы сдержать волну. И я подарил вашему сыну игрушку, чтобы успокоить мальчика.

Адриана странно усмехнулась и сказала:

– Ваш товарищ получил рану в лицо, когда сдерживал волну, не так ли?

– Ну да, вы же видели его в перевязочной, – нетерпеливо сказал Поджер. – Где документы, которые я просил вас приготовить?

Адриана подала хирургу бумаги. Обмакнув перо в замызганную чернильницу, Поджер начал заполнять карту. Раскрыв паспорт сидха, он переписал имя пациента и номер документа, а затем перешел к графе «диагноз».

– Я же говорил! – воскликнул Михей. – А ты мне не веришь! А вот почему, мама?

Медсестре пришла в голову новая мысль.

– А что делал папа, – обернувшись к сыну, медленно сказала Адриана. – Что он делал, когда пришли сидхи?

Михей насупился.

– Спал.

– Спал? – тоном, от которого Поджер чуть не посадил кляксу, а у Ульрика мурашки побежали по коже, повторила Адриана. – Спал?

– Я пытался его разбудить, – начал Ульрик. – Но…

Он замолчал, увидев выражение лица медсестры. Адриана подошла к койке, вытащила из мешка свидетельство о браке и схватилась за угол. Ульрик понял, что женщина сейчас разорвет его в клочки.

– А вот это лишнее, – сказал Ульрик торопливо. – Ваш муж умер. Мы не смогли его разбудить, он остался в доме и захлебнулся. Покажете свидетельство, может, еще получите компенсацию по случаю потери кормильца.

Поджер вздрогнул. Ульрик ожидал слез, крика, ведь все получилось так скомкано, он не успел подготовить женщину к ужасному известию. На лице медсестры не отразилось ничего – ни боли, ни удивления. То, что мальчик не произнес ни звука, удивило эльфа гораздо меньше. Адриана засунула свидетельство обратно в мешок.

– Адриана… – пробормотал Поджер. – Вы сможете работать? Если хотите, я попрошу Марвака обработать рану этого сидха и вообще отпущу вас…

Но по лицу его было видно, что ему до смерти не хочется отпускать опытную медсестру, и Адриана это поняла. Женщина отрицательно покачала головой.

– Я в состоянии работать, – ровным голосом сказала Адриана. – Что там требуется?

– Продезинфицируете рану, заполните ее мазью «Дубрава» и наложите асептическую повязку, – сказал Поджер.

– Хорошо.

Поджер улыбнулся и сказал:

– Не забудьте мне напомнить, что вам полагается премия.

Хирург вернулся к документам.

– Что с домом? – спросила Адриана у сидха.

– Все в порядке, дверь мы захлопнули, – сказал тот, радуясь, что может сказать хоть что-то приятное этой женщине. – Вы можете вернуться.

Поджер нашел страховку, она оказалась вложена в паспорт. Хирург заполнил карту и начал выписывать квитанцию.

– Это как раз ни к чему, – сказала медсестра спокойно. – Вот если бы там окна повыбивало, надо было бы вернуться, чтобы добрые люди не разворовали все до утра…

Поджер закончил, протянул Ульрику квитанцию и документы Марфора.

– Распишитесь, как представитель клиента, и номер своего паспорта укажите, – сказал хирург. Адриана зашла за шкафчик. В стене была небольшая ниша, где хранились медикаменты, которыми редко пользовались. Но Адриана первым делом посмотрела на сына. Михей сидел на койке, крепко прижав к себе солдатика и словно оцепенев.

– Михей, – окликнула его мать. Сын посмотрел на нее так, словно видел впервые в жизни.

– У тебя рука не болит? – спросила Адриана.

Но Михей ее будто не слышал.

– Я… – сказал он. – Я хотел…

– Спать ты хочешь, это точно, – сказала Адриана, укладывая мальчика. Тот не сопротивлялся. Мать укрыла его одеялом и наклонилась, засунула руку в нишу по самое плечо, ища банку с «Дубравой». На памяти Адрианы, этой мазью пользовались впервые, уж очень дорога она была. «Да где же она», пыхтя, подумала медсестра. – «Такая круглая черная банка из лакированного дуба…».

Вслух она сказала:

– Не думай ни о чем. Утро вечера мудренее. Сейчас тут шумно будет, так я экран неслышимости поставлю, и спи спокойно. Хорошо?

– Хорошо, мамочка – мокрым голосом сказал Михей.

В этот момент в дверь громко постучали.

– Ну, наконец-то! – услышала Адриана возглас барона. Медсестра нащупала банку, взяла ее, выпрямилась и поцеловала сына.

– Держись, – сказала она.

Адриана вышла из дежурки, привычным жестом набросив на проход экран неслышимости.

III

Расписаться пришлось в восьми местах. Ульрик скрипел пером и думал, что империя мандречен рухнет не от происков эльфийских магов и не из-за подавляющего превосходства легкой конницы сюрков, а под тяжестью собственного бюрократического аппарата.

Владислав бросился к входу, едва раздался стук, и распахнул обе створки. Ульрик первый раз в жизни видел, как боевые ведьмы влетают в обыкновенную дверь. Отточенность этого маневра, по сложности сравнимого с ритуальными танцами экен, заворожила эльфа. Четверка воительниц медленно вплыла в проем, на миг зависла в воздухе. Ульрик с удивлением заметил на одной из метел мужчину, сидевшего за спиной у рыжей ведьмы.

– Вперед на три шага, – скомандовала она. Четверка продвинулась вперед тремя отчетливыми толчками.

– Хорошо, приземляемся, – сказала рыжая ведьма.

Ульрик очнулся, вспомнил, кого принесли на этом плаще, натянутом между четырех метел, и поспешил к ведьмам. Те уже стояли на полу, отсылая свои метлы, а плащ с телами лежал между ними. Ульрик увидел Шенвэля. Столяр помнил, что сегодня утром подмастерье ходил в коричнево-желтом костюме, но если бы не это, он уже не смог бы догадаться, какого цвета был окровавленный, кое-где прожженный и порванный наряд. Рядом с эльфом, уткнувшись лицом в плечо, лежала черноволосая женщина в форме боевой ведьмы. Ульрик решил, что это, должно быть, Карина. Рука ведьмы покоилась на талии Шенвэля. Ульрик непроизвольно скосился назад, но Ваниэль все еще не вернулась из перевязочной. Однако Владислав был здесь, и видел все то же, что и Ульрик. Барон хрипло вздохнул. Поджер разглядывал тело эльфа, мрачнея на глазах.

– Карина, что он с тобой сделал? – воскликнул Владислав.

Верховный маг слабо улыбнулся, увидев столяра. Ведьма приподнялась на локте. Глаза у нее оказались синие, яркие, как васильки.

– Я сама виновата, – сказала Карина.

– Не стойте столбами, раздевайте его, – сказал Поджер. Дарина и ее подруги торопливо стали разоблачать сидха.

– Карина, – сказал Шенвэль. – Будь добра, достань у меня там в кармане…

Карина свободным жестом запустила руку в карман его брюк. Владислава перекосило. Ведьма вытащила коротко звякнувший мешочек.

– Это? – спросила она.

– Да, – сказал Шенвэль. – Отдай вон тому эльфу.

Ульрик непонимающе уставился на Шенвэля.

– Вдова расплатилась за ларь, – пояснил Шенвэль. – Возьми.

– Я уже и забыл, – пробормотал Ульрик, принимая деньги.

Карина с трудом поднялась. Барон проворно ухватил ее за руку и помог подняться.

– Карина, – окликнул ведьму Шенвэль. Карина обернулась. Эльф протягивал ее пояс, синие и белые полоски кожи, сплетенные в тугую косичку. Ульрик покраснел и снова порадовался тому, что Ваниэль ничего этого не видит. У Владислава аж кончик носа зашевелился от сдерживаемой ярости.

Штаны Карины были распущены, когда она лежала рядом с Шенвэлем.

Ведьма с совершенным безразличием на лице взяла пояс, продернула его в шлевки и неуверенными шагами двинулась к ближайшей скамье.

– Может быть, вы возьмете его? – тихо спросил Поджер, глядя на барона. – Похоже, что берцовая кость расколота вдоль, а я не уверен…

– Хорошо, – кивнул Владислав.

– Не хорошо, – сказал Шенвэль. – Я прошу вас, господин Эохам, провести эту операцию.

Глаза эльфа и человека встретились, и барон первым отвел взгляд.

– Я бы отдал свой диплом за то, что ты тогда был мертв! – воскликнул Владислав.

– Я не хочу, чтобы ты рисковал своим дипломом еще раз, – хладнокровно отвечал Шенвэль.

Ульрик с интересом посмотрел на барона. Судя по этой короткой реплике, Владислав и Верховный маг Фейре были знакомы, и столяра появилась даже догадка, где их свела судьба. Считалось, что в ту ночь, когда заговорщики проникли в замок дракона, все люди – соратники Верховного мага Фейре там и погибли. Кроме Искандера. Сам Шенвэль, изнемогая от ран, с трудом выбрался из замка через случайно обнаруженный им тайный ход. Но очевидно, кое-кому из людей это тоже удалось, хотя вряд ли они это афишировали.

– Но… – начал Поджер.

Ульрик мрачно посмотрел на хирурга, и тот окончательно уверился, что гоблины среди родственников этого эльфа попадаются прям-таки через одного.

– Пациент выбрал вас, – сказал эльф. – Чего вы еще ждете?

– Ульрик, не хами господину врачу, – сказал Шенвэль. – Извините его, господин

Эохам.

Поджер поскреб подбородок и вздохнул.

– Что ж, несите, – сказал он. – Света…

Хирург посмотрел туда, где только что стояла рыжая ведьма, но она уже куда-то исчезла, словно растаяла в воздухе. Поджер на миг изменился в лице. Как и Ульрик, он заметил, что мужчины, прилетевшего на метле ведьмы, в приемном покое тоже нет.

– Карина, – обратился хирург к старшей крыла, сидевшей на скамеечке с полузакрытыми глазами. – Может, кто-нибудь из твоих ведьм даст ему анестезию? Сам я не смогу, а Эней сейчас будет нужен здесь. Да и вообще, может, поможете нам? Нас здесь как раз трое хирургов…

Карина открыла глаза.

– Девочки, вы как? – спросила она.

Ведьмы переглянулись, и одна из них кивнула.

– Ну, так иди с господином Эохамом, Дариночка, – сказала Карина. – И вы тоже, выбирайте, кому будете ассистировать…

Ульрик поднял освободившийся край плаща, и вместе с боевыми ведьмами внес Шенвэля в операционную.

Голова Марфора лежала на руках Ваниэль. Адриана подцепила порцию мази инструментом, больше всего напомнившим Марфору крохотную лопатку. Медсестра аккуратно вложила мазь в рану и чуть сжала края. Эльф боялся, что процедура будет очень болезненной, а у Ваниэль уже не хватит сил на обезболивающее заклинание, и он будет корчиться здесь, позабыв всякий стыд и невыразимо страдая, что свидетелем его слабости станет мандреченка. Но Адриана оказалась очень опытной медсестрой. Она ни разу не коснулась своей лопаточкой краев раны. Марфор чувствовал только холод и приятное пощипывание, когда она укладывала мазь.

– Ты убил Радагаста? – ровным голосом спросила Адриана, подчерпывая следующую порцию мази.

Марфор почувствовал, как напряглись руки Ваниэль.

– Позвольте спросить, кто это такой? – спросил Марфор осторожно.

Адриана усмехнулась, и Марфор похолодел, увидев в ее глазах тусклый огонек безумия.

– Мужчина в доме на берегу, – сказала медсестра.

Марфор много раз слышал выражение «день, когда не стоит вставать с кровати», но сам переживал такой день впервые. И после слов Адрианы эльф остро почувствовал, что этот день вполне может стать его последним днем.

– Поверьте, мы изо всех сил старались его разбудить, но он… – стараясь придать голосу необходимую долю вежливого сочувствия, начал Марфор.

Адриана опустила свою медицинскую лопатку в рану. На четверть дюйма глубже, чем нужно. Марфор зашелся от боли.

– Прекратите! – закричала Ваниэль.

Марфор слышал ее голос сквозь пульсирующий розовый туман. Адриана извлекла инструмент. Эльф хватал воздух ртом, как рыба, выброшенная на берег.

– Побереги голос, – небрежно сказала медсестра эльфке, и продолжала спокойно: – Послушай, я ведь магичка, как и ты. Я *вижу,* понимаешь ли ты? Но я хочу, чтобы ты сам сказал.

Марфор вздрогнул. После убийства большая часть жизненной энергии жертвы выплескивалась на душегуба, но если чужеродная Чи усваивалась довольно легко, то следы чужой Цин из своей ауры могли убрать только некроманты.

– Или твоего мужества хватает только на то, чтобы убивать спящих? – спросила Адриана насмешливо.

– Да, – сказал Марфор. Ваниэль вся сжалась, представив себе последствия этого

признания. – Да! Я убил его!

– Это не может считаться, – сказала эльфка. – Вы его вынудили сказать это!

Марфор в это время лихорадочно пытался вспомнить, каково наказание за убийство человека эльфом по новому Уложению. Вроде бы, смертная казнь, в случаях исключительной милости суда – воспитательный лагерь пожизненно. Ваниэль размышляла о том, хватит ли у нее Чи, чтобы прикончить Адриану и добраться вместе с Марфором до эльфийской половины Рабина, и по всему выходило, что нет.

– Благодарю тебя, сидх, за то, что ты сделал в моем доме сегодня ночью. От всего сердца, – сказала медсестра.

От изумления Марфор не нашелся, что ответить. Медсестра заполнила всю рану мазью, взяла банку и со скучающим видом скользнула глазами по инструкции на этикетке.

– Ты, кстати, маг какой стихии? – спросила Адриана.

– Воды, – ответил Марфор.

– Досадно, – поморщилась медсестра и пояснила: – Здесь еще заклинание, оказывается, надо наложить. И маги – пациент и тот, кто накладывает чары, – не должны быть антагонистами. А я маг Огня.

– Я могу наложить чары, – сказала Ваниэль.

– Ты читаешь на мандречи? – спросила Адриана.

Эльфка отрицательно покачала головой. Медсестра вздохнула.

– Повторяйте за мной, – сказала Адриана.

Когда чары были наложены, мандреченка обмотала голову эльфа тугой повязкой и закрепила ее.

– Он очень слаб после потери крови, – сказала Ваниэль. – Разрешите нам остаться здесь…

– Перевязочная может понадобиться, – сказала Адриана. – Перейдите в свободную палату.

Медсестра покинула перевязочную.

– Какие интересные отношения были у нее с мужем, – пробормотал Марфор.

– Да, – сказала Ваниэль. – Люди – самые загадочные существа в этом мире… Вставай, пойдем искать свободную палату.

Онуфрий опутал проход хитрой комбинацией заклинаний. Дверь в ординаторскую можно было даже открыть, но вошедший не обнаружил бы ни ведьмы, ни мага. Так же визитеру немедленно захотелось бы покинуть это место – вспомнились бы какие-нибудь более важные дела.

Маг обернулся. Светлана стояла спиной к нему. Ведьма расстегнула штаны и прислонилась к столу. Несколько мгновений Онуфрий молча смотрел на обнаженные ягодицы и стройные бедра ведьмы.

– Я хочу видеть твое лицо, – сказал маг хрипло.

– А я – нет, – отрезала Светлана.

Онуфрий подошел к ней, взял ведьму за плечи и рывком развернул к себе.

Владислав не в первый раз сталкивался с постбатальным магическим истощением. Барон напоил Карину и ее ведьм каким-то настоем, горьким и горячим, после чего старшая крыла почувствовала себя гораздо лучше. Владислав предлагал ей прилечь в одной из палат, но ведьма отказалась, зная, что места сейчас понадобятся людям, чье состояние намного тяжелее.

Карина осталась в приемном покое, пока еще пустом. Медсестра вернулась за свой пост в дежурке. Эней с одной из ведьм ушли в перевязочную, Владислав с другой заняли свои места во второй операционной. Ждать долго не пришлось.

Первым явился Митя с раненными эльфийскими магами и мандреченами, отказавшимися покинуть свои дома и поплатившимися за это. Карина безучастно наблюдала

за сутолокой, закипевшей в приемном покое, и думала о том, сколько же раз она видела подобное. И всегда, всегда повторяется то же самое – стоны, ругань раненных, запах крови и гари.

Но было и различие.

Первый раз причиной этого всего была она сама. Впрочем, если бы Карина не пошла бы за сидхом, Шенвэль благополучно отдал бы концы в подземелье, и Рабина уже не существовало бы. Но люди и сидхи, чьи косые взгляды ведьма ловила на себе, еще не понимали этого.

Владислав вынырнул откуда-то, потрепал Карину по голове и дал ужасно твердого и кислого петушка на палочке. Ведьма улыбнулась, поцеловала его в щеку. Как и Карина, барон знал, что чрезмерное расходование Чи ведет в первую очередь к потерям глюкозы и витаминов в организме. Карина с большим удовольствием съела бы сейчас что-нибудь посущественнее, но знала, что этого делать нельзя. Владислав вернулся в операционную. Карина грызла петушка и размышляла, как же поступить с Мариной – Светлана успела рассказать ей о демарше звеньевой. По-хорошему, всех троих ведьм надо было рассчитать прямо сегодня утром. «Но где я в середине сезона возьму свободное звено? Да еще и такого высокого класса?», мрачно думала Карина.

Старшая крыла «Змей» так погрузилась в свои мысли, что не заметила, как в приемном покое появился Иван. Карина обратила внимание на князя только тогда, когда он остановился у дверей той операционной, где Поджер сейчас бился за жизнь Шенвэля. Иван, очевидно, хотел поговорить с Верховным магом Фейре. Князь тяжело опирался на плечо своего телохранителя, то ли Рахмана, то ли Абдулы – Карина вечно их путала. Левая рука Ивана была неестественно вывернута. Кроме экена, рядом с князем стоял высокий сидх. Ведьма подумала, что этот сидх, пожалуй, самый старый из виденных ею. «Как же он пережил бунт Детей Волоса?», подумала Карина.

Старшая крыла направилась к князю. Возможно, сейчас было не лучшее время, чтобы решить этот вопрос, но Карина хотела знать, сохраняет ли силу заказ Ивана ее крылу после разгрома, учиненного в Рабине ее ведьмами. В случае отказа князя можно было бы по крайней мере уволить звено Марины. Почти одновременно с ней к Ивану подошел подросток, в котором ведьма узнала княжича, и второй телохранитель Ивана. Карина остановилась, не желая вмешиваться в семейную сцену.

– А, Митя, вот и ты, – сказал Иван, увидев княжича. – Хвала богам, ты жив!

– Что у тебя с рукой? – спросил Митя.

Иван пренебрежительно повел плечом. Вдруг лицо его посмурнело.

– Митя, – сказал он, отводя глаза. – Твоя мама… Лакгаэр сделал все, что мог, но понимаешь…

– Простите меня, княжич, – сказал старый сидх печально. – Большая часть камней при разрушении замка посыпалась в залив, но были и те, что полетели прямо на нас. Я отводил их, но с этим осколком мне справиться не удалось. Он шел прямо на КПП, как выпущенный из баллисты, как заговоренный прямо… Одно утешает, ни княгиня, ни баронесса так и не пришли в сознание до самой совей гибели.

Лакгаэр не стал терзать подростка описанием того, что осталось от Анастасии, но образ кровавой лепешки с воткнутой в середину алмазной диадемой горел в его ауре так ярко, что Карину передернуло. Иван же думал о другом. Сидх солгал из деликатности. Анастасия была вполне в сознании в момент смерти. Ее тело оказалось тесно сплетенным с телом неизвестного мужчины. Издевательское пожелание Онуфрия сбылось. Князь размышлял о том, что похороны надо будет устроить как можно быстрее и в закрытом гробу.

Митя так же вяло, как и его брат только что, повел плечом. Карина поняла, что сегодня ночью уже произошло нечто такое, что оглушило подростка, и известие о смерти матери на этом фоне показалось мелким и незначительным. «Что бы это могло быть», заинтригованно подумала ведьма. Иван обнял княжича здоровой рукой, прижал к себе.

В этот момент дверь операционной распахнулась. Братья и Лакгаэр одновременно,

словно по команде, развернулись на звук, полностью закрыв обзор Карине. Ведьма аккуратно обошла их и встала рядом с Лакгаэром. С другой стороны от Карины оказался однорукий сидх, незаметно подошедший к группе во время разговора братьев. Наверное, хотел что-то спросить у своего старейшины, но, как и Карина, постеснялся вмешиваться. Дарина выкатила Шенвэля и озадаченно остановилась при виде загородившей ей дорогу группы.

– Ты нашел Жезл Власти? – сурово спросил Иван.

Судьба Эрустима явилась главным яблоком раздора при заключении мирного договора между Мандрой и Фейре. Мандречены утверждали, что поскольку жезл создан мандреченкой и сейчас находится на территории Мандры, то и после его извлечения из замка должен быть передан им. На что эльфы возразили, что Эрустим принадлежит наследникам Разрушительницы Пчелы, Лайтонду и Хифкристу, как и любая иная собственность их родителей. Хорошо, отвечали мандреченские дипломаты. Жезл принадлежит Лайтонду и Хифкристу. Но в виду высокой культурной и государственной ценности жезла – Черное Пламя включил его изображение в герб Мандры, а Искандер не стал менять государственную символику – после извлечения Эрустима из замка он должен быть сдан государству. За жезл будет выплачено материальное возмещение, размеры которого они готовы обсудить. На что Лайтонд ответил: «Тогда доставай Эрустим сам». После захвата Мир Минаса Верховного мага Фейре сочли погибшим, и дипломаты вернулись к переговорам. Но Хифкрист заявил, что перед смертью отец завещал Эрустим именно брату, и он не считает возможным высказываться по этому вопросу. В конечном итоге, этот пункт был исключен из мирного договора. Единственная клаузула, касающаяся Эрустима, говорила о невозмещении убытков при его извлечении из замка и не вызвала возражений ни у одной из сторон. Император хотел подтолкнуть смельчаков на поиски жезла, и эльфы молчаливо согласились с этим. Ивану же Искандер дал совершенно секретные и совершенно недвусмысленные полномочия. Кто бы ни вытащил Жезл Власти из замка, Иван должен был любым путем приобрести его. Возмещение этих убытков гарантировалось государственной казной, а жрецам Прона было запрещено принимать в производство иски в случае гибели или увечья смелого авантюриста, временного владельца Эрустима. В случае вывоза жезла с территории Мандры Ивану грозила смертная казнь.

Шенвэль отрицательно покачал головой.

– Но я думаю, что Эрустим разрушился в горящем замке, – хрипло, с усилием выталкивая слова, ответил Верховный маг Фейре. Он покосился на Карину и хмыкнул. Ведьма проследила направление его взгляда и увидела, что все еще держит в руке леденец.

– Что это была за шестиголовая тварь? – спросил Иван. – Ведь Черное Пламя, насколько я помню, имел только три головы?

Карина, не сводя глаз с Шенвэля, поднесла леденец ко рту и медленно, с наслаждением облизала его. К ее восторгу, на бледных щеках сидха выступила краска.

– Это Чудо Юдич, младший брат Змея Горыныча, повелителя драконов Загорья, – ответил сидх, переведя взгляд на князя.

– Еще не легче, – пробормотал Иван. – Ты хочешь сказать, что разгневанный Змей Горыныч теперь явится мстить за брата?

– Ну, в любом случае, не раньше, чем похоронит его, – сказал Шенвэль. – Но я тебе твердо обещаю, что если он придет, мы выясним свои отношения подальше от твоего города.

Карина почувствовала движение за спиной. Сидхи, сидевшие в приемном покое, потянулись на голос Верховного мага Фейре.

– И на том спасибо, – сказал Иван хмуро.

– Позволь нам вернуться на нашу половину Рабина, князь, – сказал Лакгаэр. – Теперь все в сборе… Через площадь не пройти, может, ты разрешишь ладьям пристать к берегу и забрать нас?

– Можно, – сказал Иван. – Да только, наверное, не все ваши смогут идти…

– О, не беспокойся, – ответил старый сидх. – Легкораненые помогут идти раненным

тяжело.

– Можете взять подводы, на которых я привез их сюда, – сказал Митя. Иван одобрительно кивнул. Лакгаэр чуть прикрыл глаза, выходя на телепатическую связь.

– Мы тоже пойдем к себе, – сказал Иван. – Никто не видел, кстати, Онуфрий здесь?

– Да, – сказала Карина. – По крайней мере, он прибыл в госпиталь вместе с нами, а потом куда-то потерялся.

Иван коротко взглянул на ведьму. Выражение его лица подтвердило самые худшие предположения Карины. Князь был намерен с треском выставить ведьм из города. Иван обратился к брату:

– Митя, иди, поищи его.

Не успел княжич покинуть свиту брата, из операционной выглянул Поджер.

– Что за совещание здесь? – спросил он резко. – Немедленно освободите проход, пациента надо доставить в палату.

Тут хирург увидел Ивана и осекся.

– О, я не претендую на место, которое мне не принадлежит, – сказал Шенвэль. – Мы возвращаемся к себе.

– Вы совсем с ума сошли, – возразил Поджер. – Транспортировка убьет вас. Я категорически запрещаю вам покидать госпиталь, иначе я снимаю с себя всякую ответственность.

– Мы будем очень осторожны, – сказал Лакгаэр. – Вы знаете, как говорят: «Дома стены помогают»?

– Я все сказал, – отрезал хирург.

Иван, экены, Карина и подошедшие сидхи молча наблюдали за перепалкой.

– Похоже, мне придется остаться, – сказал Шенвэль.

– Еще чего, – возмутился Лакгаэр.

– Я бы на вашем месте прислушался к мнению врача, – заметил князь. – И пациента.

– Возможность покушения исключена, – сказал Шенвэль спокойно. – Ведь если я умру, Рабина тоже не будет.

– Тогда позволь мне остаться с тобой, – сказал Лакгаэр.

– Ну уж нет, – энергично возразил Поджер. – Вы не доверяете нам, но вы по крайней мере откровенны, так я и буду откровенен. Из всех нас магией владеет только Адриана, а она сейчас сменяется. Какой магический класс у Лайтонда? Седьмой? К тому же, он владеет мертвой силой. Нам и одного такого пациента хватит за глаза и за уши.

– Тогда разрешите мне остаться с Верховным магом, – вмешался в беседу однорукий сидх, стоявший рядом с ведьмой. Все взгляды обратились на него.

– Я ведь не маг, так что вам нечего опасаться, – непринужденно продолжал калека.

– Если Верховный маг Фейре и твой старейшина не будут возражать… – сказал Поджер.

– Не будут, – с нескрываемым облегчением сказал Лакгаэр.

– Теперь мы можем доставить пациента в палату? – сухо спросил хирург.

Толпа расступилась. Дарина толкнула каталку.

– Кулумит, – обратился Лакгаэр к рыжему сидху. – Иди, собери всех.

Толпа начала рассасываться. Сидхи потянулись к выходу из госпиталя.

– Зайдите ко мне, – обратился Поджер к Ивану. – У вас вывих, надо вправить.

– Сейчас, – сказал князь и поманил ведьму к себе. Старшая крыла неохотно подошла.

– Окажи мне услугу, – сказал Иван тихо.

Изумленная Карина – она ожидала совсем не этих слов – только кивнула.

– Вместе со своими ведьмами проводи сидхов до их ладьей… – продолжал Иван.

– Конечно, князь, – справившись с собой, отвечала Карина. – Но только должна предупредить, что сейчас в моем распоряжении только одно звено.

– Это сколько? – уточнил Иван.

– Три ведьмы, плюс мы с целительницей.

– Что-то лучше, чем совсем ничего, – сказал князь. – Кстати, ты не знаешь, где Светлана сейчас?

Карина с крайне неприятным чувством пожала плечами. Где целительница, ведьма и правда не знала, но уже почти догадалась. Иван вздохнул и вошел в операционную.

Свободную палату Марфору и Ваниэль удалось отыскать в самом конце коридора, рядом с ординаторской. Эльф спал урывками. Когда стоны раненных и топот ног по коридору выдергивали эльфа из темных глубин, он крепче прижимал к себе мягкую, теплую Ваниэль и снова отдавался на милость Ирмо [4]. Марфор не удивился бы, если бы ему приснился убитый мандречен, весь в своей блевотине. Или женщина с плеча рабинского палача, непристойно поводящая бедрами. Вместо этого эльф просмотрел целую вереницу длинных, до крайности запутанных видений. Они были весьма разнообразны, но чувство тревоги и тоски пронизывало их все, как веревка проходит через головы рыб, повешенных вялиться на солнышке.

Где-то совсем рядом хлопнула дверь. Марфор вздрогнул, пробуждаясь.

– Онуфрий! – громко закричали в коридоре. Эльф узнал голос княжича и встревожился – столько отчаяния было в голосе Мити. – Да где же тебя носит!

Дверь закрыли, и быстрые шаги удалились.

Марфор понял, что больше не заснет. Он посмотрел в сад через открытое окно. Ваниэль открыла его по просьбе Марфора еще перед тем, как они легли. Эльф был истощен до крайности, а после дождя в воздухе висело столько влаги, что он мог пополнить запасы своей Чи, даже не просыпаясь. Из-за этого в палате уже стало довольно свежо. Они с Ваниэль благоразумно укрылись сразу двумя одеялами.

В черном небе плыла Ифиль, ослепительная в своем холодном блеске. Дождь промыл ее бледный лик. Исчезла отвратительная желтизна, так уродовавшая Ифиль на восходе. Черная фигурка дракона казалась вычеканенной на серебряной тарелке.

Эльф покосился на подругу. Глаза Ваниэль были открыты, и, как всегда в темноте, чуть фосфоресцировали.

– Мне кажется, я ее где-то уже сегодня видел, – сказал Марфор. – Я имею в виду, не в небе.

– На стене КПП была такая фреска, – ответила эльфка.

Марфор несколько мгновений молча смотрел на это до боли знакомое лицо, в свете Ифиль белое, как маска. Эльф чувствовал, как горячими толчками бьется сердце.

– Что с нами стало, Марфор, – сказала Ваниэль, и в голосе ее за насмешкой слышалась горечь. – Разве могли мы подумать, что когда-нибудь будем просто лежать рядом?

Марфор отвел глаза.

– Прости, – сказал он глухо. – Я не из тех, кто согласен плавать в чужом супе.

– Я не вполне поняла тебя, – растерянно сказала Ваниэль. – Сколько лет уже живу в Рабине, но все идиомы ледяных эльфов я еще не выучила…

– Кроме Шенвэля, у тебя есть еще Аласситрон, – сказал Марфор. – Я, получается, буду третьим?

Ваниэль рванулась назад так резко, что упала с края узкой койки. Марфор не успел удержать ее. Эльф протянул руку, чтобы помочь подняться, но Ваниэль оттолкнула ее.

Когда эльфка была уже у двери, ее догнал вопрос Марфора.

– Но почему ты ушла тогда?

– Какое это имеет значение? – резко сказала Ваниэль. – Особенно теперь?

– Вот особенно теперь, – сказал Марфор. – Ну же? Что я такого сделал? Или все дело было в этом отвратительном шраме?

– Нет, – сказала Ваниэль медленно. – Твоя рана здесь ни при чем. И ничего такого ты

---

[4] Бог сновидений у эльфов

не сделал.

– Но почему же?

Ваниэль обернулась.

– Почему ты не сказал сразу, – кусая губы, сказала она. – Что твой брат ведет химмельриттеров? Мы бы поняли.

Марфор глубоко вздохнул.

– Я сам не знал, – сказал эльф. – Я увидел Змееслава только когда… когда…

В дверь постучали. От неожиданности Ваниэль подпрыгнула на месте.

– Марфор, Ваниэль, – услышали они голос Кулумита. – Мы уходим!

Онуфрий повернулся к ведьме. Маг не особенно прислушивался к мыслям Светланы, но после слияния тел ауры любовников некоторое время были полностью прозрачны друг для друга.

– Ты потеряла друга? – спросил он. – Но ведь все ваши вроде живы…

Светлана всхлипнула.

– Уходи, – сказала она. – Тебя звали.

Маг поднялся, застегнул штаны.

– Ну скажи мне, Онуфрий, – произнесла вдруг Светлана, и в голосе ее было столько боли, что княжеский маг вздрогнул. – Почему каждый второй мужик хочет меня изнасиловать? Может, я как-то не так себя веду? Но почему?

– Да потому, – ответил Онуфрий сухо. – Что не могут все поголовно быть князьями, картошку некому сажать будет…

– Я люблю его, – возразила Светлана.

– Да? – жестко усмехнулся маг. – А под чарами зачем тогда держишь?

Взъерошенный со сна Михей походил на воробушка. Адриана подала руку сыну, помогла взобраться на подводу. Медсестра достала портсигар, закурила.

– Мама, а Натка? – спросил Михей.

Адриана выпустила дым.

– Неизвестно, что с домом, – сказала она. – Я пока оставила ее тут. Подвинься, Михей.

Михей подвинулся, позволяя сидху со скрытым повязкой лицом усесться рядом с ним.

– Мама, так нельзя, – сказал мальчик. Высокая эльфка с огромным черным пятном на подоле устроилась с другой стороны от Адрианы.

– Ты же знаешь, какая Натка слабенькая, – взволнованно продолжал Михей. – Она заплачет, а нянечка не услышит. Давай вернемся и заберем ее.

– Но повозка уйдет, – сказала Адриана. – А так, ладьи сидхов причалят как раз у нашего дома, мы доедем с ними.

– Ничего, дойдем пешком, – настаивал мальчик. – Если ты устала, я сам донесу Нату.

– Все здесь? – спросил княжич.

Старый сидх, сидевший рядом с ним, обернулся, обвел взглядом пассажиров.

– Да, – сказал он.

Митя вытянул лошадь кнутом, и подвода тронулась.

– Мама! – воскликнул мальчик.

– Ната умерла, – чужим голосом сказал мать.

Адриана смяла папиросу, бросила ее под колеса подводы и разрыдалась. Михей поднялся на ноги и погладил мать по голове.

– Не надо, мамочка, – жалким голосом сказал он. – Не плачь…

Адриана пыталась сдержать рыдания, но выходило только хуже – вырываясь из ее горла смятыми комками, они походили на вой. Эльфка обняла ее.

– Сейчас вам будет легче, – сказала она на мандречи с легким акцентом.

– Не надо … магии, – с трудом пробормотала Адриана. – Это хуже водки… Я сама…

Но у нее не получилось. Только что всхлипывать она стала потише.

Котенок, сидевший на распахнутой воротине, испуганно вздыбил шерстку и канул в темноту двора. На мостовой валялась дорогая кукла в шелковом платье, бродили разбежавшиеся куры. В сером предрассветном небе скользили силуэты сопровождающих подводы ведьм.

Когда подвода выехала на берег, ладьи уже стояли там, уткнувшись резными носами в захламленный песок. Марфор спрыгнул с подводы, подал руку Ваниэль. Только сейчас он заметил, что серебряный кулон вернулся на грудь своей хозяйки. Марфор коснулся его и вопросительно посмотрел на эльфку.

– Ульрик выкупил его, – сказала Ваниэль. – Шенвэль отдал ему какой-то долг… Никогда бы не подумала, что Ульрик сделает что-нибудь подобное для меня.

Марфор покачал головой.

– А я думаю, смог бы я, растерзанный так же, как Шенвэль, вспомнить о долге товарищу, – сказал он задумчиво.

Эльфка направилась к ладье. В этот момент кто-то потянул Марфора за штанину. Эльф обернулся и увидел мальчика, мать которого плакала всю дорогу. Он узнал паренька. Это в его доме они с Ульриком побывали сегодня ночью. Мальчик, очевидно, узнал его по голосу, когда Марфор заговорил с Ваниэль.

– Господин сидх, пожалуйста, помогите мне, – сказал мальчик. – Надо отнести папу в сарайку.

На эльфа обрушился удар такой силы, что он несколько мгновений ослеп и оглох. Марфор решил, что мальчик все же умеет обращаться со своим магическим даром. А потом понял. Это был стыд.

Эльф убил много людей, и далеко не всех в честном бою. Но сегодня ночью он убил не человека, не мужчину; он уничтожил палача, искалечившего жизнь Ульрика, отломал ту часть крыла огромной ветряной мельницы – государственного аппарата Мандры, до которой смог дотянуться. Но ребенок, стоявший перед ним, был так же светловолос и голубоглаз, как и любой маленький эльф. И этот человек еще не успел стать деталью чудовищных жерновов надмирной мельницы, из-под которых на народ эльфов сыпались только беды и несчастья.

Марфор кивнул.

– Кулумит, – окликнул он товарища. Тот оглядывался по сторонам в поисках жены. Кулумит подошел, вопросительно взглянул на своего Синергиста.

– Пойдем, – сказал тот. – Вынесем из дома мертвеца, им ведь еще здесь спать.

Брови Кулумита приподнялись, но он ничего не спросил. Вместе с Марфором и мальчиком они прошли к дому. Урсула обнаружилась на завалинке вместе с заплаканной мандреченкой. Эльфка что-то негромко говорила с ласковыми, успокаивающими интонациями. Кулумит просветлел лицом, у него даже веснушки стали ярче. Синергисты вошли в дом, взяли за руки и за ноги чудовищно тяжелое тело. Даже мертвый, мандречен пах перегаром. Кулумит поморщился.

Мальчик уже ждал их у открытой двери сарайки. Эльфы внесли труп, положили его около стены. Ребенок накрыл отца старой, порванной сетью, и они все покинули сарай, ставший склепом.

– Спасибо вам, господа сидхи, – сказал мальчик.

Кулумит пошел к жене. Марфор же при словах ребенка почувствовал себя последней мразью и просто так уйти не смог. «Как же его зовут», мучительно думал эльф. – «Андрей, кажется…». Он взглянул на печальное лицо мальчика, положил руку ему на плечо.

– Это была страшная ночь, – сказал эльф. – Но взгляни сюда, Андрей.

Ребенок послушно перевел взгляд на нежно-розовые верхушки гор западного берега. А в следующий миг под лучами солнца запылала жесть крыш эльфийских дворцов.

– Пришел день, – сказал Марфор.

Мальчик вздохнул.

– Это хорошо, – почти нормальным голосом сказал он. – Но почему, господин сидх, первыми Ярило ласкает вас, хотя мы живем к нему ближе?

Мальчик взглянул на ошеломленного эльфа и усмехнулся.

– Меня зовут Михей, – сказал он. – Вообще-то.

– А меня – Марфор, – помолчав, ответил эльф.

Ваниэль, Марфор и Кулумит, прибежавшие последними, запрыгнули в ладью. Лакгаэр сурово глянул на них и сказал, обращаясь к Мите:

– Мы уходим. Благодарю тебя за все, княжич.

– Лучше бы вы никогда не ступали на нашу землю, – изломанным голосом ответил подросток. Но его аура излучала не гнев, а пронзительную боль. Перед глазами княжича стояла холеная кисть с двуцветным маникюром и приклеенным крохотным изумрудом, придавленная сломанной балкой. Этот образ был так ярок, что его увидел и старый эльф, но не понял его значения.

– Ну что же, – сказал глава Нолдокора. – Это обычный ответ мандречен.

У Мити защипало в носу. Он запрокинул голову, чтобы слезы не выкатились из глаз, и сделал вид, что смотрит на ведьм. Карина и ее подруги, лениво кружившие в небе, перестроились в клин и пошли в сторону центра города, постепенно снижаясь.

Ладьи эльфов, повинуясь телепатическим приказам кормчих, медленно отчалили от берега, принадлежащего людям.

Елена перегнулась через подоконник и посмотрела вниз. Ночью она не могла толком оценить высоту, Ульрик просто втащил возлюбленную в окно. Но сейчас, при свете дня, стало очевидно, что спуститься сама княжна тоже не сможет. Конечно, она могла покинуть госпиталь обычным путем, через приемный покой, но как раз этого Елене очень хотелось избежать. Госпиталь уже проснулся. В коридоре раздавались голоса медсестры и пациентов.

Елена вздохнула и взглянула на любимого. Княжна принесла ему чистую одежду, чтобы Ульрику не пришлось ходить по госпиталю в заляпанном кровью и грязью наряде. Ворот зеленой шелковой рубахи украшали золотые узкие листья, такие же были вытиснены на широком поясе. Проступившая на щеках светлая щетина лишь добавляла импозантности. Эльф разметался на тесном матрасе. Верховного мага поместили в одноместную палату, а койку для его сопровождающего ночью перетаскивать не стали. Да и не было их в отделении, свободных коек.

Княжна покосилась на Шенвэля и обнаружила, что эльф с интересом смотрит на нее. Елена подумала, что, возможно, раненный чего-то хочет, но не может вымолвить ни слова от слабости.

– Воды? – участливо спросила княжна.

Шенвэль отрицательно покачал головой. Елена заметила, что под головой у Верховного мага пристроен заплечный мешок, побуревший от крови. Подушек в хирургическом отделении, видимо, тоже не хватало.

– Ты, я полагаю, Елена? – спросил он.

Княжна кивнула и присела на краешек матраса рядом со спящим Ульриком.

– Ты гораздо красивее, чем я представлял по рассказам, – сказал Шенвэль.

Елена грустно улыбнулась и ответила:

– Это потому, что он видит меня только в полутьме.

Эльф хмыкнул.

– Скажите, – спросила ободренная княжна. – А в Фейре очень холодно?

Шенвэль пристально посмотрел на нее, и Елена смутилась.

– Смотря где, – сказал эльф мягко. – Фейре очень сильно вытянута вдоль шестнадцатого меридиана. На юге снег лежит только три месяца в году, а на севере все девять. На юге ночь и день, как здесь, а на берегу Залива Вздыбленного Льда полгода ночь, полгода день…

– Вот как, – сказал Елена задумчиво.

– Ответь и ты мне, – сказал Шенвэль. Княжна вся внутренне сжалась, но вопрос, который задал ей эльф, был вовсе не тем, который она ожидала услышать.

– Ты с Ульриком только потому, что он пострадал из-за тебя?

– Нет, – сказала Елена. Взглянув на эльфа, она поняла, что он ждет более подробного ответа. Княжна собралась с мыслями.

– Когда сюрки захватили Рабин шесть лет назад, во время последней войны, Ульрик спас мне жизнь. Я не успела уйти в Зал Страха вместе со всеми. Он подобрал меня на улице, вытащил просто из-под копыт коней сюрков. Мы с ним скрывались в Хельмутовом гроте, как пройти в убежище к остальным, Ульрик не знал. Я очень боялась – что он меня изнасилует, что… А Ульрик ни разу не ударил меня, даже голос на меня повысил. Он отдал мне почти всю еду, которая у него была. У меня тогда уже были кавалеры, но Ульрик… Я поняла, что он будет лучшим отцом для моего ребенка, – продолжала Елена, краснея, но все же закончила: – Ведь отца ребенок все равно будет любить, независимо оттого, есть у папы руки, или нет… И потом, Ульрик ведь не пьет.

– Понятно, – сказал Шенвэль.

Ульрик зашевелился, пробормотал что-то и открыл глаза.

– С добрым утром, – сказала Елена, улыбаясь. Княжна наклонилась и поцеловала его.

Взгляд эльфа прояснился. Лицо приобрело привычную угрюмость.

– Тебе нельзя дольше оставаться здесь, – сказал Ульрик, вставая. – Сейчас твой брат как нагрянет…

Они подошли к окну. Эльф поднял руку на уровень плеча. Елена прихватила с собой корзинку. Из-под плетеной крышки торчал краешек испачканной кровью материи, в которой Шенвэль без труда узнал рубаху Ульрика. Княжна с довольным видом повисла на руке эльфа, поджав ноги. Ульрик повернулся. Княжна прошла в проем окна. Эльф перегнулся через подоконник, как только что Елена. Шенвэль видел, как вздулись и опали бугры мышц под рубашкой Ульрика.

– Ну, давай, – хмуро сказал столяр, из чего Шенвэль заключил, что княжна благополучно спустилась на землю. – Поосторожнее там.

– Потрясающе, – сказал Шенвэль. – Мне это напомнило работу портового крана.

Ульрик усмехнулся.

– Ты еще не проголодался? – спросил он. – В госпитале отвратительно кормят, но на соседней улице есть неплохое кафе, где торгуют навынос. Ты скажи, я схожу.

Шенвэль отрицательно покачал головой. Ульрик вернулся на свой матрас и улегся на нем, заложив руку за голову.

– Скажи, сложно любить мандреченку? – спросил Шенвэль.

– Я ведь тебе рассказывал, – ответил Ульрик.

– Ты больше освещал технический аспект, так скажем, – возразил Шенвэль. – Ты знаешь, что раньше или позже тебя убьют, но все равно каждый вечер идешь в Хельмутов грот. Почему?

– Как бы тебе объяснить… – сказал Ульрик задумчиво. – Эльфок растят, как цветы в оранжерее, чтобы любоваться ими. А мандреченок воспитывают, чтобы с ними можно было жить.

– И умирать, – сказал Шенвэль задумчиво.

– Да. Их учат переносить вместе со своим мужчиной все трудности, поддерживать его… Единственное серьезное отличие, это, пожалуй, то, что мандречены вообще очень вспыльчивы, и их женщины не исключение. Они в гневе говорят такие вещи, что … Я долго не знал, как себя вести. Орать на нее тоже? Слушать и молчать? Я только недавно понял, в чем дело.

– И в чем же? – заинтересовался Шенвэль.

– Их мужчины очень измельчали последнее время, – пояснил Ульрик. – Мандречены перестали, а точнее, не успевают взрослеть. Мандреченки живут с капризными, вздорными

подростками; опекают их, вытирают им сопли и при этом ухитряются создать у мужа иллюзию, что именно он глава семьи и все решает здесь. Но в глубине души, как и все женщины, мандреченки тоскуют по проявлениям мужественности. Так вот, когда мандреченка орет на своего мужа, она просто хочет, чтобы он заорал в ответ, стукнул кулаком по столу… Проявил себя мужчиной, наконец.

– Какая это жалкая мужественность, – заметил Шенвэль.

Столяр кивнул.

– Леночку я отучил требовать проявлений этой псевдомужественности, но с большим трудом. Ладно, хватит болтать, – сказал Ульрик. – Тебе, наверно, вредно сейчас так много разговаривать.

Некоторое время они молчали. Ульрик смотрел на солнечного зайчика на потолке.

– Мне понадобится выписка из архива о том, что Финголфин твой дед, – прервал тишину Шенвэль. – И свидетельство о браке. Но оно должно быть мандреченское, чтобы Иван – или кто-нибудь другой – не мог подать ноту о том, что ты похитил его сестру.

Ульрик сглотнул.

– Благодарю тебя, Верховный маг, – севшим голосом сказал он.

Внутренний двор госпиталя скрывала узорчатая тень от мощных лип. Желтел песок на площадке для малышей. Равномерному, не стихающему ни на минуту визгу аккомпанировал скрип качелей. Пациенты сидели на лавочках, разговаривали с пришедшими навестить родственниками или играли в шахматы с товарищами по палате. Некоторые прогуливались по аллеям, мелькая штампами на пижамах. В первое утро пребывания в госпитале Шенвэлю выдали такую же. Шенвэль очень любезно поблагодарил, но ни разу не одел. Больничная пижама и цветом, и покроем слишком напоминала униформу воспитуемого. Он поделился своим наблюдением с Ульриком. Столяр, хмыкнув, предположил, что и шьют их на одной фабрике. А сегодня утром Елена, краснея, попросила принять дар – от чистого сердца. Даром от чистого сердца оказались две шелковые рубахи с богатой вышивкой и немного поношенные, но вполне подошедшие Шенвэлю по размеру брюки. Благодаря этому у Шенвэля появилась возможность выбраться в сад, погреться на солнышке. Шенвэль выбрал себе место в дальнем конце двора, рядом с невесть как выросшей здесь рябиной. Сюда пациенты редко заходили – в пятнадцати саженях от рябины чернело низкое здание морга.

Эльф увидел Гёсу. Экен спускался по ступенькам. Гёса сразу заметил его, заулыбался и пошел к Шенвэлю.

– Привет, – сказал экен, приблизившись. – Как ты себя чувствуешь?

– Я? Я ощущаю боль и почти невыносимое облегчение, – произнес Шенвэль задумчиво. – Ты прав, Гёса, в любви помогает только любовь.

Экен понял причину грусти эльфа и попытался утешить его.

– Тебе еще повезло, – сказал Гёса. – Карина обычно разводит мужиков на деньги и бросает, но сидха, который у нее как-то был, она просто убила.

– Я знаю, – сказал Шенвэль.

– А чего ты тут делаешь?

– Ульрика жду, он пошел в кафе за супом, – сказал эльф. – Если хочешь быть здоровым, ешь один и в темноте…

– Не бойся, я на хвоста падать не буду, – сказал экен. – Ко мне сейчас Заринка забежала, накормила вкусностями всякими.

Шенвэль прикрыл глаза веками.

– Я видел, – сказал он.

Он встретил Карину и Светлану в коридоре. Целительница приветливо улыбнулась эльфу и спросила о самочувствии, а Карина мельком глянула на эльфа так, словно видела первый раз в жизни. Для Шенвэля это было словно ушат холодной воды. Совсем не такой реакции он ожидал, и теперь не знал, радоваться или печалиться. Поведение Карины в подземелье можно было списать на стойкость к магии, но сейчас чары Эрустима уже должны

были полностью опутать ведьму. Тем более, что эльф ударил ее магией жезла. Шенвэль почувствовал, что падет в пропасть, на дне которой крокодилы ревности и отчаяния уже распахнули свои многозубые пасти. На него-то чары Эрустима уже подействовали в полной мере. Эльф заговорил с Кариной сам, сказал, что хотел бы нанять ведьму, что у него есть для заказ именно для нее. По большому счету, это было правдой. Разрушить жезл могла только та, кто создала его.

Женщина, в которой в бессчетный раз воплотилась душа нации мандречен, богиня Нава.

Карина в ответ как-то вяло усмехнулась и сказала: «Насколько я помню, когда ты предлагаешь работу, тебе лучше не отказывать. Ладно… Выздоровеешь, найдешь меня. Мы еще три дня в Рабине будем, потом улетаем в Кулу».

– Они так, на минутку заскочили. В перерыве между выступлениями, – продолжал экен. Иван вполне мог изгнать ведьм из Черногории после всего того, что они натворили. Но князь оказался мудрее. Иван понял, что праздник нужен его народу даже больше, чем ему самому. Крыло Карины, сменив боевые костюмы на яркие разноцветные платья, участвовало в параде по поводу именин князя, показывало фигуры высшего пилотажа и носило в воздухе тяжеленные матерчатые растяжки с хвалебными надписями.

– Сейчас они обедать пошли, с бароном и старшей крыла… Я с тобой посижу немного, можно? – спросил Гёса, глядя на эльфа исподлобья.

– А чего ж нельзя, – сказал Шенвэль. – Мне как раз с тобой поговорить надо. Я к тебе заходил в палату, но мне твой сосед сказал, что сам тебя не видит. А еще говорили, что к тяжелораненому положат, он боялся, что утку придется подавать да выносить…

Экен хохотнул и присел на потемневшую от времени и дождей лавочку.

– Я слушаю тебя, Лайто, – серьезно сказал он.

Эльф развязал грязный, потрепанный заплечный мешок, лежавший у него на коленях. Гёса пришло в голову, что Шенвэль успел прихватить кое-что из сокровищницы дракона и теперь решил с ним поделиться. Но эльф достал ивовую флейту. Экен вздрогнул. Он узнал инструмент, несмотря на то, что флейте уже была порядком растрепана и рассохлась. Это на ней Шенвэль играл в тронном зале, открывая Дверь для драконов.

– Возьми, – сказал Шенвэль, протягивая флейту Гёсе.

Гёса подставил руку, и ивовая флейта легла в его ладонь.

– Зачем это мне? – спросил экен.

– Играть, – сказал эльф лаконично.

– Спасибо, конечно. Но я больше насчет Танцев, ты ведь знаешь, – проворчал Гёса.

– Теперь ты больше насчет Музыки, – сказал Шенвэль спокойно.

– Ты шутишь? Ведь Музыкантами не становятся, – сказал экен недоверчиво. – Музыкантами только рождаются.

Шенвэль пожал плечами.

– Посмотри на свою Дверь, – сказал он.

Гёса повиновался. Дверь, которую он всегда открывал своим Танцем, экен воспринимал как черный прямоугольник прямо перед собой. Но сейчас там, к ужасу экена, лишь переливалась разноцветными всполохами его собственная аура.

– Оглянись, – сказал эльф. – В астрал только выйди.

Гёса вышел из своего тела и повернулся. Полупрозрачный черный прямоугольник оказался прямо за спиной физической оболочки экена. Дверь тут же начала открываться. Это было невероятно – без Музыки, без того рывка, который требовался экену каждый раз, чтобы хоть чуть-чуть приоткрыть ее. Гёса уперся в нее обеими руками, но сила Подземного мира гудела и рвалась из-за Двери. Экен понял, что долго ему так не продержаться.

– Спиной, – внезапно услышал он голос Шенвэля. – Повернись к ней спиной.

Гёсе некогда было размышлять, где у его астрального тела спина. Экен поспешно развернулся и прижал Дверь. Он чувствовал, как Цин щекочет ему лопатки, как толкается сила Смерти в мир живых. От напряжения у экена дрожали икры.

– Возвращайся, – приказал Шенвэль, и Гёса ощутил, как его сильно дернули за пояс. Пятки экена поехали, и он откинулся назад, удерживая Дверь своим весом.

Гёса открыл глаза и огляделся с безумным видом.

– Что это было? – спросил он.

– Видишь ли, – сказал Шенвэль. – Ты стал Музыкантом, повернулся к Двери спиной еще в замке. Я не знаю, почему это произошло, но думаю, что причиной – тот артефакт, который я ввел тебе перед нашим Танцем, а потом забрал.

– Я ведь мог умереть у Поджера на столе, – сказал Гёса сипло. – Как Крюк! Что было бы с Рабином?

Эльф пожал плечами.

– Сослагательное наклонение – единственная конструкция, которой я никогда не мог понять в мандречи [5], – сказал Шенвэль. – Я не смогу научить тебя Музыке.

– Почему? – осторожно спросил экен.

– Когда Музыкант еще только учится… пробует силы, подбирает мелодию… он должен находиться на освященной земле. В капище Ящера. А меня, эльфа, в капище этого бога не пустят ни под каким видом.

Гёса знал, в чем дело. Во время бунта Детей Волоса эльфы уничтожали капища Ящера, и до сих местонахождение уцелевших храмов тщательно скрывалось от них.

– Так ведь меня тоже, – сказал экен растерянно.

– Будешь в Куле, зайди в капище Всех Богов и отыщи там главного жреца Ящера, – сказал Шенвэль. – Его зовут Дренадан. Он учил меня Музыке, и если он еще жив, то обучит и тебя.

– Я не смогу поклоняться его богу, – сказал Гёса угрюмо.

– Этого не потребуется, – ответил Шенвэль. – Я ведь тоже не мандречен, но он учил меня. И даже расспрашивал меня о наших, эльфийских богах. Религиозные вопросы для Дренадана не так уж и важны. Для него имеет значение только Музыка.

– Джабраил! – закричали от детской площадки. – Хирургическое, восьмая палата!

Гёса узнал голос Адрианы и встрепенулся.

– Даже если ты не успеешь встретиться с Дренаданом до того, как тебе придется ввязаться в бой в следующий раз, – продолжал эльф. – Сильно не расстраивайся. Помни, что для Музыканта главное – не открыть Дверь в себе, а закрыть ее, когда понадобится. Если почувствуешь, что теряешь контроль над собой, попроси Зарину помочь тебе. Я думаю, у вас все получится.

– Я сделаю все, что ты мне сказал, Лайто, – сказал экен. – Можно я сейчас пойду, мне на прогревание пора?

– Иди, конечно, – сказал Шенвэль. – Вряд ли мы еще увидимся, я сегодня вечером выписываюсь и возвращаюсь на эльфийскую половину Рабина. А потом уеду в Фейре.

– Джабраил! – завывала медсестра. – Где этот легкораненый, я его сейчас тяжелораненым сделаю!

Экен усмехнулся и встал.

– Жизнь длинная, – сказал он. – Я никогда не думал, что встречу тебя, а вон как вышло… Почему бы нам не встретиться еще раз?

– Все в руках Барраха, – сказал Шенвэль серьезно. – Удачи.

Шенвэль откинулся в кресле и закрыл глаза. Его мутило от усталости после длинного разговора. «Куда же это Ульрик пропал», подумал эльф. В животе у него заурчало.

Но экен в тот день был не единственным посетителем, посланным эльфу богами. Когда Шенвэль открыл глаза, то увидел Светлану. Целительница сидела на лавочке в соседней алее и тактично разглядывала кресло эльфа. Шенвэль услышал ее мысль – Светлана думала, что

---

[5] Шенвэль ошибся – Гёса использует условное наклонение, но в эльфийском языке не существовало ни условного (передавалось придаточным будущего времени), ни сослагательного (аналогов нет), так что ошибка эта простительна.

по крайней мере на вид новая модель легче и удобнее тех, какими пользовались еще пять лет назад. Заметив, что эльф проснулся, она робко улыбнулась. Шенвэль приглашающе махнул рукой.

Целительница приблизилась и села рядом с экеном на скамейку.

– Как дела? – спросил Шенвэль. – Гёса сказал, что Зарина и Карина пошли обедать, я думал, что ты тоже уже ушла.

– Замечательно, – бодро сказала ведьма.

Эльф пристально взглянул на нее. Светлана лгала.

– А у тебя? – спросила целительница. – Поджер сказал, ты выписаться хочешь?

Шенвэль зашел к хирургу после встречи с Кариной и потребовал, чтобы его немедленно выписали. Поджер сказал, что только через его труп, и Шенвэль ответил, холодно улыбаясь: «Это легко устроить…». В конечном итоге, эльф сумел настоять на своем. Шенвэль понял, что хирург попросил Светлану поговорить с ним.

– Да, – сказал эльф. – Не хочу подставлять Рабин под Чистильщиков. Ни людей, ни эльфов. Анастасия погибла, но рядовых стукачей везде хватает. Второго их визита вы можете не пережить, то, что в ночь разрушения замка творилось, детской сказкой покажется.

Светлана покачала головой.

– Чистильщикам не до тебя сейчас, – сказала ведьма. – Они, может быть, фанатики, но не самубийцы. Без Крона они не пойдут за Верховным магом Фейре, а имперский маг тяжело ранен.

– Что же у них там случилось? – спросил эльф.

Поджер сидел за столом и внимательно рассматривал олемхен [6], выполненный Энеем. На рисунке было изображено предплечье Светланы. Предплечье, в которое Поджер пять лет взамен разрушенной кости вставил стальную спицу.

– Света, подай мне свою историю болезни, – сказал Поджер.

Светлана подошла к шкафу. Толстые папки лежали на полке между отлитой из бронзы змеей, обвивающей чашу – дипломом выпускника Келенборноста – и стрелой, выкрашенной в черный цвет. Целительница провела пальцами по оперению стрелы. Светлана видела эту стрелу еще пришитой к стене палатки – полевой операционной. Как ее видели и тысячи пациентов Поджера.

Но только недавно ведьма поняла смысл талисмана.

Растрепанная папка с ее именем оказалась самой верхней.

– А я думала, что она где-нибудь в архиве, – сказала Светлана, подавая историю врачу.

– Я знал, что ты придешь, – сказал хирург. Открыв папку на яркой цветной вклейке, Поджер стал сравнивать оба изображения.

– Ты все еще веришь в то, что Пола когда-нибудь станет независимой? – спросила Светлана.

Поджер поскреб подбородок рукой.

– Уже нет, – сказал хирург тихо. – Мандречены растворили нас в себе. Нет больше такой нации – полане. Есть только Поланская губерния. Нам повезло меньше, чем вам. У нас не оказалось ваших оборотней, которые отказались спать с мандреченками. И героев, подобных Черной Стреле, у нас не нашлось.

– Нашлись, – сказала Светлана спокойно.

Поджер вздрогнул.

– Вчера целительница крыла «Петля Смерти», Моргана, связалась со мной телепатически, – сказала ведьма. – Спрашивала, что делать в случаях, если маг надорвался. Отдал не только преобразованную Чи, но и свою собственную. Она уже сделала все, что могла, но состояние пациента все еще крайне тяжелое. Я дала обычные рекомендации и

---

[6] «вид кости», зарисовка внутренних органов человека так, как их видит маг третьим глазом.

поинтересовалась именем мага. Моргана помялась, но в конце концов рассказала, что это Крон. Он отлучался в ту ночь, когда Карина с Шенвэлем разнесли замок. Имперский маг отсутствовал очень недолго. Никто не знает, конечно, где он был, но Моргана обнаружила на его шее след укуса вампира. Очень странно, что Крон не почувствовал, что аура прелестницы полностью состоит из Цин, или хотя бы не проверил, есть ли у красавицы тень, но факт остается фактом.

– При чем здесь независимость Полы? – спросил Поджер хмуро.

– А при том, что пока Крона не было, на Искандера совершили покушение, – безмятежно ответила Светлана. – Ведьмы стояли насмерть, но нападавшие просто их смяли. А опрокинуть крыло боевых ведьм не так-то просто, знаешь ли. Так что у заговорщиков были очень серьезные намерения. Мятежники успели залить кровью всю спальню Искандера. И по большей части, это была кровь императора. Когда Крон вернулся, Искандер как раз подписывал указ о выделении Полы из доминиона на правах самостоятельного государства. Но подписать не успел. Крон испепелил документ вместе с мятежниками.

Поджер закрыл лицо руками.

– Ты так легко об этом говоришь, – севшим голосом сказал он.

– Я, собственно, хотела сказать, что Крон не скоро сможет оставить Кулу. А Искандер еще дольше не разрешит ему этого.

– Чтоб Крон сдох! – с сердцем воскликнул хирург.

Светлана усмехнулась.

– Ты за его здоровье молиться должен, – сказала ведьма. – Искандер пообещал, что в тот день, когда имперский маг умрет, население Поланской губернии сократится на треть. Сводное отделение, где собраны лучшие военные маги – в основном, те из Зеленых Собак, кто еще жив – вошло в Полу вчера днем. Полк Алых Кобр и специальная бригада Черных Скорпионов охраняют волшебников. Те уже начали плести пробную сеть, такое заклинание создать – это не фунт изюму…

– Я ведь об этом не знал, – пожал плечами Шенвэль. – Лакгаэр придет за мной сегодня вечером. Невежливо как-то гонять старика туда-сюда. Мой дом разметало волной в ночь, когда мы разрушили замок, и Лакгаэр оказал мне честь, пригласил пожить в его дворце. А я ведь ему ни брат, ни сват, а так… большая головная боль. Да и чтобы изменить время его визита, потребуется ведь куча формальностей. Пропуск для Лакгаэра, разрешение на посещение человеческой акватории и один Илу знает, что еще…

Ведьма вздохнула.

– Я тебе кое-что принесла, – сказала Светлана.

Шенвэль добродушно поморщился.

– Светик, ты же должна знать, что мне ваши сильнейшие магические средства – так, капли от насморка…

Целительница покачала головой.

– Знаешь, как говорят мандречены – «В здоровом теле – здоровый дух»? Это тебе для души…

Она вытащила из куртки серебряную флейту. Глаза эльфа расширились. Ведьма протянула ему инструмент.

– Где ты ее взяла? – спросил Шенвэль, принимая дар.

– В замке дракона, – ответила целительница. – Не поверишь, она сама упала мне в руки.

– Отчего же, – сказал эльф. – Поверю. Это моя флейта. Я шел с ней на Черное Пламя вместе с моими Танцорами. Потом, когда я… В общем, у меня ее отобрали. Где, ты говоришь, она была?

– Она вывалилась из-за портрета, который задела Дарина, – сказала Светлана. – Там была такая женщина изображена, вся в черном… Или мужчина, мне особенно рассматривать было некогда.

Шенвэль убрал флейту в мешок.

– Мне кажется, что твой дух тоже не в лучшем состоянии, – пристально глядя на ведьму, сказал эльф. – Ты чем-то сильно огорчена. Я могу тебе помочь?

Светлана опустила глаза. Лицо ее дрогнуло.

– Все вроде в порядке, – сказал Поджер, подклеивая свежий олемхен в историю болезни. – Но лучше, конечно, пропальпировать. Сама –то как ощущаешь? Не болит?

Целительница отошла от шкафа и стала расстегивать куртку.

– Перед грозой если только, – сказала Светлана, снимая и блузку.

– С этим уже ничего не поделаешь, – сказал Поджер, вставая и подходя к ведьме. – Подними руку.

Светлана вытянула руку над головой. Хирург коснулся твердого шарика бицепса ведьмы. Их лица были так близко, что они уже не могли различить черт друг друга.

– Расслабься, – сказал Поджер.

Светлана расслабила мышцы и чуть прижалась к нему обнаженной грудью. Поджер усмехнулся и взял ее грудь в свободную руку. Целительница поцеловала хирурга в шею. Поджер закрыл глаза и сжал сосок. Второй рукой он привычными движениями прощупывал состояние протеза. Светлана коротко вскрикнула и прижалась к Поджеру всем телом.

– Ты спала с Иваном после того, как вы приволокли сюда Шенвэля? – спросил хирург.

– Раньше тебя это не волновало, – пробормотала ведьма, пытаясь распустить его пояс. Поджер ловко прижал ее руку, чтобы Светлана не могла ей пошевелить. – Да ты что? Ревнуешь?

Поджер стиснул зубы так, что на щеках перекатились желваки.

– Ёрдмунганд, – сказала Светлана. – Ты же циник!

Поджер отпустил руку ведьмы, притиснул Светлану к себе.

– Я хирург, – сказал он спокойно. – Так спала?

– Ну да. Да!

Поджер с некоторым усилием отстранился от ведьмы. Хирург вернулся к столу и оперся на него рукой. Светлана, ничего не понимая, смотрела на его спину. Поджер с грохотом выдвинул верхний ящик, из которого посыпались какие-то бумаги, и достал небольшую коробочку. Затем молча положил ее на стул, поверх брошенной блузки целительницы.

– Что это? – спросила Светлана.

– Здесь сто восемьдесят доз, один шарик – одна доза, – сказал Поджер, не оборачиваясь. – Девяносто тебе, девяносто – Ивану. По две дозы в день, одну утром, одну вечером. Спиртное не употреблять, молочное тоже. Вкуса не имеет, князю можешь просто добавить в еду. И тебе придется придумать, почему ты не сможешь с ним спать ближайшие полтора месяца.

Хирург сел за стол. Ошарашенная ведьма молчала.

– Да, и Онуфрию напомни, что у него завтра инъекция, как всегда. Эней его будет ждать в обычное время, – сказал Поджер, не глядя Светлану. – А то княжеский маг, судя по тому бардаку, что вы оставили в ординаторской, считает себя уже вполне здоровым.

Светлана сунула коробочку в карман штанов и медленно начала одеваться.

Поджер обмакнул перо в чернильницу и начал что-то писать в карте.

У двери Светлана остановилась и спросила тихо:

– Когда следующий осмотр?

– У тебя все нормально, – сказал Поджер, не глядя на нее. – При протезах подобной конструкции, если в первые пять лет эксплуатации дефектов не выявлено, врача можно больше не посещать.

– Поджер, но… – начала Светлана.

Хирург посмотрел на нее так, что ведьма осеклась на полуслове.

– Я циник, ты права, – сказал он с яростью. – Но не настолько! С Иваном ты спишь, потому что он князь. С Онуфрием – потому что он маг, такой же, как ты. С меня хватит

Светлана, я устал. Я не князь и не маг, я просто хирург. Первоклассный. А ты просто шлюха. Первоклассная. Вот и все.

Светлана подняла на Шенвэля полные слез глаза.

– Вряд ли, – сказала ведьма. – Хотя нет. Ответь мне на один вопрос. Если бы ты узнал, что женщина живет с тобой только потому, что ты Верховный маг, чтобы ты сделал?

Шенвэль задумался.

– Ничего, наверное, – сказал эльф. – Знал бы, по крайней мере, как избавиться от нее, если она мне надоест. Я, скорее всего, буду Верховным магом до конца своих дней, но если я буду настаивать, Круг Волшебников Фейре снимет с меня эти полномочия.

Он посмотрел на Светлану и добавил:

– Но не забывай, что я – холодный циничный выродок…

– Разве?

– Я и сам сомневался, Светлана, – вздохнул Шенвэль. – Но последние события показали, что это так и есть.

– Карина не придет к тебе, – помолчав, сказала ведьма.

– Я знаю, – кивнул эльф. – Меня это удивляет, но радует. Если бы она захотела остаться со мной, продолжить отношения, это было бы опасно и для нее, и для меня…

Он запустил руку в свой мешок и некоторое время рылся в нем.

– Насколько я знаю, женщина не может заболеть, когда чувствует себя красивой, – сказал Шенвэль, доставая из мешка тергалевый плащ. – Это тебе. Для укрепления духа.

– Да ты что, Шенвэль, – слабо пробормотала Светлана. – Даже если флейта из чистого серебра, она столько не стоит… Да и ты говоришь, что она и так твоя…

– Цена любой вещи определяется тем, сколько за нее согласны заплатить, – сказал Шенвэль. – Эльф, влюбленный в мандреченку, готов отдать жизнь за краткий миг душевной близости в мрачном подземелье…

Светлана взяла плащ, прижала его к груди.

– Благодарю тебя, Шенвэль… то есть Лайтонд… господин Верховный маг Фейре, – путаясь и смущаясь, сказала ведьма.

В конце аллеи показался Ульрик. Эльф тащил объемистую корзинку, из которой выглядывало горлышко бутылки.

– Ну, наконец-то, – обрадовался Шенвэль.

– Я пойду, пожалуй, – сказала Светлана и встала.

Эльф кивнул.

– Береги себя, – сказал он. Целительница наклонилась и нежно поцеловала эльфа.

– Еще раз благодарю за все, – сказала она.

Шенвэль проводил задумчивым взглядом фигурку в форме боевых ведьм.

Стараясь не поворачиваться к Шенвэлю правым боком, эльф извлек из корзины небольшую скатерть и покрыл ею лавочку. Первыми на импровизированном столе появилась пара горшков с плотно привязанными крышками. Затем столяр достал из корзинки помидоры, пару стрел зеленого лука и несколько желтых яблок. Ульрик снял крышку с горшка. Аромат горячей солянки заставил Шенвэля очнуться.

– Чего ты тут говорил про близость в сыром подземелье? – хмуро спросил Ульрик.

– Да так, к слову пришлось, – сказал эльф рассеянно. – Я не тебя имел в виду.

Ульрик разложил хлеб, ложки, соль и пару смокв. Последней на столе оказалась бутылка вина. Шенвэль подъехал вплотную к лавочке. Столяр сел на лавочку боком, рядом с рукотворной скатерью-самобранкой, взял помидор, макнул его в солонку и смачно откусил.

– Они хотели нам борщ втюхать, – с набитым ртом сказал Ульрик. – Но я ведь знаю, ты его не любишь. Сам не знаю, как мне их удалось уговорить на солянку! Почти целый час бился…

Шенвэль решил полакомиться смоквой. Второй рукой он взял ложку и помешал в горшке. Жирный суп остывал медленно.

– Посмотри на меня, – сказал Шенвэль столяру. Тот осторожно скосился на друга. Шенвэль поморщился.

– Как сказали бы на допросе в Имперской Канцелярии, повернись ко мне в фас, – потребовал он.

Ульрик помрачнел, но просьбу выполнил. Под правым глазом эльфа обнаружился огромный синяк, щеку пересекала свежая ссадина. Шенвэль понял, что Ульрика задержали вовсе не разговоры с поварами кафе.

– Кто это тебя? – спросил Шенвэль.

– Да… юные патриоты, – сквозь зубы ответил Ульрик. – Крысята…

Он расправился с помидором и снял крышку со второго горшка.

– Азу, – сообщил Ульрик и добавил с непередаваемым сарказмом: – Национальное мандреченское блюдо…

Столяр взял нож и принялся крошить лук.

– Я примерно так и подумал, – сказал Шенвэль тихо. – Сколько их было?

– Семеро, – не глядя на него, ответил Ульрик и высыпал нарезанный лук в горшок с азу.

Смоква лопнула в пальцах Шенвэля с неприятным «чвак!». Сочная мякоть забрызгала ствол рябины, лавочку и брюки Верховного мага. Ульрик протянул ему полотенце.

– За меня заступился патруль гражданской милиции, – ухмыляясь, как гоблин, сказал Ульрик. – Сам бы я не отбился… Они сейчас следят за порядком при разборе завалов на набережной Зеленого Мыса. Представляешь? Дружинники заступились за эльфа! Что-то в лесу сдохло, наверное…

«Хоть какая-то часть магии Эрустима работает», подумал Шенвэль угрюмо. Вслух он сказал:

– Сегодня вечером мы с тобой вернемся к эльфам.

– Но… ты ведь еще слаб, – пробормотал Ульрик. – Давай подождем хотя бы до завтра.

Шенвэль отрицательно покачал головой.

– Я уже договорился с Лакгаэром, – сказал он. – Да и потом, завтра дружинники могут не успеть.

– Как скажешь, – пожал плечами Ульрик. – Тем более, что завтра нам с тобой не на что будет есть – деньги-то у меня дружинники отобрали…

Карина шуршала в темноте, собирая одежду. Ведьма хотела искупаться перед сном.

– Смотри, чтобы тебя русалки не утащили, – сказал Владислав.

– Мне с ними делить нечего, – сказала она и поцеловала барона. – Я потом еще полетаю немного, так что ты меня не жди, засыпай.

Барон изобразил могучий храп. Карина засмеялась, и продолжала похохатывать еще за дверью. Когда все стихло, Владислав откинулся на подушку. Барон крепко сжал веки, но сдержать слезы не смог.

Как не смог сделать сегодня ночью и кое-что другое. Владислав вымотался на празднике, но не усталость была причиной его фиаско. После завершения парада по поводу именин князя крыло «Змей» пригласили на бал в замок Ивана. Барон подарил возлюбленной платье. Оно было сшито по последней моде – роскошная парча цвета старого вина, огромная круглая юбка на обручах, подчеркивающую стянутую «в рюмочку» талию. К платью барон преподнес своей любимой ведьме и украшения – ожерелье из крупных рубинов, ограненных ромбами и оправленных в золото, и такие же тяжелые рубиновые серьги. Теперь, после смерти Розалии, больше не имело смысла скрывать отношения Карины и Владислава. Многие родовитые дамы с завистью и ненавистью смотрели бы на молодую, вызывающе красивую ведьму, нахально позвякивавшую сережками, за которые им пришлось бы заложить все свои родовые имения. Но Карина вышла на бал совсем в другом наряде. Нет, она не ударила в грязь лицом. Когда ведьма появилась в бальном зале, на несколько мгновений там воцарилась тишина.

Сердце Владислава же болезненно сжалось.

Длинное нижнее платье ведьмы из тончайшего, полупрозрачного желтого шифона выбивалось в боковые разрезы верхнего. На манер эльфов ткань была прошита только в плечевых швах, и платье подгонялось по фигуре шнуровкой. На коричневом шелке верхнего платья тут и там были разбросаны шитые золотом кленовые листья. Пояс из тонких ремешков, пропущенных золотой нитью, скрепляла эмалевая фибула, тоже в форме кленового листа. На боку ведьмы висел кинжал. По всей длине бронзовый рукоятки обвивался змей. Венчавшая рукоять круглая голова чудовища не давала руке соскользнуть.

Когда Верховного мага Фейре принесли в госпиталь, его костюм был в крови и грязи. Но Владислав хорошо запомнил расцветку, необычное сочетание желтого и коричневого. Барон тогда еще вспомнил, что дивизия, носившая такие же цвета, была самой трусливой в армии мандречен. Маги объясняли это тем, что люди чувствуют себя обмазанными фекалиями, а в таком виде и вправду сложно проявить храбрость. Доля истины в этом наблюдении присутствовала – Алые Кобры, на пурпурной форме которых кровь была не видна, дрались как львы и никогда не отступали.

– Если тебе не понравилось, ты могла бы сказать, – сказал барон ведьме, когда они танцевали.

– Мне понравилось, – ответила Карина. – Но здесь по крайней мере еще три дамы одеваются у того же портного.

– Мне кажется, у Светланы плащ в таком же стиле, что и твой новый наряд, – сказал барон миролюбиво. – Как ты думаешь, сколько она за него попросит? Скидку сделает для подруги или нет?

Карина расцвела.

– Я поговорю с ней, – сказала ведьма.

Владислав смирился с женской логикой, но удар по его самолюбию оказался слишком силен. И сейчас барон тихо всхлипывал в темноте. Сильнее неудачи, к которой ведьма отнеслась весьма тактично, Владислава мучала мысль, что и у людей, и сидхов, его слезы вызвали бы скорее насмешку, чем сочувствие. Но заглушить душевную боль, что с уходом ведьмы пронзила его острее кинжала, Владислав тоже не мог.

Долгое купание не смягчило злого жара тела, переродив его в грусть. Отфыркиваясь, Карина вышла на берег. Вода была почти такая же теплая, как в любимом горном источнике ведьмы. Карина вызвала метлу и пустила ее размяться над ночным пляжем. Затем ведьма постелила на камень, за которым спрятала платье, предусмотрительно прихваченное с собой полотенце и присела. Где-то недалеко жалобно скулила и потявкивала невидимая в темноте собака. Карина смотрела на светящееся море. Разноцветные прихотливые узоры горели на ровной, как зеркало, черной воде. Говорили, что в такие ночи Перун со своей свитой – русалками, тритонами и утопленниками – садятся на огромных кальмаров и каракатиц, поднимаются к самой поверхности моря и соревнуются друг с другом, кто сможет наколдовать самый интересный узор. Победительница делит ложе с владыкой морей.

Желая подчеркнуть, что они уже не на работе, ведьмы распустили свои косы и накрутили волосы в роскошные укладки, от которой у Карины после купания ничего не осталось. Карина выжимала волосы и думала о том, что зря она все-таки не пошла на бал в платье, которое подарил ей любовник. Заминка произошла из-за украшений. Они явно были из того же комплекта, что и брошь, которую давным-давно подарил ведьме Тенквисс.

Из сокровищницы дракона.

Ведьма догадалась, что Владислав был одним из сподвижников эльфа, когда барон обмолвился: «Я *тогда* готов был отдать свой диплом за то, что ты мертв». Да и слова Шенвэля: «Кое-что из сокровищ дракона прихватили мои соратники» подтверждали предположение Карины. Ведьме часто гостила в замке барона. Ели там на серебре, спали на слоновой кости. Видимо, Владислав сумел выгодно поместить капитал. «А мы в это время в станице лебеду жрали», думала Карина, чувствуя, как поднимается в груди горячая волна. –

«Кому война, а кому мать родна…». Шенвэль вверг Мандру в пламя гражданской войны из-за своей ненависти к тому, кого ведьма привыкла называть Тенквиссом. Карина не считала месть необходимой, она не намеревалась мстить за дракона, хотя все еще грустила о его смерти. Но ведьма могла понять причину поступка эльфа. А человека, снявшего с кровавого варева золотую пенку, Карина могла только презирать.

При мысли о Шенвэле Карина испытала сладкую истому. Сидх разделил с ней яростное и глубокое наслаждение. А ведьма уже и забыла, что такое может быть, Владислав на подобное никогда не был способен. Вчера, когда Карина встретила Шенвэля в госпитале, ее просто оглушило желание. Ведьма даже не смогла толком поговорить с эльфом – так, промычала что-то. А ведь Шенвэль подбивал к ней клинья, мурлыкал что-то о заказе лично для нее.

Карина вздохнула. Если бы сидх не пострадал так сильно при разрушении замка, она бы прилетела в госпиталь еще вчера ночью. Княжна Елена чуть ли не жила там со своим Ульриком. «Я сама виновата», подумала Карина мрачно. – «Отделала мужика так, что неизвестно, когда он вообще на ноги встанет».

Собака продолжала скулить. Очевидно, из-за полнолуния кровь диких предков взыграла в ней, заставляя исполнить ритуальную песню. Карина повела плечом. От этого тихого воя, полного безнадежности и тоски, у ведьмы сжималось сердце. Но что-то здесь было не так, какая-то странность тревожила Карину.

Ведьма взглянула на небо и только тут заметила, что луны нет, ее скрывают низко опустившиеся тучи.

– Хвост Ящера, – пробормотала Карина, вставая.

Ведьма вытащила наряд из-под камня, быстро оделась и пошла на звук. Лису она обнаружила на высоком валуне в противоположном конце пляжа. Оборотень намного превосходила обычного зверя по размерам, и издалека ее можно было принять за молодую львицу. Карина остановилась, не доходя до лисы аршинов пяти. Оборотень повернула голову в сторону ведьмы. Лиса ощерилась, но тут узнала Карину.

– Светик, – сказала ведьма растерянно. – Может, поговорим?

Лиса уронила морду на валун, прикрыла ее лапами и снова завыла. Карина покачала головой, подошла, села рядом с подругой и погладила пушистый бок. На глазах зверя заблестели слезы.

– Да что случилось что? – пробормотала ведьма. – Вы с Иваном поругались?

Лиса махнула хвостом из стороны в сторону. Карина привалилась к теплому боку зверя, и некоторое время подруги сидели в молчании. Они смотрели на светящиеся зигзаги, которые всплывали из темной глубины, словно воск в огромной чародейской лампе. Карина так расслабилась, что непроизвольно вздрогнула, когда Светлана обратилась к ней телепатически:

«Карина, вот скажи, ты о чем мечтала в детстве?»

– А ты? – спросила Карина.

«Я хотела стать графиней Боремии. Моя семья ведь была одной из самых почитаемых, самых родовитых…

Лиса совсем по-человечески вздохнула. Карина тихонечко почесала ей шею.

В Боремии исстари водились оборотни всех мастей. Сельским хозяйством оборотни не занимались по вполне понятным причинам, хотя владели почти половиной всех земельных угодий графства. Люди, жившие в Боремии, почувствовали некоторое недовольство, что оборотням принадлежит так много хорошей земли. Именно тогда впервые была озвучена идея «чистоты человеческой расы». Боремское духовенство с радостью поддержало светскую теорию.

Через год боремские оборотни стали достоянием истории.

Хотя, в строгом смысле слова, оборотни были людьми. Людьми, обладавшими врожденной способностью спускаться на предыдущий, животный уровень существования органической материи. Но в таких тонких генетическо-магических построениях разбирались

разве что эльфы – вторые, к кому была применена эта же самая теория, творчески переработанная и развитая в законе «О раздельном существовании разумных рас».

Светлане удалось выжить во время погромов – знакомый волшебник спрятал ее в Зойберкунстшуле, старейшей школе магии. Но с мечтой о графской диадеме Светлане пришлось расстаться навсегда, теперь все претендентки проходили магический тест на «человечность».

«А потом я мечтала, что один маг придет ко мне», продолжала Светлана. – «Опустится на колено и скажет: «Будь моей женой».

Она замолчала. Карина знала, что маг, о котором мечтала целительница, пришел, но не один, а с тремя крепкими ребятами-грузчиками из порта. И пока они забавлялись с его возлюбленной, он стоял и смотрел… После тех забав целительница лишилась рассудка. Если бы не разработки эльфийского мага Тиграна, Светлана и сейчас бы царапала ногтями обитые войлоком стены приюта для сумасшедших.

– У меня все проще, я ж ведь не благородных кровей, – сказала Карина, не давая паузе затянуться.

Старшая крыла чуть откашлялась и тихонько пропела:

– Маленький домик, крепкая печка,
Пол деревянный, лавка и свечка
И ребятишек в доме орава
Вот оно, счастье… [7]

Воздух вокруг лисы задрожал. Карина поспешно отодвинулась – когда оборотень перекидывался, лучше к нему было не прикасаться. Вспыхнула и погасла голубая сфера. Теперь на камне сидела женщина в коричневом платье с рыжим отливом. Карина обрадовалась, услышав тихий смех Светланы. Ведьма приняла человеческий облик, чтобы посмеяться – в образе зверя это было невозможно.

– Какая прелесть, – сказала целительница. – Скажи, Карина, на что ты готова пойти ради своего счастья? Чем заплатить за него?

– Ну, если Владислав соберется-таки с духом и сделает мне предложение, метлу придется оставить, – сказала Карина. – Мне придется отдать свою свободу, независимость… Свой эгоизм, короче говоря. И себя саму.

– И только? – растерянно спросила Светлана.

Карина пожала плечами.

– У меня больше ничего нет. Да только я не уверена, что счастлива буду, – мрачно добавила ведьма. – Ладно, Светик, иди к себе и больше не перекидывайся. Если тебя увидит кто-нибудь, потом сплетен не оберешься, и вообще… Я полетаю немного. Не уснуть мне. Чего-то хочется такого, что и словами не выразить…

– Шенвэль выписался, еще вчера, – сказала целительница. – Он говорил, что пока будет жить у Лакгаэра.

Карина раздраженно прищелкнула языком.

– Можно подумать, я знаю, где это, – пробурчала ведьма, но вызвала корзину и распахнула крышку.

– Насколько мне известно, дворец старейшины сидхов находится прямо напротив нас, через залив по прямой, за Крукой, – сказала Светлана. – Только ты боевую форму не одевай, а то попадешься, неровен час, на глаза эльфийскому водному патрулю – они тебя сразу грохнут… Но куртку накинь, а то замерзнешь, над морем-то.

Карина вытащила куртку из корзины. Черная игла на левом рукаве привлекла внимание Светланы.

---

[7] Стихи Ю. Энтина

– Слушай, я все забываю тебя спросить – ты куда все свои трофеи дела? – спросила Светлана. – И откуда эта уродская игла?

– Это мой Осколок Льда, – сказала старшая крыла, засовывая руки в рукава. – Шенвэль вытащил его из меня, помнишь, тогда, у нашего любимого источника…

Вдруг Карина вскрикнула и согнулась. Светлана подхватила ее и сказала испуганно:

– Что с тобой?

Карина выпрямилась.

– Сердце кольнуло что-то, – сказала ведьма и подозвала свою метлу.

Светлана покачала головой.

– Какой все-таки слизняк твой барон, – сказала целительница сердито. – Он что, не знает, что если женщина не кончает, это очень вредно для здоровья? Так и язву можно заработать, я уже о сердце не говорю! Или он не умеет пользоваться руками?

– Почему же, – сказала Карина. – Он очень ловко держит в руках вилку и нож, когда нарезает мясо. А я все время путаю, что в какую руку брать, и обычно делаю вид, что блюду диету…

Ведьма повесила на пояс кинжал. Подруги обнялись. Карина перекинула ногу через ось метлы. Затем ведьма пристегнулась и до отказа потянула руль на себя. Ось, повернувшись в соединительном шарнире, уперлась в сиденье ведьмы. Метла встала практически вертикально. Руль оказался под ногами Карины. Ведьма свечкой пошла вверх.

– Утром чтобы была у Влада под боком! – очень трезвым голосом сказала Светлана, следя за взлетом Карины. – Не забывай, что сидх недавно был ранен! К вечеру крайний срок!

Когда Карина пролетала над голой вершиной Круки, в голове у ведьмы возник образ, жуткий и одновременно притягательный. Бронзовая рукоятка кинжала, торчащая из груди сидха. Карина подумала, что это, должно быть, остаточное действие Проклятия Ледяного Сердца, и не придала видению большого значения.

Ведьма стремительно спикировала на небольшой пляж. Карина пробормотала себе под нос заклятие, отсылавшее метлу, и огляделась.

Дворец перед Кариной был погружен в темноту. Судя по изумительному, чуть с горчинкой, насыщенному аромату роз, который чувствовался даже на берегу, где-то рядом находился розарий. Узкая тропинка, петляя между огромных глыб, вела с пляжа на замковую террасу. Одна из глыб своей формой напомнила ведьме человека, смотрящего на море. Карина засомневалась. Войти в этот дворец, найти в нем сидха, который, скорее всего, уже спал, вдруг показалось ей невыполнимой задачей. Неизвестно, что бы сделала ведьма в следующий миг – шагнула бы на дорожку ко дворцу или вызвала бы свою метлу, чтобы вернуться в замок Ивана. Но тут человекообразная глыба зашевелилась. Ведьма отпрянула. Последний раз он сталкивалась с каменным троллем в Порисском ущелье, и сохранила об этой встрече весьма болезненные воспоминания. «Как он сюда забрел?» в ужасе подумала Карина. Каменные тролли обычно избегали шумных поселений.

Но это был не тролль, а эльф. Шенвэль молча взял ее за руку, и они пошли по тропинке. Ведьма увидела смутно белевшие в темноте три скульптуры по углам розария. Четвертый пьедестал пустовал. Эльф посадил Карину на него и прижался к ведьме всем телом. Карина почувствовала, что Шенвэля бьет крупная дрожь. У него даже зубы стучали. Карина была достаточно опытна, чтобы понять, что это значит. Шенвэль хотел ее слишком сильно. Ведьма обняла эльфа за плечи.

– Проводил ты меня до заветной калитки, – тихонько пропела Карина. – Тут взяла тебя нервенная дрожь… Ты скажи, ты скажи, что тебе надо, что надо, может дам, может дам, что ты хошь…

Шенвэль усмехнулся и перестал дрожать. В тот момент, когда он боролся с ее платьями, Карина поняла, что эльф ошибся. Осколок Льда, даже извлеченный из тела ведьмы, сохранил свою силу. Эта ночь должна была стать для Шенвэля последней.

– Куртка, – простонала Карина. – Сними куртку…

Эльф рывком содрал с нее куртку и отбросил в гущу розовых кустов. Карина распустила свой пояс.

– Я боялся, что больше никогда не увижу тебя, – сказал Шенвэль в промежутке между поцелуями. – Никогда.

Ведьма смутилась.

– Не надо таких слов, – пробормотала Карина.

Эльф замолчал.

Сегодня у Шенвэля было другое настроение, удивительно перекликавшееся с чувствами ведьмы. Если их первая мелодия разрабатывалась в ключе adagio col dolente [8], то эту они исполнили allegro appasionato [9].

Шенвэль отнес расслабленную ведьму в свои покои, опустил на кровать и сам лег рядом.

– Я надеялся, что погибну один, – сказал эльф. – Он заставляет меня лгать, и…

– Нижняя голова мужчин всегда заставляет верхнюю лгать, – сонно сказала Карина. – Ты во что-то влип, похоже… Не дрейфь, прорвемся. В крайнем случае, пойдем «на выверт».

Шенвэль усмехнулся. Он хотел спросить, как выглядит воздушный маневр со столь ярким названием, но ведьма уже уснула.

Карина проснулась и увидела алую полоску рассвета. «Владислав!» с ужасом подумала она. Осторожно сняв с себя руки Шенвэля, ведьма выбежала на террасу. Ежась от утреннего холода, Карина принялась торопливо одеваться. Шелк и шифон, конечно, смотрелись очень элегантно. Но тепла давали столько же, сколько рыбья шкура. Карина сняла куртку с куста, торопливо оделась. Ведьма увидела, что заметила, что бордюр усеян осыпавшимися, почерневшими цветами. В ее мозгу зазвенел тревожный звоночек, но было поздно.

Карина подняла с террасы кинжал и вернулась в спальню.

Шенвэль проснулся от холода стали на своем горле. Эльф попробовал пошевелить руками, но не смог. Сидящая груди ведьма крепко прижимала их к кровати своими ногами. Шенвэль мог призвать свою Чи. Но для преобразования магической энергии требовались жесты.

– Не убивай меня, красна девица, – сказал Шенвэль, пародируя известное присловье из сказок.– Может, и я на что сгожусь…

И тут Шенвэль увидел, как вокруг Осколка Льда на ее рукаве сгущается чернота. Эльф почувствовал, как от напряжения одеревенели мышцы Карины. Шенвэль схватился правой рукой за ее лодыжку. Не ведая, что творит, ведьма в ответ еще сильнее прижала его руку ногой. Вокруг Осколка Льда закрутились черные зигзаги.

Кожа на горле Шенвэля разошлась под холодным лезвием. Дальше медлить было нельзя.

Карину отбросило с кровати. Ведьма сообразила, что Шенвэль воспользовался Цин, в тот момент, когда ударилась о ковер, лежавший на полу. На поверку ковер оказался вовсе не таким толстым, каким казался с виду. С потолка посыпались мелкие элементы лепнины. Кинжал выскочил из руки Карины. Он пролетел через всю комнату и воткнулся между дубовыми панелями около двери в покои, уйдя вглубь на всю длину клинка. Из носа ведьмы пошла кровь. Карина задыхалась от боли. Левую ногу от колена словно залили раскаленным свинцом. Тело сковывал смертельный холод. В глазах Карины мельтешили черные муравьи. Ведьме уже случилось пережить болевой шок, когда Шенвэль отразил ее нападение

---

[8] Неспеша и печально

[9] быстро и страстно

благодаря Зеркалу Анцира. По сравнению с сегодняшним ударом это было все равно, что содранная коленка по сравнению с выкидышем. Воспоминание натолкнуло Карину на мысль. Собрав остатки своей Чи, ведьма, превозмогая боль, начала плести заклятье.

– Прости, Карина, – сказал Шенвэль. Маг сел на кровати, держась правой рукой за шею. Под пальцами его плясали синие огоньки. Эльф скреплял рану своей Чи.

– Ты уже третий раз пытаешься убить меня, – продолжил Шенвэль. – Это на два раза больше, чем я обычно позволяю.

– Теперь ты меня убьешь? – спросила она безразлично.

Шенвэль расхохотался.

– Оставим эти фокусы для первоклашек, – сказал он неожиданно добродушно. – Зеркало Анцира, да? Ты схватываешь на лету, как я погляжу. Да, кровь – не водица. Истинная мандреченка – это истинная мандреченка.

Эльф встал с кровати. Хромая, он подошел к Карине. Ведьма видела чудовищный шрам на его бедре. «Как все же сильны сидхи», подумала Карина. – «У него ведь была расщеплена берцовая кость. Человек после такого ранения смог бы начать ходить через полгода минимум». Шенвэль сел рядом с ведьмой на ковер, вытянул больную ногу. Взяв Осколок Льда двумя пальцами, он вырвал его из рукава вместе с кусочком войлока и резким движением отшвырнул артефакт.

– Чтобы я больше его на тебе не видел, – сказал эльф сквозь зубы. Карина закатила глаза, теряя сознание от нахлынувшей боли. Шенвэль начал массировать ногу ведьме. От облегчения на глазах Карины выступили слезы. Ведьма зажмурилась, чтобы их не увидел эльф. Карина почувствовала его горячие губы на своих веках. Шенвэль слизнул несколько слезинок. Ведьма чувствовала себя совершенно опустошенной.

– Я не люблю тебя, – хрипло сказала Карина. – Я тебя ненавижу.

– Теперь ты, может, и веришь в то, что говоришь, – улыбнулся Шенвэль, склоняясь над ней. – Но я-то уже нет…

Эльф нежно гладил ее. Карина глубоко вздохнула. Ведьма поняла, что Шенвэль уже не облегчает последствия удара, который сам нанес, а возбуждает ее. Карина надеялась, что на этот раз она не разделит с эльфом жгучий, терпкий взрыв. Но этого ей не удалось.

Мир исчез в темноте, пронизанной судорогами разноцветных вспышек.

Шенвэль откинул голову назад. Он хотел узнать, сколько времени пролетело в любовных утехах. Часы на стене показывали начало пятого пополудни. Эльф покосился на постель. Белье было смято так, словно на постели всю ночь буйно резвилась дюжина домовых вкупе с двумя единорогами нестандартной ориентации. На столике у кровати рядом с флейтой появилась большая хрустальная ваза с фруктами и запотевшая бутылка вина, которых утром там не было.

– На ковре, в двух шагах от такой кровати, – сказал Шенвэль.

– До чего докатились, – лениво сказала Карина. Ведьма заметила подарок Светланы и спросила: – Ты сыграешь мне?

– А ты искупаться не хочешь? – спросил Шенвэль. Карина нашла, что смыть с себя пот и все остальное – более чем здравая идея, и кивнула.

– Потом перекусим, и я тебе сыграю, – закончил эльф.

Карина поднялась. Шенвэль смотрел, как обнаженная ведьма спускается на пляж, как, раскинув руки, вбегает в сине-зеленую волну. Затем он встал и накинул шелковый халат того же цвета, что и полуденное море, расшитый разноцветными зигзагами. Эльф подошел к столику, позвонил в серебряный колокольчик.

– Мы будем обедать на пляже, – сказал Шенвэль явившемуся на зов слуге. Тот поклонился и вышел. Эльф взял флейту, медленно вышел на террасу и стал осторожно спускаться. Пара слуг уже установили два лежака и сейчас расстилали на них полотенца. Шенвэль увидел в руках одного из слуг халат. По фону цвета морской волны кувыркались и боролись темно-синие фигурки морских змеев.

– Это подарок господина Лакгаэра вашей гостье, – перехватив его взгляд, сказал слуга.

Карина и впрямь резвилась в воде, как молодой морской змей.

– Оставьте здесь, – сказал эльф.

Шенвэль устроился на лежаке. Слуги покинули пляж, но вскоре вернулись. Один тащил подмышкой раскладной столик, в руках у второго был поднос с двумя бокалами, бутылкой белого вина и глубокой серебряной салатницей. Довольная ведьма вышла из воды.

– Вина хочешь? – спросил эльф. Карина кивнула.

Шенвэль наполнил ее бокал. Ведьма растерлась полотенцем.

– Этот халатик – тебе, – сказал эльф. – От нашего гостеприимного хозяина.

Карина накинула халат и присела на край лежака. Ведьма неспеша пригубила бокал, про себя радуясь тому, что Владислав научил ее правильно пить вино. Внимание Карины привлекло вытисненное на крышке салатницы изображение краба-отшельника. У ведьмы мелькнуло смутное ощущение, что где-то она уже видела подобное изображение, при каких-то крайне необычных обстоятельствах. Но сейчас она не могла вспомнить, где именно.

– Что это значит? – проведя по вытисненному крабу пальцем, спросила Карина.

– Это герб Лакгаэра, – ответил Шенвэль и снял крышку.

Под ней оказались холодные жареные осьминоги в остром овощном салате. Запивая осьминогов холодным белым вином, ведьма и эльф очень быстро опустошили салатницу. Она была вовсе не такой глубокой, как казалось с виду.

Карина закончила трапезу, промокнула губы салфеткой и растянулась на лежаке. Ведьму со вчерашнего вечера мучил один вопрос, а сейчас ей представлялась шикарная возможность получить информацию из первых рук. Не так уж часто боевые ведьмы запросто общаются с Верховными магами. Но Карина колебалась, зная, что мужчины терпеть не могут упоминаний о других мужчинах. Особенно по утрам. Но Шенвэль улыбнулся ей так ласково, что ведьма решилась.

– Можно тебя спросить? – сказала Карина. – Это не относится к нашей ночи.

– Валяй, – сказал эльф.

– Владислав… Барон Ревенский служил Черному Пламени до того, как ты изгнал дракона?

Ведьма боялась, что Шенвэль рассердится, но эльф, скорее, удивился.

– Нет. Черному Пламени служил Искандер, – сказал Шенвэль. – Он был начальником внутренней охраны замка. Это Искандер впустил нас. А Владислав пришел со мной.

– Понятно, – помрачнев, сказала Карина. Ее мысли перекинулись на другое. – А все-таки жаль, что Жезл Власти сгорел вместе с замком…

Шенвэль прикрыл глаза веками.

– И не жаль нисколечки, – возразил эльф.

– Ты и правда хотел его уничтожить?

– Правда.

– Но ведь с исчезновением власти жезла в Мандре начался страшный бардак, – сказала Карина. – А при драконе, при Эрустиме и люди, и сидхи, и все-все – жили в мире и согласии, и все были счастливы. Разве ты не хотел бы, чтобы все снова стало, как было при Черном Пламени?

Шенвэль поморщился. Он ожидал подобного разговора, но не думал, что это произойдет так быстро. Эрустим питался жизненной силой не только своих обладателей; он разжигал в них великодержавные амбиции, за воплощение которых всегда приходится платить тысячами жизней. Жезл втягивал энергию павших на полях сражений, становясь сильнее тех, в чьих руках находился, и окончательно лишая их рассудка. Последним действием Черного Пламени как императора Мандры стала аннексия Лихого Леса. Бесперспективная война тянулась до сих пор, подрывая экономику империи. А ведь дракон не мог не знать, что еще никому и никогда не удавалось подчинить себе темных эльфов.

Но Шенвэль сегодня утром сам лишил ведьму последней защиты от чар Эрустима, вытащив из ее куртки Осколок Льда.

– Нет уж, спасибо, – сказал эльф сквозь зубы. – Я большую часть правления твоего любезного линдворма провел в воспитательном лагере. И совсем не хочу, чтобы все стало, как было.

– Ну, ты вот добился, чего хотел, – сказала ведьма. – Как поется в детской песенке, «ах, если бы сбылась моя мечта, какая жизнь настала бы тогда!» И какая жизнь настала? Тебе, конечно, стало лучше. Даже мертвому лучше, чем воспитуемому, как у нас в станице говорили. А ты жив и свободен.

Шенвэль неопределенно пожал плечами.

– Я тебе вот что скажу, – продолжала Карина. Ведьма воодушевилась, приподнялась на лежаке. – Я почему ведьмой стала? Призвание, думаешь? Я не из Истлы сама, а с Нудайдола. Есть там станица Пламенная, между Гниловранской трясиной и Верхней Волынью. На самом коротком пути от Ринтали к Куле. И когда вы Тенквисса скинули, сюрки щелкать клювом не стали. От Ринтали до Ревена сюрки за четыре недели дошли. Всех мужчин станицы, кроме двух юродивых и одного калеки, угнали на войну. Никто не вернулся. Никто. Мне что было делать? В плуг вместо лошади впрягаться и юродивого в задницу целовать, чтобы при мужике быть? Так ведь за него еще с остальными бабами надо было подраться. Или ждать, пока через станицу рота солдат пройдет? Нет, сидх, страна должна быть большой и сильной. Только без отвратительных зверств, без лагерей этих. Так что очень жаль, что ты жезла не нашел. Очень.

– Тоску по большому могу понять. Большой и толстый, по-моему, мечта каждой женщины, – сказал Шенвэль. – Ты вот ведьмой стала. Так ты жалеешь об этом? Ты свободная красивая женщина. Бароны, линдвормы и сидхи ломятся к тебе наперебой.

Карина хмыкнула, но перебивать эльфа не стала.

– А в Пламенной у тебя уже шестеро детей было бы, фигура бочки и колотушки мужа по праздникам, – продолжал эльф. – Ты никогда не увидела бы моря, я уже про другие страны не говорю. Ты этого хочешь?

Карину несколько сбило с толку знание жизни людей, которое проявил эльф. Именно такой и была судьба старшей сестры ведьмы, Василисы. Она сумела-таки выйти замуж. И даже не за юродивого. Антона не взяли в армию из-за сухой с детства руки. Карина собралась с мыслями.

– Нет, – сказала она. – Но и ведьмой я не хотела быть, понимаешь? Хотя, конечно, мне так лучше.

– Ага. Тебе тоже лучше. Ты сейчас можешь выбирать, кем тебе быть. А при драконе этого у тебя не было бы. А без зверств не получится, Карина. Сила Жезла – в крови. Ты хочешь, чтобы люди жили мирно и счастливо? Я тоже. Но нет на свете такой волшебной палочки, чтобы одним махом исправить все недостатки этого мира, понимаешь?

– Может быть, – непримиримо сказала ведьма. – Но…

– Давай сменим тему. Меня всегда пугает, когда женщины говорят о политике, – сказал эльф.

– Ты издеваешься? – тихо спросила Карина.

– Нет, – сказал Шенвэль. – Вы не проходили в Горной Школе, кто вел нас, когда мы захватили Мандру?

Карина задумалась.

– По-моему, это была королева, – сказала она неуверенно. – Королева Арвен Решительная, или я что-то путаю?

– Да, – сказал Шенвэль. – Но Решительная – это не вполне точный перевод ее прозвища. Правильнее будет сказать, Не Знающая Компромиссов.

Ведьма помолчала.

– Сыграй мне, – сказала она наконец.

Шенвэль взял флейту. Карина растянулась на лежаке.

Чистая, пронзительная мелодия вплелась в песнь ветра и прибоя, создав суровую, завораживающую симфонию. Карина узнала прекрасную, полную страсти и горечи

самопожертвования, балладу о Балеорне и Разрушительнице Пчеле. Параллель между историей двух великих магов и отношениями ведьмы и эльфа была очевидна. На глазах у Карины выступили слезы. Простая ночь любви перерастала в нечто большее, и ведьма ничего не могла с этим поделать. Карина, как и Балеорн в урочище Плача, понимала, что погибнет – но ей нестерпимо захотелось остаться с эльфом.

Шенвэль давно не встречал такого благодарного слушателя. Люди, которых он знал, из музыкальных инструментов предпочитали барабан и боевой рог. Вдохновленный, эльф стал играть еще лучше. Еще чище и нежнее, вкладывая в игру всю свою душу. Весь свой дар.

Потоки звуков омывали ведьму. В голове у нее окончательно прояснилось. Когда Шенвэль закончил, некоторое время оба молчали.

– Это прекрасно, – сказала Карина. – Но я не Разрушительница, а всего лишь боевая ведьма. Да и времена сейчас не те.

– Времена всегда одинаковые, – сказал Шенвэль.

– Я должна вернуться, – сказала ведьма тихо.

Эльф взглянул на ее ауру. Важным элементом чар, сдерживающих Карину, была мертвая сила. Женская Цин, которой владела создательница Эрустима. Под влиянием мужской Цин, силы Шенвэля, которая всегда приходила, когда эльф играл, чары жезла ненадолго рассеялись. Шенвэль знал, что должен отпустить ведьму, но при одной мысли об этом он ощутил почти физическую боль.

– К тому мужчине, который не удовлетворил тебя вчера? К барону Ревенскому? – спросил эльф.

– В замужестве, – вздохнула Карина. – Не это главное.

Как говорят в картах, хочется крыть, а нечем. И эльф не сдержался.

– Когда станешь богатой вдовой, приходи снова, – сказал он резко. – Но не торопись. За свои деньги и титул баронессы Владислав заслужил не меньше наслаждения, чем я получил сегодня бесплатно.

Карина вскочила и закатила эльфу такую затрещину, что в глазах у того весь мир утонул в красном мареве. Когда зрение вернулось к нему, Шенвэль поспешил в дом. Он успел как раз вовремя. Ведьма, уже в своей одежде, стояла на террасе, раскинув руки для вызова метлы. Шенвэль опустился перед ней на колени, Карина закусила губу и отвернулась. Эльф уткнулся лицом в ее бедра, обнял.

– Прости меня, – сказал он, и голос его через ткань звучал глухо. – Я сказал сгоряча, не подумав. Я не это имел в виду. Я хочу, чтобы осталась.

– Бесплатная раздача кончилась, – процедила Карина сквозь зубы. – А халявщиков я всегда терпеть не могла.

Эльф отступил. Карина вызвала метлу. Шенвэль отвернулся и смотрел на море, пока она не улетела. Только увидев в небе желто-коричневую фигурку на метле, двигавшуюся в сторону человеческой половины города, он повернулся лицом к дому.

– Я не халявщик. Я отдал тебе все, что имел, – сказал Шенвэль.

Хотя Шенвэль и не был родственником Лакгаэра, старейшина Нолдокора относился к нему совсем не как к «большой головной боли», как предполагал сам Верховный маг. Лакгаэр чувствовал себя, скорее, дедушкой, которому на память о погибших любимых детях остался непослушный внук. Лакгаэр решил навестить своего гостя, и, возможно, разделить с ним трапезу. Старый эльф спустился из верхней части дворца по узенькой лесенке, вырубленной прямо в скале. Шенвэль был на пляже. Верховный маг играл на флейте, сидя лицом к морю. Лакгаэр подошел к нему, остановился, не решаясь прервать игру, а потом нежная и жалобная мелодия захватила старого эльфа. Он мог догадаться о причинах грусти Шенвэля. Старый эльф страдал бессонницей, и обычно проводил ночи в своей библиотеке, перечитывая трактаты по магии. Разработки Лакгаэра в области телепортации, превратившего перемещения в пространстве из высокого искусства, доступного немногим, в обычный способ передвижения, которым мог воспользоваться даже слабый маг, высоко

ценились в Фейре. Да и сейчас теоретические выкладки Лакгаэра, находившие на практике самое неожиданное применение, вызывали шумиху и споры среди волшебников. Главу Нолдокора Рабина постоянно звали в страну эльфов. Лакгаэр всегда шутливо отвечал на все подобные приглашения, что хочет умереть на родине. То есть там, где родился. В Рабине.

А сегодня ночью, выйдя из библиотеки размять затекшие от долгой неподвижности члены, Лакгаэр услышал на террасе женский голос, который пел на мандречи.

Лакгаэр поспешно ретировался под защиту фолиантов. Конечно, Шенвэль заслужил право на отдых, но мандреченка была крайне опасным капризом. Браки представителей разных разумных рас официально признавались только во время правления Морул Кера – сам дракон жил с человеческой женщиной. Сейчас любовь эльфа к мандреченке была откровенным вызовом, да что там – чистой воды безумием. Люди берегли своих женщин, так же, как и эльфы. «Но», думал Лакгаэр. – «Может быть, и мы, и они начали делать это слишком поздно. И главное, зачем лезть на рожон? Если тебе надоела Ваниэль, то в моем дворце уж нашлась бы гораздо более красивая, искусная, понимающая эльфка, если на то пошло». И все же старый эльф не мог не восхититься великолепной дерзостью Верховного мага.

Однако ночная гостья, к счастью, оказалась более благоразумной – или циничной – чем сам Шенвэль. Под вечер эльф из воздушного патруля связался с Лакгаэром и сообщил, что боевая ведьма движется от его дворца в сторону человеческого берега. Глава Нолдокора приказал пропустить ее.

И не чинить ей препятствий, если вдруг – в любое время суток – эта ведьма вздумает выполнить маневр в противоположном направлении.

Старый эльф тоже умел идти на риск. Законы людей всегда несовершенны и постоянно меняются, но законы любви – и это Лакгаэр знал по себе – остаются неизменными на протяжении веков. Верховному магу было пора найти себе пару. Утонченные, хрупкие эльфки не интересовали сына грозной Разрушительницы Пчелы. Почти. Ненаследная принцесса темных эльфов в изгнании, пожалуй, была единственной эльфкой, которая могла подойти Шенвэлю по характеру. Но если бы Ваниэль потребовала развода, Лакгаэр как глава эльфов Рабина должен был освободить красавицу от брачных уз. Муж Ваниэль, Аласситрон, пользовался большим влиянием в Нолдокоре, и Лакгаэр в этом случае оказался бы в очень щекотливом положении. Пока Ваниэль не заговаривала об этом. Ну, так ведь для нее Шенвэль был тем же, кем и для всего остального Рабина – подмастерьем столяра, магом второго уровня. На такого любовника даже самая самоотверженная возлюбленная не поменяет мужа – преуспевающего купца. Однако Лакгаэр не сомневался, что любая женщина, представься ей такая возможность, уйдет от купца к Верховному магу.

В ничуть не менее сложном положении Лакгаэр как глава эльфов Рабина очутился бы, если бы блюстителям чистоты человеческой расы стало вдруг известно, где эта боевая ведьма провела сегодняшнюю ночь. Но Лакгаэру уже стало известно покушении на Искандера и ранении Крона. Старый эльф полагал, что у любовников есть в запасе некоторое время, чтобы разобраться в своих отношениях.

Когда музыка стихла, старый эльф вздохнул, словно пробуждаясь ото сна.

– Ты прав, – сказал Шенвэль, не оборачиваясь. – Это опасная глупость, и больше ничего.

– Шенвэль… – пробормотал Лакгаэр. – Я и в мыслях не имел…

– Имел, имел.

Лакгаэр проклял свою забывчивость. Ведь говорили, что Верховный маг не то чтобы читает, а просто слышит мысли тех, кто находится с ним рядом. Как будто бы размышляющий кричит о них во весь голос.

– Ты, случайно, никогда не видел, как боевые ведьмы летают «на выверт»? – спросил Верховный маг.

Лакгаэр покачал головой.

– Видел, – сказал он. – Жуткое зрелище, скажу я тебе. Очень сложный маневр, и очень

опасный.. Как правильно описать, я даже не знаю, не владею терминологией. Моряк бы сказал, наверное, что они идут галсами. Они летят задом наперед, полностью раскрыв хвост метлы. Когда приходится взлетать в нисходящем потоке воздуха или двигаться навстречу сильному ветру. А называется так потому, что ведьма оборачивается назад, чтобы видеть, куда летит.

Шенвэль усмехнулся.

– Не откажи в любезности поужинать со мной, – сказал он.

– С удовольствием, – сказал Лакгаэр и телепатически вызвал слуг, чтобы они сервировали в покоях гостя ужин на двоих.

Они стали подниматься по извилистой тропинке. Шенвэль остановился на террасе. Лакгаэр тактично ждал, когда Верховный маг сочтет возможным продолжить путь. Поджер, хотя и не был магом, сотворил самое настоящее чудо. Дворцовый лекарь пускал завистливые слюни каждый раз, когда перевязывал Шенвэля. Верховный маг согласился на предложение Лакгаэра прокачать свое тело чистой Чи. После процедуры Шенвэль начал ходить, но двигаться быстро он еще не мог. Особенные сложности у эльфа вызывал подъем.

– Есть два вида смелости, – сказал Шенвэль. – Одна – эта смелость командира, увлекающего свой отряд в атаку с громкими воплями. Там страх одного преодолевается подъемом всех. Как говорят мандречены, на миру и смерть красна. А другая смелость, тихая, смелость решений, встречается гораздо реже. Ведь решать приходится в одиночестве. Но, по-моему, как раз она и является истинной. И ты, мой милый Лакгаэр, как раз настоящий храбрец. Я это понял еще в тот раз, перед свержением Морул Кера, когда ты разрешил нам встречаться и жить в твоем дворце.

– А ты, как был неисправимым льстецом, так им и остался, – ответил Лакгаэр на это.

– Когда развалилась статя Хозяйки Четырех Стихий? – спросил Шенвэль, указывая на пустой пьедестал.

Так эльфы называли волшебницу, которая умела призывать Чи всех сил жизни – Огня, Воды, Земли и Воздуха. Подобный дар встречался очень редко, последняя эльфка с такими способностями родилась восемь веков назад. Матери Шенвэля повиновалась не только мертвая сила, но и Чи всех четырех стихий. Но эльфы Фейре отказались дать ей официальный титул, к которому полагалось приличное денежное содержание – в Разрушительнице не было ни капли эльфийской крови. Однако Лакгаэру для создания магической конфигурации было необходимо изображение именно Хозяйки Четырех Стихий, и он не стал мелочиться. Разрушительница Пчела дала свое согласие на изготовление артефакта и запечатлела в нем свое Чи. Пчела предупредила, что в тот день, когда она умрет, артефакт потеряет свою силу и разрушится.

Других изображений Разрушительницы Пчелы, насколько было известно Лакгаэру, не сохранилось. Старый эльф помнил, что Верховный маг перед свержением дракона частенько приходил на террасу просто посмотреть на статую – артефакт все еще работал, хотя к тому времени Пчеле должно было исполниться около трехсот лет. Люди столько не живут, но Ящер, судя по всему, продлил дни волшебницы, так много сделавшей для владыки Подземного мира. Очевидно, Шенвэль и сейчас надеялся, что мать его еще жива.

Но пустой цоколь сообщил ему об обратном.

– Артефакт треснул и раскололся как раз в ту ночь, когда вы захватили замок Морул Кера, – сказал Лакгаэр мягко. – Я приказал убрать обломки. А ваять новый, как ты сам знаешь, не с кого.

Эльфы вошли в покои. Шенвэль опустился в глубокое кресло, обитое голубым бархатом, и откупорил бутылку вина. Лакгаэр сел напротив него. Шенвэль наполнил бокал хозяина дома. Пока первый голод не был утолен, и хозяин, и гость молчали. На закуску Шенвэль наложил себе в тарелку мидий и аккуратно вскрыл все раковины при помощи вилки и ножа. Лакгаэр взял себе салата и протянул руку к бокалу.

– Ты понял, о чем я играл, а я ведь не пел, – сказал Шенвэль и взял с подноса аккуратно надрезанный лимон. – Ты воспринимаешь мертвую силу, хотя не владеешь ею. Кто коснулся

тебя своим Цин?

Лакгаэр вздрогнул и расплескал вино. Шенвэль опустил глаза на гору устриц в своей тарелке.

– Это… – сказал Верховный маг.

– Нет, – сказал Лакгаэр, поставив бокал на стол. – Это не Разрушительница Пчела. Твоя мать воевала на Западе, а не на Юге. За что я очень благодарен судьбе.

Шенвэль выжал лимон в устрицы и вопросительно посмотрел на Лакгаэра. Старый эльф мучительно улыбнулся и глубоко вздохнул, словно ныряльщик перед прыжком в воду.

– Я помню, как воспринял начало бунта Разрушителей, – сказал Лакгаэр. – Люди повсюду кричали, что эльфы нарушают равновесие между силами Жизни и Смерти, Порядка и Хаоса. Или, как они называли эти силы – Прави и Нави. Я думал, что отлично понимаю истинную причину зависти расы, где средней срок жизни составлял жалкие шестьдесят лет, к народу, где мужчина начинал считаться старым после шестисот. Тогда я не знал о Чистильщиках, уничтожавших целые деревни «лишних» людей. Если бы не эти подонки, мы бы и сейчас правили людьми…

Шенвэль кивнул. Его эта старая история касалась самым непосредственным образом.

За восемь лет до бунта Детей Волоса отряд Чистильщиков стер с лица земли ничем не примечательную деревушку на краю Гниловранской трясины. Единственная, кто тогда выжил, была одиннадцатилетняя девочка. Она каким-то чудом добралась до капища, спрятанного на болоте, забрела в храм Моготы и заснула там. А когда утром жрецы обнаружили ее, на руке девочки был след ладони богини.

А в руке девочка сжимала хрустальную иглу из ожерелья идола.

Девочка стала камешком, который стронул лавину. Она первая научилась управлять своим Цин. Остальных детей жрецы Ящера научили призывать мертвую силу через эти хрустальные иглы, Пальцы Судьбы.

Деревня, оставшаяся только на картах, называлась Малые Пасеки. Девочка взяла себе имя Пчела. Титул «Разрушительница» прибавился к ее имени гораздо позже.

– Какая злая ирония судьбы, что теперь этот упырь Крон дал своему подразделению такое же название! – продолжал старый эльф. – Воистину, история учит нас только тому, что на ее опыте никто не учится… Я попал в воспитательный лагерь при том же капище, в который Морул Кер отправил и тебя. В Гниловран. Но я бежал и стал Мстителем.

– Так вот почему Гниловран укутали защитными чарами! – воскликнул Шенвэль. Он уже разделался со своими мидиями и с сомнением поглядывал на салат, который Лакгаэр наложил себе. – Ты знаешь, что до сих пор никто, кто покидает Гниловран, не может вернуться туда? Ты обрек многих ни в чем не повинных эльфов на страшную гибель в болотах, Лакгаэр. Я сам видел тех, кто бродил по лесу рядом с лагерем, не видя его. Беглецов даже не преследовали. Из Гниловранской трясины почти невозможно выбраться без проводника… Они гибли от голода и лихорадки на наших глазах, а мы ничем не могли им помочь.

– Я разыскивал эти проклятые капища и предавал их огню и мечу, – продолжил рассказ Лакгаэр. – Это я уничтожил Черногорское и Нижневолынское капища Моготы. А также капище Ящера в Запретном Лесу. Но моей мечтой было найти и уничтожить центральное капище, рассадник всей этой заразы. Я узнал, что если идол Моготы будет разрушен, то и Иглы Врага потеряют свою силу. А без них Разрушители станут что волки без зубов. Только твоя мать ни в чем не нуждалась, чтобы призвать мертвую силу, но один в поле не воин…

– На самом деле, – заметил Шенвэль. – Название артефактов – это образец неточного перевода. Моргот здесь ни при чем; просто мы, эльфы, всегда слабо разбирались в богах мандречен. Артефакты называются «Пальцы Судьбы», то есть «пальцы Моготы».

– А ведь и верно, – задумчиво сказал Лакгаэр. – Так вот, я узнал, что это место называют капищем Третьего Лика. Оно было спрятано надежно. Трое волхвов умерли в моих руках, прежде чем я выяснил путь. Капище Третьего Лика находится в самом сердце Гниловранской трясины. Взрослому мужчине, в доспехах не пройти той дорогой. Но я был

истощен пребыванием в лагере. Болотные тропки выдержали меня. Я попал туда незадолго до полуночи. Это оказалось совместным капищем Моготы и ее супруга Ящера.

– Лакгаэр, – сказал Шенвэль задумчиво. – Если это было капище двух богов, то и жертвенник там был не двойной, случайно? Как математический знак «бесконечность»? Или как экенская восьмерка?

– Да, – сказал Лакгаэр озадаченно. – Откуда ты знаешь?

– Я просто спросил, – уклончиво пробормотал гость. – А ты не помнишь, что было написано на идоле Ящера? Какие имена?

– Помню, как же, – ответил старый эльф. – Видимо, это был старейший идол Ящера. И мандречь с тех пор изменилась, но не настолько, чтобы я не смог прочесть. Первое имя, вырезанное на каменном столбе, звучало двояко – «Тот, кто порожден Хаосом» или «Тот, кто порождает Хаос». В мандречи ведь пассивный или активный залог существительного можно определить только по глагольному окончанию в конце фразы. А каково будет значение двух слов, вырванных изо всех грамматических конструкций? Со вторым именем было проще. «Защитник Навы». Нави, то есть.

Шенвэль покачал головой.

– Навь и Нава – это две большие разницы, – сказал он. – Но ты ведь не уничтожил это капище?

– Ты и сейчас просто спросил? – с интересом осведомился Лакгаэр. – Или ты все-таки знаешь?

– На этот раз – знаю, – усмехнулся Шенвэль. – Но что же было дальше?

– Я ударил идола топором, – сказал Лакгаэр. – Нижнее слово, которое, по твоему утверждению, означает вовсе силы Хаоса, скололось. Больше я ничего не успел сделать. Я слишком долго добирался до места и слишком задержался, ненависть ослепила меня. В полночь дух бога сошел в своего идола.

– Ты говоришь, что тебя коснулся мертвой силой сам Ящер? – переспросил потрясенный Шенвэль.

– Ящер не только коснулся меня, – сказал Лакгаэр. – Бог отобрал у меня секиру, схватил меня за ногу и хотел убить, но я заговорил с ним. И он мне ответил.

Шенвэль слушал его, затаив дыхание. Боги людей редко разговаривали даже со своими подопечными. А до эльфов, насколько было известно Шенвэлю, вообще никогда не снисходили.

– И тогда я понял, что ошибался, – продолжал Лакгаэр. – Смысл бунта был не только в зависти расы, недолговечной, как мотыльки, к расе мудрой и древней, как я считал. Мы отказались вернуться в Валинор после падения Мелькора.

Шенвэль налил себе и Лакгаэру еще вина. Старый эльф благосклонно кивнул.

– Ты знаешь, я иногда думаю – что было бы, если бы Селебримор не раскусил Саурона и создал те кольца? – сказал Лакгаэр, берясь за бокал. Шенвэль был давно знаком с главой Нолдокора и знал, что старый эльф любит делать такие лирические отступления. Но торопиться им было некуда.

– Это принесло бы нам много несчастий, конечно, – продолжал Лакгаэр. – Но ведь тогда Аулэ остался бы жив. После Дня Наказания за Слепоту Разума, когда погиб Аулэ, исчезли все достижения научной мысли, лишь в летописях темных эльфов остались описания тех удивительных машин… Свет, горящий в домах сам по себе – разве это не прекрасно?

Шенвэль сделал большой глоток и поставил бокал на стол.

– Читал я те летописи, – сказал он. – Один мой знакомый даже пытался создать по описанию прототип механической повозки, ездившей на масле. Да, на улицах не было бы лошадиного навоза, но воняло бы еще хуже. Да и свет горел в домах не сам по себе. Ты никогда не слышал о месте, которое серые эльфы называют Ильмост, а темные – Квалмэнэн?

– Нет, – сказал Лакгаэр заинтригованно.

– Свет приходил в дома через стальную паутину, а вырабатывала его огромная

машина, – сказал Шенвэль. – Нечто вроде железного барабана, который крутила вода. Для того, чтобы обеспечить необходимый напор, предки темных эльфов затопили долину размером с Кулу. Но постепенно крутящиеся детали износились, а новые достать было негде. Да и после гибели Аулэ некому было изготовить их. Пользоваться этой машиной стало опасно. Тогдашний король темных эльфов приходился родным братом главному смотрителю этой машины. Король уговорил брата остановить машину и спустить воду. И тогда на дне обнаружились постройки. Города и селения… Я бывал там. Темные эльфы сохранили мертвые города с помощью магии. Это жуткое зрелище, особенно храмы. Статуи неизвестных богов, изъеденные рыбами и облепленные ракушками. Очень поучительно.

– Хотелось бы все-таки узнать принцип действия той машины, – сказал Лакгаэр. В глазах старого эльфа вспыхнул тот огонек, который хорошо знаком всем родственникам естествоиспытателей. – Вода крутила стальной барабан, ты говоришь?

– А мне интересно, – сказал Шенвэль жестко. – Затопили ту местность *вместе* с жителями или все-таки без них… Если бы мы пошли по пути развития технологий, ничего не изменилось бы, поверь мне, Лакгаэр. И было бы даже хуже. Ты ведь знаешь, что если маг причиняет много Зла, власть над Чи постепенно уходит от него. А тот свет горел для всех и всегда. Достаточно было лишь повернуть ручку на стене…

– Мне не приходило в голову взглянуть на вопрос с этой точки зрения. Возможно, ты прав, – согласился старый эльф. – Так вот, теперь после смерти эльфы, как и люди, спускаются в палаты Ящера. Такова была плата за самостоятельность, которую мы предпочли бесконечной жизни в чертогах валаров. Но Ящер требовал последовательности в поступках. Хотя, что я тебе рассказываю, тебе, наверное, это все известно.

Шенвэль отрицательно покачал головой.

– Мать не любила рассказывать ни об идеологии Детей Волоса, ни о своем участии в бунте. Так что продолжай, мне очень интересно.

– Мы практически бессмертны, и это создало дисбаланс между силами Смерти и Жизни. Многие старые эльфы внутренне были давно уже мертвы. И Разрушители, убивавшие каждого эльфа старше пятисот лет, и всех эльфок, которые не могли уже рожать, в конечном итоге способствовали тому, что кровь в жилах нашего народа стала горячее и зажурчала быстрее. Воспитательные лагеря были одним из тестов на волю к жизни. А потом Ящер метнул меня через весь лес, сказав, что это будет последней проверкой моего желания жить. Меня нашла банда Чистильщиков. Они двигались к Пламенной. Но до станицы они уже не дошли. Чистильщики отвезли меня в Рабин. Я выжил. Три года после этого я не мог ходить. Пришлось заняться разработками в области телепортации.

– Вот это история, – сказал Шенвэль.

– Может быть, ты расскажешь мне свою? – спросил Лакгаэр. – Ты первый эльф, владеющий мертвой силой, но не последний, думается мне.

– Это вряд ли, – сказал Шенвэль. – Видишь ли, способность управлять Чи – это врожденная, генетическая способность организма. Что же касается мертвой силы, то способность привнесенная, искусственная. Дар Ящера избранным.

– Но тебе же она передалась по наследству! – возразил Лакгаэр. – Твоя мать…

Шенвэль покачал головой.

– Это очень долго объяснять. Коротко говоря, способность управлять мертвой силой может передаться по наследству только в том случае, если: один из родителей будет тем самым избранным; артефакт, при помощи которого избранный призывает мертвую силу, будет находиться на теле второго родителя в момент зачатия. Это весьма сложное условие. Я не говорю, что это невозможно, но вряд ли все необходимые события совпадут еще когда-нибудь. После войны все Разрушители вернули Пальцы Судьбы в то самое капище, которое ты не смог уничтожить.

– В этом мире повторяется все, – сказал Лакгаэр. – Но если ты не хочешь говорить – ладно.

Шенвэль вздохнул.

– Зови слугу, – сказал он. – Пусть принесут письменные принадлежности. Мне нечем расплатиться с тобой за гостеприимство и за все те неприятности, что я тебе причинил, кроме знания, которого ты так жаждешь…

Лакгаэр позвонил в серебряный колокольчик. Явились слуги, убрали со стола остатки трапезы, принесли письменные принадлежности и десерт – кувшин шербета, фруктовый салат для старого эльфа и чашу с мороженым для Шенвэля.

Удобную бухту на восточной стороне Круки завалило обломками камней, и Марфору пришлось пристать на западной части острова. Сегодня была его очередь дежурить в водном патруле. По правилам, патрульная лодка должна была постоянно находиться рядом с бакенами, делившими залив Рабина на эльфийскую и человеческую акваторию, но Марфор не утерпел. Эльфу очень хотелось увидеть своими глазами, что произошло с островом. Да и дежурство являлось чистой воды формальностью. Марфор работал в патруле все двенадцать лет, прошедшие после установления границ, и за это время ни одна лодка с человеческой стороны и близко не подошла к бакенам.

Эльфу с большим трудом удалось взобраться на верхушку Круки, где еще неделю назад весело шумел лес. Сейчас там не осталось даже земли, на которой стояли деревья. Удар обнажил скальные породы, из которых был сложен остров. Эльфу казалось, что он прогуливается по поверхности Ифиль, настолько странным и нереальным был окружающий его пейзаж. Черный, в прожилках, кварц соседствовал с серыми известняками. Марфор дошел до узкой полосы алого гранита, казавшегося языком в черной пасти оборотня, и остановился в задумчивости. Сочетание выглядело слишком красивым, чтобы быть естественного происхождения. У Марфора появилось подозрение, что Крука создана магами древности для каких-то своих целей. Эльф двинулся дальше, добрался до глубокой трещины, расколовшей остров почти ровно напополам, и остановился. Марфор толкнул ногой камешек, лежавший на краю пропасти, чтобы по звуку определить ее глубину. Ждать пришлось долго. Крука, похоже, был расколот почти до самого основания. Марфор в который раз порадовался, что на острове никто не жил.

Эльф рассеянно посмотрел на противоположный берег залива. Набережную Зеленого мыса, разгромленную волной в ночь разрушения замка, уже привели в порядок, и сейчас по ней гуляли празднично одетые люди. Сегодня мандречены отмечали день летнего солнцеворота, Купайлу, как они называли этот праздник. У эльфов сегодня вечером тоже должно было пройти торжество в честь Мидаёте.

Марфор растянулся на теплом камне. Эльф лежал, глядел в синюю высоту неба и бездумно следил за полетом чаек.

Но в сторону бакенов, деливших акваторию Рабина на человеческую и эльфийскую, иногда все же поглядывал.

– Вы с Буровеем обследовали меня в детстве на предмет магических способностей и ничего не обнаружили, – сказал Шенвэль, разминая мороженое ложечкой. – Вы сошлись во мнениях, сказав, что если мне и суждено стать магом, то не выше второго класса.

– Но Буровей еще тогда заметил, что это все очень странно, – заметил Лакгаэр, поливая салат сладким соусом. – Полукровки по силе дара обычно превосходят своих родителей, и ты должен был стать могучим магом. Подавление способности к управлению Чи как раз и может быть признаком врожденного владения Цин, предположил тогда Разрушитель – и оказался прав.

– Так вот, я долго не догадывался о своей власти над мертвой силой, – сказал Шенвэль. – Но я все время слышал музыку, мрачную и пленительную. Меня отдали в Линдалмар, я делал успехи, да и мои магические способности стали расцветать с каждым часом. Буровей почти угадал. Способность к управлению Чи развивается только вместе с умением управлять Цин – ведь эти каналы симметричны. С помощью музыки я овладел своим Цин. Тогда еще мир вокруг не рассыпался пеплом, когда я играл, но я смог защититься

на третий магический класс. Я думал, что слышу Музыку Мелькора…

– Музыку Мелькора? – переспросил старый эльф, откладывая вилку и хватаясь за перо.

– Старая байка школяров Линдалмара, – махнул рукой Шенвэль. – Музыка Айнуров, как известно, уже сыграна и услышать ее невозможно. Ею является весь окружающий мир. Но та партия, что исполнил Мелькор в хоре валаров – это не только все тяготы и беды существующего мира, говорится в той байке. Музыку Мелькора можно услышать и по сей день. Мелодия эта болезненна и прекрасна; она выпивает жизнь того, кто ее слышит. Мне эту историю Боян рассказал, и от него при этом несло вареными мухоморами.

– А от байки попахивает ересью, – сказал Лакгаэр сурово. – Я думаю, это Боян ее и придумал. Впрочем, чего еще ожидать от этого смутьяна и проходимца…

Известный бард-полукровка утверждал, что он внук самого Волоса, чем умудрился одновременно настроить против себя и людей, возмущенных подобным кощунством, и эльфов.

Шенвэль отрицательно покачал головой.

– Нет, – сказал он. – В воспитательном лагере я понял, что автор этой ереси тоже, как ты говоришь, проходил «проверку любви к жизни». А Боян в лагерях точно не бывал. И я думаю, что автор песни тот экзамен не прошел. Вспомни, Лакгаэр. В момент пытки наступает такой момент, когда боль начинает приносить удовольствие. Когда желаешь ее еще и еще, потому что чувствуешь – за этим черным счастьем тебя ждет освобождение. Именно эту симфонию боли и наслаждения неизвестный автор и назвал Музыкой Мелькора. Так вот, я создал Орден Танцоров Смерти, даже не понимая, честно говоря, что я делаю. Я открывал свою Дверь и закрывал ее, даже не обращая на это внимания. Но для Танцоров Смерти мне пришлось подобрать шестнадцать мелодий. Шестнадцать ключей к замкам наиболее распространенной марки… Для моих Танцоров моя Музыка была все равно, что Пальцы Судьбы для Разрушителей. А потом я встретил Вахтанга. Последним экзаменом для Танцора Смерти был Танец со мной; и Вахтанг отделал меня, как бог черепаху.

– Как ему это удалось? – изумился Лакгаэр.

Шенвэль протянул через стол левую руку. У мужчин каналы Чи располагались над правой половиной тела. Магическая энергия спускалась от головы и уходила в землю. Каналов Цин Лакгаэр видеть не мог, но знал, что они проходят над левой стороной тела Шенвэля. «Скорее всего, и направление потока противоположное, из земли в небо», подумал старый эльф.

– У него было вот это, – сказал Шенвэль.

Потрясенный Лакгаэр увидела, как кисть Верховного мага начала светиться, становясь все прозрачнее и тоньше, пока полностью не исчезла. На ее месте теперь находилось переплетение сияющих линий. Это был верх магического искусства. Шенвэль умел переходить на другой уровень существования, где жизнь существовала в виде чистой энергии, не обремененной материей. Лакгаэр знал, что в битве за Мир Минас Верховный маг целиком перенес себя на этот высший уровень, и войска мандречен окутало смертоносное сияние. Никто не видел возвращения Шенвэля в физическое тело, из-за чего Верховного мага и сочли погибшим.

В центре ладони начала сгущаться тьма. Тьма запульсировала. Лакгаэр увидел короткую, не более двух дюймов, иглу из черного горного хрусталя, оправленную в свинец. Эльф покрылся холодным потом. Это была Игла Моргота, которую когда-то носил Разрушитель – артефакты, которыми пользовались женщины, оправлялись в серебро из-за различия в свойствах мужского и женского Цин. Лакгаэр отшатнулся, невольно поднимая руки.

– Не двигайся, – резко сказал Верховный маг Фейре. – Не призывай свою Чи, иначе ты погиб!

Лакгаэр застыл. На кончике носа старого эльфа зависла капля пота. Лакгаэр скосил глаза. Капля сорвалась, упала на бумагу, и на ней расплылась звезда кляксы. Черное сияние стало затухать, и очень скоро исчезло совсем.

– Палец Судьбы, принадлежавший матери, находился в теле Балеорна, когда я был зачат, – сказал Шенвэль, снова зачерпнув мороженого. – А мать Вахтанга, экенка, так опасалась артефакта, что выпросила его у своего возлюбленного Разрушителя и носила тот Палец Судьбы не снимая. Вахтанг родился Музыкантом, как и я. Но отец научил его носить Палец Судьбы в теле, и Вахтанг мог не только призвать Цин, но и многократно усилить удар. Мы с ним расстались друзьями. Свой Палец Судьбы Вахтанг подарил мне на память. Этот подарок спас мне жизнь, когда я оказался на жертвеннике Ящера. И этот артефакт круто изменил судьбу другого экена буквально на днях. Но я отвлекся.

Шенвэль вытянулся в кресле, положил больную ногу на бархатный пуфик. Лакгаэр поправил косо лежавший лист, торопливо черкнул на нем несколько строк.

– Ах, Лакгаэр, – сказал эльф. – Если бы дракон знал, чему меня научит жрец Ящера в воспитательном лагере, он бы, я думаю, ни на миг бы не стал колебаться и принял предложение моей матери.

Старого эльфа передернуло.

– Разрушительница Пчела… – пробормотал Лакгаэр. – Она…

Шенвэль кивнул.

– Балеорн создал Клятву Синергистов. Мать хотела расширить границы применения клятвы. Как и любой жезл, Эрустим должен был усиливать силу своего хозяина; но у этого жезла хозяев было двое. Но когда жезл был готов, мать пришла показать его Балеорну – и обнаружила его в постели с красавицей эльфкой.

– Так значит, это правда, – сказал Лакгаэр задумчиво. – Я полагал, что все это сплетни, Балеорн ведь так любил ее…

Шенвэль криво усмехнулся.

– Мать старела, как любая человеческая женщина. Отцу, видимо, захотелось чего-то посвежей. Впрочем, это уже неважно. В отчаянии Пчела ударила Балеорна жезлом. И свойства Эрустима изменились. Теперь Балеорн любил Пчелу, любил только ее одну, беззаветно, самоотверженно. Как раб. Мать не вынесла этого и ушла. Через год отец покончил с собой – они ведь были Синергистами, Балеорн даже на расстоянии чувствовал, как мать страдает, и решил избавить ее от этого. Я по решению круга Волшебников Фейре отнес Эрустим Змею Горынычу и оставил на вечное хранение. Но Черное Пламя украл Эрустим, и тут выяснилось еще одно отвратительное свойство жезла. Мать любила владельца Эрустима, так же беззаветно и страстно, как Балеорн любил ее. И полюбила бы *любого,* кому жезл попал бы в руки.

Лакгаэр выронил перо. Шенвэль помешал ложечкой раскисшее мороженое.

– Мать жила с Черным Пламенем, – сказал он. – Да ты видел ее много раз, Королева Без Имени присутствовала на всех официальных церемониях.

– Но ведь именно она настаивала на твоей казни, – почти прошептал старый эльф. – Если бы не Хифкрист…

– Теперь ты можешь себе представить всю силу чар, – сказал Шенвэль ровным голосом.

Лакгаэр полез под стол за пером. Когда он вынырнул обратно, Верховный маг Фейре продолжал:

– В воспитательном лагере я подал прошение – я хотел играть в лагерном оркестре. Без Музыки я бы погиб. В ауру того, кто владеет мертвой силой, все время просачивается Цин Подземного мира, и надо его как-то преобразовывать. Иначе каналы заполнятся мертвой силой целиком, что и означает физическую смерть.

– В мое время там не было оркестра, – заметил Лакгаэр. – Война все ж таки…

– Решения пришлось ждать месяца три, – сказал Шенвэль. – Жрецы Ящера знакомились с моим делом. Мое прошение было удовлетворено. Но когда я первый раз участвовал в репетиции, мою музыку услышал проходивший мимо главный жрец Ящера, Дренадан. Он послушал меня минут пять, а потом схватил меня за руку и поволок в капище. Я понял, что мое исполнение не пришлось ему по вкусу. Но я сопротивлялся. Я ведь был

приговорен к пожизненному заключению, а не к казни. Когда мы оказались в капище, я призвал Цин через Палец Судьбы и ударил Дренадана. Удар такой силы убил бы человека, но Дренадана так просто не возьмешь. И тогда он бросил нож, улыбнулся и сказал мне: «Наконец-то! Я так давно ждал тебя…». Дренадан оглядел меня с головы до ног и сказал: «Так вот ты какой. А ведь ты мог быть моим сыном». Я решил, что Дренадан – Разрушитель, один из любовников матери. Но все оказалось гораздо сложнее и вместе с тем проще…

Ровный голос Верховного мага Фейре звучал в покоях. Перо Лакгаэра летало над бумагой. «О Илуватар», думал старый эльф. – «Да, это все объясняет…».

Марфор увидел трех тритонов на парусе ладьи, приближавшейся к Круке. В лучах заката геральдические звери казались черными. «Аласситрон, что ли, вернулся», лениво подумал Марфор.

Эльфа прошиб холодный пот, когда он вспомнил, чей это герб. Марфор кубарем скатился с холма, спрыгнул в свою лодку. Эльф послал мощный магический импульс, от которого лодку закрутилась на месте, и Марфор сообразил, что не поднял якорь. Марфор торопливо намотал трос на руку и снова направил лодку вперед. На этот раз она послушалась чар.

Лодка Марфора выскочила из-за острова прямо перед носом ладьи князя Рабинского. Гребцы едва успели положить лево на борт, чтобы избежать столкновения. Эльф увидел мужчину в камзоле зеленого бархата и длинной фиолетовой мантии с горностаевым воротом, и узнал князя Ивана.

– Руки вверх! – рявкнул Марфор на мандречи. На лицах людей отразилось недоумение.

– Насколько я помню, этого не требуется по правилам дружественного визита, – сказал седой мужчина, стоявший рядом с князем. Марфор вспомнил, что видел его в госпитале в ночь разрушения замка. Кажется, Поджер называл старика бароном Владиславом. Марфор почувствовал, что краснеет, и порадовался, что из-за повязки на лице гости не видят его смущения. Человек был прав. Эльф все перепутал от неожиданности и выпалил первую фразу, которая пришла ему на язык. Марфор увидел в глазах людей свое отражение – свирепый эльф с бандитской полумаской на лице – и с трудом удержался от нервного смеха.

– Марфор, дежурный водного патруля, – сказал он гораздо дружелюбнее. – Попрошу ваши документы. Визу и разрешение, а также паспорта.

– Наш визит не согласован с эльфийской стороной, – сказал барон.

– Тогда покиньте наши воды немедленно, – преодолев изумление, сказал Марфор.

– Мы хотели бы встретиться с вашим старейшиной, – сказал Иван. – Может быть, вы с ним свяжетесь и сообщите о нас?

– Если Лакгаэр откажется разговаривать с нами, мы тут же уйдем, заверяю вас, – добавил мрачный молодой мужчина, сидевший у руля. Марфор видел по его ауре, что этот человек, единственный из прибывших, обладает магическим даром.

– Как вас представить? – спросил эльф хмуро.

– Я барон Ревенский, – сказал седой мужчина.

Мрачный рулевой оказался княжеским магом Онуфрием. Марфор вызвал Лакгаэра телепатически. Выслушав патрульного, глава Нолдокора распорядился пропустить прибывших и сопровождать их к его дворцу.

– Глава Нолдокора примет вас, – сказал Марфор людям. – Следуйте за мной.

Эльф развернул лодку и направился в сторону дворца Лакгаэра. Ладья князя двинулась за ним. Марфор причалил, вылез из лодки. Вслед за ним ткнулась носом в камни и ладья гостей. Марфор ощутил пряный запах роз и чуть поморщился. Он не любил эти помпезные, вычурные цветы. Иван легко перепрыгнул через борт ладьи. Захрустела галька под ногами князя. Барон Ревенский не рискнул повторить прыжок своего молодого повелителя, и гребцы спустили для барона трап. Последним сошел Онуфрий. Марфор, которому предстояло проводить гостей в их акваторию по завершении беседы, остался на берегу и держался рядом с княжеским магом. Онуфрий вдруг сморщился, вытащил из кармана темно-синий шелковый

платок, закрылся им и деликатно чихнул. Барон Ревенский покосился на него.

– Прошу прощения… – пробормотал Онуфрий.

– Если у вас насморк, оставались бы дома, – тихо сказал барон.

– У меня аллергия на розы, – пробормотал княжеский маг.

Марфор ощутил симпатию к человеку, чем-то похожему на него самого. Эльф увидел Лакгаэра, спускающегося на пляж у своего дворца.

– Приветствую тебя на моей земле, Иван, князь Рабинский, – обратился к князю Лакгаэр. – О чем ты хотел со мной поговорить?

– Мы хотим отблагодарить вас, сидхов Рабина, за помощь, которую вы нам оказали в трудную минуту, – сказал Иван.

– Так ведь ты уже перечислил всю обещанную сумму, – сказал Лакгаэр мягко.

Иван помотал головой.

– Деньгами это не оплатить, – сказал князь. – Я предлагаю разделить не только трудности, но и радости. Я приглашаю тебя и твоих подданных отметить вместе с нами Купайлу.

«Сегодня просто день чудес», ошарашенно подумал Марфор. Лакгаэр, очевидно, тоже удивился приглашению, но на лице его ничего не отразилось.

– Я не знаю, как быть, – сказал Лакгаэр. – Не хочется отвечать отказом на приглашение, сделанное от чистого сердца. Но, князь… Ты не боишься гнева Искандера? Ведь ты нарушаешь закон, ваш, мандреченский закон!

– Нет, – сказал Иван спокойно. – Ты, я вижу, еще не в курсе последних новостей? В Великом каганате сюрков изменения. Зейнеддин связался со мной вчера. Теперь он Первый Бек Сюркистана.

Лакгаэр чуть приподнял бровь. «Да, теперь Ивану бояться нечего», подумал Марфор. – «Искандер будет ласкать его, чтобы он ни сделал».

У Файламэл, жены старого эльфа, было трое детей. Как в старой смешной истории мандречен, их смело можно было назвать одинаковыми именами и различать по отчествам. Аннвиль, старший сын Файламэл, рожденный от Лакгаэра, погиб сразу после свержения дракона при темных обстоятельствах. Зейнеддин, средний сын эльфки от Великого Бека, как выяснилось сегодня, смог в потасовке за трон оказаться наверху. Иван, младший ребенок любвеобильной Файламэл, приходился сводным братом теперешнему Великому Беку. А поскольку только от Ивана зависело, будет ли Черногория входить в состав Мандры – или Сюркистана – Искандер теперь на многое посмотрел бы теперь сквозь пальцы.

– Я этого не знал, – сказал Лакгаэр задумчиво. – Что же, я с удовольствием пойду и позову всех, но заставлять никого, как ты сам понимаешь, я не буду. Да и я не знаю, согласится ли наш жрец… и твой… Ведь мы должны, как и вы, провести обряд.

Иван в затруднении посмотрел на барона, и Владислав пришел на выручку своему князю.

– Вы знаете, что в армии Мандры вместе сражались люди, поклонявшиеся разным богам, – сказал барон Ревенский. – Полане, мандречены, боремцы. И перед битвой полане и боремцы молились все вместе, стоя рядом. А их волхвы подсказывали им верные слова. И никого из богов, насколько я могу судить, это не оскорбило.

В этот момент Марфор понял, что люди настроены серьезно.

И что, скорее всего, в этот раз праздник и вправду будет общим.

– Я понял вас, – сказал Лакгаэр. – Позвольте, я переговорю с нашим главным жрецом.

Глава Нолдокора присел на камень и закрыл глаза. Люди ожидали в почтительном молчании. Было слышно, как волны накатываются на гальку. Воспользовавшись паузой, Марфор тихо спросил княжеского мага:

– А что, мандречены не нуждаются в благословении своих богов начать резню?

Онуфрий покосился на эльфа.

– Нет, – сказал княжеский маг. – Наши воины приходят к волхвам Ящера после битвы. Чтобы священники убрали Цин убитых из их ауры. Ты же должен знать, что чужая Цин в

ауре человека вредит его душевному и физическому здоровью. Особенно если заниматься резней, как ты выразился, регулярно. Чужая Цин ведь не усваивается.

– Наш жрец согласен, – сказал Лакгаэр, вставая. – Он сейчас подойдет и пересечет залив вместе с вами, если ты не возражаешь. Они обговорят с твоим жрецом детали совместной церемонии. А мы прибудем примерно через час.

– Вот и хорошо, – сказал Иван. – Я знаю, что Верховный маг Фейре сейчас гостит у тебя. Я тоже хотел бы увидеть его среди гостей.

Лакгаэр чуть прищурился, телепатически передавая Лайтонду приглашение.

– Лайтонд сожалеет, что не сможет пойти, – сказал старый эльф. – Он все еще плохо чувствует себя после ранения.

– Мне хотелось бы поговорить с ним, пока мы ждем твоего жреца, – сказал Иван. – Спроси Лайтонда, согласен ли он принять меня.

Лакгаэр склонил голову набок, прислушиваясь к телепатемме от Верховного мага, а затем кивнул.

Иван приказал своей свите ждать в ладье. Он хотел встретиться с Верховным магом вовсе не для того, чтобы настаивать на приглашении. Вопрос, который князь хотел задать, был глубоко личным, и Иван совершенно не нуждался в свидетелях в тот момент, когда наконец получит на него ответ.

– Я смотрю, твой дворец полностью починили, – сказал Иван, когда они с Лакгаэром оказались в розарии. – Он даже стал красивее, чем был.

Лакгаэр грустно улыбнулся.

– Да только этой красотой я теперь наслаждаюсь один, – сказал старый эльф. – Знаешь, у сюрков был поэт, который сказал: «Там, где ты, мне другие дары мне нужны…».

К горлу князя подкатил комок. Лакгаэр положил ему руку на плечо.

– Ты все еще винишь себя в той старой истории, Ваня? – сказал он мягко. – Брось, перестань…

Когда Шенвэль повел заговорщиков в замок Черного Пламени, Аннвиль очень просился с ними. Но Верховный маг отказал сыну Лакгаэра. Через неделю, когда началась неразбериха, Ладомир отправил Ивана к Лакгаэру, чтобы тот укрыл подростка в своем дворце. Отец Ивана знал, что Лакгаэр хорошо относится к своему пасынку. В одну из ночей глава Нолдокора оставил сводных братьев одних. Ивану уже исполнилось пятнадцать лет, Аннвилю – сто пятьдесят. Иван никогда не был робкого десятка, а Аннвиль уже защитился на третий магический класс. Лакгаэр окружил дворец магической сетью, и теперь в случае нападения подростки вполне смогли бы отбиться сами. Лакгаэр разместил пасынка в тех же самых покоях, где сейчас гостил Верховный маг. Княжич лег спать, но скоро проснулся оттого, что ему стало невыносимо жарко. Сначала Иван подумал, что это Аннвиль опять перемудрил с заклинаниями, но тут из-под двери вырвался язык пламени. Иван выскочил на террасу в чем был. Он увидел, что горит библиотека, в которой с вечера заперся Аннвиль. Иван не знал, как вызвать пожарную команду, и телепатически связаться ни с кем тоже не мог. Во дворце никого не было. В ту ночь все эльфы Рабина были на площади перед замком с оружием в руках. Но где находится помпа, княжичу было известно – слуги последний раз закачивали воду в дворцовый бассейн уже при нем. Аннвиль погиб до того, как Иван проснулся. Княжич не слышал ни одного крика, пока качал воду.

– Лекарь произвел посмертное вскрытие, – продолжал Лакгаэр. – Ты ведь знаешь, что…

Старый эльф замолчал. Иван кивнул. В желудке Аннвиля обнаружилось полштофа вина. Пожар занялся от масляного светильника, который пьяный эльф опрокинул со стола. Иван знал, что сильнее самой гибели сына Лакгаэра мучит факт смерти позорной и отвратительной.

– А если бы Лайтонд взял брата с собой, Аннвиль бы погиб героем, – сказал князь тихо.

Лакгаэр вздохнул.

– Как говорят люди, если бы да кабы, то во рту росли бы грибы, – сказал старый эльф.

Они вошли в покои Верховного мага. Лайтонд лежал на кровати, закрыв глаза рукой. На столе посреди покоев в беспорядке валялись бумаги, все в мелких завитушках эльфийских рун. Услышав шаги Лакгаэра и Ивана, Верховный маг Фейре отнял руку от лица. Иван только теперь обратил внимание, что у Лайтонда очень человеческие черты лица. Князь вспомнил, что матерью Верховного мага была мандреченка. «Разница между нами только в том», невольно подумал Иван. «Что его называют полуэльфом, а меня – наполовину человеком».

– Извини, что не встаю, князь, – сказал Лайтонд. – Присаживайся.

Иван опустился в кресло. Лакгаэр стал собирать разбросанные на столе бумаги.

– Я слышал, что ты зовешь эльфов Рабина отметить Купайлу вместе с людьми, – сказал Лайтонд. – Это очень добрый знак для нас. Прими мои извинения, Иван, но я не смогу присутствовать на вашем празднике. И мне очень жаль, честно.

– Я знаю, Лакгаэр сказал, – отвечал Иван. – Я не за этим пришел. Я хотел спросить тебя о другом.

– Спрашивай, – сказал Верховный маг Фейре.

– Почему ты не взял Аннвиля с собой? – спросил Иван.

Шенвэль покосился на главу Нолдокора. У старого эльфа было абсолютно каменное лицо.

– Твой сводный брат был единственным, что оставалось у Лакгаэра, – сказал Шенвэль мягко. – Я знал, что немногие вернутся из замка дракона. Я не мог отобрать последнее. Не мог принести горе в дом, где мне так помогли.

– Лучше бы он погиб в замке, как и твои друзья, – ответил Иван мрачно.

– Лучше было бы, если бы твой брат жил, – сказал Шенвэль.

Иван шмыгнул носом.

– Кисмет, как говорит Зейнеддин, – проговорил князь севшим голосом.

– Да, именно, – сказал Шенвэль. – Амарт, как говорят у нас.

– Извини, что перебиваю, – сказал Лакгаэр. – Наш жрец прибыл и готов отправиться на вашу землю.

Иван поднялся.

– Я пойду, – сказал он. – До встречи, Лайтонд.

Лакгаэр проводил гостей и направился в свои покои, отнести запись беседы с Верховным магом в библиотеку и переодеться в праздничный костюм. Когда старый эльф поднялся в розарий, Шенвэль окликнул его. Лагкаэр заглянул к нему.

– Как тебе Иван? – спросил старый эльф.

– Он настоящий правитель, – сказал Шенвэль, и продолжал задумчиво: – У него нет никакого магического дара, и это очень странно. Полукровки обычно очень сильные маги.

– На каждое правило есть исключение, – сказал Лакгаэр. – Да Иван прекрасно обходится и без этого. Я часто думаю, может, мир и должен принадлежать таким, как Иван? Может быть, наша магия – пустая погремушка, которая отвлекает нас от чего-то настоящего?

Верховный маг усмехнулся.

– Поверь мне, Лакгаэр, – сказал он. – Мир всегда принадлежит тем, кому должен принадлежать. Ты принял приглашение, но ты не боишься, что это ловушка? Что все закончится бойней? Я, конечно, защищу вас, но…

– Не надо, – перебил его Лакгаэр. – Фейре еще не оправилось от последней войны. И если ты, Верховный маг Фейре, вмешаешься в нашу жизнь, то…

– Я уже вмешался. Я заварил всю эту кашу, – сказал Шенвэль спокойно. – Мандра или Фейре, ледяные эльфы или серые – вы все народ, который я поклялся защищать. Но тогда Чистильщики прибудут сюда уже к утру, даже без Крона, и тут начнется такое… Не ходи сам и не подвергай своих подданных такому риску.

– Мы в безвыходном положении, – пожал плечами Лакгаэр. – Если мы откажемся,

бойня начнется из-за того, что мы пренебрегли жестом доброй воли, побрезговали. Если на празднике нас спровоцируют, мы тоже все погибнем. Так хотя бы повеселимся. Ты, Шенвэль, не имеешь права погибнуть вместе с нами. Я видел многих Верховных магов, но ты…

– Как всякий профессиональный льстец, сам я к ней нечувствителен, – перебил его Шенвэль. – Веселитесь, что ж. Но если придется круто, помните, что помощь придет.

– Ты слишком долго жил среди людей, – тихо сказал Лакгаэр. – Но в Гниловране тебя должны были научить воздерживаться от клятв. И жрецы Ящера должны были отпустить тебе все клятвопреступления, будущие и настоящие.

Шенвэль усмехнулся, но как-то невесело.

– Недавно мне пришлось воспользоваться этим отпущением, – сказал он. – Ладно, идите. Будьте осторожны. Может, и обойдется.

Когда солнце нырнуло в море, Шенвэль решил, что пора. Эльф чуть повел бровью, и светильник погас. Верховный маг накинул плащ – небесно-голубой, подарок Лакгаэра, – спустился на террасу и плотно задвинул створки. Шенвэль встал в центр гексаэдра, выложенного из более светлой плитки, глубоко вздохнул и развел руки. Повернувшись лицом к пустующему пьедесталу, он закрыл глаза, и что-то негромко произнес. Беззвучная вспышка, последовавшая за этим, ослепила бы любого постороннего наблюдателя. Когда зрение вернулось бы к нему, он бы с удивлением увидел, что эльф исчез.

Но на маленьком пляже никого не было, чтобы оценить силу дара Шенвэля. Поисковый телепорт, воплощение гения Лакгаэра, позволял перемещаться на образ. Конфигурация телепорта нарушилась с потерей статуи Хозяйки Четырех Стихий. Любой маг счел бы его недействующим.

Или слишком опасным для активации.

IV

Поляна, на которой из года в год проводились народные гуляния, была сильно вытянута с севера на юг. Она находилась на склоне, между замком Ивана и устьем Куны. Оливковая роща на западной стороне придавала поляне форму полумесяца. За рощей в лес ныряла дорога, ведущая к Куне. Сейчас на южном краю поляны поставили черноклен, священное дерево, вокруг которого девушки вскоре должны были начать водить хороводы, а на северном – заготовку для Купальца, жертвенного костра. Огромный, в четыре человеческих роста, колодец из дров венчало просмоленное колесо, украшенное соломой и цветами. Между Купальцем и чернокленом по приказу князя накрыли праздничные столы.

В этом году княжичу впервые доверили принести из замка угли для священного костра. Дорога из княжеского замка все время шла под горку, и Митя почти выбежал на поляну. Мимо княжича промчалась развеселая компания. Талии девушек прикрывали пучки зверобоя, медвежьего уха и чернобыльника, на головах красовались желто-фиолетовые венки из цветов иван-да-марьи. Парни и девушки тащили к реке поверженного идола Ярилы – глиняного уродца с огромным красным фаллосом. Согласно традиции, Ярилу нужно было разломать и утопить в Куне.

Митя ойкнул и подался назад. Княжич зацепился ногой за корень, да так и сел наземь. Горшок с углями выскользнул из его рук и разбился. Парнишка испуганно посмотрел на волхва в торжественных белых одеждах, стоявшего около Купальца. Рабинский волхв Купайлы погиб в ночь разрушения замка, и праздничную церемонию в этот раз проводил единственный священник, оказавшийся в городе – волхв Ящера Дренадан. В этом году праздник вообще был очень необычным. Вместе с волхвом Ящера молитву читал и эльфийский жрец, чего не могли припомнить самые глубокие старики.

У Дренадана был такой вид, словно он сейчас огреет подростка по голове тяжеленной книгой Волоса. Митя не дошел до Купальца буквально несколько шагов. Русана, дочь

княжеского портного, которую в этом году выбрали для разжигания священного пламени, топнула ногой. Судя по визгу и возгласам, доносившимся с речки, там уже началось самое интересное. А Русане по вине этого разини княжича предстояло торчать здесь еще неизвестно сколько.

– Олух ты царя небесного! – заголосила Русана.

– Помолчи, дева, – сурово сказал волхв.

– Я сейчас, я мигом, – вставая, пролепетал Митя. – Одна нога здесь, другая там. Как раз поспею…

– К утру, – мрачно закончил Дренадан.

Все трое посмотрели на алую, стремительно темнеющую россыпь углей, постигая всю глубину постигшей их неудачи.

– Вам огонь нужен? – любезно спросил высокий мужчина в синем плаще. Лица его не было видно в тени от капюшона. Митя удивленно посмотрел на незнакомца, который словно соткался из воздуха.

– Нужен, – отвечала Русана. – Да где его взять?

Мужчина поднял руку, и из кисти широкой лентой вырвалось пламя. Костер весело занялся.

– Благодарим тебя, добрый человек, – сказал волхв, пристально глядя на незнакомца. – Подойди, я благословлю тебя.

Мужчина приблизился к волхву, движением головы сбросил капюшон. Митя увидел светлые волосы незнакомца и широкие скулы. Мужчина медленно опустился на одно колено. Дренадан положил руку на ему голову.

– Нарушение этой клятвы тебе не простится, – сказал волхв негромко. Русана и княжич почтительно наклонили головы. Ящер решил обратиться к неизвестному прямо через волхва. Это было высокой честью и говорило о немалых заслугах перед богами. – Чистюля с двойным лицом знает все. Он убьет ее, если только сможет дотянуться. Волна, которую ты прогнал через себя, разнесла по тебе не только чужую жизненную силу, но и яд проклятой палки. Держи крепко и то, что ты взял, и то, что хочешь взять, держи, пока можешь!

Дренадан убрал руку, и мужчина поднялся на ноги. Мите бросилась в глаза, что правая нога незнакомца почти не слушается его. Затем, согласно ритуалу, мужчина протянул волхву руку. Положив свою ладонь поверх открытой ладони незнакомца, Дренадан зажал его пальцы в кулак. Мужчина еще раз поклонился, отступил шага на два, и спросил:

– Вы барона Владислава не видели?

Митя отрицательно покачал головой, а Дренадан сказал:

– Да он, наверное, на берегу, туда все пошли.

– Карина точно там, – поддержала волхва Русана. – Я видела, как они со Светланой Ярилу тащили. А барон, наверно, при ней.

– Благодарствую, – ответил мужчина и направился к речке, на ходу одевая капюшон.

– Светлана такая красивая, – сказала Русана. – И добрая. Я, когда вырасту, тоже ведьмой стану. У меня и имя подходящее.

Княжич задумчиво посмотрел на платье Русаны. По фиолетовому полю были щедро разбросаны стразы. Как и любой мужчина, Митя не особо разбирался в фасонах и материях. Но княжич снял парадную мантию только полчаса назад и еще не успел забыть ни расцветку, ни прохладную мягкость ткани под руками. Видимо, княжеский портной не сумел правильно расположить выкройку, раз так много материала ушло в обрезки.

Или, наоборот, разложил все очень верно.

– Ведьме еще способности требуются, – сказал Митя. – Ты вон лучше русалкой стань. У тебя и имя как раз подходящее.

Русана никогда не лезла за словом в карман; она уже открыла рот, чтобы ответить колкостью, но осеклась под взглядом княжича. Дренадан чуть улыбнулся и сказал:

– Ну что же, священный огонь зажжен. Ты можешь идти, дева.

– Хочешь красной крапивы? – спросил Митя. – Она волшебная, помогает от русалок.

Чтобы они тебя раньше времени не утащили. Я когда из замка шел, видел, где она растет. Могу и тебе показать.

Русана покосилась на Митю и почувствовала, как у нее слабеют ноги. И причина была вовсе не в двух кружках медовухи, которые успела осушить девушка. Княжич смотрел на нее вполне откровенно, но при этом как-то печально.

– Хочу, – тихо сказала Русана.

Митя взял ее за руку.

Светлана проскользнулась на глинистом склоне и съехала в воду вслед за поверженным идолом. Вынырнув, она показала свой улов – огромный фаллос. Ведьма отломала его, когда хваталась за воду в поисках опоры. От хохота молодежи задрожали листья на деревьях. Девушки швыряли в воду венки из цветов и бросались в реку сами. По традиции, купания проводились ближе к утру. Но в тот вечер многие правила уже были нарушены. Первым прыгнул в реку за подругой молодой князь. Мужчины, ободренные примером правителя, последовали за ним. Вода словно закипела от тел. В суматохе праздника никто не обратил внимания, как Владислав и Карина, взявшись за руки, улизнули с берега.

Шенвэль остановился в оливковой роще. Отсюда одинаково хорошо просматривался и берег, и поляна, на которой разворачивалось торжество. Эльф почувствовал, как что-то маленькое и холодное шебуршится в его ладони, еще когда волхв сжал его руку в кулак. Шенвэль разжал руку. В ладони оказалась маленькая серо-зеленая ящерица, ничем не примечательная, кроме одного.

Вместо одной головы у нее было три. И сидели они на длинных гибких шеях.

– Пригрела я Горыныча, змеюку окаянного, – тихонько пропел Шенвэль.

Усмехнувшись, он пересадил ящерицу на левую руку. Две боковые головы исчезли в короткой черной вспышке. Ящерица стала тем, кем была – совершенно обычной серо-зеленой круглоголовкой. Эльф присел на корточки. Ящерка спрыгнула с его руки и исчезла в густой траве.

Обычно обращения богов оставались непонятны не только случайным свидетелям акта божественной милости, но и адресату их воли тоже. Однако в этот раз смысл послания был ясен Шенвэлю так же, как если бы Ящер выписал его на небе огненными рунами.

Это было последнее предупреждение.

Тергалевый плащ, на котором расположились любовники, слабо светился в темноте желто-коричневым. Поблескивали золотом кленовые листья – ведьма забросила платье на высокий куст. Карина смотрела, как мокрые купальщики говорливым потоком потекли обратно. Люди и сидхи собрались вокруг Купальца. Волхв поднял руки к небу. Хорошо поставленным голосом Дренадан стал творить зачин:

– Разойдись темно,
Разгорись добро
Засверкай светло
Яри ясное
Солнце красное
Стани-стань доли
Яко Род вели.
Стани-стань доли
С неба до земли!

Карина заметила, что Дренадан еще ни разу за всю церемонию не заглянул в книгу священных гимнов, которую помощник весь вечер держал наготове. Ведьма восхитилась памятью волхва. О том, что когда Дренадану было столько же лет, сколько сейчас

помощнику, чтение и даже хранение книги Волоса запрещалось сидхами и все гимны передавались из уст в уста, Карина не знала.

– Шумите, моря светлопенные,
Шелестите, дубы вековечные,
Сверкайте, мечи разудалые,
Расплодись землица ты ярая,
Всполыми огню искрозарье.
Да творите славу преогромную,
Самому Купайле Сварожичу!

Волхв закончил восхваление главных богов, и перешел к восхвалению виновника торжества. Купайло, вечно смеющийся бог с венком из цветов купальниц на голове, почитался третьим после Перуна и вторым после Волоса.

– Гой Купайло красен
Стань во небе ясен
Папорот искрящий
Огнецвет купавый
Во ночи горящий
Клады выпростаны!

– Да, травы сегодня хорошо собирать, – сказала ведьма. – И утром завтра, по росе. Плакун-траву – злых духов отгонять, страх на людей наводить. Терлич-траву – парней привораживать, зяблицу – чтобы детки не плакали, спали хорошо, мать-и-мачеху, душицу, багульник… Папоротник же цветет сегодня, можно клады поискать, как волхв и читает. Но это опасное дело.

Владислав засмеялся.

– Ведьмочка ты моя… Вообще, массовая оргия – это исторически сложившаяся, самая простая и естественная форма преодоления одиночества, отделенности людей от природы. И я думаю, она будет существовать до тех пор, пока общество санкционирует подобный путь как то, чем занимаются все. Оргия дает разрядку в мучительном одиноком бдении разума. Появляется чувство единства, которого так не хватает нам с тех пор, как мы познали собственное «Я».

Карина молчала. Ведьма давно уже не удивлялась широкой эрудиции барона. Но откуда у Владислава такие познания, для Карины оставалось загадкой. Которую, впрочем, она не особенно стремилась раскрыть.

– А я же на всех этих гуляниях почему-то всегда чувствую себя очень одиноким, – сказал барон. – Не получается проникнуться массовым экстазом, и все тут. Даже в молодости не получалось.

Карина тоже была далека от общего экстаза. Грудь ведьмы сжимало так, словно там сидела холодная жаба, но совсем по другой причине. Шенвэль не пришел на праздник. Князь сообщил, что Верховный маг Фейре еще не может ходить; но Карина знала, что Шенвэль солгал Ивану.

– Кади выкачены
Копны жита золотого
Котлы пива хмельного
Во ночи чудесной
Купы многие составляйтесь
Под куполищем небесным
Благо рода совершайтесь

Повели почать купанье
Здраву чисту за старанье
Славься сам Купалец
Великой удалец.
Гой Купайле Сварожичу!

– Гой! – эхом откликнулась толпа.

Дренадан пошел по кругу, собирая от каждого требу Купайле – хлеб, блины, пироги, зерно, горох, печенья. Боги Мандры не требовали себе более значительных приношений. Кроме одного из всего обширного пантеона.

Но это был не Купайло.

– А мне нравятся эти… массовые оргии, – продолжала Карина. – Ты полежи здесь, или иди к столам, выпей, если хочешь, а я пойду к «марине». Там сейчас хороводы будут водить, песни петь, а потом девок воровать… Приходи.

– Я как раз хотел побыть еще немного здесь. Эта роща напоминает мне… Впрочем, неважно, – сказал Владислав. – Иди, веселись. Встретимся у «марины».

Как только ритуал завершился, Адриана решительно потянула Михея к столам, за которыми праздновали тризну по Яриле. Обильное угощение на празднике было за счет князя Ивана, и расторопные слуги уже выставили яства. Адриана наложила сыну мороженого и протянула руку с кубком сероглазому мужчине, державшему в руках кувшин с медовухой. Мужчина улыбнулся и наклонил кувшин.

– Глянь-ка, а Дренадан помолодел… лет на двадцать прямо, – сказала Адриана задумчиво. Михей увлеченно поглощал мороженое. – И брови черные, а я его позавчера видела – седой был, как лунь.

Матрена, жена соседа Толяна, сидевшая рядом с ними, пожала плечами.

– Да, ему ведь в обед сто лет. Нарумянили к празднику, чтобы не таким страшным казался, – сказала Матрена.

Адриана приложилась к кубку. Мать надела на праздник свой любимый платок с кистями. Михей смотрел, как медовуха, переливаясь через край, пенной дорожкой затекает на платок. В этот момент он понял – мама решила напиться, и сладкое мороженое стало пеплом в его рту. Остановить мать Михей не мог, но смотреть на это не хотел.

Мальчик тихонько сполз под стол.

– И брови насурьмили, – услышал он голос Матрены, когда ловко пробирался между ногами гостей.

– Может быть, – согласилась Адриана и снова протянула руку с кубком. Исчезновения сына она не заметила.

Михей выбрался из-под стола, прошел мимо пестро украшенного черноклена и углубился в лес. Тут и там под кленами раздавались тяжелое дыхание и стоны. Мальчик сообразил, что зря он выбрал этот край поляны – сюда парни утаскивали девушек, выхваченных из хоровода. Но возвращаться он не стал. Михей миновал поросль молодых елочек, отмечавшую границу замкового парка. Затем пробрался через колючий кустарник, чуть не потеряв солдатика, которого крепко прижимал к груди, и на опушке около мощного дуба. Михей увидел светловолосого мальчика, который играл с изящной игрушечной ладьей. Юный мандречен понял, что перед ним маленький сидх, и дело было даже не в дорогой игрушке. Такие сейчас были у многих детей, ведь сидхи щедро раздавали их во время эвакуации. На мальчике была шелковая рубаха, расшитая золотом, и мягкие красные сапожки, а на праздник даже княжич Дмитрий пришел босиком.

Сидх увидел Михея и улыбнулся.

– Привет, – сказал маленький сидх. – Меня зовут Финголфин.

– А меня Михеем кличут, – ответил юный мандречен.

– Какой у тебя хороший солдат, – с видом знатока сказал Финголфин. – Хочешь, я его

покатаю в ладье? Как будто он в поход за море отправился?

Маленький сидх поставил свою ладью на траву, и Михей усадил туда солдата. Мальчик отступил назад, недоумевая. У игрушки не было ни колесиков, ни веревочки, за которую ее можно было бы катать. Финголфин сделал сложный жест, и ладья взмыла в воздух. Поднявшись до пояса Михея, она медленно поплыла, чуть покачиваясь.

– Ух ты! – сказал юный мандречен. – Да ты крутой маг, Фингол.. Финфин… А покороче у тебя ничего нет?

– Можно Фин, – кивнул тот.

Финголфин сузил глаза и что-то прошептал. Солдат в ладье взмахнул саблей. Михей закричал от восторга.

– Вот бы мне так научиться, – сказал юный мандречен с завистью.

– В этом ничего сложного нет, – сказал маленький сидх. – Смотри…

Михей насупился.

– У меня нет магического дара, – сказал он. – Вот у мамы есть, а у меня нет.

– Мне кажется, что ты ошибаешься, – сказал Финголфин вежливо. – Магический дар как раз передается от родителей к детям, а не по воздуху, вроде насморка.

Михей засмеялся.

Ведьма не сразу пошла к черноклену, украшенному праздничными лентами и цветами. Ей захотелось пить. Карина направилась в центр поляны, на своеобразную отмель, где бурный поток праздника замедлял свое течение. За длинными столами и вокруг них сидели или вольготно лежали те, кому не хотелось скакать с молодежью, но в то же время хотелось чувствовать ауру общего праздника. В начале праздника люди и эльфы разместились по разным сторонам столов, но сейчас все уже смешалось. Самые уважаемые люди Рабина сидели вперемешку с эльфийскими купцами и пили круговую. Музыканты из княжеского замка старались на своих рожках и бубнах, трещотках и колокольцах для молодежи, танцевавшей около Купальца и черноклена, а здесь сидел степенный седой гусляр. Взрослым людям – взрослая музыка. Такие слушатели после двух-трех чаш вина захотят насладиться песней о богах, о героях. Грохот и звон, который приводит в экстаз подростков, может вызвать у них несварение желудка. Сейчас музыкант тихонько перебирал струны, видимо, отдыхал или настраивал инструмент.

Когда ведьма подошла к столам, стройная эльфка как раз наливала себе из кувшина.

– Вина? – заметив Карину, дружелюбно спросила она.

Ведьма с интересом взглянула на гостью с другого берега. На ней было обтягивающее черное платье без плеч, пояс – цепь из плоских светлых звеньев, и черные же сапоги-чулки, и на фоне своих изысканно-женственных соплеменниц эльфка смотрелась белой вороной. Темные короткие волосы дочери Старшей Расы были склеены в иглы, торчавшие в разные стороны и качавшиеся при каждом движении. Такую прическу носили Ежи – партизаны-лучники Лихого Леса. Но для темной эльфки женщина была слишком высокой, да и глаза у нее были с круглыми, а не вертикальными зрачками. Очевидно, эльфка была полукровкой, и как часто бывает в таких случаях, выделялась красотой даже среди соплеменниц.

– Меня зовут Карина, – сказала боевая ведьма.

– Ваниэль, – представилась эльфка.

– А морса нету? – спросила Карина.

– Есть, – кивнула Ваниэль и загремела утварью, ища на столе кувшин с морсом. Карина взяла со стола чью-то чашу, выплеснула содержимое и продезинфицировала небольшой волной Чи. В глазах эльфки мелькнуло уважение. Среди рабинских женщин мало кто владел магией. Ваниэль наклонилась, наполняя чашу Карины.

– Помоги мне, – неожиданно сказала эльфка. – Уведи меня отсюда…

В этот момент сидевший рядом мужчина, не отвлекаясь от оживленной беседы с сидхом, лицо которого пересекал тонкий розовый шрам, непринужденно обнял Ваниэль за талию. С другой стороны от сидха со шрамом Карина увидела Дарину. Лицо самой молодой

звеньевой крыла «Змей» было до неузнаваемости преображено наслаждением. Только тут Карина заметила, что на столешнице лежит только одна рука эльфа со шрамом. Где находится вторая, догадаться труда не составило. Карина взяла со стола чашу.

– А что такое? – тихо спросила ведьма эльфку. – Твой дружок напился?

– Да, да, – торопливо пробормотала Ваниэль. – Скажи ему, что хочешь показать мне, как танцуют в этом вашем кругу…

– Хороводе, – сказала Карина, и тут дружок эльфки обернулся.

Это оказался главный хирург Рабина.

– Привет, – сказал Поджер, увидев Карину. Хирург был, судя по ясному взгляду, одним из самых трезвых людей на поляне. Остальные, что называется, дорвались до бесплатного.

Ведьма кивнула в ответ, и Поджер вернулся к беседе с сидхом.

– Ты пьяных не видала, – тихо сказала Карина. – По сравнению с нашими мужиками, он трезв, как стеклышко. Я бы на твоем месте осталась с ним. А то привяжется какой-нибудь…

– У него на руках кровь эльфа… – с неприкрытым отчаянием простонала Ваниэль.

Карина наконец сообразила, в чем дело.

– Сейчас, попью только.

Ведьма с наслаждением отхлебнула холодного морса, в котором еще плавали льдинки. Карина поставила пустую кружку на стол, вытерла рот тыльной стороной ладони и окликнула главного хирурга Рабина:

– Поджер! Я твою подругу похищаю!

Увидев протест в глазах Поджера, Карина обняла эльфку за обнаженные плечи.

– Мы пойдем к «марине», хороводы водить! – продолжала ведьма. – Приходи, если захочешь вернуть ее!

Поджер неохотно улыбнулся и отпустил Ваниэль. Тут Карина увидела, что Дарина жадными глотками пьет из резного кубка, и поняла, что должна перекинуться со своей ведьмой парой слов. Обе руки эльфа со шрамом, тем более, уже мирно покоились на столе.

– Дарина, – окликнула ее старшая крыла. Дарина отняла кубок от лица и перегнулась вперед, чтобы увидеть, кто ее зовет. Посмотрел на Карину и эльф со шрамом.

– Как тебе праздник? – спросила Карина.

– О, замечательно! – воскликнула ведьма. – Так весело мне давно не было!

Карина посмотрела на эльфа, понимающе усмехнулась.

– Много не пей, – сказала она Дарине с легким нажимом в голосе. – А то испортишь себе все веселье.

– Я присмотрю за ней, не беспокойтесь! – смекнув, что для его подружки это какая-то значимая особа, дружелюбно сказал эльф со шрамом.

Карина снова посмотрела на него.

– Не сомневаюсь, – ответила она, и они в обнимку с Ваниэль направились к хороводу.

Князь никогда не испытывал большой тяги к вину – сказывалась эльфийская кровь. А сегодня Светлана, помня о наставлениях Поджера, внушила Ивану полное отвращение к спиртному. За праздничным столом целительница оказалась рядом с Лакгаэром. Светлана поблагодарила старого эльфа за спасение князя и затеяла беседу о новых разработках в области телепортации. Она изо всех сил оттягивала неизбежный момент, когда князь предложит ей прогуляться по тихой тропинке – ведь мало того, что сейчас ведьма не могла предаться любовным играм вместе с Иваном, так она еще и не могла объяснить причину отказа. А лишний раз связывать Ивана чарами ей не хотелось. Князь терпеливо слушал, и когда тема исчерпалась, протянул ведьме руку. Светлана улыбнулась и встала, но на душе у нее просто кошки скребли.

– Мы сходим потанцуем, – сказал Иван гостям.

– Дело доброе, – сказал Лакгаэр и пригласил сидевшую рядом с ним осанистую эльфку.

Но после танца к столу вернулись только эльфы. Светлане Иван предложил

прогуляться на берег Куны. Но до реки парочка не дошла. Князь и ведьма оказались в придорожных кустах. Иван нетерпеливо рванул подол Светланы вверх. Ведьма призвала Чи, чтобы навести на Ивана сонные чары. В этом сне Иван должен был увидеть все то, чем ему сейчас нельзя было заниматься. Ветки кустарника за спиной ведьмы раздвинулись.

– Извините, – услышала Светлана низкий голос. Иван изменился в лице и выпустил ведьму. Светлана поспешно поправила платье.

– Елена? – гневно воскликнул князь.

Светлана обернулась и увидела однорукого сидха, рядом с которым стояла белая от страха княжна. «Ульрик, кажется», вспомнила ведьма имя возлюбленного Елены. Сидх, однако, не растерялся.

– Приветствую тебя, князь, – сказал он. – Я как раз искал тебя.

– Ты ищешь неприятностей на свою задницу, и, клянусь Ярилой, в конце концов найдешь! – завопил Иван в ответ. – Что тебе нужно от меня?

Светлана тихо ахнула. Ведьма присмотрелась к ауре княжны и увидела, что самая крупная неприятность, какая могла случиться в семье Ивана, уже случилась.

– Я хочу попросить руки твоей сестры, – сказал Ульрик.

– Ты же знаешь, что… – начал Иван.

И тут он понял. Несколько секунд князь хватал ртом воздух.

– Перун и Ладо! У меня будет остроухий племянник! – заревел Иван. – Надо было послушать этого упыря, имперского мага, и отрубить тебе не руку, а кое-что другое!

Из глаз Елены брызнули слезы. Светлана сжала руку Ивана.

– Прошу тебя, Ваня, смилостивься, – сказала ведьма. – Нет, так нет, но пожалуйста, не кричи. Твоей сестре сейчас нельзя расстраиваться.

– Мы уедем, сразу, – сказал Ульрик. – Мне нужно только мандреченское свидетельство о браке.

Как и сидх, князь понимал, что это единственное решение в этой ситуации, при котором все останутся в живых. И все же на миг ему стало грустно – Иван любил сестру.

– Ах, какой ты шустрый, – сказал князь мрачно. – Допустим, я даже соглашусь. Но ведь никто не выпишет тебе такое свидетельство!

– Я выпишу, – раздался из-за спины сидха спокойный голос.

Ульрик обернулся. Позади него стоял Дренадан.

– Вы что, сговорились? – изумился Иван.

– Не родился еще тот эльф, который смог бы «сговориться» со жрецом Ящера, – ответил Ульрик.

– Я шел на берег, – сказал волхв. – Туда ведь скоро принесут «марину», я должен освятить ее…

– А ты действительно можешь провести эту церемонию? – перебил его Иван.

Дренадан пожал плечами.

– Главный волхв каждого бога имеет право производить любые обряды, – сказал он. – Провел же я праздник Купайлы.

Елена и Ульрик просительно посмотрели на Ивана. Сидх опустился на колени.

– Ради всех твоих богов, прошу тебя, князь, – сказал Ульрик.

Иван вздохнул.

– Невеста, я так понимаю, давно согласна, – пробурчал он. – Хорошо.

– Спасибо, Ваня! – воскликнула Елена.

Иван махнул рукой.

– Пойдемте в требище, и я обвенчаю вас, – сказал Дренадан.

Ульрик поднялся с колен.

– Под документом должны подписаться два свидетеля, – сказал волхв. – И учитывая обстоятельства, я думаю, что вовлекать в это дело людей со стороны нам не с руки.

– Это точно, – проворчал князь, и вся компания направилась к требищу.

Ведьма знала, что сидхи не любят фамильярности, и отпустила Ваниэль сразу, как только они отошли от столов. Эльфка облегченно улыбнулась, но, не желая обидеть свою спасительницу, тут же протянула ей руку. Так, взявшись за руки, словно две девчонки, ведьма и эльфка двинулись дальше. Карина ощутила сухие мозоли на указательном и среднем пальце мягкой ладошки Ваниэль. И ведьма была уверена, что это мозоли не от веретена и не от ткацкого станка.

А от тетивы.

– Не сочти за обиду, – сказала Карина. – Но тебе надо было оставаться дома или не смотреть на ауры людей. Здесь каждый второй воевал с сидхами, даже я.

– Поджер пустил кровь эльфу не дальше трех дней назад, – сказала Ваниэль.

– Поджер – главный хирург Рабина, – ответила Карина. – Тот самый, что оперировал вашего Верховного мага.

– Но все равно, я не смогу провести с Поджером эту ночь, – задумчиво сказала эльфка. – Благодарю тебя. Мне всегда не хватало решительности. Видимо, боги этим даром наградили только вас, людей.

– Твоя дерзость тоже заслуживает восхищения, – спокойно ответила ведьма. – Ты думаешь, что здесь нет никого, кто уже видел такие прически, как у тебя? А как ты собиралась объяснить Поджеру знак, который выколот у тебя вот здесь?

При этих словах Карина положила руку на плоский живот эльфки точно под левой грудью. Ведьма услышала, как сердце Ваниэль толкнулось в ее ладонь. Потом на несколько мгновений наступила тишина, а затем сердце эльфки забарабанило в ритме ливня, грохочущего по крыше. Глаза Ваниэль сузились.

– Я никогда ничего не объясняю, – сказала она хладнокровно. – Если мужчина не может полюбить меня такой, какая я есть, зачем он вообще мне нужен?

Карина хмыкнула и сказала:

– Клянусь хвостом Ящера, ты и один раз не успеешь обойти вокруг «марины», как тебя унесет на руках какой-нибудь парень!

– Клянусь хвостом Ящера, это надо проверить! – откликнулась эльфка.

Шагов через десять стали слышны голоса девушек, водивших хоровод вокруг «марины»:

– Как ходили девочки
Около Мареночки
Около Купайло
Солнце заиграло…

Ваниэль спросила ведьму:

– Знак, о котором ты говорила… Ты видела его на мертвом теле?

Карина усмехнулась.

– На живом.

Эльфка расхохоталась. Это был совсем не тот мелодичный смех эльфок, которым дочери Старшего народа выражали свою радость и восторг. В смехе новой знакомой Карины было понимание, неукротимая жажда жизни и та же хищная свирепость, какую ощущала в себе ведьма в моменты наивысшего душевного подъема. Карина, глядя на свою новую подругу, засмеялась тоже. На краткий миг Карина и Ваниэль разделили близость более тесную, чем когда-либо испытывали с самыми лучшими своими любовниками.

Марина, которая шла в хороводе, услышала этот смех сквозь грохот бубнов и вопли трещоток. Ведьма узнала в нем знакомые нотки. Марина чуть притормозила движение хоровода и замахала рукой старшей своего крыла.

– Сюда! – закричала ведьма. – Скорее!

Ваниэль и Карина вошли в хоровод.

– Где твое звено? – прокричала Карина в самое ухо дочери герцога Кулы.

Марина пьяно засмеялась.

– Пьют где-то или трахаются, – ответила ведьма, перекрикивая грохот музыки. – Расслабься, Карина! Ты не должна контролировать все! Отдохни! Сегодня ведь такая ночь!

Владислав услышал осторожные шаги и увидел темную фигуру. Барон хотел подняться на ноги, но не успел. Шенвэль ударил его ребром ладони по шее, и Владислав безвольным мешком осел на землю. Шенвэль снял подарок Лакгаэра, прикрыл им барона и накинул на себя тергалевый плащ, сменивший за трое суток трех хозяев и снова вернувшийся к своему старому владельцу. Эльф направился на поляну.

Праздник был в самом разгаре. Шум да гам стоял такой, словно банда голодных троллей гоняла по все поляне истошно вопящего поросенка, намереваясь за неимением человечины соорудить себе хотя бы такой скудный ужин. Княжеские музыканты были в ударе. Шенвэлю эта какофония напомнила штурм Мир Минаса. Тогда трубачи всех воинских подразделений мандречен одновременно заиграли боевые гимны своих отрядов.

Парни, молодые люди и эльфы, совершали набеги на хоровод. Традиция требовала похищения черноклена. Священное дерево предстояло отнести к реке, где волхв должен был освятить «марину», разломать черноклен на кусочки и раздать всем желающим. Считалось, что частицы «марины» обеспечивают не только богатый урожай, но и помогают женщинам избавиться от бесплодия. Для этого нужно было произнести особое заклинание и бросить остатки черноклена в воду. Но мужчины не торопились отбить «марину». Вместо священного дерева парни вытаскивали из хоровода самих девушек и тащили их в ближайшие кусты, где, очевидно боролись с женским бесплодием более практичным способом.

Шенвэль с досадой подумал о том, что ему придется пробираться через шумящую пьяную толпу. Телепортироваться было бы гораздо проще, но вспышка привлекла бы внимание.

А как раз этого эльф стремился избежать.

Карина заметила фигуру в плаще. Ткань пугливо меняла цвет в бликах костра. Ведьма ослабила руки, которыми сжимала потные ладошки звеньевой крыла «Змей» и эльфки. Марина этого даже не почувствовала, а Ваниэль посмотрела на ведьму озадаченно. Карина наклонилась к острому уху эльфки и прокричала:

– Тот мужчина в тергалевом плаще – мой жених! Он уже старый, если ты будешь держать меня по-настоящему, он не сможет меня отбить!

– Если окажется, что твой старик перебрал вина, – прокричала Ваниэль в ответ. – Возвращайся! Я тебе такое сделаю, о чем твой дружок даже не слышал!

Карину предложение эльфки удивило меньше, чем могла ожидать Ваниэль. Когда каждый день рубишь мужчин, как капусту, невольно начинаешь воспринимать их именно как объект для рубки, а не чего-то другого. Да и солдаты из армии родной страны, хоть раз видевшие ведьму в битве, испытывали перед небесными воительницами ужас, близкий к суеверному.

Карина завела руку за спину эльфки. Когда ладонь ведьмы коснулась основания шеи Ваниэль, глаза эльфийской лучницы затуманились. Ваниэль наклонилась, ища губы ведьмы, и Карина повернула голову ей навстречу. Ведьма и эльфка расцеловались взасос. Вряд ли Владислав одобрил бы такое поведение, но сейчас между ним и Кариной находилась разнаряженная «марина», и барон вряд ли их видел. Но вот хоровод вынес Карину прямо на Владислава. Как и ожидала ведьма, он без всякого разбега бросился в круг, обхватил ее и потащил. Карина разжала руки и стала, смеясь, колотить его по спине. Удачливый похититель поставил ее на землю.

– Пойдем, прыгнем через костер! – прокричала Карина сквозь грохот музыки.

Пара, не разжавшая руки над пламенем, согласно поверью, должна была пожениться в этом году. Купалец заметно прогорел, но огонь все еще полыхал выше человеческого роста. Карина, как и любая ведьма, могла поднять на эту высоту и себя, и барона.

Владислав не спросил ведьму, где она провела ночь и большую часть дня, но если бы он сейчас отказался прыгать вместе с Кариной, по крайней мере, стало бы ясно, что он все еще сердится. Возможно, момент был не совсем подходящий, но завтра крыло «Змей» покидало Рабин. Карина хотела знать, намерен ли Владислав в этом году заключить новый брак или пока собирается насладиться всеми прелестями доли вдовца. Ведь после совместной жизни с Розалией барон, скорее всего, испытывал ужас при мысли о новых брачных узах.

Но Владислав кивнул, взял Карину под руку и повел приятно удивленную ведьму к Купальцу.

Марфор почувствовал необходимость прогуляться до ближайших кустов, а хирург вызвался составить ему компанию. Эльфа это предложение безмерно обрадовало – Марфор раньше никогда не бывал на человеческой половине Рабина и боялся заблудиться с пьяных глаз. Мандречен и эльф, поддерживая друг друга, направились к лесу. Поджер и Марфор спугнули несколько парочек, прежде чем нашли укромное местечко. Впрочем, далеко в лес они не забрались. По крайней мере, слова песни, которую исполнял старый гусляр, еще можно было разобрать.

– Я не хотел говорить при всех, чтобы ты не подумал, что я напрашиваюсь на комплименты, – сказал Поджер, расстегивая штаны. – Но я рад, что мазь подействовала.

– Причем гораздо быстрее, чем ты обещал, – сказал Марфор.

От коры дерева, около которого они остановились, в разные стороны полетели брызги. Марфор с наслаждением чувствовал, как у него проясняется в голове. Он прислушался. Баллада, которую музыкант заявил как *«Кровь и пламя», произведение непревзойденного Бояна, посвященное бунту Танцоров Смерти»* , сразу показалась эльфу смутно знакомой. Марфор услышал сложную руладу и узнал вступление ко второй части классической оперы «Унголиант и Падение Священных Древ». «Боян, похоже, учился в Линдалмаре», иронически подумал эльф.

– Я слышал, для сидхов много значит внешняя привлекательность. Может, теперь Ваниэль вернется к тебе, – сказал Поджер. – Ты ведь так много для нее сделал.

При этих его словах Марфор позабыл о барде-плагиаторе и протрезвел окончательно.

– Не понимаю, о чем ты говоришь, – сказал эльф осторожно.

– Брось, – сказал Поджер. – Не подумай, что я хвастаюсь, мне до тебя далеко, и магического дара у меня никакого нет. Но друзья зовут меня Мастером На Все Руки. И враги тоже.

Хирург закончил и стал заправлять рубаху в штаны.

– Хочу напомнить, что Искандер, как только пришел к власти, объявил амнистию всем, кто воевал против Мандры во время правления дракона, – сказал Марфор.

– Успокойся, – сказал Поджер. – Я и не думал угрожать тебе. Если война закончена – она закончена.

Эльф задумчиво усмехнулся и спросил:

– Ты нас сразу узнал?

Поджер отрицательно покачал головой.

– Только сейчас, на празднике, – сказал он. – Когда увидел прическу Ваниэль.

Они двинулись обратно на поляну. Поджер раздвинул ветки кустарника. Хирург увидел Карину. Ведьма в обнимку с высоким мужчиной шла к Купальцу. «У Владислава опять подагра, похоже, разыгралась», рассеянно подумал Поджер. Марфор тоже заметил Карину и понял, что Ваниэль осталась в хороводе одна.

– Ты пойдешь за Ваниэль? – спросил Поджер, сделав ударение на «ты».

Марфор пожал плечами.

– Никому не удастся сделать с Ваниэль то, чего бы она сама не хотела, – сказал эльф, выбираясь из кустов вслед за хирургом.

– Значит, ты уверен, что тебя она не захочет? – спросил Поджер. – Позволь спросить,

почему?

Марфор вздохнул.

– Ваниэль убила моего брата, – сказал он. – Я простил ее, в тех обстоятельствах она не могла поступить иначе. А она себя – нет. А теперь обстоятельства еще сложнее.

– Тогда за ней пойду я, – сказал Поджер.

– Удачи, – сказал эльф.

Хирург повернулся и пошел к празднично украшенному черноклену, ловко пробираясь между пьяными. Марфор направился к столам. Дарина уже крутила головой, разыскивая его, как птенец вертится в гнезде, ожидая возвращения родителей. Заметив эльфа, она заулыбалась и что-то сказала сидевшей рядом с ней женщине в ярком платке. По черно-зеленому фону были разбросаны крупные розы. Марфор словно почувствовал запах, у него даже защекотало в носу. «Да за что все так любят эти проклятые цветы?», подумал эльф. Мандреченка отодвинулась от ведьмы, уступая место Марфору.

Но эльф уже достаточно насиделся за столом.

– Ты прекрасно играешь, и песня твоя хороша, – сказал Марфор гусляру. – Однако песни о битвах должны сменяться песнями о любви, ты не находишь?

– Да! – воскликнула Дарина.

Другие женщины, эльфки и рабинки, сидевшие за столом, тоже поддержали эльфа.

– Позволь мне твой инструмент, уважаемый мастер, – сказал Марфор. Старец настороженно посмотрел на него. Музыкант понял, почему эльф не назвал его инструмент гуслями.

– Просим, просим! – закричала женщина в платке с розами, и к ней присоединился хор голосов.

Музыкант неохотно протянул гусли Марфору. Гусляр понимал, что эльф всего-то навсего хочет поскорее уединиться со своей миловидной подружкой. От музыки эльфов таяло сердце даже самых суровых дев. Да только музыкант опасался, что после выступления Марфора его уже никто не захочет слушать.

И надо сказать, опасался обоснованно.

Инструмент был обильно покрыт любимым мандреченским узором – чередующиеся в сложной последовательности треугольники, квадраты и хвостатые руны «солнце». Наплывы яркого лака почти убили звучание старинной эльфийской арфы. Марфор осторожно дернул за струны, и раздался неожиданно чистый и красивый звук. Эльф довольно улыбнулся.

– Так, – пробормотал Марфор. – Посмотрим, что тут можно сделать…

Услышав, как эльф настраивает гусли, музыкант махнул рукой и, подойдя к столу, отхлебнул браги прямо из кувшина.

– «Игла в сердце», – объявил Марфор.

Эльф не пощадил гусляра. Он не стал упрощать и скрывать мелодический рисунок эльфийской баллады за традиционными для людей музыкальными фразами; Марфор играл балладу о любви Балеорна и Разрушительницы Пчелы так, как ее играют в Линдалмаре, самой известной музыкальной школе Фейре.

Митя и Русана устроились на траве, неподалеку от столов с яствами. Голова Русаны лежала на коленях княжича. Страз на платье девушки почти не осталось. Митя смотрел на растрепанную светлую косу, чувствуя умиротворенность и странную пустоту в сердце. С таким чувством, должно быть, вылупившийся из яйца цыпленок смотрит на осколки скорлупы. Он потерял мать и обрел любовь. Митя не жалел ни о чем, но душа, поцарапанная о скорлупу детства, когда княжич выбирался наружу, еще саднила.

Эльф играл гораздо лучше старого княжеского гусляра. У Мити защемило в груди. «Балеорну было легче, он с самого начала знал, кто из них погибнет», думал княжич. Русана открыла глаза и тоже прислушалась. Мимо подростков прошла женщина в желтом платье, которую обнимал высокий мужчина. Пола его плаща мазнула княжича по лицу, когда мужчина остановился. Очевидно, и ему захотелось послушать пение эльфа. Митя сердито

взглянул на него, но прохожий даже не заметил, что кого-то задел. Княжич хотел окликнуть его, но узнал мужчину, который помог им разжечь Купалец, смягчился и промолчал.

– Да, теперь я свободен, – пел эльф. – Но к чему мне свобода без любви? Без тебя мне и жизнь ни к чему…

Спутница потянула мужчину за рукав, и парочка удалилась в сторону Купальца.

Зарина уговорила Поджера отпустить экена на праздник. Ведьма поклялась, что они от хирурга больше чем на две сажени не отойдут, а к спиртному Гёса не прикасался никогда. Сила убеждения экенки оказалась так велика, что никому даже не пришло в голову, что последователь гневного Барраха должен быть совершенно равнодушен к Купайле.

Хотя ночь была теплой, врач заставил Гёсу одеться как следует. В своей черной куртке, под которой белели повязки, экен выглядел как живая аллегорическая статуя «Судьба воина». Во время купания вместе с поверженным идолом Зарина нарвала кувшинок и кинула пару заклинаний, чтобы нежные цветы не завяли сразу. Ведьма и экен расположились около пиршественных столов, так, чтобы видеть Поджера. Зарина была пьяна, как говорили про ведьм, «в улет». Голова экенки лежала на коленях наемника. Гёса ловко плел шлем-косу.

– Совсем один я остался, – сказал экен, закрепляя влажную кувшинку в иссиня-черных волосах ведьмы. – Тоже, что ли, в летуны пойти? А, Зарина? Возьмете меня, на метле в облаках рассекать?

Ведьма что-то невнятно пробурчала.

– Нет, мне не будут, – сказал Гёса. – Я в нашем ауле лучшим танцором был …

В этот момент кто-то споткнулся о его вытянутые ноги. Мужчина пошатнулся, и его лицо оказалось в каких-нибудь двух дюймах от лица экена. Проклятия замерли на губах Гёсы.

– Извините нас, – сказала женщина, и по голосу экен узнал Карину. Это ведьма твердо ухватила своего спутника под локоть, когда он начал падать. Мужчина выпрямился, и Карина увидела наемника.

– Привет, Гёса, – сказала ведьма. – Ты уж не сердись… Сейчас у всех ноги того… подкашиваются.

– Ладно, ладно, – пробормотал Гёса.

Парочка двинулась дальше. Экен покачал головой. В глазах его было восхищенное изумление.

Пока барон и ведьма шли к костру, Карина прислушивалась к пению эльфа и грустно думала: «Шенвэль играл эту балладу намного лучше». Но вот ведьма и Владислав встали рядом с Купальцем, боком к костру и лицом друг к другу. В отличие от обычных пар, им не надо было разбегаться. Левитация, которую собиралась применить Карина, основывалась совсем на другом принципе. Карина обняла Владислава. Ей показалось, что барон стал стройнее и чуть выше, но ведьма не особенно доверяла своим ощущениям. Она ведь тоже пила сегодня не только морс. Огненные отсветы заплясали в глазах Карины. Она вбирала Чи. Пламя мигнуло. Карина с изумлением почувствовала, как в нее вливается Чи Огня. Пара начала подниматься над костром по крутой дуге. Карина знала, что самая горячая часть пламени – верхняя, и набирала высоты с запасом. Кто-то восторженно ахнул, кто-то крикнул:

– Смотрите, смотрите!

Ведьма и барон замерли в воздухе. Алые языки извивались у них под ногами. Карина улыбнулась Владиславу и собралась спускаться с воздушной горки.

В этот момент ее мягко, но уверенно потянуло вверх.

Изумленная ведьма посмотрела на барона. У Владислава магического дара не было. Мужчина, одной рукой крепко прижимая к себе ведьму, второй скинул с лица капюшон. Карина смотрела на него, не веря своим глазам.

– Продолжим полет? – спросил Шенвэль.

Карина пожала плечами.

– А почему нет? – сказала ведьма.

Ваниэль успела пройти еще три круга в хороводе после того, как пожилой жених ведьмы увлек ее прочь из круга. Ваниэль убедилась в правоте Карины. Мандречены все как один были отвратительно пьяны. Один из них, заметив изящную эльфку, с разбега бросился в круг и грубо схватил ее за руку. Холодные иголочки закололи в висках Ваниэль. Но эльфка сдержала бешенство. Ваниэль опасалась нарушить хрупкое, как первый лед, перемирие, и не хотела превращать праздник в бойню. Она хладнокровно решила, что оглушит парня магией в оливковой роще, куда он так резво ее потащил. Пока мужчина нес ее, Ваниэль успела разглядеть, что не молодой парень, а мужчина, хотя назвать его зрелым не поворачивался язык. Скорее, он был уже подгнивший. Рябь от оспин совсем не красила его испитое лицо.

– Чего ты не отбиваешься? – густо дохнув в лицо эльфки перегаром, спросил рябой. – Ты что, небось и лежать собираешься, как колода? Так мне этого и моей Матреной хватает. Ты давай-ка, шустри! Много про вас, сидхов, всяких гадостей рассказывают, так ты мне все их сейчас покажешь… А то, может, тебя кулаком подбодрить?

Ваниэль решила, что с нее достаточно. Пара уже была достаточно далеко от толпы гуляющих. Эльфка подняла руку, на кончиках тонких пальцев сверкнули голубые искры. Но ударить рябого своей Чи она не успела. Его кто-то так сильно ткнул в спину, что мандречен выронил Ваниэль и прошелся на четвереньках по траве. На лице мужчины отразилось искреннее изумление. Эльфка, извиваясь, отползла аршина на три и вскочила на ноги. Она была готова отделать обоих, и мандречена с замашками садиста, и неожиданного спасителя, но тут увидела, кто пришел ей на помощь.

– Она пойдет со мной, – сказал Поджер.

Мужчина, поднявшись на ноги, оказался на голову выше хирурга. К нему сразу вернулась слетевшая при падении уверенность. Он быстро оглядел Поджера, выставил ногу вперед и сжал кулаки.

– Ты что, ее брат, сват? – сказал рябой, презрительно оттопырив губу. Темноволосого и зеленоглазого хирурга действительно можно было принять за родственника эльфки. – Спрятал уши острые…. Ну, да клыков-то у тебя все равно нет. Уматывай, сидх. Сегодня мы трахаем ваших баб!

Поджер ударил его в лицо. Ваниэль отчетливо услышала хруст. Мужчина рухнул, как подкошенный. Эльфка увидела кровь, текущую у него изо рта, и какие-то белые осколки на подбородке.

Зубы.

Один из них точно был тем самым клыком, наличием которых мандречен так дорожил.

– Благодарю, – сказала Ваниэль. Поджер, скривившись, смотрел на свою кисть. – Давно я не получала такого удовольствия. У нас такой виртуозной работы рук не увидишь.

Услышав слова эльфки, Поджер поднял взгляд и усмехнулся.

– Я предпочел доставить тебе удовольствие более традиционным способом, – сказал хирург. – Если ты мне позволишь, конечно.

Ваниэль откровенно посмотрела на него.

– Позволю, конечно.

Они вступили в рощу. После общения с мандреченам эльфка ожидала, что Поджер сразу повалит ее в траву и рывком задерет платье до пояса. Но они прошли почти всю рощу насквозь, прежде чем хирург остановился. Поджер осторожно обнял эльфку, наклонился. Эльфка закрыла глаза. Поджер встал на колени, стягивая платье. Хирург взял грудь в руку и чуть сжал сосок пальцами. Сосок сразу затвердел, а Ваниэль подалась вперед, прижимаясь к Поджеру.

В роще было полутемно, но небольшой круг, вытатуированный на боку эльфки сразу под грудью, Поджер разобрал без труда. Он сглотнул. Поджер хотел дать этой женщине все, что у него было, но не знал, с чего начать. Но колебался он недолго. Хирург решил пойти по самому короткому пути и потянул подол платья эльфки вверх. Трикотаж скрутился на талии

эльфки в трубочку. Ваниэль вцепилась за волосы Поджера и коротко пронзительно вскрикивала.

Эльфка не видела сияния, затопившего рощу. За ее плотно сомкнутыми веками полыхало другое пламя.

Откуда-то с земли раздался стон. Эльфка торопливо расправила платье. Ваниэль взглянула на Купалец и сощурилась. Над костром сияла, переливаясь, звезда раскрытого телепорта. Хирург уже сидел на корточках у ближайшего дерева.

– Владислав? – встревожено спросил он. Барон застонал снова. Поджер помог ему сесть. Эльфка услышала, как барон закашлялся.

– Где… – хрипло спросил Владислав. – Где Карина?

– Я ее только что видел, – сказал Поджер. – Она с тобой шла к Купальцу… Ой, то есть не с тобой…

Владислав провел руками вокруг себя, нащупал плащ и гадливо отбросил его.

– Он взял мой плащ! – воскликнул барон, неожиданно резво вскакивая на ноги. Тут он увидел сияние телепорта над Купальцем. – Проклятый сидх!

Владислав, не разбирая дороги, кинулся на поляну. Ломаясь, захрустели ветки олив. Ваниэль устроилась на оставленном бароном плаще – ноги не держали ее. Поджер оглянулся.

– Я здесь, – сказала Ваниэль и похлопала рукой рядом с собой. Она увидела на ткани вытканного темно-синей нитью симпатичного краба отшельника и вдруг поняла, кто оглушил барона.

И кто украл Карину.

Поджер смотрел вслед Владиславу. Ваниэль страстно захотелось, чтобы хирург пошел вслед за своим другом и дерзкий замысел Шенвэля провалился с треском.

Но треск в этом случае был бы чрезвычайно оглушительным.

На миг Ваниэль увидела обезображенные трупы эльфов, кровавой горой возвышающиеся на поляне, услышала крики женщин, которых толпа забивала ногами….

Эльфка закусила губу, чтобы не заплакать.

– Ты хочешь пойти за своим другом? – спросила Ваниэль.

– Да, – после некоторого молчания признался Поджер.

– Но ведь он даже не поблагодарил тебя, – сказала эльфка. Ваниэль лихорадочно соображала, как бы задержать его подольше.

– Кто-то оглушил его, забрал плащ, – возразил Поджер. – Что-то очень нехорошее происходит…

Хирург откашлялся и добавил:

– Ты меня извини, я бы сейчас все равно не смог бы ничего …

– Ну что же, нет так нет, – сказала эльфка. – Но ты и так сильно приподнял мандречен в моих глазах.

Поджер, который не сводил глаз с Купальца и мысленно очевидно был уже рядом с бароном, резко повернулся к Ваниэль.

– Ошибочка вышла, – сказал он. – Я не мандречен. Я поланин.

– Это разве не одно и тоже? – обрадовавшись, что удалось заинтересовать хирурга, спросила эльфка.

– Тогда серые и темные эльфы – одно и тоже, – сердито ответил Поджер.

– Но Трандуил [10] всегда сидел смирно в своих чертогах над Гламрантом, – возразила Ваниэль запальчиво. – И знал, что если ему только придет в голову мысль назвать себя «королем Лихого Леса», все его серые эльфы окажутся на другой стороне реки… А Полой, сколько я живу, управляли из Мандры, разве нет?

– Ты права, – сказал Поджер. – Мы боролись за свою независимость, как могли. Наши

---

[10] Последний король серых эльфов Лихого Леса. Убит Морул Кером.

народы действительно более близкие родичи, чем серые и темные эльфы. Мандречь и поланский очень похожи. Но полане – это совсем другой народ, чем мандречены. Ты так больше никогда не говори, если не хочешь неприятностей. Мандречены переломили нам хребет под свои сказочки о единстве братских народов. К сожалению, у нас не было таких отчаянных героев, как Черная Стрела, например.

Только тут эльфка поняла, по какой дорожке Поджер вел ее с самого начала.

– Но ведь Черная Стрела погибла, – невозмутимо сказала Ваниэль. – Ее отряд попал в засаду, и их всех вырезали. Над трупами солдатня надругалась так, что Черную Стрелу опознали только по наколке, которую все Ежи делали себе на груди. По черной стреле. Тело даже выставили на всеобщее обозрение, чтобы не возникло сомнений.

– Но я слышал и другую версию, когда учился в Храме Красной Змеи в Келенборносте, – возразил поланин. Ваниэль знала со слов Карины, что Поджер, несмотря на молодость, уже главный хирург рабинского госпиталя. И сейчас столь стремительная карьера перестала ее удивлять. В Храме Красной Змеи готовили врачей самого высокого класса. Там не смотрели, человек, эльф, с магическим даром или нет. В храме учили всех, кто выдерживал экзамены. В год самого большого приема, насколько помнила Ваниэль, таких счастливцев оказалось пятеро.

– У Черной Стрелы был возлюбленный, – продолжал тем временем Поджер. – Ледяной эльф, случайно примкнувший к их отряду. И враги, и друзья звали его одинаково – Мастер на Все Руки. Так вот говорят, что он вынес Черную Стрелу из засады, хотя сам пострадал. И что Мастер на Все Руки смог убедить Черную Стрелу, что эта война для нее закончена. А наколка… Темные эльфы боготворили свою принцессу. У нее было много двойников. Люди приняли желаемое за действительное с этой татуировкой, прости за игру слов – накололи сами себя. Ведь смешно было бы думать, что эльфийскую принцессу из царствующего дома зовут именно так. Понимаешь?

– Может, ты знаешь и настоящее имя принцессы? – спросила эльфка.

– Я даже знаю, почему татуировка у тебя совсем не соответствует имени, Ваниэль, – сказал Поджер тихо. – Я в юности бредил тобой. У меня нет магического дара. Но пациенты за глаза так и зовут меня – Мастером на Все Руки…

У него был такой голос, такое выражение глаз, какого Ваниэль не видела последние лет сто.

– Ты сказал, что у тебя настроение пропало, – сказала эльфка, пристально глядя в лицо Поджеру. – Может, я попробую его приподнять тебе?

Поланин поднял руку, словно защищаясь.

– С настроением у меня уже в порядке, – сказал он.

– Вот и хорошо, – сказала Ваниэль и легонько толкнула его в грудь.

Хирург откинулся на спину. Он смотрел на крупные звезды над собой, звезды, кружащиеся по небу в своем бесконечном величественном танце.

Голоса на поляне становились все громче, но Поджер их уже не слышал. Звезды сошли со своих орбит и затянули его в свою бешено мчащуюся воронку.

Колючая звезда портала еще сияла над Купальцем, когда Владислав выбежал на поляну. Барон знал, что если метнуть в телепорт любую вещь прежде, чем он закроется, то портал собьется и исторгнет из себя тех, кто хотел им воспользоваться. Владислав подхватил с земли камень и замахиваясь, рванулся к Купальцу. Его излюбленным оружием была праща, здесь барона не могла превзойти даже его возлюбленная ведьма. И сейчас Карине предстояло горько пожалеть о том, что она не выбрала себе в любовники копейщика, или, скажем, меченосца.

Да и рога Владислав, несмотря на возраст, носить был не согласен. Барон не спросил ведьму, где она пропадала всю ночь и большую часть дня, не желая оскорбить недоверием, ожидая, что Карина сама как-то объяснит свое отсутствие. Но Карина молчала. Вот, значит, что скрывалось за ее молчанием!

На пути барона оказался старый волхв. Этот старый пень словно вырос из-под земли прямо перед ним. Владислав попытался обойти священника, но Дренадан захотел благословить его. Барон был готов задушить его собственными руками. Однако вокруг было слишком много рабинцев, и подобная выходка могла дорого обойтись Владиславу. Стоя на коленях и ощущая сухую старческую ладонь у себя на макушке, барон смотрел на Купалец. По щекам его текли слезы злости и отчаяния. Рукотворная звезда погасла. Телепорт сработал.

Полет продлился недолго. Эльф телепортировал себя и ведьму не в Фейре, а всего лишь на другой берег залива. Магическая сфера, защищавшая путешественников во время переброски, лопнула, и на Карину обрушился запах роз.

– А я-то удивилась…. Ты ничем не рисковал, – смеясь, сказала она. – Браки людей и сидхов в Мандре не признаются.

Глаза Карины лихорадочно блестели. Шенвэль видел, как волны возбуждения и страха перекатываются в ее ауре. Ведьме хватило смелости пойти с ним, но теперь она боялась.

– В Фейре признаются, – сказал Шенвэль спокойно.

Карина прижалась к эльфу и сказала тихо:

– Я думала, что больше никогда не увижу тебя.

– «Ах, не надо таких слов!», – передразнил ее Шенвэль.

Карина смущенно опустила голову. Что-то тихо шептали волны, ложась на гальку. Эльф чувствовал тепло тела ведьмы. Он посмотрел на огни другого берега. Приглушенная расстоянием музыка казалась даже красивой. Шенвэль взял Карину пальцами за подбородок, поднял ее лицо. Лунное серебро наполнило глаза ведьмы.

– Я. Буду. С тобой. Теперь. И до конца, – произнес Шенвэль, целуя Карину.

Эльф ощутил на губах давно забытый, свежий и пряный вкус счастья.

Но к нему примешивалась и горечь – это счастье было краденое.

– И спою тебе в последний миг, если захочешь, – продолжал Шенвэль. – Правда, других мандреченских песен, кроме той, что ты пела мне в подземелье, я не знаю…

– Я люблю тебя, – сказала Карина. – Ты убил Владислава?

Эльф отрицательно покачал головой.

– Только оглушил. А надо было?

– Ты с ума сошел! Конечно, нет. Владислав тебя видел?

– Нет.

– Но он может догадаться, когда придет в себя, – сказала Карина. – Начнется такой шум… Давай посидим маленько здесь, подождем.

Ведьма посмотрела на эльфа и добавила:

– Там ведь твои подданные, Шенвэль. Многие в Рабине были против совместного праздника, и они с радостью ухватятся за любой повод. Даже Чистильщиков из Кулы вызывать не будут, сами разорвут всех сидхов в клочки, и все.

Шенвэль снял плащ и протянул его ведьме, чтобы она не простудилась в своем легком шелковом платье. Карина закуталась в плотную ткань. Шенвэль уселся на ступеньках, широко раскинул ноги. Ведьма села перед ним, на ступеньку ниже, прислонилась спиной к груди Шенвэля. Эльф обнял ее за талию. Некоторое время они оба молчали. Шенвэль глядел на черноту моря – воды сегодня не светились. Карина рассеянно смотрела на тени, весело пляшущие вокруг Купальца. Праздник шел своим чередом, похоже, Владислав еще не пришел в себя.

– Кстати о Чистильщиках, – сказал Шенвэль. В послании Дренадана присутствовал образ, который эльф не смог расшифровать. – Расскажи мне про их предводителя, Крона. Или ты не знакома с ним?

– Почему же, знакома, – ответила ведьма. – Мою крыло всю войну прикрывало с воздуха императорскую гвардейскую дивизию Серебряных Медведей.

– Крон, наверное, очень лицемерный человек, двуличный?

– Да нет, – сказала Карина. – Он не лицемер. Крон действительно верит в этот бред насчет раздельного существования разумных рас. Вам просто не повезло, что он воспринимает порядок в мире именно так. Сидхи – отдельно, люди – отдельно.

Шенвэль усмехнулся.

– А когда, где Крон примкнул к армии Мандры? – спросил эльф. – Я точно помню, что сначала у вас был другой имперский маг.

– Ну да, – кивнула Карина. – Крон выскочил, как шут из табакерки, во время битвы за Порисское ущелье. Нам тогда экены всадили по самое некуда. Тогдашний имперский маг погиб вместе со всей свитой. И пока Искандер, матерясь, вытаскивал из ножен меч – а на него уже отряд Танцоров Смерти скакал – Крон вышел спокойно из каких-то кустов, и положил всех экен. Искандер его сразу имперским магом и назначил. Пятиугольник свой Крон потом уже получил, когда Круг Волшебников Мандры у него квалификационный экзамен принял. Но больше Крон с нами вместе никогда не дрался, кроме, пожалуй, Мир Минаса.

– Почему? – спросил Шенвэль. – Боялся?

– Нет, дело в другом. Крон, он… не трус, нет, но и не боец. Его призвание – снабжать. Солдата надо одеть, накормить, дать оружие. А Искандер это хоть и понимает, но наладить снабжение – это выше его сил. Император, он может наорать, под горячую руку казнить, но толку от этого мало. Пока Крон у нас не появился, в армии ведь жуткий бардак был. Ни еды, ни боеприпасов. Стрелы лучникам по счету выдавали, представляешь? Все генералы разворовывали. Крон, хоть и выглядит как истинный мандречен, порядок любит так, словно неречь. Он очень быстро все наладил. Кое-кого пришлось казнить, правда, но мы начали валенки в ноябре получать, а летнее обмундирование – весной, как и положено. А не наоборот, как до него было.

– Неречь, – повторил Шенвэль. – А Порисс ведь рядом с Боремией. Двуличная неречь… Скажи пожалуйста, Карина, а ты не знаешь, что Крон любит есть?

– Знаю, – кивнула Карина. – Моему крылу доводилось охранять полевую кухню при императорском штабе. На войне люди едят все, что под руку попадется, сам знаешь. Но я помню, когда мы в Запретном лесу стояли – а там ведь живности, непуганой, голыми руками бери – так Крон все больше дичь заказывал. Глухарей, тетеревов… Зайчатинку уважает.

– Так, так, – ободряюще сказал Шенвэль.

Ведьма зябко передернула плечами.

– Говорят, Крон и птицу, и зайцев прямо голыми руками рвал и ел, – сказала Карина. – Врут, наверное. А даже если и правда, я думаю, пусть он лучше рвет мертвых зайцев, чем живых людей.

– Я думаю, что Крон – оборотень, – сказал Шенвэль. – Судя по твоему рассказу, татцель или молодой вервольф. И это предположение многое объясняет. Оборотни были очень сильными магами, хотя все свои достижения в этой области унесли с собой в могилу. А Крон, хоть и носит пятиугольник, маг шестого класса как минимум.

Карина недоверчиво покачала головой.

– Вряд ли, – сказала ведьма. – Оборотней ведь выводили под корень.

– Кое-кому из оборотней удалось найти спасение в Экне, – возразил эльф. – Соран требует уничтожения только неверных, без различия к расовой принадлежности; и оборотни все поголовно приняли мислам. Вы как раз встретили Крона в Пориссе, на границе Боремии и Экны.

– Да и потом, сам подумай, – сказала Карина. – Оборотень – главный борец за чистоту человеческой расы, это была бы слишком злая насмешка судьбы!

– Так всегда и бывает, – хмыкнул Шенвэль. – Алкоголики кричат о вреде пьянства. Бывшие проститутки читают проповеди о нравственности и призывают выходить замуж девочками. А оборотни борются за чистоту человеческой расы. Крона, кстати, можно понять. Если бы оборотни запретили смешанные браки, когда ваше человеческое племя, неречь, пришло на их землю, сейчас бы в Боремии не было людей. Так, ладно. Скажи мне вот еще

что. Крон проявил себя гением снабжения на нашей с вами войне, но теперь война закончена. Сможет ли Искандер править Мандрой один?

Карина ни на миг не забывала, что разговаривает с Верховным магом Фейре, но тут она все же растерялась. Ведьма облизала вдруг пересохшие губы и сказала неуверенно:

– Я тебя не понимаю.

– Ты все понимаешь, – сказал Шенвэль жестко. – Если Крон сейчас умрет, ваша империя не развалится?

Карина обернулась к эльфу.

– О, пощади его! – горячо выдохнула она. – Прошу тебя, Шенвэль!

– Знала бы ты, за кого просишь, – процедил эльф сквозь зубы.

– Так расскажи мне! – воскликнула ведьма.

Болезненная судорога исказила лицо Шенвэля, он потер горло, словно пытался преодолеть спазм.

– Я не могу, – сказал он наконец. – Могу сказать только одно: я должен убить Крона. Пока еще это в моих силах…

Карина встала перед Шенвэлем на колени и обняла эльфа.

– Ради всех богов, эльфийских и мандреченских, оставь Крону жизнь, – взмолилась ведьма.

– Но почему? – удивился Шенвэль. – Почему ты просишь за этого упыря, то есть оборотня, да еще с такой страстью? Вы…

– Нет, – рассердилась Карина. – Крон не любит женщин.

Шенвэль вскинул брови.

– Ты сейчас сказала, что…

Ведьма насупилась.

– Да, – неохотно произнесла она. – Крон – любовник Искандера.

– Это еще не повод, – сказал Шенвэль хладнокровно. – Император найдет себе другого смазливого мальчика, подумаешь.

Ведьма поднялась на ноги, отошла от эльфа, спустилась на несколько ступенек. Тергалевый плащ в лунных лучах стал снежно-белым. Длинная черная коса Карины казалась заброшенным за спину мечом.

– Вы снова хотите войны? – с яростью спросила ведьма, глаза ее блеснули, как два осколка звезд. – Ты ведь знаешь, что Искандер одержим. Ты с самого начала кричал об этом своих листовках. У него был припадок, когда вы вместе были в замке Черного Пламени, да?

– Какой припадок? – переспросил Шенвэль.

Карина топнула ногой.

– Не ври! – сказала она и процитировала: – «Марионетка с потухшим взором и деревянными движениями, которую словно дергает за ниточки неумелый кукловод» – это ведь ты написал? А знаешь ли ты, какие приказы отдавала эта марионетка? Совершенно безумные! Я думаю, что и закон о раздельном существовании, который у вас как бельмо в глазу, был подписан как раз во время такого припадка… Искандера спасал только разврат, безудержный, безмерный трах. После этого он был собой дня два-три, да. Одержим ли Искандер каким-то духом, как ты предполагал в своих листовках, или Черное Пламя заразил его своим безумием – неважно! Но другого полководца у нас вообще не было, понимаешь ты? А Крон справился с этим духом или болезнью. Он не может изгнать его совсем, но сдерживает духа своим присутствием, и возможно, Крон вообще единственный, кто может это сделать!

И тут Шенвэль понял.

«Каналы Чи императора замыкаются после оргазма в любом случае, но ненадолго. Как только Искандер начинает мыслить, привязь восстанавливается, оттого он и трахался непрерывно», подумал эльф. – «А Крон рвет небесный поводок… Он, видимо, закрепляет каналы императора всей силой своего дара, и Искандер остается собой гораздо дольше».

Эльф покачал головой. Он рассеянно отметил, что музыка на поляне стихла. Но это еще

ничего не значило – музыканты могли отойти отдохнуть.

– Я не думал, что Крон **так** много знает, – сказал Шенвэль.

-Теперь и ты знаешь не меньше. И если ты убьешь Крона, если ты снова развяжешь войну, я…я… Я уйду от тебя! – произнесла Карина.

Шенвэль иронично взглянул на ведьму.

– Во-первых, Крон может умереть и сам, – сказал эльф. – Он ведь был сильно ранен. И я даже догадываюсь, кто его ранил.

– Ты увиливаешь, – сказала ведьма. – Пообещай, что…

Шенвэль поднял руку, словно защищаясь.

– Крон будет жить, – с тяжелым вздохом сказал эльф.

Над водами залива разнесся хриплый дребезжащий крик. Карина обернулась. Ничего, кроме мечущихся по поляне теней, с такого расстояния было не разобрать. Однако плавные, размеренные танцевальные движения сменились лихорадочными рывками.

– Мне придется вернуться, – сказала Карина.

– Да, – сказал Шенвэль, поднимаясь. – Мы должны вернуться.

Ведьма улыбнулась.

– Из сильных магов там только Онуфрий, – сказала Карина деловито. – Он пользуется Чи Огня, и…

– Увидев наши ауры за Купальцем, он решит, что это помехи от пламени, – кивнул Шенвэль.

Первым делом Владислав нашел рыцаря Альду, начальника своей личной охраны, и избил его. Рыцарь был так пьян, что даже не сопротивлялся, а лишь пытался выяснить причину гнева своего сеньора. К концу экзекуции Альда протрезвел настолько, чтобы понять – ограбление и кража подруги барона, которые он не смог предупредить, тянут на лишение рыцарского звания и позорное изгнание. Эта мысль сильно взбодрила рыцаря. Пока Альда собирал дружину барона и приводил ее в чувство примерно тем же методом, что и Владислав применил к нему самому, барон присел с краю пиршественных столов. Рядом с Владиславом случайно оказался Светозар, глава молодежного отряда рабинских Чистильщиков. Владислав понимал, кто перед ним, и что с минуты на минуту праздник может превратиться в кровавое безобразие по его вине. Но барону было уже все равно. Да и Светозар так сочувственно кивал головой и прищелкивал языком, что Владислав вывалил ему все – и про Шенвэля с Кариной, лежавших на одном плаще, когда их принесли в госпиталь, и про отсутствие ведьмы сегодня ночью. Альда подошел к Владиславу как раз тогда, когда барон закончил свой грустный рассказ.

– С вон тем парнем, – сказал рыцарь и указал экена, всего в повязках, который вплетал кувшинки в волосы женщины, спавшей у него на коленях. – Госпожа Карина разговаривала, когда шла к Купальцу.

Барон поднялся, и они вместе с рыцарем направились к экену.

– Как тебя зовут? – спросил Альда, останавливаясь перед ним. – Какого ты сословия?

– Гёса, – ответил тот, скользнул по рыцарю цепким взглядом и почтительно кивнул барону. Владислав узнал парня, которого ведьмы вытащили из замка, и которого оперировал Поджер. – Я наемник.

Барон посмотрел на кувшинки, лежавшие на полотенце рядом с Гёсой. Очевидно, их оказалось больше, чем можно было вплести в прическу ведьмы. Водяные цветы нестойки; а здесь, из-за близости к жертвенному костру, кувшинки уже потеряли свою красоту и выглядели жалко. У ВЛадислава защемило сердце, и он почувствовал, что сейчас расплачется. Барон показался сам себе такой кувшинкой, сорванной про запас и выброшенной засыхать за ненадобностью.

– А, так это вы вместе с ведьмами замок дракона разнесли, – сказал Альда.

Ведьма на коленях Гёсы мирно сопела. Владислав узнал Зарину.

– Ты разговаривал с Кариной? – спросил барон, сдерживаясь из последних сил. – Когда

она к костру шла?

Гёса кивнул.

– Кто был с ней? – спросил Альда.

Экен пожал плечами:

– Не могу знать. Темно ведь, да и в капюшоне он был.

Владислав наступил на полотенце и стал яростно топтать кувшинки. Гёса побледнел.

– Ты его видел, люди говорят, он об тебя споткнулся! – завопил рыцарь Альда.

Барон растоптал цветы в мелкую кашу.

– По крайней мере, это был человек или сидх? – тяжело дыша, спросил Владислав.

– Не разглядел, – отвечал наемник. – Темно-то как, да и…

– Хватит, хватит, это я уже слышал! – рявкнул барон.

Быстрым движением Владислав выхватил у Альды меч и коротко замахнулся. Для того, чтобы верно оценить всю совокупность повязок и гипса на наемнике, не надо было быть врачом. Экен был абсолютно беззащитен. Будь он даже вооружен, сломанные ребра и спящая на ногах наемника ведьма не позволили бы Гёсе сделать что-нибудь стоящее. На это и рассчитывал барон. Владислав хотел разрядиться, выпустить пар.

Просто Владислав никогда раньше не сталкивался с Синергистами.

Зарина резко перевернулась на спину. Гёса не успел закончить ее шлем, и распущенные волосы ведьмы взметнулись, как змеи. Зарина выставила перед собой руки, между ее ладоней мелькнули голубые искры. Кувшинка, вылетев из прически, ударила наемника по лицу. Гёса успел схватить цветок ртом, мясистый стебель хрустнул на крепких зубах. Владислав сделал четыре быстрых шага назад и бросил меч в траву. Гёса даже глазом не моргнул. Рыцарь Альда бросился поднимать свое оружие. Зарина встала на ноги. Экен, улыбаясь, протянул ведьме многострадальную кувшинку. Зарина приняла цветок и улыбнулась в ответ.

В этот момент Гёса услышал голос и изменился в лице.

– Это тот добрый человек, который разжег Купалец, – сказал подросток, до сих пор занятый поцелуем со своей подружкой. Все повернулись к ним. Девушка смутилась, поправила сползшую с плеча фиолетовую бретельку.

– Зарина, – прохрипел Гёса. – Дай руку…

Ведьма протянула экену руку и помогла подняться. Гёса, ковыляя и тяжело опираясь на плечо Зарины, подошел ближе и теперь мог видеть подростка через плечо Альды.

– Не, – сказала Русана. – Тот в другом плаще был. Вот в этом, который сейчас на господине бароне. Я почему запомнила, он на форменный плащ боевых ведьм похож. Смотрелся тот парень, как голый среди одетых. А который Карину украл, тот был в таком… переливающемся.

– Это был мой плащ! – воскликнул барон. – Он украл и его! Послушайте, вы хорошо его рассмотрели. Это был человек или сидх?

Тут Митя почувствовал на себе тяжелый взгляд. Княжич поднял глаза и встретился глазами с экеном. Митя ощутил непреодолимое желание заткнуться, и вместо ответа неопределенно пожал плечами. Русана задумчиво посмотрела на Митю, на Гёсу, и тоже промолчала.

– Сидх украл бабу? – тихо переспросил Георгий. – Так чего же мы ждем?

Ясек пожал плечами. Весь молодежный отряд истинных патриотов, юных Чистильщиков Рабина, уже собрался у дороги, ведущей к Куне. К кораблям сидхов. Светозар, старший в отряде, находился в дальнем от Георгия конце шеренги. Паренек отвел взгляд. Светозар разговаривал с двумя девушками редкой красоты. Они не разомкнули страстных объятий даже в присутствии старшего товарища. Противоестественные увлечения сурово осуждались среди патриотов, их девиз гласил: «Страсть должна быть продуктивной!»

Но Мари-Анна не могли ни разжать объятий, ни стать объектом чьей-то страсти. При беглом взгляде казалось, что на близняшках одинаковые платья – черные, строгие.

Единственным украшением наряда был нашитый на подоле фиолетовый колокольчик, символ очищения. Однако стоило девушкам сделать шаг, и становилось ясно – платье у них одно на двоих.

Как и жизнь, как и тела, соединенные пупками.

– Вы видели звезду, сейчас, над костром? – ласково спросил Светозар. Близняшки выглядели лет на шестнадцать, но командир юных Чистильщиков знал – им еще не исполнилось и одиннадцати, и разум сестер соответствовал их физическому, а не внешнему возрасту.

Девушки одновременно кивнули.

– Кто-то улетел с поляны, – сказала одна из сестер. У Георгия мороз продрал по коже, как всегда при звуках этого голоса – гортанного, хриплого, нечеловеческого.

– Мужчина и женщина, – добавила вторая. «Анна», подумал Георгий. У этой сестры голос был поприятней.

– Сделайте так, чтобы больше никто не мог покинуть поляну таким способом, – попросил Светозар.

Георгий чувствовал сладкое подрагивание внутри, как всегда в предвкушении большого дела. Анастасию, наставницу Чистильщиков, за которую каждый из молодых патриотов не раздумывая отдал бы жизнь, сидхи прикончили три назад. Проклятые маги, конечно, отперлись от теплого, а князь не стал раздувать дело. Оно и понятно, чего еще ждать от полукровки? Иван давно запродал город сидхам. «Но сейчас мы отомстим», думал Георгий, и голова у него кружилась. – «Ты узнаешь, князь, что не все решают деньги… что есть еще настоящие патриоты в Мандре!».

Светозар с досадой прищелкнул языком.

– Старый козел не уверен, что это был именно сидх, – озабоченно сказал глава юных Чистильщиков. – Потом скажут, что мы-де их спровоцировали… Вот если бы кто-нибудь, сам, закричал бы… Что у него бабу украли… Позвал на помощь… Наши все подхватили бы…

Мари-Анна, медленно переступая четырьмя ногами, повернулась лицом к Георгию. Тот сглотнул и стал разглядывать валявшегося неподалеку пьянчужку.

– Помощь, – сказала Мари.

– Украли бабу, – откликнулась Анна.

Толян с трудом сел. Голова гудела, как колокол, сзывающий добрых людей на вече. К этому Толяну было не привыкать – с некоторых пор колокол в его голове звонил каждое утро. Но сейчас Толян слышал тихие, вкрадчивые голоса, и слова их обжигали душу, словно крапива.

Черные полосы бывали в жизни Толяна и раньше – когда его за пьянку уволили с шахты, а на следующий день эти сволочи сидхи украли его лодку. Но так густо неприятности сыпались на Толяна впервые.

Три дня назад погиб Радик, давний друг и лучший собутыльник. Не иначе, как его прикончили сидхи, которых полукровка-князь призвал на землю людей якобы для защиты в ночь спасения замка. Но среди людей еще оставались настоящие мужчины, патриоты, и Иван об этом знал. Если бы хоть один сидх остался на земле мандречен после рассвета, Толян сам бы показал проклятым сидхам дорогу в чертоги Ящера. Толян намекал Адриане, вдове Радика, что тут не все чисто, но глупая баба не стала заявлять иск волхвам Прона. Все они, бабы, такие – работай на их тряпки и побрякушки, спину гни, а они спят и видят, как бы избавиться от муженька. Толян сегодня сам видел, как Адриана в обнимку с каким-то мужиком шла к кустам. А Радика ведь еще не похоронили даже, Адриана заявила, что у нее нет денег заплатить волхву за погребальный обряд.

От священного черноклена неслась веселые песни и смех. Толян зажал уши руками, но тут трещотки, бубны и колокольцы стихли. Толян обвел взглядом поляну. Он увидел музыкантов, оставивших свои инструменты и направляющихся к пиршественным столам.

Видимо, они решили передохнуть и промочить горло.

Толян провел рукой по груди, обнаружил, что она вся заляпана кровью, а бороде нашел два своих зуба. Он вспомнил, что вытащил из хоровода эльфку. А мерзкая баба убежала со своим хахелем – сидхом. Тот, хоть и ростом не вышел, драться умел.

Голоса в голове Толяна взвыли, как кошка, которой дверью прищемили хвост, да тут еще и колокол ударил во всю мочь.

– Помогите! Люди добрые! – завопил Толян. – Что же это делается! Сидхи воруют наших баб!

Шенвэль провел рукой по распущенным волосам ведьмы.

– Ты и правда так сказала? – спросил он. – Про расчет?

– Какой расчет в три часа ночи… – пробормотала Карина.

Эльф понял по ее дыханию, что ведьма заснула. Он поднялся, подошел к выходу на террасу. Сегодня море не светилось. Шенвэль глянул туда, где недавно горели огни праздника. Но человеческий берег Рабина тоже терялся во тьме. Эльф задвинул створки, на ощупь нашел халат и покинул покои.

Лакгаэр вошел в обеденный зал своего дворца, бросил на стол толстый свиток. Но на этот раз это был не магический трактат. Старый эльф прошел взад-вперед, заложив руки за спину и кусая губы. Он попытался передать телепатемму Шенвэлю, но не смог пробиться сквозь пламя страсти к разуму Верховного мага. Лакгаэр сел во главе стола, покрытого накрахмаленной скатертью, обвел обеденный зал задумчивым взглядом. Эти стены помнили первую жену эльфа и двух детей, рожденных в любви. Затем под сводами снова раздавался певучий женский голос и смех ребенка. Но после того, как Файламэл бросила Лакгаэра, а Аннвиль погиб, старый эльф долго трапезничал один.

«Надо сделать так, чтобы Карине понравилось у нас», думал Лакгаэр. – «Но что она предпочитает? Шенвэля спросить, так ведь он тоже не знает, наверное…».

Шенвэль бесшумно появился в проеме двери, словно дух. Лакгаэр заметил Верховного мага, прислонившегося к косяку, и вздрогнул от неожиданности, но справился с собой.

– Ульрик передал тебе какие-то документы, – сухо сказал старый эльф, кивая на свиток. – Он сказал, ты знаешь…

Шенвэль молча поднял руку. Свиток проплыл в воздухе и лег в подставленную ладонь.

– Позволь, я себе воды налью, – сказал Шенвэль.

– Мой дом – твой дом, – с усилием сказал Лакгаэр. – Вина, может быть?

– Нет, я хочу простой воды, – сказал Шенвэль.

Лакгаэр сообразил, в чем дело. Верховный маг истратил много своей Чи. Шенвэль уселся в торце стола напротив старого эльфа. Лакгаэр молча смотрел, как открываются стеклянные двери буфета, как плавно вылетают оттуда кувшин и кубок. Они приземлились на скатерть, и при этом не расплескалось ни капли. Шенвэль наполнил кубок без помощи магии и жадно напился.

– Жизнь в Рабине была бы гораздо спокойней и безопасней, – поглядывая на гостя из-под насупленных бровей, сказал Лакгаэр. – Если бы тебе нравились уютные, милые домохозяйки.

– Я злоупотребил твоим гостеприимством, – сказал Шенвэль. – Прости. Мы покинем твой дворец немедленно.

– Я не закончил, – сказал старый эльф. – Наша жизнь была бы стабильней, но намного скучней. Как говорят мандречены, целовать, так королеву, а украсть… хмм… применительно к данной ситуации я бы сказал – ее же. Ты хоть знаешь, что было на поляне?

– Знаю, – сказал Шенвэль спокойно.

Ладья качнулась, и солдатик вывалился из нее. Зеленый плащ взвился в воздухе, а

ладья врезалась в дерево. Михей взглянул на маленького эльфа. Губы Финголфина дрожали.

– Ты чего? – спросил Михей.

– Слышишь, что кричат? – с трудом спросил Финголфин. – Будто сидхи…

Михей пожал плечами.

– Мало ли что орут спьяну, – сказал он.

Маленький эльф покачал головой. Михей и сам уже оценил вопли на поляне. За одиночным хриплым выкриком последовали разрозненные злобные голоса, из которых, словно по мановению палочки невидимого дирижера, вырос стройный хор.

– Пойдем, посмотрим, – озабоченно сказал Михей.

Они с Финголфином протиснулись через колючие кусты, прошли мимо пушистых елочек и притаились в тени кленов. Дальше мальчики сунуться не рискнули. На поляне царила страшная суматоха. Сложно было поверить, что еще несколько минут минуту назад эльфы и люди сидели бок о бок, пили медовуху, неторопливо беседовали или плясали около костра и священного черноклена. Лицо Финголфина исказилось от ужаса, когда он увидел двух девушек, крепко обнимавших друг друга. Маленький эльф сразу понял, что это – один человек, хотя органов у этого чудовищного тела вполне хватало на двоих. Девушки вперевалку следовали за парнями, прочесывающими поляну.

– Вот эта… вот эти… – пробормотал маленький эльф, указывая рукой.

– Это наша городская дурочка, Мари-Анна, – сказал Михей. – Во время оккупации ее мать сюрки изнасиловали, вот она такая и родилась. А отец повесился, когда это чудо увидел. Так странно – Чистильщики должны были первые требовать, чтобы выродка уничтожили, а княгиня Анастасия, их главная, пригрела близняшек, вырастила, как родных.

– Мари-Анна, может, и дурочка, – заметил Финголфин. – Но ваша княгиня была мудрая, хотя и злая. Эти близняшки очень сильные волшебницы, как и все сюрки. Княгиня вырастила девочек, как цепных собак, чтобы натравить на нас. Это Мари-Анна глушат все телепатеммы, из-за них я не могу найти маму.

Михей скользнул туда-сюда оценивающим взглядом. В метаниях толпы было больше хаотичности, чем в передвижениях войсковых подразделений, да и к тому же, на людях и эльфах не было формы, но Михею, в общем, все было ясно.

– Ваши пытаются удержать проход между столами и рощей, – задумчиво сказал Михей. – Но толку в этом никакого – дорога на берег перекрыта.

– Это тебе так кажется, – сказал Финголфин и вдруг улыбнулся.

Михей покачал головой.

– Чистильщики все равно скоро захлопнут мешок… Ваши ладьи, наверное, подпалили уже…

Он встал и сказал решительно:

– Пойдем.

– Куда? – изумился Финголфин.

Михей махнул рукой.

– Через лес, по склону, – сказал он. – Ко мне домой. В городе сейчас, я думаю, нет никого, так что тебя не сцапают. Я тебе дам лодку. Переплывешь через залив к себе. Там, правда, весел нет. Сможешь магически с ней управиться?

– Благодарю тебя, Михей, – сказал маленький эльф. – Но прости, я не пойду с тобой.

На этот раз пришел черед удивляться Михею.

– Почему? – сказал он.

– Мама без меня не уйдет, – сказал Финголфин. – Она будет искать меня, пока ее не убьют…

Михей покачал головой, стащил с себя картуз и протянул Финголфину.

– Надень, – сказал он. – А сапожки сними.

Иван резко повернулся, выпустив ведьму. Пока Светлана не разобрала, что кричат на поляне, она была благодарна тому человеку, из-за которого ей так не пришлось

воспользоваться сонными чарами. Князь и ведьма выбрались на дорогу, ведущую на берег Куны. Им навстречу выбежали два подростка, один из них нес факел. Светлана видела их впервые, а вот Ульрик бы сразу узнал этих юных патриотов. Но ведьма и так догадалась, куда мчатся парни, и похолодела.

Они хотели поджечь ладьи сидхов.

– Стой! – крикнул Иван.

Тот подросток, что нес огонь, метнулся в лес, а второй бросился прямо на Ивана. Светлана увидела в его руках кинжал. К горлу ведьмы подкатила дурнота, на миг ей показалось, что все это происходит во сне.

– За Анастасию! – крикнул парень, замахиваясь.

Ведьма вскинула руки, но Иван уже разобрался сам. Чуть присев, князь с силой ударил подростка по запястью. О том, что рука взрослого мужчины длиннее его руки, даже вместе с кинжалом, паренек не подумал. Кинжал упал на дорогу, звякнув о корни. Подросток попятился назад, и вдруг лицо его изменилось.

– Ма…ма, – сказал он, а в следующий миг из груди его вышло острие меча.

Абдула, появившийся из кустов подобно тени или духу, резким движением выдернул меч. Паренек упал. Иван посмотрел на труп у своих ног, вопросительно глянул на Светлану. Целительница отрицательно покачала головой. Из леса вышел Рахман с факелом, остановился у обочины и вытер меч о траву.

– Уберите это, – кивнув на тело, сказал князь. – И второго тоже, так уберите, чтобы их никто не нашел…

– Уже, – сказал Рахман и добавил, обращаясь к напарнику: – Там, налево, мостки есть…

Абдула взял подростка за ноги и потащил к реке. Дорогу окутало голубое свечение – Светлана чарами стирала с нее следы крови.

– Сидхи совсем обозрели! – завопил на поляне хорошо поставленный голос. – Они как звери, им дай палец, они откусят всю руку! Пригласишь в гости, так всех баб перепортят!

Его поддержал нестройный хор голосов, мало похожих на человеческие. Князь подумал, что в добрый час решил последовать совету отца и набрал в свою дружину наемников из Боремии, а не местных воинов. Будь его дружинники из Рабина, сейчас на их верность нельзя было бы положиться.

– Найдешь Онуфрия, – отрывисто сказал Иван ведьме. – Вернетесь с ним в мой замок, разбудите Ингвара.

Светлоглазый великан, знаток неприличных куплетов на неречи, был старшим над воинами князя.

– И телепортируете сюда всю мою дружину, – продолжал Иван. – Бросайте их между людьми и сидхами. Передашь дружинникам мой приказ – не допустить драки на поляне. Пусть что хотят, то и делают, но все сидхи должны уйти отсюда живыми. Было бы хорошо, если бы ведьмы поддержали ребят Ингвара огненными шарами и прочими штучками. Передай Карине, что я очень прошу вас об этом.

Ведьма потерла висок, пытаясь связаться с Кариной.

– Чего там? Согласна ваша старшая? – спросил Иван, пытаясь поймать взгляд Светланы.

– Ее нет на поляне, – сказала ведьма тихо.

– Вот невезуха, – пробормотал князь. – Куда она делась, я ведь сам ее видел вместе Владиславом…

– Я попробую собрать всех, кого найду, но не знаю, послушаются ли они меня, – сказала Светлана. – Когда я вернусь…

Иван отрицательно покачал головой.

– Ты останешься в замке, – сказал князь.

– Нет, – сказала ведьма. – Я…

– Ты останешься в замке, – тяжело посмотрев на подругу, повторил Иван. – Хватит с

меня двух погибших невест! Рахман, ты пойдешь со Светланой.

Рахман сделал шаг вперед. Смысл приказа князя был ясен – экен должен был охранять его невесту, а заодно и проследить, чтобы своенравная ведьма не вернулась на поляну.

– Я не оставлю тебя одного! – рассердилась Светлана.

– Зачем одного? – сказал Абдула. – Я здесь.

Экен уже вернулся с берега, да только князь и ведьма не услышали его шагов, увлеченные спором. Светлана справилась с собой.

– Вот и прекрасно, – сказала ведьма холодно и прикрыла глаза, мысленно вызывая Онуфрия. Светлана нахмурилась – кто-то глушил все телепатеммы на поляне. Но благодаря тому, что между ведьмой и магом существовал закрепленный телепатический канал, она все-таки смогла обнаружить Онуфрия.

Маг находился саженях в десяти от целительницы, и, судя по замутненности его сознания, предавался любовным утехам.

Урсула раздвинула ветки голубой елочки. Две детские фигуры неясно белели в полумраке. Сначала она не узнала сына из-за уродливого картуза.

– Мама! – радостно воскликнул маленький эльф.

Урсула бросилась к сыну, обняла его.

– Ты цел? – торопливо спросила эльфка. Финголфин кивнул. Урсула, смеясь и плача, тискала его. – Где ты взял эту ужасную шапку?

– Мне Михей дал, он хотел помочь мне искать тебя на поляне, – сказал Финголфин, и добавил, чувствуя, что товарищ по играм обиделся: – Эта шапка прекрасна! Под ней точно никто не заметил бы моих ушей!

Урсула перевела взгляд на второго мальчика. Парнишка, насупившись, стоял у ближайшего клена. Судя по наморщенному лбу, он раздумывал, не пора ли улизнуть.

– Ты Михей, насколько я понимаю, – сказала Урсула. Мальчик неохотно кивнул. Эльфка увидела сапожки сына, лежащие на траве. Финголфин стоял босиком.

– А сапожки ты хотел взять в уплату за услугу? – понимающе спросила Урсула. – Бери, пожалуйста. Но мы теперь пойдем сами, хорошо?

Михей очень по-взрослому усмехнулся.

– Госпожа, – сказал он. – Ни один мальчик из моего города не ходит в таких сапожках. И как, мне интересно, вы пойдете сами, если всех ваших уже оттеснили на другой край поляны?

Одного взгляда через кленовую рощу оказалось достаточно, чтобы убедиться – Михей прав.

Эльфка услышала шаги сзади и обернулась, прижимая к себе обоих детей.

Музыканты наконец-то заняли свои руки теми инструментами, с которыми умели обращаться, а именно ложками. Усталый Николай лежал на траве и смотрел на разметанный по дереву платок с кистями. Вышитые на ткани розы в полумраке казались черными.

– Мужчина с усами – что корабль с парусами, – сказала женщина мечтательно.

Николай усмехнулся, расправил усы.

– Помогите! Люди добрые! – фальшиво завопил кто-то на поляне. – Что же это делается! Сидхи воруют наших баб!

Женщина вскочила. Николай торопливо застегнул ремень на брюках.

– Я так и знала, – сказала его новая подруга сквозь зубы. – Чистильщики! Сволочи! Обязательно надо испортить праздник!

Николай поднялся на ноги и потянул ее за рукав.

– Теперь это уже не наш праздник, – сказал он. – Пойдем лесом. Я провожу тебя до города.

Женщина вырвалась.

– Что такое? – удивился Николай.

– Там мой сын! – со слезами в голосе выкрикнула она.

Николай крякнул и задумчиво посмотрел на поляну. Женщина обхватила голову руками и качнулась из стороны в сторону. Когда она заговорила снова, голос ее дрожал от ужаса.

– Он под старым кленом, – сказала женщина. – И с ним два сидха!

Николай понял, что его случайная подружка – магичка. Она повернулась, уверенным движениям сняла платок с куста, набросила ткань на плечи и быстрыми шагами двинулась вглубь леса. Николай последовал за ней. Женщина покосилась на него.

– Зачем ты идешь со мной? – спросила она, но в ее тоне не было враждебности. Николай понял, что подруга колеблется.

– Ты попробуешь одолеть их своей магией, – пожал плечами Николай. – Если не получится, я попробую с ними поговорить.

Они двинулись через ночной лес. Женщина уверенно вела его в самую чащу. Голоса на поляне стали стихать. Николай хорошо знал эти места, но сейчас, в темноте, совершенно перестал понимать, куда они идут. Почва ощутимо поднималась под ногами – они направлялись не к Куне, а к княжескому замку. Под ногами хрустели палые желуди. Николай поскользнулся, но устоял на ногах. Он потерял свою подругу в особенно колючем кустарнике. Николай с трудом продрался через него, оставляя на шипах клочки рубахи, и оказался на широкой аллее, образованной посаженными в два ряда елочками. Николай узнал место – голубые ели означали границу княжеского парка. Он огляделся в поисках женщины, и тут снизу раздался ее голос:

– А я думала, ты уже на полпути к Рабину.

– Как видишь, нет, – ответил Николай.

Он заметил огненную точку почти у самой земли и понял, что женщина сидела здесь, курила и ждала его. Как ни боялась его новая подруга за своего сына, идти к сидхам одна она не решилась. Крохотная звездочка погасла. Женщина затушила папиросу.

– Меня зовут Адриана, – сказала она.

– Николай, – представился он.

Они вошли в кленовую рощу. Николай заметил высокую фигуру в ярком платье и приободрился. Вряд ли им, даже вдвоем с Адрианой, удалось бы справиться с сидхом, с мужчиной. Эльфка прижимала к себе двоих мальчишек. На одном из них был засаленный картуз, явно слишком большой для мальчишеской головы. Когда до эльфки оставалось сажени три, она обернулась. Увидев мандречена, эльфка побледнела и вскинула руки.

Николай остановился, очень медленно и осторожно развел руки в стороны, чтобы эльфка увидела – они пусты.

– Отпусти ребенка, – сказал он спокойно. – Ты ведь сама мать…

Адриана высунулась из-за его плеча.

– Урсула! – воскликнула она.

Онуфрий зашевелился. Марина открыла глаза. В горле ведьмы стоял комок – маг два раза назвал ее Светланой. Марина увидела перед собой целительницу и вздрогнула.

– Привет, Рахман, – сказал маг.

Теперь и ведьма заметила экена, сопровождавшего Светлану.

– Иван приказал нам с тобой вернуться в замок, – сказала целительница. – Тут уже кто-то чары навел, и телепортироваться отсюда невозможно, так что полетим на метле. А Рахман придет пешком.

Онуфрий поднялся и стал одеваться. Светлана заметила Марину и чуть дернула плечом.

– Что произошло? – спросила звеньевая.

В этот момент на поляне завопили:

– Сидхи – враги рода человеческого!

– Наша Карина убежала с любовником, – сказала Светлана, вызывая метлу. – А

Владислав думает, что с сидхом, он эту бучу и поднял.

– Я видела ее у черноклена, – сказала Марина. – Карина пришла с какой-то эльфкой, но украл ее, по-моему, все-таки мандречен…

У Марины вдруг задрожало все внутри. Судьба что-то расщедрилась на подарки ведьме – за последние три дня это был уже второй шанс воплотить заветную мечту Марины, стать старшей крыла. Но звеньевая не повторила своей ошибки. Тогда, в замке, она потеряла голову от возбуждения и настроила целительницу против себя, а сейчас Светлану следовало приласкать. Целительница уже оседлала метлу и пристегивалась. Онуфрий устраивался на втором сиденье.

– Что же теперь делать? – сказала Марина растерянно.

– Ты же не выполняешь моих приказов, – ответила целительница, не глядя на звеньевую.

– Прости, Света, – чуть не плача от ярости и унижения, сказала Марина. – Командуй!

– Собери всех, кого найдешь, – отрывисто сказала Светлана. – Поднимайтесь в небо. Делайте, что хотите, но не допустите крови!

Марина проводила взглядом взлетающую целительницу. Опустив глаза, ведьма обнаружила, что экен уже исчез. Марина вскочила и начала торопливо одеваться.

– Сидхи – враги рода человеческого! Они воруют наших баб!

«Началось», подумала Ваниэль. Поджер приподнялся на локтях.

– Это Лайтонд! – возбужденно сказал он. – Как я сразу не сообразил! Пришел-таки за ведьмой своей! А я-то еще подумал, чего это барон правую ногу волочет!

Ваниэль молчала и пристально смотрела на хирурга. Он провел рукой по лицу.

– Что-то спать так хочется… – пробормотал Поджер.

И тут хирург понял, в чем дело.

– Ваниэль, отпусти меня, пожалуйста… – еще успел сказать он. – Я теперь готов и умереть, но там – мои друзья, им нужна моя помощь…

Руки его подогнулись, и Поджер упал на траву лицом вниз. Эльфка провела рукой по его непокорным черным кудрям. Таким же, как и ее собственные.

Ну или почти таким же.

– Я и не знала, что люди не хотят жить дальше, едва сбудутся их мечты, – сказала Ваниэль. – Хотя, пожалуй, в этом есть глубокий смысл – умереть на пике счастья. Но я хочу, чтобы ты жил. И твоей принцессе ради этого придется остаться только сном, мечтой… Спи, поланин Поджер. Спи.

Крик, перевернувший все вверх дном, раздался в тот самый момент, когда Дарина уже слышала музыку небес и видела их переливчатое сияние. Но, услышав этот пьяный вопль, сидх окаменел на миг. Дарина разочарованно застонала, Марфор опомнился и хотел продолжить, но ведьма уже вывернулась из-под него.

– Прости меня, – пробормотал эльф, целуя ее.

Дарина торопливо застегивала блузку. Сидх попытался заглянуть в глаза ведьме.

– Уходи, – сказала ведьма. Он помрачнел. – Уходи, пока не началась резня!

Марфор мягко улыбнулся. Дарина поднялась на ноги.

– Пойдем, я немного провожу тебя, – сказала она. – Если ты тронешь хоть одного из этих подонков пальцем, тебя разорвут на куски. Но я все ж таки боевая ведьма…

Марфор непроизвольно потер шрам на лице, но промолчал. Парочка выбралась на опушку. Дарина увидела длинный темный сарай и попятилась.

– Не бойся, – сказал Марфор. – Это требище. Здесь ваши жрецы хранят все необходимое для ритуалов.

Из сарая вышел волхв, который вел праздник, однорукий сидх и полная светловолосая девушка.

– Привет, Ульрик, – сказал Марфор.

Дарина с интересом посмотрела на девушку. Княжну Елену ведьма видела в первый раз.

– Мне тебя сам Илуватар послал, – ответил Ульрик обрадованно.

«Еще бы», подумал Марфор. Ульрик в одиночку не смог бы прорваться к своим.

– Сидхи – враги рода человеческого! – заорал кто-то на поляне. – Они воруют наших баб!

– Я, пожалуй, тоже пойду с вами, – сказал волхв. – Помогу, чем смогу.

Марфор покосился на серебряную ящерицу, нашитую на черной тунике волхва.

– Какой необычный сегодня день, – сказал эльф.

– Очень, – согласился волхв.

Ульрик осуждающе посмотрел на Марфора и произнес:

– Мой друг хотел сказать, что очень рад и благодарен вам за помощь.

– А не то, что вы подумали, волхв Дренадан, – почтительно добавила Елена.

– А мне показалось, – усмехаясь, ответил волхв. – Что твой друг подумал: «Ну, точно последние дни настали, раз жрецы Ящера стали помогать эльфам. И чем он может нам помочь, словом божьим, что ли?».

Марфор вздрогнул.

– Простите, – сказал эльф более дружелюбно. – Я не знал, что вы – маг.

Они выбрались из леса между «мариной» и оливковой рощей. Парни, девушки и волхв оказались в гуще толпы. Оказавшиеся в ловушке сидхи рвались к выходу на берег, а случайно затесавшиеся между ними люди бежали в противоположном направлении – они пытались выскочить из капкана. Плакали дети, в воздухе густо висела брань. Дарина впервые была в самой гуще тел, без своего звена и без оружия. Ведьма крепко вцепилась в руку Марфора. С другой стороны ее держал под локоть Дренадан, а Елена оказалась между парнями. Дарина поняла, что Чистильщики Рабина в массе своей были молодыми ребятами, без боевого опыта. Они допустили стратегическую ошибку. Чистильщики двинулись цепью от дороги, ведущей на берег реки, не оставив никого охранять единственный выход из ловушки. И многие сидхи уже спаслись через него. Дарине вдруг пришла в голову мысль, от которой ведьма похолодела. Возможно, никакой ошибки не было.

И кораблей в устье Куны – тоже.

Толпа протащила компанию мимо перевернутых, сдвинутых столов. Дарина увидела Лакгаэра и еще нескольких эльфов. Это они держали магический щит. Но края огромной подковы уже смыкались.

– Удержите дорогу, Марфор! – закричал Лакгаэр на эльфийском. – Кулумит тоже где-то там, мы сейчас подтянемся!

– Я постараюсь! – крикнул Марфор в ответ.

– Я помогу тебе, если ты не найдешь своего напарника, – сказал Дренадан.

Дарина вдруг зажмурилась и схватилась за голову. Марфор подхватил ее за талию.

– Что с тобой? – встревожено спросил эльф.

– Меня зовут, – пробормотала Дарина.

– А ты не можешь пренебречь этим зовом? – спросил Марфор. – Я очень хотел бы, чтобы ты осталась с Еленой, когда мы уйдем…

Дарина вздохнула. Причина подобной заботливости горела в ауре Елены подобно Пастуху, звезде, по которой боевые ведьмы ориентировались при ночных полетах.

– Хорошо, я останусь, – сказала Дарина.

Эльф обрадовано поцеловал ее в щеку.

Волхв и обе пары вырвались из толпы и устремились к дороге, ведущей на берег. Дарина безжалостно перекрутила каналы воли двум прыщавым подросткам с дубинами, кинувшимся им наперерез. Юные патриоты взвыли, отбросили дубины и на четвереньках побежали к Купальцу. Марфор и Дренадан разошлись аршин на пятнадцать и остановились, пристально глядя друг на друга. Воздух между ними задрожал. Ведьма поняла, что они создают оптическую иллюзию, закрывая реальный вид на дорогу и создавая ложный, в

двадцати аршинах левее. На лбу Марфора выступили капельки пота. Помимо оптической иллюзии, волхв и Марфор выстроили коридор невидимости, в который и устремились метавшиеся по поляне сидхи. Дарина прикрыла экраном невидимости себя, Елену и Ульрика.

– Кулумит, уходи! – крикнул Марфор рыжему сидху в разорванной на груди рубахе, пробегавшему мимо.

Тот отрицательно покачал головой.

– Я не уйду без Урсулы! – крикнул он в ответ.

Ульрик закусил губу. Дарина смутно почувствовала, что упомянутая Урсула очень дорога этому эльфу. Ведьма взглянула на Чистильщиков. Загонщики развернулись и теперь двигались прямо на них. Дарина увидела отвратительное чудовище позади цепи – двух девушек, сросшихся в одно, и сглотнула.

Каналы жизненной силы сестер, вместо того, чтобы сияющим плотным коконом охватывать левую сторону тела, были разбросаны по всей ауре и, очевидно, перемешаны с каналами мертвой силы, которые Дарина видеть не могла. Причиной уродства послужило то, что один или несколько каналов Чи одной сестры замыкались на каналы Цин другой. Там, где силы жизни перерождались в мертвую силу, тела сестер и соединились. Сестер окутывало коричневое сияние, такое плотное, что отсюда оно казалось паранджой, скрывающей их истинные лица. Марфор даже вместе с Дренаданом вряд ли бы смог остановить их, но Дарина не ничем не могла помочь сидху и волхву – девушки были магами Земли.

На пустом пространстве между цепью Чистильщиков и магами, державшими коридор невидимости, остались только рябой мужик с окровавленной бородой, приближавшийся к компании Дарины, и парень в серой рубахе, тащивший прочь двух баб. Рядом с ними вприпрыжку мчался мальчишка лет двенадцати. Одна из баб была закутана в огромный платок с безвкусными кистями и отвратительными розами. Дарина узнала свою соседку по праздничному столу. Женщина несла своего сына на руках. Мальчик то и дело одной рукой поправлял наползавший на глаза засаленный картуз. Второй он крепко сжимал изумительной красоты игрушечную ладью. Второй ребенок тоже нес солдатика эльфийской работы, но именно эта ладья, покрытая красным лаком, зацепила глаз Дарины. Лак местами облупился, часть крохотных весел была намного светлее остальных. Ладья была слишком уж заигранной для игрушки, которую подарили три дня назад. Закутанная в платок баба вдруг в пояс поклонилась второй и, резко развернувшись, бегом бросилась к коридору невидимости. Дарина заметила маленькое острое ушко мальчика, выскочившее из-под слишком большого картуза, и ахнула. Ведьма восхитилась мужеством мандреченки, которая вывела свою подругу и маленького эльфа из обезумевшей толпы. А ведь если бы обман раскрылся, разъяренные люди разорвали бы и ее сына тоже.

Кулумит бросился навстречу эльфке, радостно обнял обоих. Ребенок указал ручкой вниз. Мать спустила его с рук, и Кулумит снова прижал ее к себе, словно все еще не верил, что ей удалось спастись. Затем он стал с каким-то остервенением срывать с эльфки уродливый платок.

– Уходите скорее, – раздался голос за их спинами. Дарина обернулась и столкнулась нос к носу с князем.

– Ваши уже отплывают, – добавил стоявший рядом с Иваном экен-телохранитель.

– Но Лакгаэр и другие члены Нолдокора… – начал Марфор.

– Я поговорю с Чистильщиками, – вмешался в беседу Дренадан. – Ваш старейшина вернется целым и невредимым, обещаю.

Марфор недоверчиво посмотрел на него. В этот момент с неба донесся свист, и между людьми и окруженными эльфами вспыхнуло и опало пламя. Кто-то метнул с высоты огненный шар.

– Боевые ведьмы уже в небе, – радостно сказал Иван. – Они не дадут Чистильщикам приблизиться к твоему старейшине!

– Но я не смогу удержать Чистильщиков, если ваши спины будут мелькать на дороге,

словно красная тряпка перед носом разъяренного быка, – добавил Дренадан. – Уходите через рощу, да побыстрее.

Волхв, князь и экен направились к центру поляны, где оставались окруженные Чистильщиками сидхи. Марфор с Дариной и княжна со своим возлюбленным направились к оливковой роще. За их спинами раздался душераздирающий крик. Дарина оглянулась через плечо.

Финголфин торопливо подал Михею смятый картуз.

– Ты забыл, вот, возьми свою шапку. Благодарю тебя и твою маму за все, – сказал он.

– Да ладно, – сказал Михей и протянул другу солдатика.

– Не надо, – смутился маленький эльф.

– Я не хочу больше быть солдатом, – сказал Михей. – Возьми.

Финголфин все прекрасно понял.

– Ну хорошо, – сказал он, принимая игрушку. – Тогда и ты возьми мою лодку. Вырастешь, будешь плавать за далекие моря и океаны, в чудесные страны и торговать невиданным товаром. И паруса твоего корабля всегда будут полны волшебным ветром – вон как здорово у тебя сейчас получалось! А пока тренируйся на этой, маленькой лодке…

Михей усмехнулся.

– Если так, то давай, – сказал он и взял ладью, покрытую красным лаком.

В самом центре мертвой зоны Дарина увидела двух детей – эльфа и человеческого мальчика. Это Урсула закричала, обнаружив, где оказался ее сын. Мандреченка оказалась сдержаннее. Она стояла, прижав руки к искаженному ужасом лицу.

Мандречен с окровавленной бородой тоже заметил мальчиков. Он совершенно по-звериному зарычал, злобная радость исказила его лицо, покрытое отметинами от оспы. Он бросился к детям. Мужчина в серой рубахе оставил свою подругу и метнулся наперерез рябому, спасая своего сына. Мальчики бросились в разные стороны. Дарина заметила, что дети поменялись игрушками. Маленький мандречен нес затертую красную ладью, а маленький эльф прижимал к груди солдатика. Бородач преследовал маленького эльфа, и было ясно, что ребенок не успеет добежать до защитного коридора. Урсула закричала снова, и Кулумит схватил жену, не давая ей вырваться из защитного коридора.

Рябой мандречен догнал маленького эльфа, схватил его за плечо.

– А, попался, поганый крысеныш, – с наслаждением прорычал мужчина.

Тот вскинул руку. У Дарины дрогнуло сердце, когда она увидела растопыренные в защитном знаке маленькие пальчики. Но метнуть заклинание мальчик не успел. Мужчина перехватил детскую ручку и перекрутил ее так, что даже ведьма со своего места услышала хруст кости. Финголфин закричал. Брызнула кровь.

Между ладоней Марфора проскочили синие искры. Дарина опомнилась и привычным жестом размяла пальцы.

– Бородач твой, – сказал эльф, и шрам на его лице дернулся. – Я постараюсь прикрыть тебя от той чудовищной девахи…

Теплая пустота выплюнула Ингвара. По ушам резанул пронзительный вой. Перед глазами воина мелькнули деревья, две девушки и алая полоса крови на вытоптанной траве. Дружинник ударился ногами о землю, упал на одно колено. Ингвар покосился на девушек – это они кричали. Вокруг них в беспорядке метались несколько подростков. Воин увидел, что у девушек совершенно одинаковые лица и платья – черные, с фиолетовой руной «V» на подолах. А может, это была какая-то другая руна, но сейчас этого было уже не разобрать – по подолам были разметаны желто-красные внутренности.

Резко запахло озоном, горячая струя воздуха полоснула Ингвара по лицу. Воин подавил желание отпрянуть, застыл, как статуя и зажмурился. Нестерпимо горячая сфера со свистом промчалась мимо него. Раздался глухой удар. Когда Ингвар открыл глаза, девушек уже не

было. Над воронкой поднимался черный дым и пахло горелым мясом.

– Дерьмо, – пробормотал Ингвар на неречи. Огонь, который метнула ведьма, опалил дружиннику князя брови и усы.

– Дерьмо у тебя в башке, – хрипло ответили ему с неба, тоже на неречи. – А это – огненный шар!

Ингвар расхохотался. Воин узнал голос. С этой ведьмой Ингвар протанцевал всю вчерашнюю ночь напролет. Утром, когда князь объявил о своей помолвке с целительницей крыла «Змей», Ингвар и Ундина заявили, что исполнят старинную боремскую песню, очень подходящую к случаю. Выступление дуэта было принято очень благосклонно всеми, кроме самой невесты. Светлана единственная владела неречью и сразу поняла, что Ингвар и Ундина поют неприличную песню о сватовстве школяра.

– Еще один такой шар, – закричал воин, запрокинув голову. – И я останусь без своих шариков!

– Невелика беда, железные пришьешь! – отвечала ведьма.

Краем глаза Ингвар увидел, как дружки погибших девушек подбирают камни с земли и направляются к нему. Боевая ведьма прикончила раненых сестер из милосердия, спасти их было нельзя. Но подростки этого не поняли.

– Не, они звенеть будут! – крикнул Ингвар, вытаскивая из-за пояса кистень. – А мне в разведку ходить!

Один из подростков метнул в воина камень. В воздухе вспыхнул голубой щит – ведьма прикрыла дружинника, и камень, срикошетив, гулко стукнул парня по голове. Подросток упал, остальные остановились.

Рябой бородач вдруг отпустил маленького эльфа и осел, как будто его ударили обухом по голове. У Финголфина мутилось в глазах от боли, но маленький эльф понял, что сейчас не время падать в обморок. Качаясь, он пошел вперед, придерживая покалеченную руку второй. После трех шагов Финголфин упал без чувств. Но Кулумит успел подхватить сына, прижал к груди и опрометью бросился к дороге.

– Да благословят тебя боги, женщина! – крикнул он Дарине на бегу. Урсула бежала рядом с мужем, пытаясь придерживать маленькую ручку, болтавшуюся в такт шагам. Распустившаяся светлая коса хлопала по спине эльфки.

– Зря ты его не прикончила! – прошипела Елена с яростью. – Против баб и детей-то они молодцы!

Дарина рассеянно улыбнулась и отвела задумчивый взгляд от почти прогоревшего Купальца. Ведьма не смогла воспользоваться своей Чи – чудовищные близняшки успели заблокировать ее каналы. Удар пришел из-за костра, и судя по расстоянию и мощности, его провел очень сильный маг. Дарина попыталась прощупать, кто же это был, и ей это удалось.

Марфор покосился на Дарину. Ведьма, спохватившись, придала своему лицу восхищенное выражение и спросила, кивая на черную воронку и дрожащий над ней черный дым:

– Как ты это сделал?

Эльф на миг опустил глаза. Марфор ничего не сделал – девушки, почувствовав эфирную атаку, закрылись коконом из мертвой силы, который он пробить не мог. Эльф видел, как они ударили Дарину.

Это не Марфор разомкнул каналы сестер, распутал их в том самом месте, где Чи одной близняшки преобразовывалась в Цин второй. Их ауры из замкнутой системы превратились в две самостоятельные, из-за чего разорвались и тела сестер. Это сделал кто-то другой.

Кто-то, кто мог управлять мертвой силой.

Марфор почувствовал, откуда пришел удар, и ему очень хотелось просканировать пространство в том месте. Но увы, через Огонь Марфор, маг Воды, не видел.

– Да так, – уклончиво сказал эльф. – Как-то само получилось… Пойдемте скорее.

Николай подоспел к бородачу тогда, когда отец маленького эльфа уже скрылся в лесу с сыном на руках. Он услышал, как рябой бормочет:

– А-аа, убешал, шволочь маленькая… Ну нишего, от нас не убешишь…

Бородач начал подниматься на ноги. Огненный шар прочертил воздух чуть левее мужчин и с грохотом ударился о землю. Рябой обернулся, щурясь.

Николай ударил его в лицо, от души, с хрустом и коротким «чвак». Бородач снова упал.

– Сидхи наших бьют! – тонким, мальчишеским голосом крикнул кто-то позади Николая. Мужчина поспешно обернулся – у Чистильщиков, скорее всего, были ножи. Подростки приближались к Николаю. Мужчина узнал сына соседки и сказал удивленно:

– Светозар, и ты здесь?

Лицо парня исказила насмешка.

– Защити свой дом!– еще громче закричал он. – Бей проклятых магов!

Николай попятился.

– Отойди-ка, – сказал над его ухом голос с твердым боремским акцентом.

Николай изумленно обернулся. Синий кафтан неведомо как очутившегося здесь рослого мужчины украшала аппликация из черной кожи – тритон в геральдической позе. Из-под кафтана поблескивала кольчуга. «Дружинник князя», с неимоверным облегчением подумал Николай.

Слева от них воздух засиял, заискрился. Боевая ведьма, зависшая в воздухе над ними, шарахнулась в сторону от открывающегося телепорта. Из пустоты вывалился еще один дружинник. Через секунду в аршинах пяти от него – третий.

– Вы очень вовремя, – сказал Николай с чувством.

Дружинник усмехнулся и перехватил кистень из одной руки в другую.

Когда эльфы и их подруги оказались в оливковой роще, Марфор поцеловал ведьму и сказал:

– Ну все, девочки налево, мальчики направо. Приходи завтра в Хельмутов грот.

– Но я… – пробормотала Дарина.

– Я тебе покажу дорогу, – сказала княжна. – Встретимся у старого рудника сразу, как стемнеет, договорились?

Ведьма кивнула. Княжна обняла своего возлюбленного.

– Будь осторожен, – сказала она. – Бумаги береги…

– Не волнуйся. Может, там, в лесу, какого мужичка подберете, – сказал Ульрик.

– Прихватите с собой, ширинку расстегнуть не забудьте, и все шито-крыто будет, – добавил Марфор.

В этот момент кусты прямо перед ними раздвинулись, и оттуда появилась эльфка в коротком черном платье без плечей. И хотя черные «иглы» растрепались и торчали уже не так нахально, как в начале праздника, Дарина узнала ее. Эта эльфка за праздничными столами вовсю обнималась с Поджером, а потом убежала водить хоровод вместе с Кариной. «Какое-то сладкое у нее имя, кондитерское», подумала ведьма. – «Марципан, нет, лакрица, нет… А, Ваниль!».

– Я слышу, тут собираются в лес по мужики? – сказала эльфка. – Тут в роще как раз валяется один. Ширинка уже расстегнута.

Марфор улыбнулся.

– Ты неподражаема, Ваниэль, – сказал он. – Как всегда…

– Как вы вообще от них рожаете? – продолжала Ваниэль, обращаясь к девушкам. – Пятнадцать минут настаивал на том, чтобы взгромоздиться на меня. Очевидно, исключительно для того, чтобы я в полной мере могла насладиться оригинальным тонким ароматом из его рта. По чести говоря, этой вонью можно прикончить скунса за минуту. Два раза качнул и заснул! На мне!

– Я не верю, – сказал Марфор горячо. – Ты клевещешь на себя!

Дарина ощутила неожиданно сильный укол ревности. Ваниэль заметила, как

изменилось лицо ведьмы, усмехнулась и сказала неожиданно мягко:

– Не обращай на него внимания, это мой бывший муж.

Дарина покосилась на кусты, из которых вышла эльфка, и спросила тихо:

– А где твой текущий муж?

Марфор дернул ведьму за рукав, но Ваниэль в ответ лишь рассмеялась своим хриплым, совсем не эльфийским смехом.

– За это я и люблю вас, людей, – сказала она, ничуть не смутившись. – Эльфы так кусаться не умеют. Мой текущий, как ты выразилась, муж – купец, и сейчас он в плавании. А я, как видишь, предаюсь самым экзотическим развлечениям в его отсутствие.

– Ладно, мы пойдем, – сказала Елена, заминая неприятную тему. Мандреченки скрылись в кустах. Слышно было, как они поднимают с земли что-то тяжелое. Эльфы пошли по направлению к берегу, но не успели они пройти и двух саженей, как Марфор заметил отсутствие Ваниэль. Эльф обернулся и увидел, что Ваниэль решительным шагом двигается прямо в противоположном направлении.

На поляну, откуда доносились возбужденные выкрики людей и ровный, жесткий голос князя, пытающегося усмирить своих подданных.

Марфор бросился к эльфке, схватил ее за руку. Ульрик остановился, поджидая товарища и его подругу.

– Ты с ума сошла! – воскликнул Марфор. – Куда ты идешь!

Ваниэль так посмотрела него, что эльф отпустил ее.

– Я видела, кто украл Карину, – сказала она очень спокойно. – Из-за этого похищения разгорелся весь сыр-бор? Я иду рассказать, как было дело, и…

Ульрик помрачнел и выругался.

– Ты обезумела от ревности, – сказал он. – Закидывай ее на плечо, Марфор, и пошли.

Ваниэль смотрела на Марфора, странно усмехаясь. Эльф видел всполохи, дрожащие в ее ауре – Ваниэль преобразовала Чи и ударила бы его, если бы он только попробовал прикоснуться к ней.

– Я останусь, – сказал Марфор. – Ты возвращайся на корабли, Ульрик.

Тот покачала головой, пробормотал:

– Два влюбленных идиота, – и двинулся к парочке.

– Почему ты так решил, позволь спросить? – поинтересовалась Ваниэль, пока они ждали Ульрика.

– Мы не можем жить вместе, – сказал Марфор, не глядя на эльфку. – Так хотя бы вместе встретим смерть…

Ваниэль приподнялась на цыпочки, обвила его шею руками и поцеловала Марфора.

Митя стоял между Иваном и Абдулой и смотрел, как боевые ведьмы барражируют над поляной. Время от времени ведьмы швыряли вниз огненные шары и длинные ленты огня, чтобы сбить запал с наиболее распоясавшихся гуляк. Баррикада, которую эльфы наспех сделали из пиршественных столов, отделяла людей от сидхов. Гостей плотным кольцом окружали дружинники Ивана. Кроме братьев и телохранителя, на баррикаде оказались глава сидхов Рабина, барон Ревенский и волхв Дренадан.

– Еще раз повторяю, – сказал Дренадан. – Если кто-нибудь из вас сегодня прольет кровь, ни один волхв Ящера эту Цин из вашей ауры убирать не будет. А что потом – известно. Рак, саркома, эпилепсия – это в лучшем случае. Жизненная сила эльфов слишком отличается от человеческой и никогда усвоена не будет…

Толпа, давившая на дружинников князя, зароптала и отхлынула. Митя увидел, как из оливковой рощи вышли два эльфа и эльфка в коротком черном платье. С другой стороны из рощицы вынырнули две мандреченки, тащившие пьяного мужичка. Княжич узнал в одной из них сестру и толкнул брата в бок. Иван глянул, куда ему указывал Митя, и облегченно вздохнул.

– Низложить князя! – вдруг раздался выкрик в дальнем конце поляны. – Рабин –

вольный город!

Лакгаэр сочувственно посмотрел на Ивана.

В древности Рабином управляла Лучшая Сотня – коллективный орган, схожий с эльфийским Нолдокором. В Лучшую Сотню входили в основном купцы и другие люди, пользовавшиеся влиянием в городе. Из их числа всеми рабинцами на общем собрании выбирался городской голова. Князей же приглашали вместе с дружинами в качестве защитников Рабина от набегов сюрков. Если услуги князя в качестве военачальника не устраивали Лучшую сотню, приглашался другой. Число отпрысков династии Тайнеридов намного превосходило число существующих в Мандре вакантных мест, и одно время рабинцы копались в князьях, как в сору. Ярослав, дед нынешнего князя, был третьим князем Рабина в том году, когда его позвали защитить Черногорию. Потом воцарился Черное Пламя и прекратил эту чехарду на рабинском княжеском столе. Дракон сам назначал всех местных правителей. Ярослав сумел сохранить свое место и передать престол своему сыну. Искандер же вернул городам все их вольности, какими они обладали до захвата Мандры Черным Пламенем. Иван знал, что при первом удобном случае рабинцы об этом вспомнят, и потому ласкал горожан, как мог.

– Прости меня, князь, что я заварил всю эту кашу, – пробормотал Владислав.

– Да ладно, не вини себя. Мне почему-то так и казалось, что этим кончится, – усмехаясь, ответил Иван.

– Но ведь мамы больше нет, – сказал Митя растерянно. – Кто же науськивает людей?

– Да, Анастасия погибла. Но купцы, которым она обещала ввести протекционные пошлины на эльфийские товары, живы, – сквозь зубы ответил ему брат. – И их цеха не стали лучше работать – мандреченские товары по-прежнему дороже и хуже по качеству, чем продукция эльфов. А на чистоту расы всем здесь глубоко наплевать …

– Рабин – вольный город! – закричали уже несколько голосов. – Гнать князя взашей, он нас сидхам запродал!

– И шештра твоя, князь, с шидхом путаетша! – выкрикнул кто-то.

– Вот моя сестра, – зычно ответил князь, подняв руку в ораторском жесте. Толпа зашевелилась. Люди оборачивались. Тихий смех, прошелестевший над поляной, стал свидетельством того, что рабинцы увидели живописную группу из двух девушек и мандречена. Провокацию удалось отбить. Но крикун не сдавался.

– И мать швоя была эльшка! Это вше знают!

Иван наконец разглядел мужчину, который кричал. Это оказался бывший шахтер Толян, известный всему Рабину пьяница и дебошир.

– А твоя мать, Анатолий, была портовая шлюха, – ответил князь. – И это тоже все знают…

На этот раз в толпе отчетливо засмеялись. Однако Чистильщики не дали народному гневу свернуть мимо приготовленного для него русла.

– Ты не люб нам, князь! – снова закричали в разных концах поляны слаженным хором. – Другого хотим!

– Соберитесь на общее собрание, как положено, – хладнокровно сказал Иван. – Завтра, на трезвую голову. И если вы примите такое решение – я покину Рабин еще до заката.

Митя испуганно посмотрел на брата. Тот крепко сжал его плечо.

– По обычаю, – тихо сказал Владислав на ухо княжичу. – Общие собрания жителей города должны проходить на центральной площади, по сигналу особого колокола. Но дракон приказал разбить его, а новый с тех пор не отливали…

– Да и площадь еще даже не начинали приводить в порядок, – так же тихо заметил Лакгаэр, стоявший с другой стороны от Мити. – Так что твой брат ничем не рискует. Смотри и учись, княжич, каким должен быть настоящий правитель…

Чистильщики, однако, тоже поняли смысл маневра князя.

– Мы все здесь! – не сдавались в толпе. – Ты нам не люб! Из-за тебя сидхи наших баб воруют!

– Неизвестно, кто украл ведьму, – раскатисто, на всю поляну, продолжал князь. – Никто не видел, ушла она с сидхом или с человеком…

– Я видела, – раздался вдруг спокойный голос.

Толпа расступилась, и Иван увидел ту самую эльфку в черном платье, что вышла из рощи одновременно с Еленой.

– Мы танцевали с Кариной в хороводе, и я видела, кто ее увел, – громким, хорошо поставленным голосом продолжала эльфка.

Иван вопросительно посмотрел на Лакгаэра и увидел, что старый эльф даже с лица спал. «Умоляю тебя, Ваниэль, ради всех богов, не надо», – передал глава Нолдокора эльфке. – «Тебя заставят дать клятву, чтобы ты говорила только правду. Но если ты скажешь правду, нас всех убьют, а если солжешь, Ящер покарает тебя».

«Дыши глубже, Лакгаэр», отвечала Ваниэль. – «Я расскажу этим буйным детям сказку на ночь, и мы все уйдем отсюда. А с Ящером я уж как-нибудь сама разберусь».

Глава Нолдокора только головой покачал и сделал князю знак глазами – не надо.

Но толпа уже загудела:

– Пусть расскажет! Правосудие! Его заслуживают даже сидхи! Выслушаем!

– Но здесь нет волхвов Прона, – начал было Иван.

– Пусть рассудит этот волхв! – перебили его.

– Но Дренадан – слуга Ящера, а не Прона! – крикнул Иван. Дренадан сдержал улыбку. Сейчас князю было удобнее забыть о том, какими полномочиями наделен главный волхв любого бога.

– Если он провел праздник Купайлы, почему бы ему не судить! – возразили снизу. – Пропустите эльфку, пусть говорит!

Отдельные крики: «Нельзя верить сидхам!» потонули в общем шуме. Впрочем, Чистильщики быстро сообразили, какую пользу они могут извлечь из такого поворота дела.

– Закон о чистоте расы! – завыли они. – Казнь на месте! Очищение! Все, кто допустил осквернение нашей крови, должны быть наказаны!

Эльфка пробралась к баррикаде. Абдула протянул ей руку и втащил на стол.

– Ну что же, Ваниэль, расскажи нам все, как было, – сказал Лакгаэр.

– Пообещай говорить правду, – сказал Дренадан.

– Обещаю, – отвечала Ваниэль.

– Знай, что если ты солжешь хоть в полслове, Ящер жестоко накажет тебя, – сказал волхв. – Он ненавидит клятвопреступников.

– Нас позвала в хоровод одна из ведьм, – начала эльфка.

– Это правда! – донеслось с высоты. Ведьма снизилась и зависла рядом с Ваниэль. – Я, Марина, звеньевая крыла «Змей», позвала эту эльфку и Карину, мою старшую, в хоровод!

– Карина спросила эту ведьму, где их подруги, а та сказала, что мол, расслабься, не надо контролировать все, сегодня ночь безрассудства… – продолжала эльфка.

– Да, все так и было! – громко подтвердила ведьма.

– А потом Карина спросила меня, по любви или по расчету мы, эльфки, выходим замуж, – непринужденно сказала Ваниэль. – И я сказала, что большей частью – по расчету. Карина тогда сказала: «Мы с вашим Верховным магом вместе в замке дракона были, так это точно, за него можно только по расчету замуж выйти. А я устала рассчитывать, Ваниэль. Я хочу горячего тела, страсти, безрассудства… Сегодня и впрямь такая ночь!».

– Что было потом? – спросил Иван.

– Потом за ней пришел любовник, – сказала Ваниэль. – Молодой красивый парень. Карина познакомила нас, и когда он улыбался, я хорошо разглядела его клыки… Это был мандречен, в чем я клянусь перед вашим богом!

По толпе медленно прокатился смех. Митя сочувственно посмотрел на барона.

– Кто-нибудь еще хочет сказать? – спросил Дренадан.

– Я, – с каменным лицом сказал Владислав. – Начальник моей стражи нашел наемника, с которым разговаривала Карина. Наемник подтвердил, что ведьма ушла с человеком… И

княжич Дмитрий, кстати, сказал то же самое.

Княжич кивнул. Он опасался гнева Ящера больше эльфки и не хотел связывать себя.

– По просьбе жителей Рабина я рассмотрел это дело, – медленно и отчетливо сказал Дренадан. – Показаний трех свидетелей – боевой ведьмы Марины, барона Ревенского и эльфки, которые не знакомы друг с другом, вполне достаточно для того, чтобы решить этот случай. Ведьма Карина ушла с мандреченом, и нет никаких оснований, я подчеркиваю – никаких – обвинять в чем бы то ни было наших гостей. Это не государственное дело, а всего лишь дело двух мужчин и женщины. Закон о чистоте расы не может быть применен.

– Так сказал судья, которого вы сами выбрали, – сказал Иван. – Все, дело закрыто.

По толпе пронесся невнятный гул, а потом она медленно начала распадаться.

– Нам пора возвращаться, – сказал Лакгаэр.

– Мои дружинники проводят вас на корабли, – сказал Иван.

– Я приглашаю всех людей Рабина с ответным визитом на наш берег, – сказал глава Нолдокора. – На праздник урожая.

– Надо дожить, – усмехнувшись, сказал князь. – Но все равно, благодарю тебя, Лакгаэр.

– Я приглашаю всех, кроме тебя, Дренадан, – тяжело глядя на волхва, продолжал старый эльф.

Волхв Ящера усмехнулся.

– Обычно ответчики, выиграв дело, относятся к судьям совсем по-другому, – заметил Дренадан. – Так и рвутся отблагодарить…

Лакгаэр отрицательно покачал головой.

– В тебе когда-то текла наша кровь, – сказал глава Нолдокора. – Но из-за той крови, что течет в тебе сейчас, я запрещаю тебе ступать на наш берег!

Иван озадаченно перевел взгляд с одного на другого. Волхв очень неприятно улыбнулся.

– Я понял тебя, – сказал Дренадан. – Но если я все же приду? Что тогда со мной будет?

Лакгаэр чуть наклонил голову к плечу и прищурился. Он вспоминал одно старое мандреченское выражение.

– Тогда я покажу тебе дорогу, по которой ты давно должен был пройти, – сказал глава Нолдокора. – Прощай, жрец. До свиданья, князь.

Снизу уже тянулись руки – эльфы хотели помочь спуститься своему предводителю. Но несколько свободных рук, чтобы подхватить спрыгнувшую Ваниэль, в толпе тоже нашлись.

– Чего это Лакгаэр на тебя так взъелся? – спросил князь.

– Что это значит, «покажет дорогу, по которой ты давно должен пройти»? – спросила Светлана.

– Так мы называли показательную казнь в воспитательном лагере во время бунта Детей Волоса, – ответил волхв.

– Ты такой старый? – сказала целительница и тихо ойкнула, смутившись. – Прости, Дренадан…

– Я не женщина, чтобы стесняться своего возраста, – пожал плечами волхв.

– Надо же, сколько лет прошло, – сказал Иван задумчиво. – А они все не могут вам простить.

Дренадан не ответил. Он смотрел вслед эльфам.

Окруженные дружинниками князя, гости двигались в сторону дороги. Чистильщики сбились тесной кучкой у почти прогоревшего Купальца, и ничем не пытались препятствовать исходу своих врагов.

– Кто у них там заводила? – спросил Иван, глядя на Чистильщиков.

– Светозар, – сказал Владислав. – Сын купца первой гильдии Пафнутия Жадного.

– Он мой ровесник, – добавил Митя.

Князь покачал головой.

– Опасный зверь этот Светозар, – сказал Иван.

– Почему? – спросил Митя.

– Он уже умеет проигрывать, – ответил князь.

Россыпь синих искр озарила темноту. Лакгаэр завесил над носовой фигурой последней ладьи, ждавшей эльфов, магический шар. С дороги казалось, что в руках деревянной статуи Ульмо вспыхнул факел.

– Ты солгала, чтобы спасти всех нас? – спросил Марфор.

Дружинник князя Ивана, шедший рядом с ними, сосредоточенно смотрел в сторону леса и даже бровью не повел при этих словах эльфа. Возможно, воин слишком сильно опасался последней безумной попытки Чистильщиков и был весь поглощен наблюдением за подступами к дороге, или действительно не знал эльфийского.

– Не только поэтому, – ответила Ваниэль.

Ульрик покосился на них, потом на дружинника.

– А вы дома не могли бы поговорить? – спросил столяр.

– Ты так его любишь, – задумчиво продолжал Марфор, не обращая внимания на Ульрика. – Но за что? Я его тоже знаю. Он холоден, как черный лед [11], и для достижения своей цели пойдет не то что по головам – а по трупам.

Ваниэль сказала мокрым от слез голосом:

– Он не всегда был таким, поверь мне. Погоня за Эрустимом иссушила его душу… Он всего этого не хотел. Он жил здесь, ждал, и надеялся, что дракон не придет, и он всю жизнь проведет вот так – помощником столяра.

Марфор недоверчиво покачал головой.

– Ваниэль права, – хмуро сказал Ульрик. – Ну подумай сам, Марфор. Ведь если бы он этого хотел, ему достаточно было нанять одну мандреченскую ведьму и спуститься в замок за Эрустимом.

Ваниэль всхлипнула. Марфор обнял ее.

– Не плачь, Ваниэль, – сказал он. – Хорошо, пусть он даже лучший из мужчин – но он не стоит ни такого самопожертвования, ни, тем более, твоих слез…

– Марфор! – закричал Лакгаэр с ладьи. – Ульрик! Ну что такое, вечно вы последние! Сколько можно ждать!

Лакгаэр смотрел, как Шенвэль жадно пьет.

– Да, так все и было, – сказал старый эльф. – Что ты теперь думаешь делать с Эрустимом?

Кубок выскользнул из пальцев Шенвэля и гулко ударился о столешницу. Ножка кубка откололась и покатилась по столу, словно крохотное колесо. По скатерти поползло мокрое пятно. Шенвэль поднял голову и посмотрел на главу Нолдокора. Старый эльф отшатнулся. Лакгаэру доводилось видеть Морул Кера в человеческом облике, и на миг ему показалось, что с другого конца стола на него глянул бывший повелитель Мандры.

Шенвэль прикрыл глаза веками.

– Когда ты догадался, что жезл у меня? – спросил Верховный маг.

– Когда Иван пригласил нас на праздник, – ответил старый эльф.

От намокшей скатерти повалил пар – Шенвэль сушил ее заклинанием.

– Я еще не решил, как поступлю с жезлом, – сказал Верховный маг Фейре, когда пар рассеялся. – Всю жизнь я гонялся за этой проклятой палкой. Я смеялся над законами людей и эльфов, я предавал узы дружбы, я перешагнул через любовь, верность и честь на пути к Эрустиму. И вот он у меня.

Лакгаэр сделал такое движение, будто хотел что-то сказать, но не решился.

– Я знаю, – кивнул Шенвэль в ответ на его невысказанную мысль. – Что цель **не** оправдывает средства. Но мне это всегда казалось какой-то отвлеченной этической нормой,

---

[11] Марфор имеет в виду фирн

не имеющей отношения к реальности. И теперь пришла пора расплатиться за все, что я сделал. Как только Эрустим будет уничтожен, Карина уйдет от меня. Но я этого не хочу.

Старый эльф вздрогнул.

– Улетайте в Фейре, – сказал Лакгаэр. – Там вас не достанут ни Чистильщики, ни сам Ящер. Какая разница, откуда править Мандрой? А если верить твоему рассказу, наши страны объединятся прям-таки на днях…

Шенвэль отрицательно покачал головой.

– Ваниэль знала, о чем говорила, но и Марфор был по-своему прав. Я не хочу владеть этим миром, – сказал Верховный маг Фейре. – Никогда не хотел. Я хотел исправить то, что сделали мои родители. Властвовать над миром – это же такая головная боль… Я очень устал от всего этого, Лакгаэр. Я хотел бы вернуться домой, сидеть на балконе вместе с Кариной и смотреть, как вспыхивают в небе цветы звезд. Но мне, видимо, этого не суждено. Да и потом, если Эрустим будет вывезен из Черногории, Ивана казнят. А я устал шагать по трупам тех, кто имел несчастье оказаться на моем пути… Я дождусь Змея Горыныча, и, так или иначе, все будет кончено. Эрустим окажется у Карины; я, перед тем как спуститься в Подземный мир, все-таки постараюсь вытащить из жезла мертвую силу. Так что мы с Кариной останемся здесь. Ты не против?

Лакгаэр сглотнул, провел рукой по лбу.

– Оставайтесь, что же. Но почему ты так уверен, что Карина бросит тебя, как только рассеются чары Эрустима? Я с твоей ведьмой не знаком, но все профессиональные воины обычно весьма практичны. Как говорят мандречены, любовь приходит и уходит, а кушать хочется всегда, – начал старый эльф осторожно. – Ну да, ты Карину, считай, изнасиловал. Привязал к себе чарами жезла. Но ведь любовная страсть сама по себе туманит голову хуже магии. Вы ведь не подростки, в конце концов, а вполне искушенные в любви мужчина и женщина. Все теряют голову от страсти; а потом, когда наваждение спадает, мужчина и женщина спокойно строят семью. Попросишь прощения, объяснишь, что не мог иначе, что ты этого не хотел. Успокоитесь, и заживете душа в душу…

Верховный маг снова отрицательно мотнул головой.

– На Карине было проклятие, – сказал Шенвэль. – Она не могла никого полюбить. То есть полюбить-то могла, а жить с мужчиной – нет. Мандречен она просто выгоняла, а эльфов – убивала. А я это проклятие снял. Так вышло, случайно. Я для нее теперь как первая любовь. А с Эрустимом этим получается, что я Карине в душу не то что плюнул, а насрал. Как любят говорить женщины – я ее «просто» использовал. И даже не «просто», а прикинулся влюбленным дурачком для того, чтобы спасти собственную нацию… Карина знает, что мне никогда не нравились мандреченки. И когда чары спадут, моя ведьмочка вспомнит об этом. Вряд ли она поверит, что стала единственным исключением. Ее ярость будет неописуема.

– Да уж, – сказал Лакгаэр задумчиво. – Мандреченская вспыльчивость вошла в поговорку…

Шенвэль поднялся из-за стола.

– Ладно, уже слишком поздно. Пора спать. Доброй ночи, Лакгаэр.

Старый эльф смотрел, как Шенвэль, прихрамывая, скрылся в темноте.

– Бедный, бедный мальчик, – прошептал Лакгаэр.

V

Единственным исключением в обстановке покоев любовников, выдержанной в морском стиле, являлась статуя, изображавшая рассерженного василиска. Она была сделана из плотного, но при этом упругого материала, незнакомого Карине. Шенвэль сказал, что это затвердевший сок дерева из заморских стран. Эльф придумал одну необычную позу, важным элементом которой была эта статуя. Усталая ведьма сидела верхом на василиске, обняв чудовище за шею. Шенвэль полулежал на ковре рядом. Эльф маленькими глотками пил сок

из фарфоровой кружки, такой тонкой, что она казалась прозрачной.

Карина открыла глаза и храбро улыбнулась. В конце концов, она твердо решила быть счастливой. Так что не стоило размениваться на мелочи.

– А как будет по-вашему… ну, когда переворачивается небо? – спросила ведьма.

– Da Slemma, на мандречи – «цветы звезд», – ответил Шенвэль. Карина помрачнела. – В Фейре, на самом севере, небо сияет по ночам разноцветными всполохами, примерно как море здесь. И тогда говорят, что Йаванн, богиня плодородия, испытывает наивысшее наслаждение. Мужской оргазм называется Gillote – «извержение». У нас в Фейре много вулканов, и извержения не редкость. Тогда говорят, что это Аулэ, бог земли, дарит свою любовь Йаванн.

Ведьма слезла со статуи, надела халат и села на ковре рядом с эльфом.

– У вас, значит, женщина сверху, – пробормотала она, плотно запахиваясь и завязывая поясок. – Не «Мать – Сыра Земля», как у нас…

Шенвэль хмыкнул.

– Ну, как ты только что заметила, даже небо иногда переворачивается… Да и я что-то пока не замечаю в тебе особой любви к позе «он сверху, она молчит и не шевелится».

– Ну, я это я… – пробормотала Карина. – А вот в Мандре…

– Я не мандречен, – сказал Шенвэль спокойно. – Я эльдар, сын Звезд.

– Попить дай, – сказала Карина сердито. Шенвэль заглянул в лицо ведьме, протянул ей кружку.

– Ты чего надулась-то? – спросил он и провел рукой по ее волосам. – Ты что, только сейчас заметила, что я не человек?

Карина сделала большой глоток.

– Да нет, – сказала ведьма неохотно. – Просто у нас оргазм называется или медицинским термином, или вашими словами. Даслем и гиллот, как ты сказал. Получается, что до вас оргазмов в Мандре не было. Вы и так все время кричите, что изобрели все на свете, начиная от ухватов и кончая письменностью, а люди только все украли у вас. Но что еще и оргазм – это эльфийское изобретение, я не знала.

Шенвэль хмыкнул.

– Ну, не совсем. Оргазм изобрел тот, кто создал наши тела такими, – сказал эльф. – Что же касается слов… Наши народы давно живут бок о бок, и взаимное влияние очень велико. Но сейчас вы пытаетесь это отрицать, и нам не с руки признавать, что мы тоже многому научились у людей.

– Чему же? – спросила Карина.

Эльф задумался.

– Видишь ли, – сказал Шенвэль. – Каждый эльф знает многое и о многом. Поэтому мы редко нуждаемся в помощи и предпочитаем действовать поодиночке. А ваши маги – как правило, очень узкие специалисты, но в своей области знают все досконально. Люди очень хорошо умеют работать в команде.

– Скопом и батьку бить легче, – заметила ведьма.

– Да, – кивнул эльф. – А мы – закоренелые индивидуалисты, и именно поэтому мы, в конечном итоге, проиграли вам в борьбе за власть. Но…

Карина скривилась.

– Сейчас ты скажешь, что все мандречены пьяницы, – процедила сквозь зубы ведьма и со стуком поставила чашку на пол.

– Я могу попробовать объяснить тебе этот вопрос, – сказал Шенвэль. – Но я не уверен, что знаю все нужные слова на мандречи, и еще менее уверен, что их знаешь ты.

– А ты попробуй! – с вызовом сказала Карина.

– Печально известный указ о том, что «ни матери, ни жене не отдавать, из шинка не выгонять, пока все с себя не пропьет» приняли после бунта Разрушителей, – сказал Шенвэль. – И я думаю, что это не просто совпадение, а сознательный шаг ваших правителей. За ним стоял страх перед собственным народом. Ведь мы, эльфы, никогда не правили

Мандрой, что бы теперь ни кричали платные кликуши из отделения Чистильщиков. Мы просто приезжали время от времени и собирали дань, а в управление людьми не вмешивались никогда. Удивительная вещь – все Дети Волоса спились, и никакой роли в политической жизни Мандры не сыграли. Хотя могли бы. Тех, кто уцелел, можно пересчитать по пальцам. Это моя мать – заметь, она жила в Фейре, – Разрушитель Игнат, который обосновался в Боремии, и Буровей. А Горная Школа, что примечательно, находится на самой окраине Мандры, почти на границе с Сюркистаном.

Карина нахмурилась.

– К чему ты клонишь? – спросила ведьма.

– Одним из простейших рычагов управления обществом является наркотизация населения, – ответил эльф.

Карина подняла руку.

– Подожди, подожди, – пробормотала она. – Ты прав, я эти слова знаю, нам курс политического развития Мандры читали… Но я не очень хорошо помню, что они значат. Ты иначе никак не можешь объяснить?

– Любой наркоман, – сказал Шенвэль терпеливо. – Тот, кто принимает наркотики, раньше или позже выпадает из жизни общества и теряет физическую способность работать. Водка, спиртное вообще является легким наркотиком, который можно употреблять достаточно долго…

– Ничего себе легким! – воскликнула Карина.

– Ты никогда не была знакома с морфинистами? – осведомился эльф.

Карина наморщилась.

– Морфинисты, морфинисты… А! У нас говорят – опиист, – сказала ведьма. Вдруг на ее лице отразился ужас.

В детстве все детишки из многочисленной родни завидовали Василисе, старшей сестре Карины. Василиса, как в сказках, была прекрасная, и премудрая. Но война все поломала. Карина ушла в Горную Школу. Василиса, у которой магических способностей не было, стала связной у партизан, боровшихся за родной край с сюрками. В отряде оказался предатель. Сюрки взяли мандречен как раз тогда, когда Василиса принесла очередное донесение. Партизан заставили вырыть тут же, в лесу, большую яму и встать в нее. Затем вперед вышел маг сюрков. Что именно он сделал с мандреченами, какие чары и заклятья сплел, не смогла разобраться даже Карина, которую к братской могиле потом привела сестра. Но ясно было одно – умирали партизаны долго. И мучительно. Как смогла спастись Василиса, Карина так и не поняла. А сестра не могла вспомнить.

Да не очень и старалась, предпочитая топить иногда все-таки всплывавшие образы в водке.

Или, вспомнила Карина, холодея, развеивать их в клубах опийного дыма.

Судя по всему, какие-то, зачаточные, магические способности у Василисы все же были. Она смогла сплести защитный магический кокон в минуту смертельной опасности. Другого объяснения этому чуду Карина найти не могла. После войны Василиса оказалась единственной выжившей из всей огромной семьи. Ведьма смогла заставить сестру отказаться от водки и опия, хотя и с большим трудом. Василиса как будто стала прежней. Она заставила Антона, сухорукого калеку, жениться на себе и с тех пор тянула лямку замужней женщины. Василиса практически одна вела хозяйство и поднимала детей – от Антона в доме было мало толку. Когда Карина спрашивала у Василисы, стыдливо скрывавшей синяки под не по погоде длинными рукавами кофт, почему же она не бросит Антона, который пил и терял уже порой человеческий облик, Василиса лишь закатывала глаза и шептала: «Люблю я его, Кариночка». Карина лишь качала головой. Ей становилось больно и грустно. В понятиях Карины, это назвать любовью было нельзя. Теперь ведьма понимала, что та красивая и гордая девчонка, которой она так восхищалась в детстве, осталась-таки в той страшной яме, где лежала почти половина станичников Пламенной.

Шенвэль с интересом наблюдал за Кариной.

– Я поняла тебя, – сдавленным голосом сказала ведьма. – Продолжай.

– Но только в Мандре принятие наркотиков, спиртного то есть, является общественным ритуалом, и из социальной жизни выпадает как раз тот, кто отказывается пить. На тех, кто уже не способен сдерживать себя, на запойных пьяниц смотрят с сочувствием и пониманием; а к тем, кто НЕ пьет, относятся, как к подозрительным чудакам, – сказал эльф. – Человеку, пока он находится в пьяном угаре, абсолютно все равно, кто у власти и что делается в стране. А даже если не все равно, максимум, на что он способен – это пропитой глоткой выкрикнуть ваш главный лозунг: «Во всем виноваты сидхи! Понаехали тут…». У вас тоже находятся трезвые люди, которые кричат о деградации генофонда, но их высмеивают.

– Ты говоришь, что нас намеренно превращают в быдло! – гневно перебила его Карина.

– Нет, **это** сказала ты, – тонко улыбаясь, ответил Шенвэль. – Вы бесконечно верите в доброго царя-батюшку с сильной рукой, который придет и все поправит. На деле это означает лишь то, что вы повезете любого, кому хватит ловкости вскочить вам на шею. Сама посмотри на правителей Мандры за последние сто пятьдесят лет. Вами долго правил дракон, теперь коронован сюрк, который всего лишь бывший военачальник…

– Ты ненавидишь Искандера потому, что он не дал вам оттяпать наши земли по самый Нудай! – закричала Карина. – А с Черным Пламенем у тебя тоже были свои личные счеты! И ни Искандер, ни Черное Пламя не пили!

Шенвэль поднял руку, словно останавливая ведьму.

– Искандер, безусловно, великий человек, – сказал эльф. – Он вытащил вас из трясины междоусобиц, сохранил Мандру как цельное государство. Но ты заблуждаешься, думая, что Искандер многое может. Он повязан своими советниками, своим статусом выскочки… И каждый правитель так. Я думаю, что Искандеру вообще не до этого. Все его помыслы направлены на другую цель. Черное Пламя не пил потому, что драконы вообще равнодушны к огненной воде, как называют водку сюрки. Драконам хватает своего огня… Искандер не может пить, потому что он сюрк, его печень устроена так, что он просто не может этого себе позволить.

– Вот видишь! – воскликнула Карина.

Шенвэль снова улыбнулся, и ведьма возненавидела его в этот момент.

– Но он не мешает пить *вам* , – сказал эльф хладнокровно. – Потому что ему это *удобно* . Даже если попадется порядочный правитель, который обратит внимание на эту проблему несмотря на сопротивление своих советников – что само по себе сложно, ты только представь себе, Карина, какие деньги крутятся в торговле спиртным – так вот, если кто-нибудь, когда-нибудь, попробует прекратить ваше пьянство, именно его возмущенный народ скинет с престола. У наркоманов это называется «ломка», только у вас это произойдет в масштабах всей страны. И немедленно найдется предприимчивый честолюбец, который на этой волне пролезет наверх – и снова потекут водочные реки…

В лице Карины что-то сломалось.

– Тебя послушать, так мы никогда не будем жить хорошо, – прошептала ведьма. – Потому что у нас некому бороться за это самое «хорошо».

– Да это «хорошо», в общем, никому и не нужно, – кивнул Шенвэль. – Пока есть знакомая бабка, у которой утром, когда все внутри горит, можно перехватить шкалик до открытия шинка…

У ведьмы задрожали губы, и эльф сжалился над ней.

– Не слушай меня, – сказал он, наклоняясь к Карине. – Успокойся. Я ведь всего лишь равнодушный чужак с сильными садистскими наклонностями…

Карина вскрикнула. Ведьма засмеялась, потом застонала. А потом все общественные проблемы и методы социального регулирования вылетели у нее из головы.

Ведь эти вопросы принимают близко к сердцу только мужчины.

И только после третьей рюмки.

– Ты уже определись, – хохоча и отбиваясь, сказала Карина. – То «сделай мне больно», а то садистские наклонности…

– А, тогда, в подземелье, – усмехнулся Шенвэль. – Я просто очень удивился твоей дерзости, твоей смелости, когда ты ударила меня….

Следующей ночью Карина долго не могла заснуть – так ее взбудоражил один магический ритуал, который они провели вместе с эльфом. Вдруг вместо привычного теплого бока Шенвэля она почувствовала холод и пустоту. Карина в ужасе подумала, что эльф ушел. Она села на кровати.

Да так и застыла.

Шенвэль был рядом. Он спал. Эльф лежал на боку, лицом к ведьме. А сразу за его спиной начиналась огромная черная пустошь. Холодом тянуло оттуда. Карина знала, что сны особенно сильных магов иногда реализуются в виде смутных образов. Но ведьма сразу поняла, что это не проступивший в реальности сон.

Сразу за краем постели начинался Подземный мир.

«Шенвэль, наверное, открыл свою Дверь во сне», подумала потрясенная ведьма. Отвратительные существа рылись в черной пыли. Карина даже представить себе не могла, что можно искать там. Пыль попала в нос ведьме, и Карина чихнула. Пища, скользкие гады кинулись врассыпную. Но один из них, самый крупный, остался на месте. Скользнув по Карине оценивающим взглядом, гад вдруг быстро покатился к ней. Ведьма перегнулась через спящего эльфа и метнула в чудовище голубую молнию. Карина вложила в удар не так уж и много Чи, но гада просто разорвало на куски. Взрыв осветил всю огромную равнину. По ней заметались жуткие тени. «Наверно, живая сила так же опасна для жителей Подземного мира, как мертвая сила – для нас», подумала ведьма. На бок Шенвэля упало несколько кровавых капель, но эльф даже не пошевелился. Карина схватила его за плечо, чтобы разбудить, но тут краем глаза снова уловила какое-то движение. Ведьма перевела взгляд на черную пустошь и обмерла.

Огромный пламенеющий столб надвигался прямо на них. Прежде чем сердце Карины успело сделать два удара, существо уже подошло вплотную к кровати. Ведьма увидела змей, извивающихся у основания столба, и тут вид изменился. Кровать любовников взмыла вверх, причем так быстро, что у Карины закружилась голова. А затем весь обзор закрыла огромная голова чудовища. Огненные глаза уставились на ведьму.

– А, так это из-за тебя у меня так часто чешется хвост, – сказало оно. – Что ты здесь делаешь?

«Мамочка! Это же сам Ящер!» мелькнуло у насмерть перепуганной Карины.

Но надо было ответить.

– Я сама не знаю, как оказалась здесь, о владыка Подземного мира, – пробормотала ведьма. – Извини, что побеспокоила тебя. Не сердись, что убила твоего слугу. Но он…

– Я знаю, – сказал Ящер. – Да я и не могу на тебя сердиться, Коруна.

Карина удивленно уставилась на бога. Ящер обратился к ней по имени, которое она носила в детстве, до того, как стала боевой ведьмой. «Хотя», сообразила Карина. – «Он ведь только то мое имя, настоящее, и должен знать». Но заявление бога о том, что он не может сердиться на нее, удивило Карину еще больше. Ведьма не помнила за собой никаких поступков, которые могли бы послужить причиной особого расположения Ящера к ней.

– Эльф не сказал тебе, – гневно воскликнул Ящер. – Он ничего тебе не сказал!

«Если он еще раз так рявкнет, я описаюсь», подумала Карина.

Владыка Подземного мира продолжал очень мягко:

– Сейчас я не могу отсюда выйти и помочь тебе. Но завтра… Следуй за той, в чьем имени – обещание, в душе – стрела, а на теле – мой знак. И ты спасешься.

– Я так и сделаю, о владыка Нави, – собравшись с духом, отвечала ведьма.

– Эльфу совсем необязательно знать об этом нашем разговоре, – добавил Ящер. – Но ты передай ему, что Змей Горыныч уже в пути и прибудет следующей ночью или на рассвете.

– Будет исполнено, о владыка Нави, – сказала Карина.

– Буди эльфа, – сказал Ящер.

Ведьма потрясла Шенвэля за плечо.

– Сильнее, – сказал Ящер.

Карина толкнула эльфа так, что он чуть не слетел с кровати.

Шенвэль открыл глаза. В тот же миг Ящер и его мир исчезли.

– Чего ты? – пробормотал эльф сонно.

– Шенвэль, проснись, – сказала Карина. – Здесь только что был сам Ящер, и Подземный мир, и …

Шенвэль сел на кровати спиной к ведьме, жестом зажег ночник.

– Ящер просил передать тебе, что Змей Горыныч прилетит следующей ночью, – сказала ведьма. – У вас что, с ним какие-то дела?

– Можно и так сказать, – ответил эльф.

Карина задумчиво посмотрела на Шенвэля, но расспрашивать, что это у него за дела с богом, ненавидящим эльфов, не стала.

– Что это было? – спросила ведьма. – Как Ящер смог пройти в наш мир?

– Я ведь Музыкант Смерти, Карина, – сказал эльф. – Я изо всех сил удерживаю свою внутреннюю Дверь в Подземный мир закрытой. Но когда я слабею, Дверь потихоньку открывается. Сама.

– Это все из-за ранения, – сказала Карина. – Но с каждым днем сила должна возвращаться к тебе, а она, наоборот, убывает… Слушай, может, в тебе остался яд дракона?

– Не думаю, – сказал Шенвэль. – Поджер каждый день вливал мне такую канистру пенициллина, что я им только что не потел.

– У тебя может быть врожденный иммунитет к пенициллину, – нахмурившись, сказала Карина. – Такое встречается чаще, чем врожденное владение Цин.

– Да нет, – сказал Шенвэль. – Раньше мне помогало.

Шенвэль погладил ведьму по голове, встал и накинул халат.

– Мне больше нельзя спать, – сказал эльф. – Тогда Дверь откроется снова.

– И долго тебе будет нельзя спать? – спросила Карина.

– Только сегодня и завтра, – ответил Шенвэль. – Пойду в библиотеку, почитаю что-нибудь. Ты ложись, поспи.

Эльф что-то вытащил из-под подушки. Карина с некоторым удивлением узнала заплечный мешок Шенвэля. Сердце ведьмы упало. Ее возлюбленный собирался в путь, и путь, судя по всему, неблизкий.

– Да, и днем мне надо будет утром сходить кое-куда, – сказал эльф, заметив ее взгляд. – Я вернусь к обеду, самое позднее – часам к четырем. Хорошо?

Карина молча кивнула. Первый раз за все две недели, проведенные в доме Лакгаэра, эльф решил оставить ее одну. И хотя ведьма помнила, что Шенвэль не только ее любовник, но и Верховный маг Фейре, ей все равно стало очень грустно.

– Не уходи, – сказала Карина жалобно и поспешно добавила: – Хочешь почитать, на тумбочке книжка лежит. Я вчера днем взяла в библиотеке, как чувствовала, что пригодится.

– Ну хорошо, я побуду с тобой, – сказал эльф. – Но свет будет мешать тебе.

– Не будет, – сказала Карина, устраиваясь в постели. Без Шенвэля лежать обнаженной стало прохладно, и ведьма натянула на себя одеяло. Шенвэль взял книгу. Это оказались «Заметки о бунте Разрушителей» известного военного историка Теонора. Эльф улыбнулся.

– Да, здесь, пожалуй, история Разрушительницы Пчелы и Балеорна изложена наиболее честно, – сказал он, усаживаясь в кресло. Мешок он бросил на пол рядом. – Без пропагандистских воплей и розовых соплей…

– Я искала там другое, – сказала Карина хмуро. – Наших летописей в библиотеке Лакгаэра нет, а я хотела посмотреть, действительно ли тот указ… о шинках… приняли тогда, когда ты сказал.

Шенвэль хмыкнул и сказал одобрительно:

– Доверяй, но проверяй… Молодец, Карина.

Ведьма сжала веки и засопела. Шенвэль раскрыл книгу, но читать не стал. Эльф с горькой нежностью смотрел на ведьму. Он видел все множество лиц Карины, и сейчас перед ним лежала маленькая, очень серьезная девочка. Она боялась, что он уйдет, если она не будет его слушаться, и старалась сделать вид, что спит. Но Верховного мага Фейре нельзя было обмануть и более искусной иллюзией.

Он знал, что это их последняя ночь. Шенвэль не смог бы убить Змея Горыныча, даже если бы захотел. Но он и не хотел. Завтра их любовь, его ворованное счастье и рабство Карины, о котором ведьма и не догадывалась, должна была закончиться вместе с жизнью рабовладельца. Эльф мог бы вкусить еще немного счастья, напоследок – и ведьма, как всегда, с готовностью и радостью приняла бы его ласки. Однако Шенвэль больше ничего не хотел брать от Карины. Он и так взял уже слишком много.

Эльф вытянул ноги, положил их на мешок. Взгляд его затуманился.

– Карина, – тихонько произнес эльф. Ведьма тут же открыла глаза. Сна в них не было ни капли. Застывшее лицо Шенвэля напугало ее сильнее, чем недавнее явление владыки Подземного мира. Возможно, именно поэтому Карина не удивилась, услышав его имя.

– Больше Ящер ничего не говорил тебе? – спросил Шенвэль.

Эльф заметил испуг ведьмы и прикрыл глаза веками, но полностью притушить колючесть своего взгляда он не смог. Карина села на постели, укутавшись в простыню. Шенвэль подумал, что точно таким же движением его возлюбленная заворачивалась в одеяло, усаживаясь на жесткой кровати в Горной Школе перед тем, как рассказать подружкам в дортуаре очередную страшную историю. И точно таким же движением укутывалась в форменный плащ боевой ведьмы, засыпая на случайном биваке.

– Да нет, – храбро соврала Карина. – Представляешь, он, оказывается, знает мое настоящее имя…

Шенвэль резко нагнулся вперед. Ведьма вздрогнула от ненависти, пылавшей в глубине этих прозрачных глаз.

– Какое? – яростно закричал Шенвэль. Но Карина услышала в его голосе страх. И боль. – Какое, твою мать?

Ведьма, собрав все свое мужество, усмехнулась и процитировала казенным голосом:

– «Если меня, как военнопленную, будут допрашивать, я обязуюсь отвечать только на следующие вопросы: имя, воинское звание, армейский номер и дата рождения. На все другие вопросы я отвечать не стану, чего бы мне это не стоило».

Шенвэль вскочил, сжимая кулаки. Карина посмотрела на него снизу вверх, и в глазах ее читался вызов. «Да что же такое с ним происходит?», думала ведьма, больше удивленная, чем напуганная. В то же время Карина чувствовала, как в глубине души закипает ярость. Никому из своих любовников она не позволяла орать на себя, и делать исключение для эльфа не собиралась.

– Но ты ведь уже нарушила первую часть вашей армейской присяги, – сказал Шенвэль чужим голосом.

– О чем ты? – спросила ведьма.

– «Я никогда не сдамся в плен добровольно. Я не буду слушать врага и не буду принимать от него никаких льгот», – сухо, явно передразнивая Карину, процитировал он. – А теперь уж… Сказала «аз», говори и «буки». Молчание может тебе очень дорого встать.

Карина посмотрела на эльфа озадаченно. Шенвэля удивило упрямство ведьмы, которая до сих пор поспешно выполняла все его желания, стоило ему лишь намекнуть о них. Эльф догадался, в чем причина. Пока Дверь в Подземный мир была открыта, комната насытилась Цин. Чары, державшие Карину, ослабли. Шенвэль втянул в себя всю мертвую силу, которая была в комнате.

– Я пошутила, – сказала Карина, усмехаясь.

Эльф с ужасом подумал, что, возможно, дело вовсе не в наполнившей покои мертвой силе.

А в том, что Ящер успел объяснить ведьме причину ее безумной страсти к эльфу.

У Шенвэля помутилось в глазах. Эльф хватил рукой по столу.

– А я – нет! – воскликнул Шенвэль. – Говори же! Как он тебя назвал? Ну?

Сердце ведьмы упало. «Он ничего тебе не сказал», вспомнились Карине слова Ящера. Шенвэль явно что-то скрывал от нее, что-то очень важное. Ведьме приходилось слышать о том, что эльфы похищают мандреченок, опутав их чарами, и потом используют в каких-то кровавых ритуалах, но считала это бредом назойливой пропаганды.

Но сейчас это стало очень похоже на правду.

А две недели, пролетевшие в ласках и радости на берегу теплого моря, две недели самой искренней любви, которую она когда-либо испытывала к мужчине, в один миг обернулись пеплом лжи.

Карина разрыдалась.

– Что же ты делаешь, Шенвэль, – всхлипывая, сказала она. – Мое крыло улетело в Кулу без меня. Марина, пока меня нет, заласкает ведьм до безумия, и они выберут старшей ее. Я не смогу вернуться ни к своей работе, ни к людям вообще – меня сразу начнут допрашивать Чистильщики, а после их допросов даже сидхи живут недолго… Я все отдала тебе, а ты… а ты…

Эльф закрыл лицо руками.

– Мне надо уйти, – сказал он перехваченным голосом.

Шенвэль поднял свой мешок и, прихрамывая, направился к выходу на террасу. Эльф взялся за шпингалет наверху, удерживавший створки в закрытом положении.

– Ящер назвал меня Коруной, – сказала ведьма у него за спиной. – Моя наставница, Кертель, дала мне такое имя при рождении. В честь богини.

Шенвэль обернулся.

– Пожалуйста, – сказал он. – Расскажи мне об этой богине. Я слабо разбираюсь в мандреченских богах, их у вас так много…

Карина пожала плечами.

– Коруна не самая почитаемая богиня, потому что она беспристрастна, задобрить ее невозможно никакими дарами, – сказала ведьма. – Коруна – темная сторона Лады – родительницы, богиня смерти. Волхвы Коруны исполняют похоронный обряд после того, как волхвы Ящера приготовят тело к погребению. Коруна, Могота и Яга – три сестры, богини Судьбы. Коруна еще богиня справедливости, она жена Прона. Когда о ком-то говорят: «Его судьба наказала», имеют в виду именно Коруну. Вот и все, пожалуй.

Шенвэль молча подошел к кровати. Ведьма невольно отшатнулась. Эльф опустился на колени перед кроватью, уткнулся лицом в скомканное одеяло.

– Прости меня, что я так тебя напугал, – сказал он. – Прости…

– Что за непруха такая, – сказала ведьма сокрушенно. – Как попадется нормальный, душевный мужик, так или линдворм, или пьет по-черному, или одержим злым духом…

Она прикусила язык. Шенвэль мог догадаться, что ведьма говорит об Искандере. Карина находилась в приятельских отношениях с императором, а в его постели ведьме не удалось побывать только потому, что когда дело было уже на мази, в армии мандречен появился Крон. «Только сцены ревности мне еще не хватало», утомленно подумала Карина.

Но Шенвэль, хвала богам, не обратил внимания на эти слова ведьмы. Карина вздохнула, дотронулась до его плеча. Эльф был словно каменный от напряжения.

– Поплачь, – сказала ведьма и погладила его. – Сдерживаться – это хуже…

– Ну уж нет, – сказал Шенвэль глухо. – Я хоть и ледяной эльф, но я не намерен таять, едва меня пригреют…

– А твое имя что значит? – спросила Карина ласково. – «Вэль», это, видимо, от «bal» – сила, да? А второй корень мне что-то не встречался.

– Встречался, – глухо сказал Шенвэль. – И чаще, чем ты думаешь.

– Shaen… shante.. – задумчиво сказала Карина. – Светить, что ли? Светлая сила?

Шенвэль поднял голову, наклонился к уху ведьмы и прошептал что-то недлинное. Карина ойкнула и прикрыла рот рукой.

– А ведь и правда, – краснея, сказала ведьма.

Эльф сел на край кровати и с усилием отбросил мешок в угол. В нем что-то тяжело звякнуло.

– Когда мать нарекла меня, – почти нормальным голосом сказал Шенвэль. – Она еще не знала, что ‘shean означает любовь исключительно в эротическом аспекте. Она хотела сказать, я думаю, что сила любви может преодолеть все – расовые различия, ненависть и чары. А получилась неприличная шутка. Когда Пчела придумывала имя младшему брату, такой осечки уже не произошло.

– Грустно, – сочувственно сказала Карина, обнимая эльфа. – И как назвали твоего брата?

– Хифкристом, «рассекающим лед». Ко мне обычно обращались тем именем, которое дал мне отец.

– И что значит «Лайтонд»? – спросила ведьма с интересом.

– «Сын Свободы», по смыслу примерно тоже самое, – сказал Шенвэль.

– Да, – согласилась Карина. – Как говорят, насильно мил не будешь.

– А когда я расставлял ловушку на Черное Пламя, мне нужно было сменить имя, – продолжал Шенвэль. – Я не мог взять имя полностью ложное, потому что дракон это почуял бы. Я вернулся к тому имени, что дала мне мать. Изменил одну руну, чтобы хотя бы на письме уйти от непотребства.

– А нашего ребеночка как назовем? – смеясь, спросила Карина. – От вас же, сидхов, залет влет.

– Ты не станешь рожать от эльфа, я думаю, – спокойно сказал Шенвэль.

– Я свободная женщина в свободной стране, – фыркнула Карина. – От кого хочу, от того и рожаю.

Эльф посмотрел на нее глубоким взглядом.

– Я пошутила, – сказала ведьма. – Я не могу забеременеть, не беспокойся.

Шенвэль усмехнулся.

– Ну и шуточки у вас, – сказал он.

Подобный изъян мог бы перечеркнуть всю жизнь крестьянке, взятой замуж исключительно из-за широких бедер, но не боевой ведьме. Образ жизни небесной воительницы не располагал к материнству. Да и на жизненном пути Карины еще не встречался мужчина, от которого бы ей действительно захотелось завести ребенка.

– Ранение? – ровным голосом спросил эльф.

Профессиональной травмой боевых ведьм было ранение в пах и низ живота. Но Карина отрицательно покачала головой.

– Нет, – сказала ведьма. – Все, что нужно, у меня есть, но почему-то не работает. Ну, в смысле, понятно, почему – дежурства в осеннем небе, ночевки на земле и тому подобное…

– Я думаю, дело в другом, – сказал эльф спокойно. – Ты не беременела потому, что в тебе была Игла Моргота.

Карина вздрогнула.

– Но если ты, положим, прав, – пробормотала она. – То… Ведь мы с тобой уже почти две недели кувыркаемся…

Шенвэль улыбнулся.

– Я снижал скорость сперматозоидов, чтобы оплодотворение не произошло, – сказал эльф и поцеловал ведьму, склоняя вниз тяжестью своего тела.

– Ты моя, Коруна, – сказал он. – Моя жизнь. Моя смерть. Моя кара.

Светлана и Владислав завтракали на балконе, с которого открывался изумительный вид на аккуратно подстриженный замковый парк. На ведьме было зеленое шелковое платье без рукавов, подарок Ивана. Вкус князя в подборе одежды оказался более тонким, чем у его вассала. Платье ведьме очень шло, в отличие от того, которое подарил Карине Владислав. Зеленые глаза Светланы на фоне искусно подобранного оттенка казались еще ярче.

Неглубокий квадратный вырез подчеркивал высокую грудь целительницы. По краю шла серебристая тесьма, так же был отделан подол. По всему платью были рассыпаны вышитые серебром листья ивы. Серебряный браслет на предплечье ведьмы в виде кусающего себя за хвост змея, легкая цепочка на шее и почти невидимые ажурные подвески в ушах дополняли ансамбль. Барон подумал, что сейчас, на фоне причудливых фигур, в которые были превращены умелым садовником парковые деревья, Светлана выглядит настоящей лесной эльфкой. Только вот волосы, перевитые зелеными и серебряными нитями и уложенные в шлем-косу, разрушали иллюзию. Целительница была готова к вылету. Крыло «Змей» перебралось в Кулу, где предприимчивая Марина уговорила отца на заказ. Ведьмы сопровождали флотилии рыбаков и сообщали с высоты, когда засекали в прозрачной воде крупный косяк. Лишь Светлана осталась в замке своего возлюбленного. Светлана каждое утро вылетала на работу из замка князя – на час пораньше встать, подумаешь. Владислав, в отличие от Ивана, тоже был ранней пташкой, и их совместные завтраки начали входить у них в привычку. После исчезновения Карины прошло уже две недели. От ветреной ведьмы не было никаких известий. Барон избегал разговоров о Карине, но Светлана один раз, гуляя по парку, видела, как барон бродит в одиночестве и рвет на себе волосы. Светлана иронически думала, что при его-то начинающейся лысине это опрометчивый шаг. Хотя, с другой стороны, не надо будет стесняться седины. Тогда ведьма из деликатности не стала обнаруживать свое присутствие.

Но сегодня барон впервые сам завел беседу о бросившей его возлюбленной.

– Ах я глупец! – сказал Владислав грустно. – Это я во всем виноват. Мямля! Все ходил вокруг да около, чего-то сомневался… Упустил такую женщину!

– Она обязательно вернется, я ее знаю, – промурлыкала Светлана.

– Видишь ли, Светлана, – с горечью сказал Владислав. – Возвращаются все, кроме самых любимых женщин.

В глубине души ведьма была согласна с бароном, но сказала совсем другое:

– Ну, зачем же так трагично. Все еще образуется, вот увидите…

Целительница поправила цепочку на шее. Россыпь солнечных бликов скользнула по лицу Владислава. Шаловливый солнечный зайчик, чуть крупнее остальных, запрыгнул в левый глаз барона и там исчез.

– Ты не знаешь, кто бы это мог быть? – спросил Владислав совершенно нормальным голосом.

Ведьма покачала изящной головкой.

– Ни сном, ни духом, – вздохнула она. Светлана солгала, и солгала дважды. Сегодня ночью дух Карины посетил ее во сне. Поговорить толком подруги не успели, ну, так сегодня днем Светлана рассчитывала восполнить этот пробел. Однако ведьм не учили снохождению, Карине помогал другой маг. И Светлана знала, кто именно.

Ведьма сделала незаметное движение рукой.

– Я думаю, это все-таки Лайтонд, – заметил барон, потирая глаза. Лицо Светланы не выразило ровным счетом ничего. – Сидх ее не любит, Карина ему просто нужна для одного сложного магического ритуала. Я боюсь, что Карина вспомнит о несчастном старике, который любил ее, да будет уже слишком поздно…

Ведьма наклонилась к Владиславу, сочувственно похлопала его по руке. Затем пристально посмотрела ему в глаза. Взгляд барона остекленел. Светлана произнесла ровным, настойчивым голосом:

– А теперь вам пора отдохнуть. Вам очень хочется спать. Идите, прилягте… Как только ваша голова коснется подушки, вы немедленно заснете.

Владислав послушно поднялся и прошел в свои покои. Ведьма последовала за ним. Барон растянулся на кровати и заснул чуть ли не раньше, чем голова его коснулась шелковой подушки.

Светлана подошла к высокому резному шкафу и открыла его. Раскинув руки, она шепотом вызвала метлу и стала быстро перекладывать вещи Карины во вторую корзину,

стоявшую на сиденье для раненного. Когда Светлана упихивала в корзину снятое с обручей парчовое платье, барон неожиданно захрапел. Перепуганная метла юркнула за спину хозяйки, трепеща всеми стальными планочками руля. Ведьма выронила платье, и оно шумно осело на пол.

– Спать, спать… – протянув руку, произнесла Светлана, и добавила, сурово сдвинув брови: – Это что еще такое? Мне на тебе в бой идти!

Сконфуженная метла вернулась на место. Загрузив подарок барона, целительница перешла к трюмо, и стала выдвигать многочисленные ящики.

– Перун и Волос, сколько барахла! – пробормотала ведьма, укладывая в корзину коричневое шелковое платье подруги, пояс от «эльфийского» комплекта и мягкие кожаные башмаки. У Карины еще были легкие плетеные сандалии, которые Светлана обнаружила под самим трюмо. Карина умчалась к сидху босая.

– Не-ет, правы были древние – все свое нужно носить с собой, – продолжала Светлана. Ведьма заглянула в трельяж с раздвижными зеркалами, поправила прическу. – Не попадать к вещам в рабство… и подруг при неожиданном бегстве с любовником не напрягать на кражу собственных вещей!

Светлана стала выдвигать ящички. Рубиновое колье и серьги последовали за одеждой Карины. Барон снова захрапел, но метла никак не отреагировала, боясь гнева хозяйки.

– Хотя теперь я понимаю ее лучше, – негромко сказала Светлана. – Если бы мой Ваня так храпел, я бы бросила его после первой совместной ночи.

Метла встала вертикально.

– Ну, положим, не после первой, – согласилась Светлана. – А на третью, когда он наконец отпустил меня пописать и заснул…

– Так, вроде все, – ведьма огляделась, прошла по комнате, проверяя, не забыла ли чего, аккуратно прикрывая дверцы и задвигая ящики. – Проверим по списку… Точно все.

Узкое окно, украшенное цветными витражами, было открыто. Светлана лихо оседлала метлу, пристегнулась и вылетела в него.

Но сон Владислава продлился недолго.

Шенвэль закинул мешок за спину, вышел в розарий и нос к носу столкнулся с Ваниэль. На эльфке было длинное оранжевое платье с широкой полосой причудливого зеленого орнамента по подолу и краю рукавов. Узкую талию подчеркивал пояс, сплетенный из оранжевых и зеленых кожаных полосок.

– Привет, – сказал Шенвэль. – Хорошо выглядишь. Я все думал, когда же ты придешь.

Он повернулся спиной к эльфке и чуть щелкнул пальцами. Но прежде чем вход в покои подернула синяя дымка экрана неслышимости, Ваниэль успела заметить лежавшую на постели женщину. Лицо и большая часть тела скрывали распущенные черные волосы, и эльфка смогла разглядеть только крутое бедро с татуировкой на нем – змей, свернувшийся в кольцо. Ваниэль с трудом сдержала крик. Шенвэль обернулся, увидел выражение лица эльфки, покачал головой и сделал еще один сложный жест. По синему экрану неслышимости, словно трещины, разбежались черные зигзаги.

– Ты не сможешь попасть внутрь, – сказал эльф. – По крайней мере до тех пор, пока Карина этого не захочет. А она не захочет.

Ваниэль справилась с собой.

– Я ее не трону, – сказала эльфка спокойно.

Шенвэль испытующе посмотрел на нее.

– Но все равно щит я не сниму, – сказал он.

– Это как угодно, – отвечала эльфка холодно.

Шенвэль вздохнул.

– Давай покончим с этим быстро, – сказал эльф. – Я благодарю тебя за то, что ты не пошла на поводу у своей ревности и спасла эльфов Рабина. Но я и тебя не люблю. Вы, женщины, можете гореть в огне любви постоянно. Вы живете в нем, как саламандры. А я

давно уже пепел. И я не скрывал этого от тебя.

– Да, – сказала Ваниэль. – Ты был честен. Я знаю, чего ты хотел. Ты хотел, чтобы я наполнила тебя жизнью. Ты думал, что мое имя обещает именно это. На самом деле в моем имени – потеря, и вот, ты исчезаешь из моей жизни. Я становлюсь твоим прошлым, позабытой тенью… [12] Я уйду, что ж. Но я буду ждать тебя. Когда она умрет, возвращайся.

Шенвэль отрицательно покачал головой.

– Буду, – с вызовом сказала эльфка.

– Что же, – сказал Шенвэль. – Пойдем, я провожу тебя.

– Я еще побуду здесь, – сказала Ваниэль.

Она из последних сил сдерживалась, чтобы не разрыдаться при Шенвэле.

– Хочешь, я тебя поцелую? – сказал эльф. Она любила целоваться, и он это знал. – На прощание?

– Уходи, – сказала Ваниэль сквозь зубы.

Шенвэль осторожно погладил ее по голове. Сегодня Ваниэль уложила волосы в игривую свободную прическу, и непокорные кудри чуть пружинили под рукой. Эльфка закрыла глаза.

Когда Ваниэль открыла их, Шенвэля на террасе уже не было.

И тогда она заплакала так горько, как не плакала с самого детства.

Ваниэль не услышала легких босых шагов за спиной, не обратила внимания на колебания Чи. Эльфка ощутила холодный толчок в спину. Она попыталась обернуться, но уже не смогла. Ваниэль рухнула лицом вниз. Черные волосы разметались по на терракотовым плиткам.

Карина стояла над эльфкой, сжимая в руке кинжал. С узкого лезвия капала кровь. Лицо у ведьмы было совершенно безумное. Карина сама не знала, как ей хватило сил пробить экран неслышимости, поставленный магом седьмого класса и вырвать из стены кинжал, загнанный в щель между дубовыми панелями на две трети длины клинка.

Ведьма слышала весь их разговор.

Но услышала только самое главное для себя.

– Не дождешься, – сказала Карина, глядя на быстро растущую на полу красную лужу.

Двери распахнулись от грубого толчка ногой, и в покоях Владислава почернело от мундиров Чистильщиков. Вслед за ними вошел князь. Из одежды на Иване была только коричневая бархатная портьера – князя взяли прямо с постели, и в знак уважения к Ивану Крон сорвал портьеру с окна сам. Имперский маг лично решил заняться проверкой материалов по данному делу, несмотря на то, что еще не вполне оправился после болезни, и одно это вызывало в князе глубокий, животный ужас. Крон уже приезжал в Рабин, и теперь Иван сомневался, удастся ли ему спасти свой город во второй раз.

Чистильщики приступили к обыску со сноровкой, свидетельствующей о большом опыте в этом деле. Одни выдвигали ящики трюмо и распахивали шкафы, другие растолкали барона, размахивая перед его носом большим листом бумаги с приложенной к нему печатью.

Ордером на арест.

Крон остановился перед трехстворчатым зеркалом, всмотрелся в прохладную глубину. Зеркала впитывали Чи своих хозяек, сохраняя в себе недолговечную женскую красоту. Маг увидел Карину. Вдруг Крон отшатнулся и провел рукой по лицу, словно отгоняя видение. Радужные блики от крупного изумруда в его перстне веером рассыпались по комнате, заплясали на стенах. Лицо имперского мага исказила крайне неприятная гримаса. Крон повернулся к Владиславу.

– Кто-то побывал здесь, и забрал все вещи, в которых могла быть Чи ведьмы, –

---

[12] Эльфка играет словами. Изящество каламбура невозможно передать ни на одном человеческом языке. Суть его в том, что слова «наполнять», «терять», «исчезать», «прошлое», «тень» и «уйти», а так же имя эльфки имеют один и тот же корень «ван».

произнес маг. Глаза у Крона были жуткие, пустые, как у слепца или наркомана. Ивана передернуло. – Господин барон, вы не знаете, кто это мог быть?

Владислав не сомневался, что вещи Карины забрала Светлана. И хотя бессонными горькими ночами после побега ведьмы барон мечтал о возмездии, сам он на Карину не доносил. И сейчас Владислав понял, что не сможет отдать свою возлюбленную на растерзание Чистильщикам. Зная, что откровенную ложь Крон немедленно почувствует, Владислав лишь пожал плечами. Крон улыбнулся.

– Верю, – сказал имперский маг и достал из кармана наручники. – Но вынужден буду проверить.

Владислав побледнел.

– Я надеюсь, что ты помнишь, что сделали для тебя эти руки, – подставляя запястья, сказал барон. Судя по головокружительной карьере, которую Крон сделал после войны, разнообразие, появившееся в их отношениях с Искандером благодаря Владиславу, привело императора в восторг.

– Этого я никогда не смогу забыть, – сказал маг таким голосом, что Владислав содрогнулся, поняв, что совершил ошибку. Как раз о той операции Крону напоминать не следовало.

– А вы, князь? – обратился имперский маг к Ивану. – Кто мог украсть вещи из охраняемых покоев среди бела дня?

Иван затряс головой, прижав руки к груди.

– Скверно, скверно… Ну да ладно, – хмыкнул Крон. – Ты, родной, я знаю, тоже питаешь слабость к волшебницам?

Лицо князя начало постепенно приобретать фамильные твердые черты.

– Твоя подружка сейчас в Куле, надо думать, – сказал Крон. – Придется тоже пригласить ее ко мне в Имперскую Канцелярию.

Князь, собрав все свое мужество, усмехнулся.

– Приглашай, это же твоя работа, – сказал Иван, глядя на мага. – Но если Света сегодня вернется домой хоть на минуту позже обычного, или вовремя, но *обиженная* тобой, граница Мандры и Сюркистана будет проходить не по Миаран, а по Куне. С завтрашнего дня.

Имперский маг тоже усмехнулся.

– Я понял тебя, князь, – сказал Крон. – Что ж, придется побеседовать с какой-нибудь другой ведьмой из крыла Карины. Но о твоих словах я доложу. Куда следует. Искандера очень заботит надежность восточной границы, ты же знаешь. И такое твое настроение очень, очень расстроит его.

– Доложи, доложи, – кивнул Иван. «Смотри по дороге в штаны не наложи», подумал он, но вслух сказать не решился. Крон был известен своим крутым нравом. За подобную выходку волшебник вполне мог решить князя дара речи.

– Мне совершенно неохота телепортировать такую ораву еще раз, – сказал Крон. – Я надеюсь, твой маг не окажет нам в этой маленькой любезности?

Иван вышел из покоев вместе с Кроном. Барона уже вывели, подбадривая дружескими пинками. Владислав обернулся, ища глазами князя. Иван отвел взгляд.

Баронство Ревен, зажатое между предгорьями Стены Мира и Верхней Волынью, было лишь маленьким треугольным лоскутом на востоке Черногории. Да и кто будет вмешиваться в отношения между старыми соратниками, даже если они вдруг испортились?

Светлана зависла над розарием и увидела тело с растрепанными черными волосами, лежащее ничком в луже крови. Сердце Светланы стукнуло и оборвалось. Она спикировала так стремительно, что метла опасно завихляла в воздухе. У Карины никогда не было оранжевого платья, но это вполне мог быть подарок нового любовника. Ведь Карина убежала с эльфом почти голая. Пьедестал у восточной стены пустовал и вполне подходил для посадки, но ведьма едва не промахнулась. Ломая ногти, Светлана отстегнула корзину и бросила ее вниз. Затем отослала метлу и спрыгнула с цоколя сама. Ведьма зацепилась за

колючую ветку и порвала платье, но даже не заметила этого.

Перевернув тело лицом вверх, Светлана тихо ойкнула. Это была не Карина, а эльфка, которая показалась Светлане смутно знакомой. Теперь целительница заметила, что для боевой ведьмы волосы женщины обрезаны слишком коротко.

Светлана вбежала в покои. Чи убитого переходило к убийце, и перерабатывалось в ауре, но очень медленно.

Сначала целительница увидела кинжал, лежавший в вазе с фруктами, между апельсином и виноградной кистью. Некоторое время целительница не могла отвести глаз от бурой полоски на узком лезвии. Затем усилием воли перевела взгляд на Карину. Обнаженная ведьма сидела на кровати, обхватив себя руками, и медленно покачивалась взад-вперед. Как и предполагала Светлана, большая часть жизненной энергии эльфки обнаружилась в ауре Карины. Но целительница увидела еще кое-что, и кулаки ее непроизвольно сжались.

Карина была плотно укутана в разноцветный магический кокон, по которому вихрились черные молнии. Канал воли ведьмы был блокирован у самой головы, канал страсти и чувственности – чрезмерно раздут. Барон оказался прав – сидх использовал Карину, связав ее магией. Чары, которыми Светлана держала Ивана, по сравнению с этим приворотным заклятьем были все равно что детские помочи по сравнению с кандалами. «Сволочь», яростно подумала целительница. – «О Ёрмунганд, какая сволочь!». Ведьма никогда не лишала своих любовников воли, а лишь усиливала влечение к себе. Шенвэль опутал Карину заклинанием, в котором было задействовано Чи всех четырех стихий и даже мертвая сила. Разрушить такой приворот целительница не могла. Светлана вспомнила, как они с Кариной догадались обойти проклятие Ледяного Сердца, снять которое тоже было не под силу целительнице. Возможно, и эти чары можно было обойти. Но у подруг сейчас было еще одно, более срочное дело. Жизненные силы сидхов превосходили человеческие, но эльфка в розарии могла умереть с минуты на минуту.

– Карина, – окликнула подругу целительница.

Карина посмотрела на Светлану так, как будто видела в первый раз. Потом губы ее дрогнули.

– Он меня не любит, – прошептала ведьма. – Не любит!

– Сидхи убьют тебя, когда увидят, что сделала, – сказала целительница.

– Пусть, – сказала Карина. – К чему мне жить теперь?

– Если тебя убьют, – сказала Светлана, помолчав. – Я тоже не смогу жить.

Это возымело действие. Карина поднялась. Светлана достала кинжал из вазы и вложила в руку ведьмы. Они вышли на террасу. Карина опустилась на корточки над телом, снова повернула эльфку лицом вниз.

– Хочешь, я прочту заклинание, – сказала Светлана. Процесс возврата Чи был крайне неприятным. Но если заклинание читал кто-то другой, не сам убийца, то все ощущения доставались именно магу, произнесшему формулу. Ведьма отрицательно покачала головой и приложила кинжал к ране.

– То, что руки эти сделали, все что взяли, пусть вернется к хозяину своему, все, до последней кровиночки, пусть станет все одно! – крикнула Карина.

Бурая корка на терракотовых плитках сменила цвет на ярко-красный. Кровь стала жидкой и втянулась обратно в отверстие в спине эльфки. Рана закрылась. Осталась только дырка в платье на спине, точно под левой лопаткой, темное пятно сукровицы вокруг него и кровавый потек к плечу.

Карина побледнела. Глаза ее закатились, и она рухнула рядом с эльфкой.

Светлана подняла Карину заклинанием и повела тело в воздухе. Она хотела переложить подругу на кровать. Целительница наступила на что-то острое, но невидимое в густом ворсе ковра. Светлана коротко вскрикнула. Чары ослабли, и Карина нырнула вниз. Ведьма уже находилась над кроватью, и благополучно приземлилась на ворох скомканных подушек, но так и не очнулась. Светлана разжала сведенные судорогой пальцы подруги, вынула кинжал, ругая себя за то, что не сделала этого сразу. Карина только чудом не проткнула себе живот

при падении. Целительница положила кинжал обратно в вазу с фруктами и вернулась к тому месту, где накололась. Светлана присела на корточки, и провела рукой по густому ворсу. Результатом поиском явилась черная хрустальная игла. Светлана сообразила, что это Осколок Льда, который эльф, по словам Карины, вытащил из нее. Целительница задумчиво посмотрела на артефакт, положила его на тумбочку и села рядом с подругой на кровать. Оставалось только ждать – после возврата Чи человек должен был очнуться сам. Светлана заметила на столике книгу и взяла ее. Ведьма ожидала обнаружить легкий женский роман на мягкой дешевой бумаге, но это оказался старинный эльфийский трактат, написанный еще на пергаменте. Заголовок на титульном листе, украшенном богатыми заставками и причудливыми виньетками, гласил: «Заметки о бунте Разрушителей».

Светлана раскрыла книгу там, где угол странички был загнут.

«…разбилась. Разрушительница Пчела закричала: «Что ты сделал? Какие проклятые чары пытался наложить на меня?». Балеорн ответил: «Успокойтесь. Это одна из очень старых методик очистки души, примитивная, прямо скажу – топорная. И магии в ней меньше, чем в этой пепельнице». *Разрушительница Пчела нахмурилась и спросила: «Что еще за очистка души?» «Все, что вы делаете, что происходит с вами в жизни, записывается как бы в одну книгу, и на самом деле мы помним все, но слишком долго приходится листать, чтобы найти нужную страницу. А память о боли лишает вас разума и сил. То, о чем вы рассказали мне, было написано огромными, горящими рунами и разделяло вашу жизнь, вашу книгу пополам», ответил Балеорн. «И ты стер эту запись!», воскликнула Разрушительница. « Нет», ответил Балеорн. – «Это невозможно. Да и вы ведь помните все, что рассказала». Разрушительница прислушалась к себе и поняла, что эльф говорит правду. Ушла не память, как она опасалась, а лишь боль. «И в чем состоит твой метод?», спросила она хмуро. «Чтобы размер рун, которыми записана ваша память, уменьшился до нормального, вы должны рассказать о том случае минимум десять раз», ответил Балеорн. – «Тогда тот эпизод остался бы в вашей книге как обычный, незначительный…» «Десять раз? Ну уж нет!», закричала Пчела. «Я знал, что у меня не будет такого шанса», сказал Балеорн. – «Я* применил к вам свою Чи, чтобы вам **казалось,** что вы рассказали это десять раз». «*Но… вместе с памятью о боли ты лишил меня моей силы!», рассердилась Разрушительница. «Ничего подобного», сказал эльф. «Вы же сейчас, когда хотели ударить меня, призвали свою Цин. Я очень юный маг, но я думаю, что для того, чтобы владеть Цин, также как и Чи, совсем не обязательно все время помнить, как ты призвал силу в первый раз. Боль уходит, навык остается». И тогда Пчела спросила его: «Зачем ты это сделал?» «Что бы вы ни говорили о братстве по оружию, Буровею больно даже думать, что кто-то будет касаться вас», ответил эльф. – «Да и я противен вам, я же вижу. А теперь нам с вами совершенно незачем заниматься любовью. Вы обещали убить меня, так сделайте это, и я обрету покой».*

Светлана покосилась на подругу. Карина дышала ровно, щеки ее начали розоветь. На всякий случай целительница проверила пульс и вернулась к книге. Теперь она заметила примечание, сделанное на полях другим почерком. Светлана решила, что это пометки хозяина библиотеки, Лакгаэра.

«Балеорн обманул Разрушительницу. Он соврал, чтобы придать своим словам больше веса, чтобы Пчела поверила ему. Таких методик никогда не существовало. Балеорн создал ее сам, но, к сожалению, никогда и нигде не описывал это свое изобретение. Впрочем, как и все остальные свои наработки. Несомненно, Тигран при создании своего метода воспользовался идеей Балеорна, но воплотил ее, пользуясь словами самого Верховного мага, примитивно и топорно».

Карина зашевелилась. Светлана отложила книгу и увидела, что по лицу подруги текут слезы.

– Мне было так хорошо, – тихо сказала Карина. – Знаешь, какое это счастье – просыпаться каждое утро и видеть любимое лицо. Вместе завтракать, разговаривать, гулять. Что-то делать вместе…

– Знаю, – сказала Светлана. – А тебе этого не было дано. Из-за твоего проклятия.

– Да. И теперь я словно в сказку попала. Шенвэль, он такой… Он все понимал, все, даже то, чего я не говорила, то, о чем думаю-то украдкой. И я понимаю его. Я думала, что это и есть любовь.

– Наконец-то это случилось и с тобой, – сказала Светлана грустно. – Ну почему наша первая любовь всегда несчастная?

Карина помнила, как *это* случилось у Светланы, и поэтому несколько отвлеклась от своих всхлипываний. Ведьма села и обняла целительницу.

– Карина, это надо просто пережить, – сказала Светлана. – Как осаду, как болезнь. И это пережить можно. Он сидх, Кариночка. Вы все равно никогда не смогли бы быть вместе.

– Нам ли с тобой, – с болью в голосе воскликнула Карина. – Бороться за чистоту расы?

– За это поборются и без нас, – сказала Светлана. – Ты хочешь на его голову отряд Чистильщиков навести? Говорят, имперский маг пошел на поправку.

Карина молчала. Целительница хотела добавить еще, что покушения на эльфку Карине сидхи не простят. Но в этот миг один из черных зигзагов, крутившихся в ауре Карины, потянулся к ней. В следующий миг пучок Цин хлестнул Светлану. Ведьма зашлась от боли. Заклятье ограждало Карину от тех, кто пытался призвать к разуму ведьмы.

– Что с тобой? – спросила Карина испуганно.

– Ногу свело, – пробормотала целительница и продолжала: – Твои вещи я забрала, как ты просила. Хочешь, давай улетим прямо сейчас. Владиславу что-нибудь наплетешь. Он ждет тебя, весь такой жалкий и несчастный.

– Нет, – отрешенно улыбаясь, сказала Карина. – Я останусь.

Последний раз такую улыбку Светлана видела у шедшего на костер последователя Барраха. Его казнили за то, что он отравил колодцы в четырех деревнях.

– Сила любви творит невозможное, – продолжала Карина. – Он не любит меня. Да и кто я такая, Света, чтобы он любил меня? Но моей любви хватит на нас двоих. Я пойду до конца, чего бы это мне не стоило.

– Что же, – сказала Светлана спокойно. – Корзина снаружи. Пойдем, принесем ее. Я помогу тебе разобрать вещи.

Карина протянула руку за халатом и тут заметила на тумбочке хрустальную иглу. Лицо ее исказилось от отвращения.

– Это твой Осколок Льда? – спросила Светлана. – Я нашла его на ковре. Как он там очутился?

Глаза Карины снова наполнились слезами. Светлане это не понравилось. Раньше подруга не отличалась подобной чувствительностью.

– Шенвэль сорвал его с меня, когда я … О Перун и Ладо! Я пыталась убить его, в ту, самую первую нашу ночь. Поверить не могу! Я совсем об этом забыла. Представляешь, Светик! Я пыталась убить Шенвэля!

Целительница подумала, что еще совсем недавно жил да был Тенквисс, шустрый такой линдворм, и сказала:

– Не может быть! Расскажи-ка мне поподробнее. Может, тебе это приснилось?

Карина рассказывала, Светлана участливо качала головой и охала.

– Давай его выбросим, – снова сказала Карина. – Или, если хочешь, возьми себе.

Светлана пристально посмотрела на Карину.

– Шенвэль не хочет, чтобы я его носила, – пояснила та, все еще шмыгая носом.

– Он так и сказал? – мягко спросила целительница.

– Да. «Чтобы я его на тебе больше не видел», – кивнула Карина.

Целительница взяла ведьму за руку.

– Но ведь Шенвэля сейчас здесь нет, – ровным голосом сказала Светлана. – Он, наверно, имел в виду, чтобы ты просто перед его приходом всегда снимала Осколок Льда, правда?

– Правда, – прошептала Карина.

– А сейчас давай оденем его, – сказала Светлана ласково. – Смотри, что мы сделаем.

Целительница сняла с шеи серебряную цепочку и продела ее в отверстие в толстом конце иглы.

– Если там и была темная магия, серебро ее уже снимает, видишь? – так же ласково, словно разговаривала с ребенком, продолжала Светлана.– Одень его, Карина.

Ведьма приняла цепочку с хрустальной подвеской из рук целительницы и послушно надела его на шею.

– Ах! – воскликнула Карина, хватаясь за грудь. – Холодно!

Ведьма рухнула на колени. Вокруг нее взметнулись и опали черные молнии.

Светлана легла рядом с Кариной. Она уже вымоталась донельзя, а впереди был еще целый день работы. Надо было осмотреть Ундину и Сабрину, тяжело переживавших потерю Синергистов, и дежурить над морем.

– Я бы что-нибудь съела, – сказала Светлана.

– А я бы выпила, – раздался от дверей низкий голос. – В розарии жарко, как на раскаленной сковороде…

Пролетавшая мимо чайка даже не вскрикнула. Привыкла уже, наверное. Первое время Зарине очень досаждали требовательные пронзительные крики этих наглых птиц, вовсе не желавших делить свое воздушное пространство с боевыми ведьмами. Зарина чуть качнулась на метле, пугая чайку тенью. Птица метнулась в сторону, но и ведьму чуть не вырвало при маневре. «Да что же это такое», стискивая зубы, подумала Зарина. С утра она чувствовала себя просто прекрасно, вылетела на дежурство вместе с остальным крылом, встала над своим квадратом и уже нашла рыбакам пару жирных косяков тунца. Но последние полчаса с ведьмой творилось что-то странное и пугающее. Да еще форма эта… Марина разрешила ведьмам выходить на работу без курток. Но у Зарины к полудню от жары начало мутиться в голове. Ведьма осторожно развернула метлу в сторону берега и поднялась чуть повыше, чтобы не пролететь мимо Марины. Звеньевая, временно назначенная ведьмами старшей крыла, наблюдала за работой крыла сверху.

– Марина, отпусти ты меня, – простонала Зарина, подлетая Марине. – Помру до вечера…

Марина пожала плечами.

– Я тебе полдня засчитаю, – сказала она мягко. – Лети, что уж.

– Спасибо тебе, Мариночка! – воскликнула счастливая ведьма и прибавила ходу. Марина вздохнула. «Спасибо, спасибо… А работать кто будет?» мрачно подумала она и чуть снизилась. Теперь патрулировать квадрат Зарины предстояло ей.

Поймав у самого побережья нисходящий воздушный поток, Зарина мягко приземлилась на песок в укромном заливчике. Ведьма чуть не кувырнулась на метле, хотя условия посадки были наилегчайшие. Здесь можно было переодеться, не опасаясь ничьих любопытных глаз. Зарина быстро скинула тяжелую форму и натянула черную длинную юбку и алую рубаху с широкими рукавами. Затем одела черный жилет, на лацкане которого гордо горела тремя красными глазками брошь, подарок Гёсы. С особым удовольствием Зарина сбросила кожаные башмаки и надела удобные туфли лодочкой на высоком каблуке, тонком, как спица, и остром, как стилет. Теперь она была на голову выше своего возлюбленного. На голову ведьма повязала алый платок, украшенный многочисленными черными крючочками рун. От ее шлем-косы остался торчать только хвостик. Другой алый платок, расшитый такими же рунами, только значительно больший по размерам, Зарина накрутила себе вокруг талии. Только очень опытный маг разобрал бы в вязи рун на алом шелке защитное заклинание, и только очень опытный воин не отвлекся бы на узкую талию настолько, чтобы заметить под платком кинжал. Хоть в этом костюме Зарина и выглядела настоящей люли, она оставалась экенкой, воинственной дочерью гор.

Зарина вошла в Кулу через Морские ворота и уверенно пробралась через хитросплетение узких улочек. Ведьма знала столицу как свои пять пальцев. Сейчас она

решила зайти на рынок, купить в лавке аптекаря что-нибудь от головной боли и проведать Гёсу. Ее Синергист охранял павильон, где торговали оружием. В этом виде торговли всегда был риск, что недобросовестный покупатель попробует применить понравившийся клинок в ответ на требование об оплате. Экенские кольчуги, мечи, наконечники для стрел и в особенности кинжалы уступали по качеству только оружию, произведенному сюркистанскими гномами. Но не намного и к тому же, выгодно отличались ценой. Не каждому нужен меч, которым можно рассечь наброшенный на него шелковый платочек или побриться. Экенскими мечами такие фокусы откалывать было нельзя, но для того, чтобы перерубить человека без лат, это оружие вполне годилось. Гёса устроился охранником к Арутюну еще на прошлой неделе, едва встал на ноги. Экен не мог терпеть, чтобы его кормили женщины, это слишком задевало его мужскую гордость.

Зарина уже слышала шум рынка и видела яркие палатки торговцев в конце узкой улочки. Ведьма схватилась рукой за грудь и остановилась. Ей вдруг стало нечем дышать. Зарина видела идущего ей навстречу Рустама, приказчика Арутюна, но у нее не было сил кивнуть ему. Рустам разговаривал с продавцом воды. Увидев ведьму, экен оставил торговца и направился к ведьме.

– На рынок не ходи, – негромко, но отчетливо произнес Рустам по-экенски, не глядя на Зарину. – Гёсу забрали в Имперскую Канцелярию, тебя ищут…

Ведьма глубоко вздохнула, круто развернулась на каблуках. Из каменной мостовой посыпались искры. В душе Зарины вспыхнул гнев, холодный, как огонек на болоте. Так почему ее мутило весь день! Гёсу пытали, мучили. Экен знал, что Зарине, его Синергистке, передадутся все муки и боль, и гасил их, оберегая ведьму. Но полностью заблокировать каналы Гёса не мог.

Гвардейцы в красной с золотом форме как раз выворачивали из переулка. Оглянувшись, Зарина увидела второй наряд, идущий к ней со стороны рынка. Молодой лейтенант с сытым лицом тоже заметил ведьму.

– Только без глупостей! – крикнул он. Зарина не двинулась с места. Солдаты окружили ее. Ведьма изобразила на лице испуг и смятение, чтобы скрыть внутреннюю улыбку.

– Пройдемте с нами, – сказал лейтенант. На его гладком лице была усмешка, скорее дружелюбная, чем устрашающая. Но у Зарины пересохло в горле, когда она увидела черную эбонитовую палочку, которой непринужденно поигрывал офицер. Это был антимагический амулет, при прикосновении он лишал всей Чи и возможности преобразовывать магическую силу еще часа на два.

Ведьма провела языком по губам.

– Куда? – спросила она хрипло, хотя знала ответ.

– В Имперскую Канцелярию, – любезно ответил лейтенант.

– Зачем? – прошептала Зарина.

– О, не беспокойтесь, – лейтенант снова беззаботно улыбнулся. – Ответите на парочку вопросов господину имперскому магу, и все.

И тогда Зарина испугалась по-настоящему.

Питья в покоях любовников не нашлось.

– Ты можешь утолить жажду виноградом, – почтительно сказала Карина. – Вон там, в вазе… Там еще апельсины есть.

Бог Смерти велел ведьме во всем положиться на ту, в чьем имени будет обещание. Утром в разговоре с Шенвэлем эльфка именно это и сказала: «Мое имя обещает…». Но ослепленная ревностью Карина пропустила ее слова мимо ушей. Ведьма вспомнила Ваниэль, когда увидела лицо эльфки. Что еще могло быть в душе бывшей эльфийской снайперши, кроме стрелы? Третья часть указания Ящера, о знаке на теле посланницы, тоже совпадала. Карина решила, что бог говорил о татуировке Ваниэль. Ведь Ежи делали ее себе на случай *смерти.* Если бы еще посланница бога не оказалась соперницей ведьмы! Но выбирать, увы, не приходилось. Карина сгорала от нетерпения, так ей хотелось поговорить с эльфкой. Но

все-таки Ваниэль успела сегодня расстаться с любимым мужчиной, почти умереть и ожить. Даже для эльфки это было многовато. Карина решила дождаться, когда Ваниэль заговорит с ней сама.

Эльфка устроилась в кресле, обитом голубым бархатом. Она потянулась к столику за вазой с фруктами и заметила книжку.

– Военные хроники, – пробормотала Ваниэль, прочитав заглавие. – Повышаешь квалификацию?

– Вроде того, – сказала Карина и продолжала, ободренная: – Ты уж меня прости, Ваниэль, что я тебя так тебя приложила.

– Да, это было от души, – хмыкнула Ваниэль. – Что же ты меня так, хвост Ящера? Я ведь мужика тебе без боя уступила…

Карина шмыгнула носом и сказала примирительно:

– Да, накатило что-то. Я ж не видела, что это ты. Да, и понимаешь…

– Понимаю, – сказала Ваниэль, внимательно глядя на ведьму. – Мне не следовало напирать на наше долголетие.

Карина кивнула. «Однако!», подумала эльфка про себя. Она не смогла бы пробить экран неслышимости, сделанный Шенвэлем. Ваниэль поставила вазу с фруктами себе на колени и с видимым удовольствием стала есть виноград, отщипывая за раз по нескольку ягод. Кинжала она будто не заметила. Карина тем временем вызвала слугу и заказала плотный завтрак.

– Пойдем, заберем твою корзину из розария, – сказала ведьма Светлане, когда слуга ушел. Карина хотела переодеться. Подруги вышли на террасу.

– Ты утром чуть не грохнула ее, а теперь лебезишь перед ней, – ревниво сказала целительница. – Или именно поэтому? Надеешься задобрить ее, чтобы она своим жрецам справедливости жаловаться не пошла?

– Не только. Эта эльфка – посланница Ящера, – сказала Карина.

Светлана открыла рот от изумления. Карина поманила корзину рукой. Та приподнялась в воздухе аршина на два и медленно поплыла над террасой.

– Карина, – пробормотала Светлана. – Такой трюк, без жестов, без заклинаний под силу разве что магу пятого класса. Ты сама-то понимаешь, что с тобой происходит?

Ведьма пожала плечами. Они вернулись в покои. Карина присела на корточки, пошуровала рукой в корзине. Все было здесь. И форменный плащ, и роскошное платье, подарок барона, и «эльфийский» костюм Карины, и шкатулка с драгоценностями. Надо было, конечно, проверить, все ли драгоценности на месте. Как-никак, а шкатулка неделю простояла в покоях барона, где каждый день ошивались всякие служанки, горничные, лакеи. И все они знали, что хозяйка шкатулки исчезла. Но сейчас Карине не хотелось даже открывать шкатулку. Ведь там ее ждал тусклый, кровавый блеск ворованных рубинов.

Светлана задумчиво разглядывала эльфку. Ведьма не сразу узнала ее, потому что Ваниэль сменила стиль женщины – вамп на благородную классику.

– Спасибо тебе, Светик, – сказала ведьма. – Ты настоящий друг, а не поросячий хвостик…

Карина вытащила коричневое платье от «эльфийского» костюма.

– Ваниэль, – сказала ведьма. – Подай мне, пожалуйста, то платье, на котором ты сидишь.

Пошарив рукой у себя за спиной, эльфка извлекла мятый желтый ком. Карина быстро облачилась в оба платья, желтое и коричневое. Карина уже застегивала фибулу плетеного пояса, когда заметила на нем пустые ножны.

– И нож, который лежит в вазе, тоже, – сказала ведьма.

– Лови, – сказала эльфка, замахиваясь.

Светлана вскрикнула. Ваниэль целилась точно в грудь ведьмы. Обе руки Карины были заняты. Ведьма не смогла бы ни поймать кинжал, ни создать защитный экран. Целительница вскинула руки, с кончиков пальцев сыпались голубые искры.

– Не смей! – крикнула Светлана в ярости.

– Отчего же, – сказала Карина. – Кидай.

Ведьма и эльфка смотрели друг другу в глаза еще несколько секунд, а потом расхохотались. Тем самым лающим смехом, таким неподходящим для двух очаровательных женщин. Целительница прикусила губу и отвернулась. Она восприняла угрозу всерьез и искренне пыталась защитить подругу. А Карина посмеялась над ней вместе с этой ослепительно красивой чужачкой.

Эльфка подала кинжал Светлане.

– Уже и пошутить нельзя, – сказала Ваниэль, увидев бешенство в глазах ведьмы.

Карина привычным движением вогнала кинжал в ножны и обулась.

– Без одежды ты смотрелась лучше, – сказала Ваниэль.

– Ты мне тоже нравишься, – сказала Карина.

– Ну, это платье испорчено безвозвратно, – сказала эльфка.

– Так, может, тебе лучше его снять? – усмехнулась ведьма.

Светлана вскочила.

– Я, пожалуй, полечу, – дрожащим голосом сказала она. – Мне еще Ундину с Сабриной осмотреть надо, и вообще…

Она сделала порывистое движение к выходу. Карина схватила ее за рукав.

– Ты же покушать хотела, – сказала ведьма. – А потом пройдешь через телепорт, и мигом в Куле окажешься.

– Телепорт не работает, – сказала Светлана. – Не хватает одного из артефактов. Там цоколь пустует, ты видела?

– Работает, – возразила Карина. – Мы с Шенвэлем через него и проходили.

– Этого не может быть, – упрямо сказала целительница.

– Может, – вмешалась в беседу Ваниэль.

– Каким же образом, интересно, – непримиримо сказала Светлана.

– Телепорт действительно расстроен, – сказала эльфка. – В нем не хватает статуи Хозяйки Четырех Стихий. Но если запечатлеть в камне Чи Хозяйки Четырех Стихий, телепорт заработает снова. Что и произошло, раз Шенвэль с Кариной смогли им воспользоваться.

– Нет уж, спасибо, – сказала Светлана. – Ты уж извини, но я этим эльфийским штучкам что-то не доверяю.

– Как угодно, – сказала эльфка холодно.

Светлана снова направилась было к выходу.

– Куда? – воскликнула Карина. – А форму одевать кто будет?

Переодеваться в тяжелую форму целительнице страшно не хотелось. Ее платье было достаточно широким, чтобы сесть на метлу верхом.

– Карина, ну чего ты, – сказала Светлана просительно. – Полчаса лету, все над морем. Я высоко не буду подниматься, а?

Карина посмотрела на нее так, что Светлана вздохнула и полезла в корзину. Первыми под руку целительнице попались форменные штаны.

– Какая интересная вышивка, – сказала Ваниэль, указывая рукой на свернувшегося в кольцо змея. – Что это значит?

– Мое крыло называется «Змей», – сказала Карина. – Это символ нашего крыла.

– У тебя и на бедре такой же символ, – заметила Ваниэль. – Зачем?

Карина покосилась на целительницу. Светлана побледнела. Ваниэль усмехнулась и сказала:

– Не ревнуй зря. Твоя подруга верна тебе. Когда я пришла поговорить с Шенвэлем, Карина спала еще, лежала на кровати обнаженная. Вот я и увидела.

Целительница с наигранным безразличием пожала плечами.

– Мне-то что, хоть и вы трахались даже, – буркнула Светлана. – На здоровье.

– Света, – сказала Карина. – Ну что ты? Ты же знаешь, что ты для меня лучше всех.

Светлана отвернулась и некоторое время молчала. Потом все-таки повернулась обратно и сказала с усилием:

– А татуировки делают, чтобы можно было опознать труп, если голову оторвет.

– Это не совсем практично, – заметила эльфка. – Ноги тоже можно лишиться.

Когда Светлана закончила экипировку, появился слуга. Он катил столик, уставленный приборами. Карина настояла, чтобы целительница поела с ними. Ведьмы и эльфка приступили к трапезе в молчании. Карина задумчиво рассматривала вытисненного на серебряной тарелке краба-отшельника. Рисунок тревожил ведьму всякий раз, когда она его видела. Неожиданно Карина поняла, что когда встретила это изображение впервые, оно было тоже вытиснено на металле. Только не на серебре. На стали.

Когда большая часть мисок и судков опустела, Карина спросила:

– Ундина с Сабриной, ты говоришь, все еще болеют?

– Да, они очень слабы. Ундина-то получше, – сказала Светлана. – А насчет Сабрины через месяц станет ясно только. Зарина из своего звена одна работает. Гёсу они с собой взяли, так сначала у них в номере было навроде лазарета, как экен выражается. А сейчас он на рынок устроился, охранником к кому-то из купцов.

– Да, Гёса, как кот, всегда падает на четыре лапы, – хохотнула Карина. – Молодец, люблю его. Нигде не пропадет.

– Ты-то когда на работу выйдешь? – спросила Светлана, наблюдая за полем вокруг Карины. От такого удара оно проявилось, вспыхнуло всеми цветами радуги и угрожающе закрутилось, словно огромное веретено. Глаза Карины на миг затуманились. Голову ведьмы охватил черный разлапистый зигзаг, похожий на прирученную молнию, и потянулся в сторону Светланы. Но Осколок Льда на груди Карины засиял таким же черным светом через платья и втянул молнию в себя.

– Я постараюсь присоединиться к крылу в Келенборносте, но я сомневаюсь, что смогу вернуться к вам, – сказала ведьма тихо.

– Это еще почему? – спросила Светлана.

– Мне кажется, я не смогу уйти от Шенвэля, – с усилием сказала Карина. – Сегодня ночью… в общем… Мне кажется, он держит меня чарами, чтобы как-то использовать. Но я не могу противостоять ему.

Эльфка тоже закончила трапезу, вымыла руки в полоскательнице и изящно отряхнула их.

– Зачем ему сдалась именно я, ума не приложу, – угрюмо сказала ведьма.

– Я могу предположить, почему выбор пал именно на тебя, – сказала Ваниэль.

Глаза Карины блеснули.

– И почему же? – спросила ведьма.

– Извини за такой вопрос, Карина, – произнесла эльфка. – Вы на этом пьедестале, случайно, не…?

– Не отвечай, Карина, – сказала Светлана быстро. – Она тебя ревнует, вот и все.

Карина отмахнулась и сказала:

– Случайно, да, – сказала она. – Еще в самый первый раз. А что?

– И этот самый первый раз был еще до Купайлы, я правильно понимаю? – уточнила Ваниэль.

Карина кивнула.

– Насколько мне известно, телепортом воспользовались первый раз после свержения Черного Пламени, – сказала эльфка задумчиво.

– И что все это значит? – перебила ее Светлана.

– Твоя подруга – Хозяйка Четырех Стихий, – сказала Ваниэль. – Волшебница, которая может пользоваться Чи Огня, Воды, Земли, Воздуха – в общем, всеми живыми силами. Согласись, иметь в услужении такую колдунью очень полезно.

– Да, но Карина пользуется Чи Воздуха, – возразила Светлана и осеклась. Ведьма вспомнила слишком синие ленты магической энергии подруги, которыми Карина открыла

выход из Зала Страха. А ведь там рядом был источник, и Светлане еще тогда показалось, что Карина воспользовалась Чи Воды.

– Вообще, да, – сказала Карина задумчиво. – Но последнее время мне стало повиноваться Чи Огня – я из Купальца взяла силу для нашего с Шенвэлем прыжка, и, что самое странное – Чи Земли, а именно им пробила магический экран сегодня утром. А Земля – это антагонистичная мне стихия, я раньше этих полей не видела даже… Больше ты ничего об этой волшебнице не знаешь?

– Нет, – покачала головой Ваниэль. – Эти волшебницы давно не рождаются среди эльфов. Но в двух шагах от нас самая большая коллекция магических трактатов в этом мире.

– А ведь и точно! – обрадовалась Карина.

– Думаю, что-нибудь про Хозяйку Четырех Стихий там точно должно быть, – спокойно продолжала эльфка. – Полнее всего этот вопрос освещен в трактате «Переплетение Двух Миров». Пойдемте, я помогу вам разобрать наши руны.

– Светик, пойдем с нами, – сказала Карина. – Знаешь, сколько там книг? Втроем мы всяко быстрее управимся.

– Зачем я тогда переоделась? – пробурчала целительница.

На самом деле Светлане очень хотелось пойти с ними. Целительница не хотела, чтобы Карина и Ваниэль остались наедине, да и шанс побывать в богатейшей библиотеке Мандры выпадал не каждый день. Но ни за что в мире Светлана не стала бы просить Карину об этом.

Карина все это прекрасно понимала.

– Расстегнешься, делов-то, – сказала ведьма. – Там прохладно, в библиотеке. Найдем трактат, прочитаем, и сразу полетишь. У сидхов ведь обычно наверчено так, что Волос ногу сломит. Слова не могут в простоте сказать. А ты как-то понимаешь, в чем смысл.

– Я тоже обычно понимаю, – сказала Ваниэль.

– Не обижайся, – сказала Карина. – Я не сомневаюсь, что ты понимаешь. Но вряд ли ты сможешь объяснить мне.

– Ты права, – подумав, согласилась эльфка.

– Я как-то не знаю, – сказала Светлана. – А Лакгаэр не рассердится?

– Он мне разрешил работать там, когда захочу, и брать любые книги, которые мне понравятся, – сказала Карина. – Да и потом, Лакгаэр днем туда не заглядывает. У него бессонница, так он по ночам за книгами сидит.

– Ну, ладно, – согласилась Светлана.

– Вот только… хмм… Если Лакгаэр или кто другой встретит нас там и увидит эту дырку у меня на спине… – сказала Ваниэль.

Карина задумчиво почесала переносицу.

– Хочешь, я тебе куртку дам? – сказала Светлана. – Накинешь сверху. Или тебе претит ходить в военной формы Мандры?

Эльфка хмыкнула.

– Почему же, – сказала она. – Давай. Благодарю за любезность.

Светлана протянула куртку. Целительница думала, что эльфка оставит ее внакидку, но Ваниэль вдела руки в рукава и аккуратно подвернула обшлага. Карина взяла с собой заметки Теонора.

– Если что, скажем, что зашли книжку на место положить, – произнесла ведьма.

Карина уже достаточно разбиралась в переходах дворца, чтобы добраться в библиотеку самостоятельно. Ведьмы и эльфка миновали розарий, поднялись в верхнюю часть дворца по открытой лестнице, а потом воспользовались потайной, которая привела их прямо в кабинет Лакгаэра. Светлана огляделась. Посредине кабинета находился ореховый стол. На нем в беспорядке валялись бумаги, к центру стола возвышаясь наподобие пирамиды. Рядом стоял стул с изогнутыми ножками и мягким сиденьем, обитым кожей. На полках вдоль стен кабинета лежали свитки и книги. Особое внимание целительницы привлекла тяжелая створка из непрозрачного черного стекла в угловом шкафу. Светлане сразу захотелось посмотреть, а что там. Но целительница хорошо помнила, чем кончилась сказка про Фиолетовую Бороду, и

не стала трогать черную дверку.

Ваниэль же смотрела на меч, висевший на единственной свободной от полок стене кабинета, рядом с окном. Из-за своих богато украшенных ножен оружие казалось лишь элементом декора, воспоминанием о бурной молодости хозяина. Ваниэль подошла к стене, выдвинула меч из ножен примерно на треть. Эльфка задумчиво посмотрела на три вертикальные черты, нанесенные на клинке рядом с рукоятью. Скорее всего, они означали число разрушенных Лакгаэром капищ. Ваниэль провела пальцем по лезвию, отдернула руку.

– Все еще острый, – пробормотала она себе под нос и вложила меч обратно в ножны.

Карина, тихо ругаясь, наступала на темные треугольнички паркета. Наконец ведьма нажала нужный. Стеллаж с книгами, под которым находился потайной ход, бесшумно встал на место. Карина прошла через кабинет и остановилась у входа в библиотеку. Светлана заглянула через плечо подруги. Казалось, что тесные ряды заполненных манускриптами, фолиантами и свитками шкафов уходят в бесконечность. Кроме того, трактаты стояли стопками на полу и даже кое-где в проходах. Пахло старой пылью, кожей и чем-то еще, неуловимым, чем всегда пахнет в местах хранения большого количества книг.

Даже втроем им бы пришлось рыться здесь до осеннего солнцестояния, чтобы найти необходимый трактат.

– Может, у Лакгара есть каталог его сокровищ? – сказала Светлана.

– Никогда у него не было каталога, – откликнулась за их спинами эльфка. – Лакгаэр все помнит и так.

– Здесь несколько тысяч книг, – возразила Светлана. – Я думаю, что при таком количестве даже сидх не сможет запомнить, что где лежит. Может быть, он завел каталог в самое последнее время. Порядок должен быть…

Ваниэль коротко хохотнула.

– Ты из Боремии, верно? – сказала эльфка.

– Какая разница, – буркнула Светлана.

– Давайте посмотрим на столе, – предложила Карина.

Ведьма подошла к столу и положила на него труд Теонора. Взгляд Карины зацепился за слова Палец Судьбы на листе, лежавшем под папкой из черной кожи. Странность заключалась в том, что они были написаны эльфийскими рунами. Для сидхов эти артефакты всегда были Иглами Моргота. Карина убрала папку, скользнула взглядом по тексту. У ведьмы подкосились ноги, и она опустилась на стул.

– Девочки, идите сюда, – сказала Карина очень странным тоном.

– Вот это да, – сказала Ваниэль. – Неужели Лакгаэр и правда составил каталог?

Эльфка и целительница подошли к столу и встали по сторонам от ведьмы. Ведьмы и эльфка стали читать записи вместе, подавшись вперед и соприкасаясь головами. Как девчонки в дортуаре Горной Школы перед экзаменом, подумала Карина. Ваниэль узнала почерк Лакгаэра, а чьи слова записал старый эльф, ей стало понятно с первых же срок.

«Так что если бы не Палец Судьбы, который подарил мне Вахтанг, я бы простился с жизнью на жертвеннике и никогда не встретился бы с Кариной. Дренадан попросил меня рассказать о валарах, богах эльфов. Мне этого не очень хотелось, но жрецам Ящера не отказывают. А Дренадан был старшим жрецом Гниловрана. Я рассказал ему все, что смог вспомнить. Об Илуватаре, о Музыке Айнуров, об Отпадении Мелькора. Обо всех Валарах вместе и немножко о каждом в отдельности. В общем, все, чему ты когда-то научил меня, милый Лакгаэр. Дренадан же рассказал мне о богах людей. Оказывается, их картина мира гораздо сложнее, чем мы думали. Известные даже нам Ярило, Ладо, Купайло и, конечно, Волос, являются лишь отражениями высших могущественных существ. А те, в свою очередь, представляют собой лишь слабые тени уж совершенно непредставимых нам сил».

Светлана покачала головой. Данная версия резко расходилась с официальными религиозными воззрениями мандречен, это заметила даже боремка. Очевидно, Дренадан открыл сидху какую-то тайную духовную доктрину.

«Дренадан рассказал мне о небесных покровителях наций. Обычно это пара, мужчина и

женщина. У Фейре они тоже есть. Дренадан назвал их просто Эльфом и Эльфкой. Приятно было слышать правильное имя нашего народа на мандречи вместо того прозвища, что дали нам экены. Хотя мне уже доводилось слышать подобное обращение, поскольку ни женский род, ни прилагательного от экенского «сидха» в мандречи образовать невозможно. Но со мной говорил жрец самого Ящера.

И эти высшие существа не вкушают удовольствия на небесах, а ходят по земле в облике обычных эльфов».

– Спускаются на более низкий уровень существования материи, как это называют в трактатах по магии, – сказала Светлана задумчиво. – Перекидываются, как оборотни.

Эльфка покосилась на нее, но ничего не сказала.

«Земное воплощение Эльфа – это всегда Верховный маг Фейре. То есть в настоящее время – я.

Эльфка нисходит на землю в виде могучей волшебницы – Хозяйки Четырех Стихий. Я удивился глубине познаний Дренадана о наших богах и сказал, что у нас эти женщины считаются воплощением Йаванн, богини весны, начала жизни, и плодородия. Дренадан сказал, что в этом и есть суть и предназначение Эльфки, а как называть отражение божественной сущности на земле – это совершенно неважно. Но, сказал я, последняя эльфка – Хозяйка Четырех Стихий уплыла в Валинор еще когда можно было, то есть восемь веков назад. Следующей волшебницей с такими же возможностями была мою мать, Пчеле повиновались все силы Жизни. Когда мы жили в Бьонгарде, после магического обследования жрецы темных эльфов заявили, что Пчела – воплощение их Йаванн, богини, которую они зовут Матерью Рябиной, и назначили матери неплохое содержание, которое, как ты можешь догадаться, тогда пришлось нам весьма кстати. Разрушительница Пчела в ответ поделилась с эльфами своим изобретением – Клятвой Синергистов, и разрешила построить под Бьонгардом единственный в мире храм, где до сих пор проводят этот обряд».

– Пока ничего не надо пояснить? – спросила Ваниэль. – Я жила в Бьонгарде в то время, когда Разрушительница Пчела и ее семья находились там.

– Да нет, вроде пока все понятно, – сказала Светлана. – Ты оказалась права. Хозяйкой Четырех Стихий может быть и мандреченка. Но получается что ли, что Карина – воплощение этой вашей Йаванн? Эльфки?

Ваниэль пожала плечами.

– У нас выбор богов не обсуждают, – сказала она.

– Вы тогда с Шенвэлем и познакомились? – спросила Карина.

Эльфка кивнула.

– Мы были тогда еще совсем детьми, – сказала Ваниэль.

– Понятно, – пробормотала ведьма и вернулась к чтению.

«В том-то все и дело, отвечал жрец Ящера. В Валиноре эта женщина будет жить вечно, и Эльфка Фейре не появится в этом мире больше никогда. Становится понятно теперь, почему больше не рождаются эльфки – Хозяйки Четырех Стихий. Наш покровитель, Эльф, остался один. Это означало медленную гибель нас, эльфов, как нации.

Но и у второй небесной пары дела шли не так гладко, как можно было ожидать.

Покровителей Мандры Дренадан назвал **Яроцветом** и **Навой** .

Земным воплощением Яроцвета является тот, кто на самом деле руководит Мандрой. На твоей памяти это были великий князь Мандры Владимир Солнце, при княжиче Алексее – жрец Ярилы Ирга, наставник княжича. Дренадан, сын Святополка, последнего великого князя Мандры из рода Тайнеридов от наложницы-эльфки, тоже, оказывается, был воплощением Яроцвета. Поэтому Дренадан и сказал, что я мог бы быть его сыном. Правда, я бы тогда был дочерью… Ах, Лакгаэр, как это все запутанно! Но Дренадан сумел изгнать бога из себя и возглавил освободительное движение. Это Дренадан сообразил собрать всех детей-полукровок, обучить их магии и натравить на эльфов. Даже без власти над мертвой силой эти воины имели бы большие шансы на успех. А потом в лагерь будущих Разрушителей пришла моя мать. Сейчас это Искандер. **Нава** – женщина, народная душа. Мандречены называют ее

воплощение Бессмертной Девой, и их легенда говорит, что богиня сходит на землю только во времена отчаяния и горя ее народа. Всего, по преданию, богиня спустится на землю три раза, и придет в разных обликах, но это будет одна и та же женщина. Имя им будет Плач, Боль и Смех – три лика отчаяния. Но, как сказано в древнем пророчестве, только перед Смехом Отчаяния склоняются боги. Что это значит, я, честно говоря, не понял. Дренадан истолковал это так, что только приход третьей Девы, чье имя будет Смех, наиболее сильно изменит жизнь мандречен.

Первым воплощением богини считали княгиню Ярославну Тирисскую. Как известно, ее муж один, только со своей с небольшой дружиной встретил армию ледяных эльфов на границе с Боремией. Остальные его братья из царствующего дома Тайнеридов тогда занимались семейными раздорами и на призыв Звенислава не откликнулись, посчитав угрозу несерьезной. С поля битвы, как и следовало предполагать, никто не вернулся. Конечно, если бы все князья Мандры вышли тогда на Тириссу вместе, ледяные эльфы, скорее всего, повернули бы назад. Мы были истощены борьбой с боремскими оборотнями. В старинной песне мандречен «Слове о полку Звенислава» приводится погребальный плач, который исполнила Ярославна по мужу перед тем, как броситься с крепостной стены.

И плач разносился над Мандрой еще долго. Наше вторжение мандречены остановить не смогли, хоть и устлали поля сражения своими костями. Их вдовам оставалось только плакать…

Разрушительницу Пчелу считали вторым воплощением Навы, Болью. В пророчестве говорилось: «Принесет много боли и сама будет страдать». Столько горя, сколько выпало на долю моей матери, не испытывал, я думаю, ни один человек в этом мире.

Сейчас мандречены ждут третьего явления Девы, девы смеющейся. Она тоже, как и предшественница, будет воинственной девой и будет носить имя богини смерти, но какое точно, неизвестно – у мандречен этих богинь три».

– Ну вот, мы нашли, что искали, – сказала Ваниэль с глубоким почтением в голосе и посмотрела на Карину. – Правда, совсем не там, где ожидали найти…

– Похоже на то, – сказала Светлана задумчиво. – Ты ведь очень нравилась Искандеру, Кариночка, и если бы не появился Крон…

– Да ну вас, – сказала Карина сердито. – Знаю я это предание. Вы что, с ума сошли? Какая из меня дева Смеха? Многие в Фейре, я думаю, еще не сняли траур, причиной которому – я…

Светлана покачала головой.

– Здесь не это имеется в виду, Кариночка, – сказала целительница. – Третья дева не будет кем-то навроде балаганного шута. Дева Смеха будет рядом в самый тяжелый момент, и благодаря ей люди вынырнут из самых черных глубин отчаяния и засмеются…

– Вспомни наш разговор на берегу, – добавила она тихо. – В ту ночь, когда море светилось…

– Я не знаю, о чем вы разговаривали на берегу, в ту ночь, когда море светилось, – поддержала ее эльфка. – Но вспомни, Карина, как мы с тобой смеялись в ночь на Купайлу… И кстати, как твое настоящее имя?

– Коруна, – сказала ведьма неохотно. – Да, это действительно богиня Смерти и Судьбы, но…

Эльфка шумно выдохнула.

– Но я я должна была быть Хозяйкой Четырех Стихий с самого рождения, – возразила Карина. – А я и Воздухом овладела с трудом, если бы не Кертель, меня бы и Горную Школу не взяли…

– Осколок Льда сдерживал твои способности, – перебила ее Светлана. – После того, как эльф снял проклятие, они начали расцветать!

Ведьма с сомнением покачала головой.

– Пусть так. Но мы проходили реинкарнацию в Горной Школе, – сказала Карина. – Это до сих пор считается очень спорным явлением, но все исследователи сходятся в том, что

человек в таком случае должен помнить свои предыдущие рождения. А я ничего не помню ни о том, как воевала с эльфами, ни о том, как рыдала по мужу на стене, ни о небесах, с которых, как вы утверждаете, сошла!

– Это утверждаем не мы, – заметила эльфка. – А главный жрец Ящера…

Светлана вспомнила отрывок из эльфийских хроник, который прочла сегодня утром.

– Что до памяти о предыдущих рождениях, то это, как и все вопросы, касающиеся реинкарнации, очень спорно, – сказала целительница. – Да и потом, твоя память, Карина – это не ты. Память – это нечто вроде огромной книги, в которой записан каждый твой поступок в этой жизни. И ты не можешь вспомнить ничего из предыдущих рождений, потому что эти главы находятся в самом начале книги, да и чернила со временем выцветают…

– Великолепное объяснение, – сказала Ваниэль одобрительно. – Ты знакома с теорией Тиграна?

Светлана усмехнулась.

– Испробовала на себе, – сказала она.

– О, прости, – смутилась эльфка. – Я же не знала…

Целительница отмахнулась.

– Хорошо, отбросим память о предыдущих рождениях. Ты вот, когда перекидываешься, ведь остаешься собой? Помнишь, кто ты? – продолжала Карина. В глазах Ваниэль мелькнул откровенный ужас. Эльфка отошла на два шага от стола. Целительница покосилась на нее. В Лихом Лесу оборотни не водились, но Ваниэль явно приходилось сталкиваться с ними.

– Я не кусаюсь, не бойся, – сказала целительница.

Эльфка криво улыбнулась.

– Я остаюсь собой и помню, кто я, – продолжала Светлана. – Но когда становишься зверем, меняется способ восприятия мира. Способ мыслить. Но «я», то самое, которое сидит в каждой из нас, не меняется.

– Да? А что же тогда это самое «я», о котором ты говоришь? – спросила Карина хмуро. – Мой разум, мой способ мыслить – это не я. Моя память – это не я. А что же тогда я такое? Кто я?

Вдруг ведьма коротко вскрикнула и схватилась за голову. Перед глазами Карины вспыхнул ослепительный свет, как и в тот раз, когда Шенвэль задал ей тот же самый вопрос. Тогда ведьма решила, что это оргазм, и эльф приложил немало усилий, чтобы она именно так и считала. Сейчас этот свет снова заполнял всю ведьму, хотя никаких чувственных стимулов к этому не было.

Ваниэль стремительно наклонилась к ведьме, с усилием отвела руки Карины от головы и воскликнула:

– О, не покидай нас! Без твоей любви и твоего света мы пропадем, ресса! Ты не можешь бросить своих детей одних в жестоком лесу, на растерзание этим ужасным тварям, порождениям слепой гордости!

Карина встряхнула головой, и взгляд ее прояснился. Ведьма глубоко вздохнула.

– Что это было? – пробормотала она.

– Чтобы осознать свое «я», надо стать собой. Перекинуться из зверя обратно в человека, как сказала бы Светлана, – ответила Ваниэль. – Ты начала возвращаться к себе на небо, про которое ничего не помнишь.

– Но как ты поняла, что со мной происходит именно это? – изумилась ведьма.

– И что это за обращение, «ресса»? – спросила Светлана.

– Так у нас обращаются к живой богине, – ответила Ваниэль. – Как я уже сказала, твоя предшественница, Разрушительница Пчела, жила у нас в Бьонгарде. Как-то раз ей при мне задали такой же вопрос. Ресса тоже побледнела вся, затряслась. Как ты сейчас. И мой отчим бросился к Пчеле, выкрикивая эти слова.

– А что это за лес и ужасная гордость? – спросила Светлана подозрительно.

– Это молитва к Матери Рябине, – пожала плечами Ваниэль. – А причем здесь гордость, я не знаю. Это священный текст, его учат, а не объясняют.

– Теперь ты веришь, что ты – это ваша третья дева, дева Смеха? – спросила Светлана.

– Верю, верю, – пробормотала ведьма. – Это что же, теперь, когда меня кто-нибудь об этом спросит, меня каждый раз начнет так крючить?

– Я думаю, нет, – сказала Ваниэль. – Главное – сама не задавайся этим вопросом.

– Давайте вернемся к записям, – сказала Светлана. – Может быть, там есть ответ и на то, какими чарами Шенвэль, то есть воплощение вашего небесного покровителя, держит Карину, то есть воплощение народной души мандречен. И зачем ему это нужно.

– Весьма возможно, – согласилась эльфка.

Все трое снова склонились над текстом. Карина перевернула лист.

«Яроцвет и Нава были предназначены друг другу. Плод их любви, девочка Свента, Светлое Дитя, так и не родилась. Звучало это как-то смутно. А Дренадан разрешил мне задавать вопросы, если мне будет что-то непонятно. Мало того, он настаивал, чтобы я спрашивал, и я воспользовался этим разрешением. Возвращаться в вонючий барак я совсем не торопился, а любой вопрос означал удлинение времени беседы. Я сказал: «Я понимаю, как мы можем узнать о смерти бога. Когда Мелькор совратил Аулэ, и они вдвоем дрались против Манвэ и Тулкаса восемь веков назад, нашу землю чуть не разнесло». Дренадан перебил меня с просьбой рассказать поподробнее. Я собрался с мыслями и выдал ему все, что помню из песен о Дне Наказания за Гордость Разума».

– У нас это событие называется Битвой Ярилы и Змея, – заметила Карина.

– А у нас – Спасением Солнца от Волка, – сказала Светлана. – Но эльфийское название, как всегда, оказалось самым пышным и цветистым. И непонятным.

Целительница повернулась к эльфке.

– Ты сейчас молитву читала, – сказала Светлана. – Получается, все эти ваши милые гоблины, тролли, орки и пауки – порождение разума, за гордость которого мы все когда-то были наказаны? Что это значит? Разве чудовища, которые живут в вашем лесу, созданы не магией?

Ваниэль пожала плечами.

– Считается, что их сотворили Мелькор и Аулэ, наш бог ремесел, – сказала эльфка. – Мелькор заключил с нами сделку. Мы, темные эльфы, охраняем Лихой Лес и существ, созданных им вместе с Аулэ. Гоблины и пауки не так опасны, как кажутся, и сами нуждаются в защите. А Мелькор научил нас управлять всей этой живностью и вообще поделился с нами своей магией. Возможно, имелось с виду, что Аулэ слишком увлекся, когда создавал всех наших орков и троллей. Потерял разум.

Целительница перескочила взглядом через несколько строк.

« И когда тело Аулэ рухнуло на землю, занялся такой пожар, что в нем сгорели наши предшественники на этой земле. Но как мы можем узнать о рождении бога? Или о том, что он должен был родиться?» Дренадан ответил, что все очень просто. Как только Мандра подчинит себе весь континент, и мандречены займут положение лидирующей нации, это и будет означать прибавление в божественном семействе.

И после этого мандречены **нас** обвиняют в стремлении к мировому господству!

Но тут мы напали на Мандру с севера – Эльф решил захватить Наву и спасти нас браком с душой другого народа. Юг содрогался под копытами коней сюрков. Зажатая в двойные клещи, Мандра истекала кровью. Мандра вот-вот готова была исчезнуть как государство, да и мандречены перестали бы существовать как единая нация. Яроцвет, как ты можешь догадаться, этого не хотел. Но помочь своему народу не мог, поскольку был еще очень юн и слаб. Наву укрыли в Черных Горах. А бог-демиург Мандры пошел на отчаянный шаг. Он связал себя с Лилит, могучим демоном женского рода, олицетворяющего алчность и похоть. Результатом этого союза явился эфирный воин. Единственной целью его существования является защита Мандры и ее души, Навы».

– Тулкас, – пробормотала Ваниэль.

– Чего? – сказала Карина.

– Вечный воин, наш бог, – сказала эльфка. – Он был создан для борьбы с Мелькором и погиб вместе с Аулэ и Манвэ.

– А ты не думаешь, что мы хоть раз можем сочинить что-то сами? – спросила Карина.

– Извини, – сказала Ваниэль. – Просто похоже очень.

Светлана торопливо дочитывала:

«Для удовлетворения амбиций его матери этот воин был назначен владыкой Подземного мира, главным богом Нави. Как ты уже, наверное, догадался, воин этот – Ящер. Его суть слишком отличается от человеческой. Он не может явиться на этой земле в человекоподобном виде. Его отражение здесь – Змей Горыныч, глава драконов Загорья».

– Переворачивай, – сказала целительница.

Карина отложила лист.

«Именно поэтому надпись на идоле выглядела так странно. Ящер одновременно «Тот, кто порожден Хаосом» и «Тот, кто порождает Хаос».

Карина вздрогнула. Ведьма знала, о каком идоле шла речь.

«Ящер выполнил свою миссию. Ты должен помнить, как путем открытой борьбы и дипломатических уловок Мандре того времени удалось сохранить себя. Но плата за это оказалась слишком высокой.

Эльфы насиловали мандреченок во время сбора дани. Таким образом, пусть уродливым, Эльф Фейре сочетался с народной душой, с Навой. Земное воплощение народной души Мандры постоянно оскверналось. Но эльфы продолжали существовать как народ, пусть даже и балансировали на грани. Политический климат Мандры заметно посуровел. До тех пор, пока Ящер жив, Мандра будет либо бюрократической тиранией, либо централизованной деспотической империей. Если же небесный защитник империи погибнет, погибнет и нация. Нава оставила Яроцвета из-за измены, хотя к плоду его связи с демоном, Ящеру, Нава относится весьма доброжелательно. И это неудивительно – именно Ящер спас Наву. Причина разрыва, сказал Дренадан, в том, что связь с демоном очень сильно изменила внутреннюю сущность Яроцвета. Яроцвет приобрел какие-то новые качества. Или чего-то лишился, я не уверен, что правильно понял Дренадана. Но известно точно только две вещи.

Первая – из-за этих новообретенных качеств Яроцвет стал отвратителен Наве.

– Так вот почему, Кариночка, ты до сих пор не в императорском дворце, – заметила Светлана.

«Вторая – из-за них Яроцвет не может теперь полностью воплотиться в человеческом виде. В том, в ком он воплощается, всегда остается еще некая, изначальная собственная личность. Человек – воплощение Яроцвета становится марионеткой в руках своего бога, и это больше напоминает одержимость злым духом, чем нисхождение бога на землю».

– Этим и объясняются припадки Искандера, – заметила Карина. – Да, такого духа так просто не прогонишь! Небесный покровитель нации, надо же…

«Балеорн был земным воплощением Эльфа Фейре. Моя мать – Навы, народной души Мандры. Они полюбили друг друга. Эльф и Нава любят друг друга и сейчас. Это совершенно не устраивает Яроцвета, хотя и принесло спокойствие и умиротворение нашим измученным народам. Однако земное воплощение Яроцвета сделает все, чтобы найти Наву и склонить ее к браку. И не дать ей заключить союз с Эльфом».

– Закон о раздельном существовании разумных рас! – хором воскликнули ведьмы и эльфка.

«И тут, сказал Дренадан, мы подходим к появлению самой величайшей магической ловушки, которая окончательно запутала отношения в небесном треугольнике, и в которую угодила сама ее создательница.

Мать и отец были первыми Синергистами; Пчела сотворила жезл для того, чтобы они оба могли им пользоваться. И планировала она его как магический жезл с обычными функциями. Эрустим должен был усиливать проходящую через него Чи хозяина. Тонкость заключалась в том, что хозяев у него было двое. Балеорн был магом Воды, Пчела владела

всеми четырьмя стихиями и мертвой силой в придачу. Вряд ли кому-нибудь, кроме самой Пчелы, удалось бы создать жезл, в котором могли бы одновременно усиливаться силы Жизни и Смерти. Разрушительница Пчела застала мужа в объятиях миловидной эльфки и в отчаянии ударила Балеорна – своего Синергиста – силой Эрустима. Обычно, если один Синергист ударяет другого так сильно, оба гибнут. Балеорн выжил. Но свойства Эрустима необратимо изменились. Пчела любила Балеорна, и ее ревность и ярость преломились в момент удара таким образом, что теперь **земное воплощение Навы всегда будет питать бессмысленную, безграничную страсть к владельцу Жезла. Кто бы это ни был, дракон, император или вечно пьяный сапожник** Морул Кер именно так захватил власть над Мандрой. Он украл Эрустим у Змея Горыныча, которому я отдал жезл на вечное хранение. Морул Кер, хоть огня выдыхать и не мог, но как и все линдвормы, нес в себе Чи Огня. Стихии и равнодушны к судьбам людей, но любовь Навы к Огню может привести только к одному – к разрушению и гибели Мандры, какие бы плюсы вначале не несла эта связь. Да и любовь эта не истинная, а вызванная магией Эрустима. На самом деле Нава прекрасно понимает это и очень несчастна. Слушая его, я вдруг вспомнил наш разговор с драконом…».

Карина встала со стула и медленно пошла к окну.

– Карина, мы сейчас, – пробормотала Светлана. Они с Ваниэль еще не дочитали до этого места.

– Можете не торопиться, – сказала ведьма низким, глухим голосом.

Светлана подняла голову.

– Что с тобой, Карина? – спросила целительница.

Светлана говорила что-то еще, но Карина ее уже не слышала. Она оперлась на подоконник, прижалась лбом к холодному стеклу. Окно выходило на задний двор, который всегда находился в тени, и стекло не нагревалось никогда. Ведьма смотрела на эльфов, суетившихся вокруг большой телеги. Во дворце Лакгаэра находилась школа-пансионат и небольшой храм Ульмо. Лакгаэр содержал и жрецов, и тех детей, у родителей которых не находилось денег заплатить за обучение. Так что провизии требовалось много. Тот самый эльф, что принес завтрак, бодро тащил по двору мешок с мукой размером почти с себя самого.

Светлана встряхнула ведьму за плечо, и Карина очнулась.

– Я говорю, ты Шенвэля впрямую не спрашивала, взял он Жезл Власти или нет? – спросила Светлана. – Ивану эльф сказал, что Эрустим разрушился вместе с замком. Но возможно, Шенвэль не хотел политических осложнений. Искандер ведь тоже точит зубы на этот жезл. Ивана казнят, если Эрустим вывезут из Черногории…

– Теперь понятно, почему, – заметила эльфка. – Яроцвет хочет вернуть блудную невесту с помощью магии.

– Мне Шенвэль сказал то же самое, – сказала Карина.

– Ну вот видишь! – воскликнула Светлана.

– А еще эльф как-то сказал мне: «**Он** заставляет меня лгать», – добавила Карина. – И теперь мне кажется, почему-то, что Шенвэль говорил совсем не о своем маленьком дружке…

– Не дрейфь, подруга, – сквозь зубы сказала Ваниэль. – Не бывает проклятия без способа его снять…

Эльфка лихорадочно металась взглядом по строчкам.

««…будет пытаться вызвать любовь Навы к себе, поскольку для его – для нашего – народа это вопрос жизни и смерти. В случае любви Навы и Эльфа Мандра и Фейре в конечном итоге объединятся в одно государство, которое и будет главным на этом континенте, и будет процветать. Благодаря нашей общей магии. Если людей поведет Яроцвет, то это будет дорога развития технологий, та, которую сейчас выбрали для себя гномы. И тут в игру вступают боги мандречен. Они не являются самостоятельными существами, как Яроцвет и Нава. Частично они являются расщепленным на множество осколков отражением самого Яроцвета в бесчисленном количестве человеческих разумов, частично – тем, что о них думают люди. Если люди перестанут верить в них, то боги Мандры

тихо угаснут. Погибнут. Как ты догадываешься, их такая перспектива не радует. Боги, в общем, тоже хотели бы облегчить жизнь людей, но не ценой же собственной гибели. Они, оказывается, на моей стороне. Как и Ящер. Но Ящер отвернется от меня, как только Нава разлюбит Эльфа.

Ящер будет существовать независимо от того, верят в него люди или нет. Выступать против своего небесного отца Ящер не боится, поскольку изначально превосходил его по мощи благодаря крови своей матери. Я сидел, слушал жреца и думал о том, что сейчас, конечно, Дренадан мне ничего другого сказать не может, но…».

Эльфка отшвырнула густо исписанный лист. Руки ее задрожали, когда она увидела, что под ним обнаружился только еще один, самый последний в стопке. Лист был исписан только до половины, помарки и кляксы густо покрывали его. Очевидно, это был черновик, который Лакгаэр не успел переписать.

– Читай вслух! – крикнула Светлана эльфке. – Ты ведь ищешь способ уничтожить жезл? Я пойму то, что не поддастся твоему разуму!

– «…этот хитрец», – прочла Ваниэль. – «Как я уже убедился, малейшую фальшь в моем голосе чувствовал мгновенно. Наказывал Дренадан за это так, что мне и вспомнить больно. Я честно сказал ему, что мол, недостоин, да никогда и не мечтал о такой чести. А отношения мои с женщинами далеки от того, чего, наверно, заслуживает воплощение богини. Несмотря на то, что определенные мои умения неизменно вызывали восхищение прекрасных дам, серьезных отношений у меня как-то ни с кем не получалось. Я понял, к чему он гнет. Я сказал Дренадану: «Клянусь, я никогда не использую чары жезла против Навы. Если, конечно, я ее повстречаю и узнаю». «Ты дал клятву необдуманную», сказал Дренадан. – «Там, где сплетаются любовь и спасение собственного народа, таких слов не стоит бросать на ветер. Но от выполнения ее теперь тебя не смогу освободить даже я». Я засмеялся и сказал ему, что волхв может быть спокоен. Я больше никогда не полюблю. К тому же, я не верю в его сказки. Да и спать с человеческой женщиной я не буду даже ради…».

– Это уже не то, – пробормотала эльфка.

– Как раз то, – сказала Карина пустым голосом. – Шенвэль говорил это мне, когда его рассудок еще не был опутан чарами Жезла Власти…

Подойдя к стене, ведьма сняла с нее меч. Оружие бывшего Мстителя было слишком коротким, чтобы упереть его рукоятью в пол. «Будет неудобно», подумала Карина. – «Хотя, какая разница?»

– Карина, ты что! – закричала Светлана и обхватила ее сзади так, что руки Карины оказались прижаты к телу.

– Света, – сказала Карина. – Не заставляй меня сделать тебе больно. Я ведь богиня, не забывай.

– Вот, нашла, – услышала ведьма голос Ваниэль. – «Наилучший выход из положения – это уничтожение Эрустима. Сделать это может только сама Нава, ее третье воплощение, при помощи со стороны земного воплощения Эльфа (Балеорн принимал самое непосредственное участие в создании жезла). Нава и больше никто».

Карина замерла.

– Видишь, еще не все потеряно, – сказала Светлана обрадовано.

Ваниэль покачала головой.

– Насколько я знаю жизнь, добровольно Эрустим никто не отдаст, – сказала эльфка.

Карина вдруг внимательно посмотрела в сторону главного входа в библиотеку.

– Сюда кто-то идет, – сказала она.

– Это Лакгаэр! – охнула Светлана. Ваниэль быстро собрала бумаги, прижала их папкой, чтобы придать записям нетронутый вид.

– Он должен был пойти на заседание Нолдокора, – пробормотала Карина.

– Но не пошел! – воскликнула эльфка и вырвала у нее меч. Светлана перестала прижимать руки Карины к бокам.

– Идите в зал, возьмите какую-нибудь книгу и сделайте вид, что читаете! – прошипела

Ваниэль.

– Но он же сам… – пробормотала Карина.

– Все *книги,* – с ударением сказала эльфка, вкладывая меч обратно в ножны. – Но не *записи,* верно? Да и потом, Лакгаэр тебя рессой, насколько я понимаю, не называет еще? Они с Шенвэлем заодно!

Ваниэль слишком резко дернула ножны, крюк, на котором крепилась перевязь, вывалился из стены. Ножны с наполовину вставленным в них мечом упали ей на руки. Эльфка тихо выругалась.

– Я воткну обратно этот крюк, – сказала Ваниэль. – А вы держите меч!

Эльфка швырнула меч Светлане. Целительница отпустила Карину и еле успела его поймать. Ваниэль взглядом подняла крюк с пола, подвела к небольшой дырочке в стене, из которой он выпал, и попыталась вставить. Крюк вошел легко. Все было хорошо, пока он висел на голубых светящихся линиях Чи эльфки. Стоило Ваниэль ослабить хватку, как он вываливался снова.

– Что ты там возишься? – спросила Карина.

Ведьма чувствовала, что Лакгаэр вот-вот войдет в библиотеку.

– Да выпадает он, не пойму почему! – прорычала Ваниэль. – А-а, козни Илу!

Эльфка снова попыталась вставить гвоздь на место. Результат был тот же. Ведьма подошла к Ваниэль и увидела на полу крошечный деревянный цилиндрик.

– Спокойно, – сказала Карина, поднимая его с пола. – Крюк в пробке был. Сначала ты вывернула его из пробки, а потом пробка уже и сама выпала.

Ваниэль подозрительно посмотрела на деревянную пробку в руках ведьмы.

– И что теперь? – сказала эльфка. – Надо впихнуть крюк в эту пробку? А пробку в стену?

– Да нет, – сказала Карина. – Она теперь не будет держаться.

Шаги Лакгаэра уже были слышны на лестнице и человеческим ухом. Целительница за их спинами громко сопела.

– Ты перекосила меч, когда вставляла, – чуть не плача, сказала Светлана. – Теперь ни туда, ни сюда!

Ваниэль обернулась. При виде брошей на рукаве Светланы глаза эльфки вспыхнули.

После обеда Лакгаэр собирался на заседание Нолдокора. Но с ним связался Аласситрон, и попросил дождаться его. Корабль купца находился уже в прямой видимости берега, шторм, который мешал им подойти к Рабину, эльфы на корабле совместными усилиями отогнали к Куле. Лакгаэр уже знал от Ивана об изменениях в каганате, но ему очень хотелось поговорить с непосредственным свидетелем переворота и узнать о первых политических шагах Зейнеддина как Великого Бека. Глава Нолдокора согласился перенести заседание. Лакгаэр приказал своему секретарю оповестить всех членов совета. Старый эльф решил пока пойти в библиотеку, переписать начисто последний лист заметок, которые он сделал во время беседы с Верховным магом. Тайная духовная доктрина мандречен, которой жрец Ящера поделился с Шенвэлем, действительно очень многое объясняла, и Лакгаэр очень хотел поскорее закончить работу над своими записями. Слишком многие полезные знания оказались утерянными потому, что когда-то их не успели зафиксировать, и они так и остались в неразборчивых черновиках.

Лакгаэр услышал низкий, с хрипотцой, голос, говоривший на эльфийской латыни, и в изумлении остановился на пороге библиотеки.

– Что значит – преодолеть судьбу? Как это вообще возможно? Весь этот мир и все, что в нем будет, был уже предпет давным-давно. И наша судьба, и наше недовольство ею, и наши попытки ее изменить. Так что, если вдуматься в вопрос, мы сразу поймем, что он не имеет смысла.

Лакгаэр узнал Ваниэль и только тут понял, что эльфка читает вслух какой-то трактат. В первый момент старый решил, что вопрос обращен непосредственно к нему. «Как Ваниэль

оказалась здесь?», подумал Лакгаэр. Но в этот момент раздался другой голос, который тоже показался смутно знакомым старому эльфу.

– Это чтение ваших книг не имеет смысла, – недовольно сказала другая женщина на мандречи.

– На, попробуй в этой что-нибудь найти, – раздался голос Карины.

Старый эльф справился с собой. Голоса женщин доносились из-за высоких стеллажей слева от входа. Когда-то Лакгаэр хотел сделать там читальный зал для детишек из пансионата, убрал несколько шкафов и поставил уютный кожаный диван. Но маленькие эльфы стеснялись ходить сюда, предпочитая заказывать книги через преподавателей. А диван Лакгаэр постепенно заложил книгами, разобрать которые все никак не доходили руки.

Лакгаэр обогнул стеллажи.

Ваниэль, Карина и еще одна боевая ведьма в полной форме сидели на кожаном диване. «Светлана», вспомнил старый эльф, увидев ее рыжие кудри. – «Возлюбленная Ивана». Троица выглядела очень колоритно. Книги с дивана женщины переложили на пол, и на одну из получившихся стопок Ваниэль вольготно закинула ноги. Увидев куртку боевой ведьмы, надетую поверх яркого платья эльфки, Лакгаэр на миг подумал, что он просто бредит. На Карине были два разноцветных платья, коричневое поверх желтого, совершенно эльфийского фасона. Дорогая отделка платьев и властные черты лица Карины заставляли думать, что она – принцесса одного из многочисленных эльфийских королевских домов.

– Здравствуйте, Лакгаэр, – сказала Карина. – Это мои подруги, Ваниэль и Светлана.

– Меня-то Лакгаэр знает давно, – сказала эльфка. – Привет.

– А мы тоже знакомы, – улыбнулась Светлана. – Добрый день, Лакгаэр. Как поживаете?

Старый эльф сглотнул.

– Благодарю, неплохо, – сказал он. – А что вы здесь делаете?

– Мне Ваниэль сказала, что я очень похожа на Хозяйку Четырех Стихий, – ответила Карина. – Мы вот книжку про нее ищем, «Переплетение Двух Миров» называется. Ваниэль сказала, что у вас, наверное, она есть. Я подумала, что одна точно не справлюсь, вот и позвала девочек с собой. Роемся битый час, никак не можем найти.

– Как вы вообще можете работать здесь без каталога? – спросила Светлана.

– Может, вы нам поможете? – сказала Ваниэль.

Лакгаэр собрался с мыслями.

– Подлинника у меня, конечно, нет, – сказал старый эльф. – Он находится в Экне. Но список – есть. Я его сам делал, так что за точность ручаюсь. Сейчас, я посмотрю. Подождите чуток.

Он прошел вдоль полок с книгами, разглядывая корешки.

– Интересно, – сказала Светлана раздумчивым голосом. – Отчего это подлинник эльфийской книги хранится в Экне? У экен ведь невежество защищено государственной религией.

– Не скажи, – возразила Карина. – Помнишь, Гёса хвастал, что он сам держал в руках тот список книги Волоса, по которому их восстанавливали? Эльфы ведь практически все книги Волоса сожгли во время бунта.

– Что это за Гёса? Где это он в Экне книгу раздобыл? – спросила Ваниэль.

– Да, он в Вергийском университете почти закончил юрфак, – сказала Карина.

Разговаривая так, все трое не сводили глаз с широкой спины эльфа. Лакгаэр дошел почти до конца шкафа и нагнулся.

– Хм, – сказал эльф, увидев пустое место.

Выпрямившись во весь рост, он посмотрел на книгу, которую Ваниэль держала в руках. Под этим взглядом эльфка закрыла книгу. Карина посмотрела на обложку. Под знаком, похожим на знак Триглава, старинными хвостатыми рунами было написано: «Переплетение Двух Миров».

– Похоже, что вы ее все-таки нашли, – сказал Лакгаэр спокойно. – И никакой каталог не понадобился.

– Но мы тогда пойдем, пожалуй. Посидим у нас, почитаем, разберемся, – сказала Карина. – А то мы вам будем мешать своими разговорами. Отвлекать, сбивать с мысли.

– Хорошо, – сказал Лакгаэр.

Они все вместе вошли в кабинет, и Лакгаэр галантно открыл потайную дверь перед женщинами. Старый эльф постоял немного, прислушиваясь к смеху и голосам на лестнице, доносившимся даже сквозь стену. «Девочек», повторил про себя Лакгаэр. – «Позвала с собой». Старый эльф закрыл потайной ход, сел за стол. Он протянул руку к черной кожаной папке. Под ней лежали набело переписанные листы и черновики той беседы, которую он сегодня намеревался добавить в свою коллекцию свитков. Но рука старого эльфа зависла в воздухе.

На столе лежал потрепанный томик «Заметок о бунте Разрушителей», книга, которую эльф не перечитывал с тех пор, как ездил в Экну к Балеорну. Лакгаэр перевел взгляд на стену. Ему показалось, что меч висит как-то иначе, чем всегда. В тот самый момент, когда старый эльф вспомнил, что военные хроники брала почитать Карина, меч с грохотом упал на пол. Вслед за мечом из стены выскочила и тонкая металлическая полоска.

Платина, бесспорно, является одним из самых дорогих металлов.

Но не входит даже в десятку самых прочных.

Лакгаэр вздрогнул и схватился за папку. Так и есть, листы лежали не так, как он их оставил. Старый эльф хотел вскочить на ноги, как вдруг почувствовал, как глаза его слипаются, а голова наливается тяжестью.

Оказавшись в покоях любовников, Ваниэль повалилась в кресло и захохотала.

– Ну ты молодец! – проговорила эльфка сквозь смех. – Как ты его утерла! «Ну мы пойдем, не будем мешать…»

– Зачем ты сказала Лакгаэру правду? – спросила Светлана. – Про то, что ты – Хозяйка Четырех Стихий, и сама об этом знаешь? Лакгаэр ведь скажет Шенвэлю, обязательно!

– Ты забыла, чему нас учили в Горной Школе? Дезинформация – это всегда сочетание истинных фактов с ложными, – сказала Карина хладнокровно. – Увидев, что мы в его кабинете натворили, Лакгаэр и сам бы догадался. А вообще, надо сваливать отсюда.

Светлана облегченно вздохнула. Ваниэль, отсмеявшись, села на кровати и смотрела на подруг. В глазах эльфки целительница прочла полное понимание ситуации и удовлетворение тем, что все в итоге разрешилось именно так.

– Тогда летим в Кулу, – сказала целительница. – Летим, прямо сейчас. Пока Шенвэль не вернулся и ты снова не потеряла власть над собой из-за чар жезла.

– Я боюсь, что эльф найдет меня и там, – сказала Карина тихо.

– Пойдешь прямиком к Искандеру, – сказала Светлана. – Найти-то найдет, но из императорского дворца вряд ли достанет. Искандер сумеет заставить эльфа отдать жезл.

– И я попаду в новое рабство, – сказала Карина тихо.

Светлана махнула рукой.

– Вытащишь жезл из-под подушки императора как-нибудь ночью и сбежишь, – сказала Светлана. – Искандер вообще не маг, он не сможет тебя остановить.

Карина покачала головой.

– А Крон?

– А что Крон, – возразила целительница. – Как-нибудь поделитесь, темперамента Искандера вполне хватит на вас двоих.

«Более гомофобны, чем мандречены, по-моему, только боремцы. А именно такой человек и правит ими», мелькнуло у Ваниэль. – «Какая злая ирония судьбы!»

Карина же вспомнила, что Шенвэль размышлял об убийстве Крона еще в ту ночь, когда похитил ее. Шенвэль словно хотел освободить место для ведьмы под боком у императора – на случай, если Карина ему надоест.

Ведьма усмехнулась своим мыслям.

– Давай ты телепортируемся, – сказала Карина. – Даже над морем сейчас уже жарко.

– Давай пройдем через телепорт, ладно, – согласилась Светлана. – Как им пользоваться, кстати?

– Нужно встать на гексаэдр, что выложен из более светлой плитки, – сказала Ваниэль. – И представить объект, рядом с которым хочешь оказаться. Чем ярче и точнее представишь, тем ближе к предмету окажешься.

Карина вызвала метлу и прицепила к ней корзину со своими вещами.

– Вы же вроде через телепорт идти собирались, – сказала эльфка.

– Ну да, представим себе побережье Кулы и выйдем прямо к нашим девочкам, – сказала Светлана, вызывая свою метлу. – То-то они обрадуются. Все уже думают, что ты совсем нас бросила.

– Да, бросишь вас, как же, – пробурчала Карина.

Ваниэль начала снимать куртку, но Светлана жестом остановила ее:

– Это подарок, на память о нашей встрече.

Эльфка начала откалывать украшения с левого рукава.

– Это тоже… – начала Светлана, но Ваниэль покачала головой.

– Мой муж этого не поймет, – сказала она, протягивая броши ведьме.

Светлана приняла их, сунула в корзину. Карина не стала надевать форму, но благоразумная Светлана не стала поднимать этот вопрос. В любой момент Карина могла передумать. Или в покои ворвался бы Лакгаэр. Или, того хуже – вернулся бы Шенвэль. Ведьмы вышли на террасу. Ваниэль последовала за ними.

– Здесь, значит, стояла статуя Разрушительницы Пчелы, – сказала ведьма, задумчиво глядя на пустой пьедестал. – Жаль, что артефакт не сохранился. Хотелось бы посмотреть, какой она была, великая Разрушительница и моя предшественница…

– Высокая, голубоглазая, очень сдержанная, – сказала Ваниэль. – Седая вся.

– Пчела была так стара, когда жила в Бьонгарде? – удивилась Карина.

Эльфка покачала головой.

– Мне говорили, что Разрушительница поседела еще в детстве, – сказала Ваниэль. – От горя, когда эльфы предали огню селение, где она жила…

– И изнасиловали ее при этом, – добавила Светлана.

– Этого я не знала, – сказала эльфка спокойно. – В любом случае, в Мандре зверствовали ледяные эльфы. Мы, темные эльфы, не убивали людей до тех пор, пока Черное Пламя не напал на нас.

Целительница встала в центр гексаэдра и закинула ногу на метлу. Карина уже сидела верхом на своей. Ведьмы помогли друг другу пристегнуться.

– За руки только не беритесь, – сказала Ваниэль. – Одно и то же место каждый представляет чуть по-разному, вы из портала с некоторым разбросом выйдете, и руку может оторвать.

– Ладно. Прощай, Ваниэль, – сказала Карина.

– Мне почему-то кажется, что мы еще свидимся, – сказала эльфка.

Карина улыбнулась.

– Как у вас говорят, твои бы слова да Илу в ушки!

Ваниэль и ее родичи поклонялись Мелькору, но поправлять ведьму эльфка не стала. Она смотрела, как ведьм охватывает магическая сфера, как их контуры бледнеют и исчезают.

Но покидать террасу Ваниэль не спешила. Эльфка подошла к пустующему цоколю и оперлась на него.

В воздухе замелькали голубые искры.

Кто-то должен был вот-вот прибыть через телепорт.

Мебель в кабинете имперского мага была подобрана так, что посетитель сразу чувствовал себя ничтожной бессильной мошкой перед карательной машиной Империи. Маятник огромных часов, стоявших в углу, был сделан в виде полумесяца с острым нижним краем, гирьки на цепях – в виде черепов. Зарина пренебрежительно подумала, что это

свидетельствует о недалеком уме хозяина кабинета. Любой посетитель проводил здесь меньше времени, чем сам маг, и в первую очередь подобная обстановка должна была угнетать умственные способности и дух Крона.

Маг вздохнул и провел пальцами по перу, соединяя растрепавшиеся волокна.

– Давайте попробуем еще раз, – сказал Крон.

Зарина пожала плечами. «Засиделся ты по штабам, милый», злорадно подумала ведьма. Крон допрашивал ее уже по третьему кругу. Маг пытался применить к ней Заклятье Правдолюба, которое гасило волю допрашиваемого и заставляло раскрывать любые тайны. Но каждый раз, когда Крон касался ее своей Чи, Зарина чувствовала лишь легкую щекотку под правой подмышкой. Ведьма видела, что ее защитный кокон сияет, как фейерверк, отражая Чи мага. Крон тоже видел кокон, но никак не мог пробить, и это его раздражало. А между тем любой практикующий маг средней руки давно прочел бы заклинание на платках ведьмы. Заклинание, ограждающее ведьму от влияния чужой Чи. Крона же не интересовала ни внешность допрашиваемых, ни все эти бабские финтифлюшки. Зарине было даже страшно представить, что было бы с ней, догадайся Крон снять с нее платки.

– Где вы были в ночь на Купайлу? – спросил имперский маг. Одновременно Крон обрушил на Зарину удар такой силы, что пробил бы и крепостную стену, но кокон ведьмы даже не дрогнул. Маг неприязненно щелкнул языком и снял перстень. Крон пользовался им как усилителем своего дара, но за последние полчаса маг уже втянул через украшение столько Чи, что металл раскалился.

– Вместе с остальными ведьмами крыла «Змей» на празднике в Рабине, – бодро ответила ведьма. Ее заинтересовал перстень, которым Крон придавил бумаги, лежавшие на столе. Когда ведьму привели в кабинет мага, камень в перстне был зеленого цвета, и Зарина решила, что это изумруд. Но после того, как Крон задернул тяжелые шторы, за которыми разбушевалась гроза, и зажег светильник, камень постепенно покраснел, словно наливаясь кровью. Ведьму это испугало бы, если бы она не знала, что такими свойствами обладает «ночной рубин», редкая разновидность хризоберилла. Этот минерал являлся одним из самых психоемких, большее количество Чи можно было сохранить только в алмазе. «Ночной рубин» на руке мага был огранен в форме колокольчика с четырьмя лепестками, в центре находилась вставка из золота, очень точно изображающего венчик. Такой же цветочек был нашит на рукаве черной куртки Крона. Ведьмам в Горной Школе читали солидный курс по травам. Зарина узнала раскрытый прострел. В Экне его называли сон-травой. Мандречены же, несмотря на успокаивающее действие этой травы, называли эти милые фиолетовые цветочки цветами ярости, «яроцветами». Отваром яроцвета каждая ведьма минимум раз в жизни промывала свои интимные места – трава являлась одним из самых мощных природных антисептиков и хорошо помогала от «сока Лилит», зловредного грибка. Его назвали так в честь старой, полузабытой богини, олицетворяющей собой женскую похоть. У Лилит там уж завсегда было мокро. Крон, очевидно, не знал об этом, иначе бы не выбрал столь двусмысленный цветок в качестве эмблемы для Чистильщиков. Магическими свойствами цветок не обладал, скорее, антимагическими. Отваром из раскрытого прострела в сочетании с соответствующими заклинаниями снимались практически любые чары. Кроме тех, в которых присутствовал Цин, но такие чары почти никто не мог наложить. Перстень представлял собой хорошо сбалансированный талисман – мощные магические свойства материала уравновешивались свойствами изображенного объекта.

– На том празднике, кроме людей, присутствовали и сидхи? – спросил маг.

Ведьма кивнула. Крон прекратил эфирные атаки на ведьму, и Зарина решила воспользоваться моментом. Ведьма тихонечко коснулась мага своей Чи. Их энергия была однородна, и это облегчало задачу. Она не смогла бы пробить защитный экран, окружавший Крона, но просочиться в его ауру было по силам Зарине.

– Старшая твоего звена, Карина была похищена в ту ночь? – спросил маг.

– Я бы не стала называть это похищением, – пожала плечами ведьма. – Возможно, она улетела с этим человеком добровольно.

– Так вы видели мужчину, с которым убежала ваша подруга? – перебил ведьму Крон. – Вы утверждаете, что это был человек?

– Нет, – поправилась Зарина. – Я сама-то не видела их. Но волхв Ящера, присутствовавший на празднике, разобрал это дело, выслушал свидетельские показания и решил…

– Появились основания к пересмотру дела, – сухо ответил Крон. – Если бы вы могли точно засвидетельствовать, что Карина исчезла вместе с человеком, я мог бы передать это дело в департамент общественного порядка. А там, его возможно, и закрыли бы. Прямых указаний на то, что Карина была похищена насильно, нет. Но, к сожалению, Закон о раздельном существовании разумных рас требует от нас внимательного рассмотрения тех случаев, где может идти речь о сожительстве людей и нелюдей. Тем более, насильственном.

– Люди, нелюди, все мужики все равно козлы, – пожала плечами ведьма.

– Нет, – сказал Крон, посмотрев на Зарину таким тяжелым взглядом, что у нее отнялся язык. – Козлы, как вы выражаетесь, как раз только нелюди.

– А не случится такого, что пока вы будете гоняться за каждой, которая даст себя уговорить какому-нибудь сидху, разбойников и убийц ловить будет некому? Какой в этом смысл? – спросила ведьма. Зарина очень нежно проникла в ту из чакр Крона, которая отвечала за искренность и желание раскрыться перед собеседником. Имперский маг даже не почувствовал, как тоненькими струйками его оплетают чары. Но ему вдруг очень захотелось поговорить с этой ведьмой, растолковать ей все, объяснить.

– Разбойники и убийцы не по моей части, – сказал Крон. – Этим занимается уголовный департамент, а мое подразделение проводит только мероприятия, связанные с обеспечением чистоты расы. Вы должны вот что себе уяснить, Зарина. Вы – боевая ведьма. Вы думаете, что война закончилась? Ничего подобного. В мире, на небе и на земле, идет война, беспощадная, постоянная. Темные боги сидхов, Хозяева Подземного мира, бьются не на жизнь, а насмерть с нашим светлым богом, с нашим Творцом, за каждую человеческую душу. И мы должны выбрать свою сторону в этой борьбе.

Зарина имела весьма смутные познания о богах Мандры, но ей показалось, что официальная религия все-таки толкует отношения богов Прави и Нави несколько иначе. Что-то там было не о борьбе, а вроде как о равновесии. Как объяснила подруге Карина, смысл отношения сил Нави и Прави, или, как называл их Крон, Тьмы и Света, определялся народной мудростью «На то и щука в пруду, чтобы карась не дремал».

– Главная задача женщины – рожать детей от настоящих мужчин, от чистокровных людей, – продолжал Крон. Ведьма слушала очень внимательно, хотя в этом вопросе их с магом взгляды расходились радикально. – Ведь дети – это будущее любой страны. Вот кого мы защищаем в первую очередь. Детей, рожденных и еще нерожденных, каждую невинную душу. А у нас сейчас что? Аборты официально разрешены! Под ножом у бабок гибнет больше людей, чем Мандра потеряла в последней войне! Да, мы заглядываем под юбки и роемся в грязном белье. Ради безопасности нации мы пойдем на все. Вот у вас в Экне это давно поняли. Это у нас, в Мандре, много воли ваша сестра получила. Это все от Разрушительниц пошло, дочерей проклятого Волоса. Забыли уложение предков, прекрасный был семейный кодекс – Домострой. Там было примерно как у вас, в Экне, порядки были установлены. Чадру на голову, калым заплатил, а там – стерпится, слюбится. И никакого там разврата, чувственности этой нездоровой. Про аборты слыхом не слыхивали. Сиди дома, вари кашу, а не носись по полям с мечом. А по приросту населения, между прочим, Экна сейчас впереди всех. Вы единственные пока, если по прошлогодней переписи судить, кто по численности населения вернулся на предвоенный уровень. Вот так.

Зарина промолчала. Хотя ей было что сказать. Например, то, что для Экны война закончилась десять лет назад, а для Мандры мирными были только последние пять лет. Да и людские потери были несопоставимы. Или что если бы мужики не измельчали и не выродились так, что бабам пришлось за них даже воевать идти, многие, и Зарина в том числе, с большим удовольствием остались бы дома варить кашу. Но она слушала не

перебивая. Только профиль ведьмы заострился так, что стал походить на кривую экенскую саблю. В любом случае, ее трюк удался. Стало очевидно, что ведьма имеет дело с фанатиком. Не фанатик, даже под чарами, сообразил бы, что подобные взгляды не вызовут сочувствия у боевой ведьмы, большую часть жизни проведшей с мечом в руке.

– Женщина же изначально слабее мужчины и более его склонна к разврату, к удовлетворению своей ненасытной похоти. Вам же только покажи восьмивершковый – и вы на край света за его хозяином побежите, – продолжал Крон. – Вот с чем мы боремся – с вечно мокрыми пизденками, за моральное совершенствование всех и каждого, за чистоту нравов.

«Ну да», подумала Зарина иронически. Как и Карина, ведьма знала, кем является Крон для Искандера. – «Свой нрав очистил бы для начала». Ведьма поняла, что Крон как раз был в курсе фунгицидных свойств яроцвета и выбрал его в качестве эмблемы Чистильщиков вполне осознанно. У Зарины возникло одно остроумное предположение о причинах столь яростной ненависти мага к обладателям восьмивершковых, но она благоразумно не стала высказывать его вслух. К тому же, Крон ошибался. Если так уж глубоко входить в технические характеристики упоминаемого инструмента, то, на взгляд Зарины, большее значение имел диаметр.

– А сидхи этим пользуются, – сказал маг. – Кровь у них в жилах проклятая, холодная. Только в крови сидхов есть магия, порча. В крови истинных людей ничего подобного нет. Магия – это проклятый дар темных богов сидхов, чтобы сбить людей с истинного пути. Вот они и пытаются чистую кровь нашу своей черной кровью замутить, испортить. Ради этого сидхи и идут на обман и похищение наших женщин, чтобы заставить наших любимых плодить ублюдков с черной кровью, с этим проклятым даром, магией. Истинный же путь, предначертанный людям – это познание тайн природы, овладение ею, подчинение ее разуму человека. Путь развития технологий.

– Я поняла. Но дело не в темной крови сидхов, – прищурившись, сказала Зарина.

– Да? – спросил Крон. – А в чем же?

– Сидхи знают – в любви помогает только любовь, – сказала ведьма. – А люди всегда стараются купить себе женщину, удержать нас не собой, а деньгами, властью. А когда женщина находит себе любовника с кровью погорячее, не исключено, что именно сидха, ее называют шлюхой. Хотя шлюхой она была именно до этого.

– Вот не надо мне здесь сказки рассказывать, – сказал Крон. – В харчевне «На Старой Дороге» тебя вином ведь не нищий экен угощал, нет. А сидх, за один только камушек с пояса которого можно было с десяток таких подонков нанять.

– Откуда вы знаете? – пробормотала ошеломленная Зарина. Ведьма не ожидала, что Крону в таких подробностях известна история, случившаяся с крылом «Змей» в Лихом Лесу.

– Такая профессия, – пожал плечами Крон. Зарина опомнилась. Удивляться информированности мага совершенно не стоило. Заказ, который тогда выполняли ведьмы, сопровождение обоза со стратегически важными грузами, а попросту – оружием для людей, находившихся в бесконечной войне с эльфийскими партизанами, оплачивался из имперской казны. А Крон был высокопоставленным имперским чиновником.

– Но тогда вы должны знать, – собралась с мыслями экенка. – Что с сидхом я не пошла.

– Поэтому я с тобой и разговариваю, – ответил Крон. – В тебе есть правильное понимание сути жизни. Ты осталась с экеном потому, что он был такой же, как ты. Вы с ним говорили на одном языке. Я не имею в виду чисто языковую общность; я говорю об общности культурной.

Зарина не совсем поняла слова мага, но смысл их почувствовала. Имперский маг был прав.

– Вы были там? – спросила ведьма с непонятным ей самой почтением. – В харчевне?

Крон обскоблил пальцами кончик пера.

– Если бы я там был, – сказал он сухо. – Вам не пришлось бы брать из Горной Школы новое звено. Но я не могу быть сразу везде, где нужен, хотя я и волшебник.

– И ты сделала выбор правильный. Так и нужно поступать, иначе нация исчезнет, ее размоет, как песок под бурной волной, – вернулся к предыдущей теме Крон. – Главными соперниками людей являются сидхи, как я уже говорил. Люди и правда часто пытаются удержать любимых с помощью денег. Но это не парализует волю женщины. Не затуманивает разум, сознание остается ясным, насколько это вообще возможно для вас. В конце концов, можно найти любовника и богаче, или решиться на рай в шалаше с тем, кто мил. А сидхи окутывают наших женщин чарами, чтобы удержать, задурманивая сознание, подавляя волю. Именно об этом я вам и толкую.

Но кое-что в стройной теории мага оставалось непонятным для ведьмы.

– Вы же знаете, что у меня, как и у Карины, детей нет, и вряд ли когда-нибудь будут, – сказала Зарина. Ведьмы, особенно ветеранши последней войны, практически все были неспособны к деторождению. И Карина тоже, о чем Крону должно было быть известно в первую очередь. – Так что вы абсолютно зря тратите и свое, и мое время. И нагло лезете в частную жизнь, неприкосновенность которой защищена законами вашей страны.

– В лапах сидхов у вас почему-то у всех начинает матка играть, – сказал Крон мрачно. – Последний раз, когда мы не успели среагировать, от сидха родила бабенка, у которой климакс-то десять лет назад уже был.

– Так может, не такая уж и холодная кровь у сидхов? – улыбнулась ведьма. Крон сердито посмотрел на нее. – Кстати, что стало с той женщиной?

– С ней-то ничего, – сказал маг и отвратительно улыбнулся.

У Зарины даже в глазах потемнело от ненависти. И этот человек называл себя защитником детей. Однако пора было отпускать Крона, держать его становилось все тяжелее, а ведьме сегодня предстояло еще не раз обращаться к своей Чи. Да и Крон в конце концов почувствовал бы неладное. Зарина очень осторожно убрала свое воздействие.

– Ладно, оставим эту лирику, – пробурчал маг, что-то черкая в лежащей перед ним бумаге. Она была уже так обильно покрыта исправлениями, что со стороны Зарины выглядела одной сплошной кляксой. – Вы были последней, кто разговаривал с Кариной.

– Нет, – возразила ведьма. – Я только спала на коленях у того человека, который последним разговаривал с Кариной.

– Где этот человек находится сейчас?

– Не знаю, – ответила ведьма.

Крон отшвырнул перо.

– Очень жаль, – сказал он. – Помочь расследованию дела, помочь своей похищенной подруге вы отказываетесь. Придется попробовать иначе.

Зарина надменно приподняла бровь.

– Я вас не понимаю, – сказала она.

По личному указу императора, известному как Казусу Свиригайло, к боевым ведьмам было запрещено применять допрос пристрастием.

После поражения при Пориссе – одного из страшных поражений, какие только знала в своей истории армия Мандры, – мандречены стали искать виновных. Утечка информации была очевидна. Генерал Свиригайло, чудом уцелевший командующий наголову разбитой дивизии, указывал на ведьму, доставившую ему пакет с инструкциями к битве. Кроме нее и генерала, тот пакет никто и в руках-то не держал. Катерина была старшей в крыле «Мертвая рука». Ее забрали прямо перед вылетом на патрулирование. Одного не учли имперские мастера заплечных дел. Целительница крыла была не только возлюбленной Катерины, но и ее Синергисткой. Когда Катерине начали рвать грудь раскаленными щипцами, «Мертвая рука» неожиданно вернулась в расположение войск. Запах паленого мяса привел боевых ведьм в неистовство. Разъяренные ведьмы разнесли фургон, в котором размещалась походная пыточная камера, убили палача и скучающего секретаря. Он должен был протоколировать допрос. Но мага, который должен был допрашивать ведьму – а это был сам Крон, – там не оказалось. Крона незадолго до до появления ведьм спешно вызвали в палатку императора. Да и пока шел так называемый «разогрев» подозреваемой перед допросом, Крон

в палатке был просто не нужен. Крыло «Мертвая рука», теперь уже в полном составе, смерчем прошлось по армейскому лагерю. Генерала Свиригайло, которому почему-то очень захотелось вдруг покинуть ставку, сорвали с седла и бросили его к ногам озадаченного таким размахом дела императора. Ведьмы потребовали, чтобы имперский маг применил к Свиригайло Заклятие Правдолюбца. Искандер согласился, разбудил усталого мага, и Крон наложил чары. Из уст генерала полились такие признания, что Искандер пожалел о том, что гвардия не пропустила ведьм в палатку императора. На зрелище собрался посмотреть весь лагерь. Потрясенные солдаты узнали не только о том, кто на самом деле передал содержание секретного пакета противнику, но и куда уходит большая часть выделяемого войску пайка, и где, в каких банках крутится их жалование, которые части под началом Свиригайло не получали уже больше года. Генерала казнили на месте. Искандер огляделся, увидел руины общеармейского бивака, высказался в том смысле, что еще одной облыжно обвиненной ведьмы его армия, судя по всему, не переживет, и подписал указ, названный впоследствии Казусом Свиригайло.

– Сейчас поймете, – улыбаясь, Крон поднялся из своего кресла и поманил ведьму пальцем. – Пойдемте со мной.

Зарина обошла кресло мага и остановилась у серой стены. Маг надел перстень на палец и приложил его к нужному месту. Только когда створка беззвучно распахнулась, Зарина поняла, что в стене за креслом мага была потайная дверь. Ведьма глубоко вздохнула и последовала за Кроном в черноту проема. Они оказались на узкой и сырой винтовой лестнице, круто уходящей вниз. На уровне человеческого роста лестница освещалась магическими светильниками, которые вспыхнули при появлении людей. Спустившись на несколько ступеней, Крон обернулся к ведьме. Глаза их оказались на одном уровне. Крон жестом закрыл дверь и приблизил свое лицо к лицу Зарины так, что она почувствовала его дыхание. Маг заботился о своих зубах – изо рта у него пахло шалфеем и мятой. Ведьма знала, что Крон любит время от времени полакомиться сырым мясом, и, очевидно, маг хотел сохранить эту возможность до самой старости.

– Тем более что вы мне солгали, – произнес маг. – Вы знаете, где сейчас ваш любовник.

– Вы ведь тоже это знаете, – сказала Зарина спокойно.

Крон коротко хохотнул и больше ничего не говорил, пока они спускались вниз по бесчисленным ступеням. «Почему-то», невольно подумала Зарина. – «Палачам не работается при живом свете». Маг и ведьма добрались до небольшой двери и, пройдя через нее, оказались в широком коридоре, в котором пахло чернилами и застарелой кровью. Зарина поняла, что они находятся в самом сердце Имперской Канцелярии. Если наверху, в безликих коридорах, было уныло и пустынно, то здесь кипела жизнь. По коридору спешили энергичные мужчины и женщины в форме Чистильщиков. Некоторые из них вели за собой на коротких цепях арестантов, заросших бородами. У заключенных были серые лица людей, давно не видевших солнца. В воздухе висел негромкий гул разговоров. Где-то заунывно что-то скрипело, кто-то орал диким голосом.

Крон обернулся к ведьме, замершей на пороге.

– Пойдемте, – повторил он, нехорошо улыбаясь. Зарина твердо шагнула вперед, и дверь за ними закрылась, словно проем в стене просто зарос. Подавив в себе паническую мысль, что теперь ей никогда не выбраться отсюда, ведьма пошла рядом с магом. «В конце концов, именно этого ты и хотела», напомнила она себе. Зарина изо всех сил стараясь сохранять вид независимый и неприступный. Но на нее никто не обращал внимания. Причем у ведьмы создалось впечатление, что взгляды, скользившие по ее лицу, остались бы такими же равнодушными, даже если бы она билась и рыдала во весь голос. Крон встретил чиновника, с которым ему было нужно срочно поговорить. Маги отошли в сторонку, бросив Зарину посреди вяло текущего потока людской боли и страдания. Солдат, который вел на цепи заключенного, тоже остался стоять рядом с ведьмой. Воспользовавшись моментом, Зарина незаметно вытащила из-за пояса кинжал и спрятала его в широком рукаве. Но тут ведьма мельком посмотрела на узника и с трудом сдержала крик.

Сложно было узнать в этом разбитом, искалеченном старике блистательного вельможу. Но Зарина видела Владислава в последний раз совсем недавно. Бережно, как ребенка, барон прижимал к груди чудовищно вывернутую левую руку правой. Пальцы были безжалостно раздавлены. Зарина была уверена, что это барон, терзаемый ревностью, натравил на Имперскую Канцелярию на крыло «Змей». Владислав, думала ведьма, решил, что его возлюбленная убежала от него с сидхом, и воспользовался законом о раздельном существовании разумных рас, чтобы испортить жизнь бросившей его любовнице и удовлетворить свою оскорбленную гордость и амбиции. Но теперь Зарина поняла, как сильно ошибалась в этом человеке. О происхождении Владислава ведьма знала только, что он был одним соратников Искандера и получил титул при поддержке императора. Но, как выяснилось, благородства в сыне рабинского аптекаря было побольше, чем в некоторых дворянах, ведущих род от самих богов. При виде Зарины в потухших глазах Владислава что-то изменилось, но он тут же отвел взгляд.

– Я ее предал… – тихо, так что слышала только стоявшая рядом ведьма, прошептал барон. – Не смог больше терпеть….

Зарина с очень тяжелым чувством посмотрела на его руку. Владислав, как дворянин низшего звания, подлежал пыткам только самой легкой, первой степени. Ведьма видела, что пальцы барону ломали медленно и со знанием дела. В груди Зарины зашевелилась холодная змея. Ведьма отвела глаза, чтобы не распалять свой гнев.

– Им нельзя оставаться здесь, – продолжал тем временем Владислав. – Искандер все знает… Пусть бегут в Фейре, немедленно!

Солдат дернул его за цепь, несильно, как бы призывая к порядку. Крон и чиновник, с которым он разговаривал, возвращались к своим подопечным. Барон замолчал. Ведьма и маг двинулись дальше. Зарина заметила, что маг искоса поглядывает на нее и сообразила, что они столкнулись с Владиславом вовсе не случайно. Крон хотел запугать ведьму, но добился совершенно противоположного эффекта.

– Но вот мы и пришли, – сказал имперский маг и толкнул дверь камеры. Оттуда несло гарью, кровью и человеческими испражнениями.

Зарина увидела Гёсу. Экен был привязан к чему-то вроде наклонного хирургического стола. Вся виртуозная работа Поджера на груди экена была грубо распорота. Крон удовлетворенно смотрел на стремительно бледнеющее лицо ведьмы. Зарина смотрела на вскрытые свежие шрамы, на белые осколки кости, вспоминая, как налегал на рыбу и прочие морепродукты абсолютно равнодушный к ним Гёса. Как под смешки ведьм в охотку умял коробку школьного мела. Как валялся на пляже, хотя терпеть не мог загорать. А сколько своей собственной Чи она вложила, чтобы эти кости срослись сказочно быстро!

Виноватое выражение в глазах экена стало последней каплей.

– Мы здесь свято чтим указы императора, хотя можем считать некоторые из них грустной ошибкой, – мерзко улыбаясь, сказал маг. – С вашей головы и волос не упадет. Но на всякую голытьбу, вроде экенских наемников, к счастью, мы еще можем найти управу.

Палач переложил в своем тазу какие-то неприятно звякнувшие инструменты. Рядом с ним, на заляпанном кровью столе, лежали вещи экена – меч и ивовая дудка.

– Приступай, – приказал Крон и закрыл дверь.

Наемник и ведьма обменялись такими хищными улыбками, что маг вздрогнул и наконец почувствовал неладное.

– Вы сделали очень большую ошибку, что привели меня сюда. Последнюю в своей жизни, – сказала Зарина.

Крон вскинул руки в привычном жесте, собираясь усмирить дерзкую ведьму. Именно этого Зарина и ждала. Вместо того, чтобы отшатнуться, ведьма вскинула руки навстречу магу. Сверкнул кинжал, молнией вылетая из рукава. Крон закричал, глядя на торчащую из ладони рукоять. Кровь узким ручейком бежала к запястью. Имперский маг лишился возможности призвать свою Чи. Палач изумленно хрюкнул и на миг отвлекся от Гёсы. Экен изловчился и схватил со столика флейту.

– Гёса, давай! – крикнула Зарина.

И Гёса дал. Он приложил флейту к губам и заиграл. Эту музыку Зарина узнала. Мелодия, от которой замок дракона начал рассыпаться, как карточный домик, была чуть мрачнее. Но ритмический рисунок музыки Шенвэля и Гёсы был один и тот же.

Затрещала поперечная потолочная балка, под которой неосторожно встал маг. Вырывая из потолка ребра жесткости, балка рухнула вниз, попав точно на вытянутые руки Крона и сбив мага с ног. Но это было только начало. Зарина и Гёса только взялись за Цепь Синергистов, только начали ее раскручивать. А намеревались они выжать из нее все, что можно. Зарина научила Гёсу призывать Чи в тех ситуациях, когда кровотечения было не избежать, и вся магическая энергия, которую экен успел накопить, была при нем.

Под ногами у Синергистов задрожал пол, с потолка посыпалась отсыревшая штукатурка, а за ней и кирпичи. В камере стремительно потемнело. Стены закручивались вокруг Синергистов в узкую спираль. Камера смертников превращалась в воронку смерти. А потом, как рассказывал палач, единственный, кого подняли из руин способным к связной речи и вторым из живых, «стены как крякнули, как загудели, и давай танцевать».

Стены наплясались быстро.

Зарина посмотрела вверх.

Вокруг, под крутым углом уходя вверх, возвышались стены. Они состояли из плотно прижатых друг к другу, изломанных и скрученных досок, кирпичей и камней, не так давно бывших стенами Имперской Канцелярии, сейфов, тел и секретных дел, оставшихся незаконченными навсегда. Снизу отдельные составляющие не были различимы, и ведьме казалось, что она находится на дне огромной помойки. По мнению Зарины, Имперская Канцелярия всегда именно этим и была. Ведьме стало немного жаль невинных узников, погибших вместе с палачами. Но, как говорят мандречены, лес рубят – щепки летят. Далеко–далеко над краем колодца, в который превратилась камера, синело небо с легкой перистой тучкой ровно по центру. Гроза унеслась к морю. Откуда-то пахло гарью. Но это был не тошнотворный запах старой копоти, а свежее, неумолимое дыхание открытого пламени. Огонь занялся от факелов, масляных ламп, свечей и пыточных жаровен. Справа от ведьмы на толстой папке с грифом «сов.секретно» стояла целехонькая герань в горшке. Прямо перед Зариной причудливым осьминогом раскинулась ржавая цепь. За цепью в груде штукатурки обнаружился палач, прикрывавший голову руками, а чуть подальше лежал на сорвавшемся с креплений столе Гёса, удивительно напоминая младенца в детской ванночке.

– Ты делал Музыку? – спросила ведьма. – Как?

Экен пожал плечами.

– Помнишь, в замке дракона, я вместе с Лайто танцевал? – сказал он. – Я тогда стал Музыкантом. А Лайто сказал мне, где найти учителя Музыки. Я, правда, всего три урока успел взять…

Зарина смотрела на флейту. Ни палачу, ни Крону не пришло в голову, что самое страшное оружие экена – вот эта потрескавшаяся ивовая дудка.

– Но почему ты мне не сказал?

Экен усмехнулся:

– Ну… вдруг тебе не понравилось бы.

Зарина улыбнулась. Нос ее заострился.

– Мне очень нравится, – сказала ведьма.

– Я буду играть тебе каждый вечер, перед сном, – оскалившись, словно волк, ответил Гёса.

Экен глазами указал на палача. Зарина подняла руку, целясь в дрожащий зад.

– Может, я сам? – спросил экен.

Ведьма пожала плечами и пережгла веревки на Гёсе пучками Чи.

– Я ведь за вас еще и не принимался по-настоящему, только так… подготовил, – запричитал палач. – Лишней капли крови не пролил… Мы люди подневольные… Пощадите, у меня дети малые…

Гёса скривился, вспомнив, как недавно говорил Шенвэлю то же самое. Зарина же изменила свое решение, услышав о детях.

– Ладно, пусть живет, – пробормотал экен.

– Запомни тех, кто на самом деле заботится о твоих детях, – добавила ведьма. Палач истово закивал.

– Благодетельница, – забормотал он. – Всю жизнь буду за вас богов молить…

– Подойди к нему и положи руку на грудь, – сквозь зубы сказала Зарина палачу. Тот поспешно повиновался.

– То, что руки эти сделали, все что взяли, пусть вернется к хозяину своему, все до последней кровиночки, станет все одно! – нараспев произнес Гёса.

Палач страшно закричал. Грудь экена охватило синее свечение. Наемник закрыл глаза. Прием Чи требовал не меньших усилий, чем ее выброс. Зарина не любила смотреть, как работает это заклинание. Было что-то противоестественное в стремительно закрывающихся шрамах, в быстро срастающихся костях и втягивающейся обратно в жилы крови. Ведьма отвернулась и тут заметила руку мага, торчащую из щебенки. Камень в перстне сиял зеленью в косо падавших на дно воронки теплых солнечных лучах. Пальцы спазматически сгибались, их хозяин был еще жив. Переведя взгляд, Зарина увидела за рухнувшей балкой Крона. Но не сразу узнала имперского мага.

Лицо истинного мандречена куда-то исчезло. У мужчины, чьи руки раздавило балкой, были тонкие, мелкие черты лица и рыжие, с подпалинами, коротко остриженные волосы. Глаза его, широко распахнутые от боли, были желтыми, как мед, с узкими черными полосками вертикальных зрачков.

Ведьма ахнула. Она поняла, в чем дело. В обычное время Крон скрывал свое лицо под искусной оптической иллюзией, которая слетела при ранении – у мага не осталось сил поддерживать ее. Движения всех лицевых мышц Крона проступали через магическую маску, как сквозь мокрую салфетку. Но передать тонкие движения глаз и мимических мышц через такую иллюзию очень сложно – прежде всего потому, что движения глаз у оборотней не соответствуют человеческим. Этим и объяснялся слепой, неподвижный взгляд имперского мага.

– Ты – татцель! – закричала Зарина. – И ты, скотина, борешься за чистоту человеческой расы?!

Ведьма закусила губу и, топнув ногой, вонзила каблук прямо в средний палец. Крон хрипло закричал, а Зарина топтала и топтала его руку. Перед мысленным взором ведьмы стояло лицо Владислава, такое, каким она видела его в последний раз – искаженное страхом и болью, лицо старого и сломанного человека.

Гёса обнял ее за талию и заглянул через плечо. Зарина остановилась, тяжело дыша.

– А я вот не кричал, – сказал экен.

Обернувшись, ведьма торопливо поцеловала Гёсу.

– Я знаю, любимый, – сказала она.

Наемник критически оглядел результаты ее трудов.

– Ты так и до вечера не управишься, – сказал он.

Крон закричал еще до того, как нога экена в окованном железом башмаке опустилась на его руку. Но когда Гёса крепко наступил на нее и сделал шаркающее движение, словно давил таракана, маг неожиданно замолчал. В тишине отчетливо хрустнули кости.

– Куда теперь? – спросила Зарина.

Наемник молча посмотрел на северо-восток. Там, невидимые за развалинами, находились Драконьи Горы – южная граница Экны. Ведьма вызвала метлу. Достав из корзины плащ, она протянула его Гёсе.

– Ты вроде хотел на метле в облаках порассекать? – сказала ведьма бодро. – Так сейчас тебе предоставляется первый и последний шанс. Одевайся, в небе очень холодно.

Гёса был хорошим наездником, так что ее план имел большие шансы на успех. Экен закутался в плащ. Зарина плотно застегнула куртку. Гёса осторожно взобрался на сиденье.

Зарина устроилась у него на коленях. Наемник заботливо укрыл ее ноги плащом. Потоком встречного воздуха ткань должно было прижать к ногам ведьмы. Зарина нашла лямки, радуясь, что не обрезала их, расставила на всю длину и защелкнула фибулу. Гёса обнял ее за талию.

– Дышать будешь в полгруди, – сказала ведьма сурово.

– И здесь ты меня обошла, ну ты подумай! – хмыкнул экен. – У вас-то грудей две!

– Отставить разговоры, – сказала Зарина. – Я буду брать твою Чи, чтобы компенсировать лишний вес. Как только почувствуешь, что я взяла слишком много, скажи, не терпи, понял?

Гёса кивнул. Зарина обеими руками взялась за руль и тихонько стронула метлу с места, направив вперед и вверх. Подъем продлился несколько дольше, чем рассчитывала ведьма. Дым, вместо того, чтобы рассеиваться, становился все гуще. Под ногами у Зарины мелькнуло колесо от телеги в куче красной черепицы.

– О Баррах, – выдохнул Гёса.

Столица Мандры превратилась в огромный кратер с рваными краями. По его южному склону бурлила грязная вода – в воронку затянуло один из рукавов Нудая. В центре кратера полыхало пламя – от Имперской канцелярии занялись близлежащие кварталы. Ведьма вдруг подумала об Арутюне и его молодом помощнике Рустаме. Рустам не знал, что ему суждено навсегда остаться молодым. Но экен, воин Барраха, мечтал о скорейшем переселении в сады вечной весны, к обольстительным гуриям.

А вот мандречены, жившие в Куле, вряд ли ожидали встречи со своим богом смерти именно сегодня.

Зарина подняла метлу выше в небо, чтобы не задохнуться в дыму.

– Тебе не кажется, что ты немного переборщил, милый? – спросила ведьма.

– Ты говоришь, как мандреченка, – проворчал Гёса. – Да, я не знал, что так будет. Но если уж говорить, как мандречены, то первый блин всегда комом.

– Третья экенская компания была начата по гораздо меньшему поводу, – заметила Зарина. – А не заметить пресловутый «экенский след» в этом погроме может разве что слепой. Надо было прикончить палача, да и мага тоже…

– Они оба задохнутся в дыму, – пожал плечами экен. – А даже если кто-то из них останется жив… Насколько я знаю, в Мандре видят «экенский след» там где его и нет, когда хотят. А когда не хотят, то становятся не только слепыми, но и глухими. Что ты мне про третью экенскую компанию рассказываешь? А эпидемия Красной Смерти в Бьонгарде в позапрошлом году? Нового ее вида, который почему-то косил только живших там сидхов, а людьми пренебрегал? Что тогда сказали? Только то, что занес заразу-де уважаемый экенский купец Аслан ибн Мохаммед, и все!

Зарина задумчиво покачала головой.

Уважаемый купец Аслан ибн Мохаммед был больше известен в Экне как Аслан Одноглазый. Его дружина, а попросту – банда была изгнана из родной страны за неумеренное буйство и грабежи. Погибший Валет был из людей Аслана. Он рассказал ведьмам в подробностях, что это за Красная Смерть посетила Бьонгард.

Дружину Аслана объявили тогда вне закона и в М'Калии, последнем кантоне Экны, в котором бандиты могли найти пристанище. Спасаясь от преследования дружины князя Джабраила, Аслан и его люди спешно бежали из Экны через Ущелье Шайтана. Оно вполне оправдывало свое название – до цветущих долин Фейре добралось не больше половины банды. Экены обошли Мир Минас по широкой дуге. Попасть на глаза сидхам означало угодить из огня да в полымя. Комендант крепости давно мечтал украсить Мост Радуги их головами. Затем экены раздобыли в ближайшей деревне несколько лодок и начали спускаться вниз по Гламранту. Аслан хотел добраться до того места, где на берег выходила заброшенная эльфийская тропа, и скрыться под сводами Лихого Леса. В древнем лесу кишели такие твари, с которыми даже темные эльфы избегали встречаться ночью. Но люди Аслана рассудили, что отвратительнее и кровожадней, чем судья Военного трибунала

Мандры, зверя нет. А таких чудовищ в Лихом Лесу точно не водилось.

Однако утомленные экены проспали, и река принесла их прямиком в Трандуиловы Чертоги. В старинной крепости, построенной королем серых эльфов Лихого Леса, теперь постоянно дежурил гарнизон из отборных воинских частей Мандры. Валет, проснувшись под вырубленными в скале ажурными сводами города, решил, что его песенка спета. Как, впрочем, и его остальные товарищи. Однако он ошибся. Экен не тронули, ну, разве что слегка помяли, когда вели в подземные казематы. Первым забрали Аслана. А потом экен освободили, вернули лодки и дали попутчика, который все время прятал лицо под капюшоном. Но, несмотря на то, что мужчина не носил оружия, Аслан относился к нему очень почтительно. Из чего Валет заключил, что с ними пошел какой-то маг. Экены вернулись вверх по течению, нашли тропу и двинулись по ней. Но вместо того, чтобы после первых десяти верст свернуть в глухую чащу, Аслан довел свою банду до самой северной стены Бьонгарда. Попутчик ушел в город сразу, а экены дождались наступления ночи. Ворота, которые вели в ту часть города, где компактно проживали оставшиеся в Бьонграде сидхи, оказались открыты. И люди Аслана с наслаждением занялись тем, что любили и умели больше всего – резней и грабежами. Сидхи, безоружные, разбуженные среди ночи, сопротивлялись недолго. В Бьонгарде тоже был свой гарнизон, но остановить погром армия не пыталась. Утром, ничуть не таясь, экены по Старому Тракту двинулись на север. Аслан, ко всему, сумел как-то раздобыть помилование, подписанное князем Баррии. Экены возвращались домой, нагруженные тюками с добычей, с которых все еще капала кровь.

– Мы подкинули хорошую охапку хвороста в этот костер, – подвел итог размышлениям ведьмы Гёса. – Но в Мандре могут не захотеть дуть на угли.

– Какая же это охапка хвороста? Это лесной пожар, – пробормотала экенка. – Хотя, пожалуй, ты прав. Как теперь на жизнь зарабатывать? Войну, может, и не объявят, но в имперский розыск нас с тобой подадут точно…

Гёса поцеловал Зарину в теплую шею. Ведьма недовольно завертела головой.

– Перестань подлизываться, – сказала она. – Как мы жить-то будем?

– Ты, я помню, вроде из М’Калии?

– Да. Из Усть – Картана.

– Ну, вернемся в твой родной аул. Я наймусь в дружину к Джабраилу – как ты думаешь, сколько он предложит второму в мире Музыканту? А тебя на дворцовую кухню потом пристрою…

– Всю жизнь мечтала, – сказала Зарина мрачно.

Но Гёсу это ничуть не смутило.

– Выпутаемся как-нибудь, не впервой. В конце концов, как ты говоришь, пойдем «на выверт».

Ведьма засмеялась.

VI

Потайной ход бесшумно открылся, впуская Шенвэля. Эльф удивился, увидев Лакгаэра. Глава Нодокора сидел за столом и, похоже, что-то писал. Обычно Лакгаэр работал по ночам, но, в конце концов, это был его личный кабинет и он мог работать здесь, когда хотел.

– Привет, Лакгаэр, – сказал Шенвэль, открывая створку из черного стекла. Вынув из ниши початую бутылку миасского, эльф зубами вытащил пробку, выплюнул ее на пол и сделал большой глоток. А потом еще один.

– Ты представляешь, Лакгаэр? Берусь за его мертвую силу своей, – морщась, сказал Шенвэль. – Цин Эрустима прячется за Чи Воды жезла. Берусь за Чи Воды Эрустима – эта проклятая палка экраном из Огня закрывается! Ладно, думаю, замкнул свою Цин и Чи одновременно. Мозги чуть себе не сжег. А Эрустим как ударит меня всеми своими чарами зараз! Я думал, там и помру. Вот Змей Горыныч разочаровался бы…

Эльф заглянул в бутылку, но там уже ничего не осталось. Шенвэль знал, что корзина

для мусора стоит с другой стороны стола, и направился к ней. Эльф нагнулся, чтобы бросить бутылку в корзину и увидел на полу меч Лакгаэра. Рядом с лежала серенькая брошь с тремя прозрачными камешками. Шенвэль узнал брошь Светланы. Он положил бутылку и выпрямился. Эльф обернулся и увидел, что Лакгаэр спит. Рука старого эльфа лежала на стопке листов, над которыми дрожало едва заметное голубое сияние. Кто-то установил на документах «ловушку сна».

Шенвэль вздрогнул.

Боевых ведьм этому не учили.

Шенвэль ликвидировал ловушку легким движением бровей и выжидательно посмотрел на старого эльфа. Лакгаэр закряхтел, всхлипнул и открыл глаза.

– Где ты был? – воскликнул хозяин дома. Лакгаэр втянул воздух носом и подозрительно посмотрел на Шенвэля. – Пока ты напивался, как мандречен на похоронах тещи, здесь…

– Я весь день над Эрустимом провозился, – хмуро сказал Верховный маг Фейре. Лакгаэр покосился на его заплечный мешок. – Думал, хоть мертвую силу вытащу из него. Карина ведь не сможет сделать этого, когда меня не станет. Я всю свою Чи потратил, мне было нужно восполнить потерю жидкости, а воды ты в кабинете не держишь…

– Они прочли записи и теперь все знают! – воскликнул старый эльф. – Это все Ваниэль, она…

– Ты записал и то, что я говорил о мандреченках? – очень ровным голосом спросил Шенвэль.

Старый эльф всплеснул руками.

– О Илуватар, да! – выдохнул он.

Шенвэль подошел к стеллажу и наступил на темный треугольник паркета, внешне ничем не отличавшийся от остальных. Стеллаж со свитками отъехал в сторону, открывая самый короткий путь в покои любовников. Верховный маг стал спускаться по винтовой лестнице, Лакгаэр последовал за ним. Когда они были уже на лесенке, ведущей в розарий, земля глухо дрогнула у них под ногами. Удар был такой силы, что эльфов сбило с ног. Зазвенела падающая посуда, на улице закричал ребенок.

– Что это?

– Опять подводное землетрясение, – пробормотал Лакгаэр, лежа под Шенвэлем. – Не пойму, как Марфор проморгал…

Шенвэль поднялся и протянул руку старому эльфу. Лакгаэр встал на ноги. Пока старый эльф отряхивался, Верховный маг вдруг резко повернулся. С того места, где они стояли, Крука не загораживала вида на море. Шенвэль смотрел туда, где в туманной дымке, на расстоянии, недоступном даже взгляду эльфа, находилась Кула.

– Марфор ни в чем не виноват, – сказал Шенвэль. – Подземный толчок был в столице.

Лакгаэр взглянул в сторону Кулы, потом снова перевел взгляд на Шенвэля.

– Прости меня, но ты ошибаешься, – сказал он. – В Куле не может быть землетрясения. Столица расположена на…

– Это не естественный толчок, – сказал Шенвэль сухо.

Лакгаэр прикинул силу удара, и ему стало зябко несмотря на жару. Глаза Верховного мага сузились.

– Карина, – сказал он вдруг. – Карина улетела к Искандеру, а Крон…

Шенвэль сорвался с места. Он не мог бежать, но левитировал с такой скоростью, что старый эльф едва успевал за ним бегом. Шенвэль пинком распахнул дверь в покои. Там никого не было. Лакгаэр вошел вслед за Верховным магом. Старый эльф тактично отвернулся, чтобы не смотреть на смятую постель. Лакгаэр увидел лист из своих записей, лежавший на столе. На бумаге был мокрый круг от стакана и жирное пятно. Рядом стояла тарелка, на которой лежал недогрызенный соленый огурец. Часы на стене показывали половину пятого, и Лакгаэр подумал о том, что члены Нолдокора уже ждут его.

Шенвэль вдруг метнулся к кровати. Увидев синюю форменную куртку, Лакгаэр с

облегчением подумал, что ведьма не успела убежать. Но это оказалась Ваниэль. Эльфка попыталась вырваться, но Шенвэль сжал ее и грубо тряхнул. Ваниэль коротко замахнулась, блеснула сталь. Эльфка ударила Шенвэля в лицо. Брызнула кровь. Шенвэль ослабил хватку, скорее от неожиданности, чем от боли. Ваниэль проскользнула под его рукой и побежала к выходу на террасу, но там ее перехватил Лакгаэр.

– Вам придется остаться, принцесса, – сказал старый эльф. Он увидел, что в руке у Ваниэль был не кинжал, как он сначала подумал, а изящная серебряная сережка. Ваниэль ударила Шенвэля ее острым концом. Вторая такая же висела в ухе эльфки. Старый эльф догадался, что именно потерянную сережку эльфка и искала под кроватью, а вовсе не пряталась от них. Лакгаэр сообразил, что здесь произошло, и смутился. Но хватки не ослабил.

Шенвэль повернулся. По его щеке стекала кровь. Глаза у эльфа были мертвые.

– Где Карина? – спросил Шенвэль бесцветным голосом. – Что ты с ней сделала?

– Чем мы с ней занимались, ты уже знаешь, – сказала Ваниэль бесстрашно.

Шенвэль жутко улыбнулся.

– Я никогда не сомневался, что ты лучше меня в этом деле, – сказал он. – Где Карина?

– Этого я тебе не скажу, – ответила эльфка.

Шенвэль посмотрел ей в глаза. У Лакгаэра заболела голова. Боль все нарастала и билась в висках. Ощущение было такое, словно мозг вскипает и разбухает, пытаясь вырваться из тесного черепа. Что сейчас чувствовала Ваниэль, находившаяся в фокусе ментальной атаки, легко можно было себе представить. Эльфка могла попытаться спасти себя, попробовать отвести взгляд. Но не отводила.

Лакгаэр увидел себя в зале заседаний. Аласситрон, как всегда точный и собранный, опаленный солнцем юга, под которым темнеет даже всегда светлая кожа эльфов, шел к нему. «Что нового?», улыбаясь, спросил купец. «Да вот, жену твою убили сегодня», ответил глава Нолдокора.

Лакгаэр отпустил Ваниэль, встал между ней и эльфом.

– Если тебе надо кого-то убить, пусть это буду я, – сказал старый эльф.

Шенвэль несколько секунд смотрел на него, затем развернулся и вышел на террасу. Он почувствовал, что через телепорт кто-то прошел, и теперь понял, что это была Карина.

– Ты отправила ее к Искандеру, – не оборачиваясь, сказал Шенвэль эльфке. – На верную смерть. Но ты этого не знала. Ты думала, что спасаешь ее от меня. Я этого не забуду.

Он встал по центру гексаэдра и раскинул руки. Черные зигзаги, брызнув с его пальцев, соединили три статуи и пустующий пьедестал. Послышалось равномерное гудение. Шенвэль наклонил голову. Ваниэль и Лакгаэр чувствовали, как растет в воздухе напряжение. Они оба понимали, что делает Верховный маг. Шенвэль вытаскивал обратно того, кто прошел через телепорт. «Он с ума сошел», думал Лакгаэр. – «Если Карина убита, то теперь он не вытащит ее… Хотя….».

Шенвэль резко взмахнул руками и отступил назад. Черные зигзаги опали.

В центре гексаэдра стояла женщина в форме боевых ведьм. Но эта была не Карина. Лакгаэр увидел рыжие волосы и узнал Светлану. Ваниэль же смотрела на черные подпалины на куртке ведьмы, на ее разорванный рукав и пятна сажи на лице. С меча в руке Светланы капала кровь. Сердце эльфки сжалось. «Что же происходит в Куле?», подумала Ваниэль.

Возвращение через поисковый телепорт даже мазохист не назвал бы приятной процедурой. Но ведьма не растерялась ни на миг. Она шагнула вперед, замахиваясь. Меч ударился о магический кокон Шенвэля. Верховного мага на миг окутало черно-синее свечение. Меч вырвало из руки ведьмы, и он отлетел в сторону, коротко звякнув на плитках.

– Где Карина? – спросил Шенвэль.

Рыжая ведьма посмотрела на эльфа с ненавистью.

– Я не знаю, – произнесла целительница. – Ее вон спроси!

Светлана кивнула на эльфку. Шенвэль посмотрел на Ваниэль, затем снова перевел взгляд на ведьму и медленно поднял руки. Ваниэль выбежала на террасу и встала между

эльфом и ведьмой. Как только что Лакгаэр стоял между ней и Шенвэлем.

– Даже думать забудь, – сказала Ваниэль.

В лице Шенвэля что-то сломалось. Он прикрыл глаза веками.

– А если Карина умрет или с ней что-нибудь еще случится, – добавила Светлана. – Знай, сидх, мы тебя достанем из-под земли. Магов седьмого класса среди нас нет. Но нас десять человек, и каждый из нас будет мстить тебе до последнего вздоха. Понял?

Шенвэль обошел их, держась за бордюр, словно слепой, и медленно стал спускаться к воде. Ваниэль повернулась лицом к Светлане.

– Это гораздо больше того, чем я могла ожидать от эльфки, – сказала Светлана. – Благодарю тебя.

– Не за что, – сказала Ваниэль.

– Где Карина? – спросила Светлана.

Ваниэль некрасиво улыбнулась.

– Этого я никому не скажу, – ответила эльфка.

Целительница задумчиво посмотрела на Ваниэль. Ведьма явно колебалась.

– Мы улетаем в Келенборност, – тихо сказала Светлана. – Там у нас следующий заказ. А из Келенборноста выдвинемся прямо в Лихой Лес.

– Если я увижу Карину, я ей обязательно все передам, – ответила Ваниэль.

В этот момент раздался громкий треск. После того, как водяным столбом с Круки сорвало почву, он стал напоминать каменного волка, задравшего черную морду к небу. Сходство усиливалось алыми полосами гранита, словно гигантский волк высунул язык.

А сейчас волк распахивал свою огромную пасть. Крука, разваливаясь на глазах, начала оседать в воду – Шенвэль решил выплеснуть свой гнев и отчаяние на остров.

– Остановись! – закричал Лакгаэр. – Не делай этого!

Старый эльф знал о трещине, расколовшей Круку. Шенвэлю пришлось бы приложить не так уж много сил, чтобы разрушить остров окончательно. Волна с шипением выплеснулась на берег. Красный свет полоснул ведьму и эльфов по глазам. Лакгаэр поспешно закрылся рукой. Ваниэль ахнула. Она успела заметить башню, открывшуюся в глубинах Круки.

Свечение исчезло. Светлана отняла руку от лица.

– О Ёрмунганд, – сказала ведьма.

Крука значительно уменьшился в размерах, превратившись в одинокую скалу. На ней возвышалась свинцово-серая башня с острой красной крышей, которая и казалась языком волка, когда остров еще был цел. Стену башни, обращенной к эльфам, занимала огромная красная руна. По форме знак напоминал колесо, пылающее огнем.

Лакгаэр тяжело вздохнул. Старый эльф думал о том, что люди потребуют доступа в храм. Что в башне могут обнаружиться такие чары, которые при случайной активации сотрут Рабин с лица земли. Лакгаэр впервые почувствовал, что уже слишком стар для поста главы Нолдокора.

Эльфка тихо засмеялась.

– Знаешь, какое прозвище было у Шенвэля в детстве? – сказала Ваниэль. – «Тридцать три несчастья»…

– Что за башня? – спросила Светлана. – Что там написано?

– В старых летописях говорится, – сказал Лакгаэр. – Что до нашего прихода на острове находился подземный храм Ящера. Поэтому эльфы никогда и не селились на Круке. Я проводил там раскопки, но ничего не нашел и решил, что храм либо давно брошен и теперь хода туда нет, либо уничтожен. А руна эта очень старая. Сейчас ею не пользуются, я сам-то видел ее всего один раз. Знаю только, что называется она «Проглоченное солнце».

Светлана вздрогнула. Ведьма помнила, что Ваниэль – посланница Ящера. И руна на башне могла быть знаком бога своей посланнице. Название руны напомнило Светлане одну старую сказку.

И возможно, только ради того, чтобы рассказать эту сказку Ваниэль, ведьма и родилась

на свет.

– Этот остров был похож на волка, – сказала Светлана, пристально глядя на эльфку. – А руна – солнце, проглоченное им… У моего народа есть предание о волке, проглотившем солнце.

– Я помню, ты говорила, – кивнула Ваниэль.

– И у мандречен существует похожая сказка, – продолжала Светлана. – Я не знаю, есть ли у мандречен такая поговорка, но у нас выражение «когда волк отрыгнет солнце» означает раскрытие тайн, обнаружение того, что пытались спрятать.

– Как говорят у нас, алый уголек не спрячешь в соломе, – сказала эльфка задумчиво.

– Кстати, о несчастьях, – перебил женщин Лакгаэр. – Что случилось в Куле? Мятеж?

– Почти, – ответила Светлана. – Двоих из нашего звена забрали в Имперскую Канцелярию, а через час после этого город… ну… я даже не знаю, как сказать…. Кулы больше нет.

Старый эльф скорбно покачал головой.

– А что есть? – спросила Ваниэль.

– Есть дырка в земле, на одном краю которой догорает порт, а на другом – разрубленный пополам императорский дворец, – сказала целительница.

– Светлана, – сказал Шенвэль. Ведьма обернулась. Эльф стоял на противоположном краю террасы. Они не услышали, как Шенвэль поднялся по тропинке, но эльф, видимо, слышал большую часть их разговора. Ведьма попятилась к усаженному розами бордюру, поднимая меч.

– В Имперскую Канцелярию забрали Гёсу и Зарину? – спросил Верховный маг.

Меч в ее руке задрожал, и ведьма уперлась им в плитки террасы.

– Да, – сказала Светлана. – Как ты догадался?

Лицо эльфа исказила боль.

– Капище Всех Богов тоже уничтожено? – спросил Шенвэль.

Капище Всех Богов находилось не в самой Куле, а на острове в дельте Нудая. Отношения правителей и жрецов в разное время складывались по-разному, и капище закрывал толстый магический купол. Волхвы могли даже не заметить, что в городе что-то случилось.

– Нет, – сказала Светлана. – Волхвы в городе, борются с пламенем, как и все.

– И жрецы Ящера тоже?

– Нет, – сказала Светлана. – Они обычно приходят потом. Сейчас служители Ящера ничем не могут помочь.

– Сейчас вам могут помочь только они, – сказал Шенвэль. – Возвращайся прямо в Капище Всех Богов. Найди любого жреца Ящера и скажи, что в Куле только что убит Музыкант. Дверь будет раскрываться все шире, если они не вмешаются.

Лицо Светланы изменилось. Ведьма всунула меч в ножны, вызвала метлу и шагнула в центр гексаэдра. Оседлав метлу и пристегнувшись, ведьма вскинула руки. Ваниэль зажмурилась, когда Светлана исчезла в яркой вспышке.

Шенвэль повернулся спиной к Лакгаэру и эльфке и стал спускаться обратно на пляж. Глава Нолдокора быстрым шагом направился к покоям любовников. Через них лежал самый короткий путь из дворца, а старый эльф уже так сильно опаздывал на заседание, что, скрепя сердце, пренебрег правилами хорошего тона. На входе в покои Лакгаэр остановился на миг и сказал, не глядя на эльфку:

– Аласситрон только что прибыл в Рабин.

Ваниэль вздохнула.

– Спасибо, – сказала она старому эльфу. – Не беспокойся, вернувшись домой, Аласситрон обнаружит праздничный ужин и веселую жену.

Лакгаэр скрылся. Ваниэль спустилась на пляж. Услышав шаги, Шенвэль наклонился вперед и закрыл лицо руками. Эльфка молча погладила его по голове.

– Не надо меня жалеть, – измененным голосом сказал он. – Я не заслужил твоей

жалости, как и твоей любви. Я приношу одни несчастья…

– А что же ты заслужил? – спросила Ваниэль.

– По крайней мере, немного одиночества перед смертью, чтобы проститься с этим миром, – ответил Шенвэль. – Уходи, пожалуйста. Я дал тебе наплакаться в одиночестве. А теперь я не хочу, чтобы ты запомнила меня таким. Да, и завтра, когда дракон улетит, сделай милость, не ходи смотреть на остатки его пиршества.

Сердце эльфки сжалось.

– Ты хотел остаться один? – спросила она. – И умереть? Тогда к чему весь этот спектакль?

Шенвэль отнял руки от лица и сказал мрачно:

– Я хотел жить с Кариной.

– Так если ты хочешь жить с Кариной, почему ты сидишь здесь и рыдаешь, как пьяный мандречен? Иди за ней.

– Куда? – сказал Шенвэль. – Куда мне идти? Вы же спрятали ее где-то от меня, будь проклята ваша женская солидарность!

Ваниэль некоторое время молчала, разглядывая огромную алую руну на башне. Как и Светлана, эльфка поняла, что этот знак подан лично ей, но сомневалась, правильно ли она истолковала его. «О боги», думала Ваниэль. – «Если бы я была уверена, что я должна открыть Шенвэлю правду! Если ты меня слышишь, Ящер, помоги мне. Яви себя!»

Шенвэль вздрогнул.

– Смотри, – сдавленным голосом сказал он, указывая в небо.

Каким-то образом руна, изображенная на башне, отразилась в облаках над морем. Огненное колесо пылало на сером фоне секунд тридцать, а потом исчезло.

– Карина летит в капище Третьего Лика, – сказала Ваниэль. – Но где это, я не знаю. И никто из эльфов не знает, я думаю.

Шенвэль недоверчиво посмотрел на эльфку.

– Именно капище Третьего Лика? – переспросил он.

Ваниэль кивнула.

– Лакгаэр знает, где оно находится, – сказал эльф.

– Лакгаэр ушел на заседание Нолдокора, – пробормотала Ваниэль.

– Ни одно заседание не длится вечно, – сказал Шенвэль. – Эта ночь, судя по всему, будет не только последней в моей жизни, но и самой бурной. Самое лучшее, что я сейчас могу сделать, это лечь и поспать. Набраться сил.

Он посмотрел на Ваниэль.

– Но я не могу, – сказал эльф. – Когда я погружаюсь в глубокий сон, моя Дверь открывается. Я знаю, что прошу слишком много, но я хотел бы, чтобы ты побыла со мной, Ваниэль. Посторожила мой сон и будила меня, едва покои начнут наполняться темным светом Подземного мира.

Ваниэль молча протянула ему руку. Шенвэль оперся на нее, поднялся на ноги, и эльфы пошли вверх по тропинке.

Везде, где живут люди, кто-нибудь сидит и смотрит на небо. От нечего делать, с тревогой или надеждой. Зарина знала об этом и шла на такой высоте, чтобы их двойной силуэт с земли казался не больше обычной птицы. Ведьма держалась блестящей ленты Нудая. Через три часа они миновали Шуму. Метла, несмотря на перегрузку, шла с хорошей скоростью. Вскоре леса Нудайдола сменила сочная зелень Гниловранской трясины. Внизу промелькнули широко разбросанные постройки – капище Ящера и воспитательный лагерь. Зарина задумалась об уютном местечке, где можно было бы передохнуть до заката. Использование сил Синергистов было дорогим удовольствием, за которое приходилось расплачиваться обоим. Обычно в таких случаях рекомендовалось обильное питье и отдых. Гёса и ведьма же покинули Кулу в чем были, у них не было с собой даже воды. Похожие размышления посетили экена. Гёса поднял руку, показывая чуть юго-западнее их пути, и

предложил:

– Может, передохнем? Вот там, на островке?

Учение Барраха запрещало создавать изображения бога. Мандречены же любили изготовлять идолов и ставить их где попало, и этот языческий обычай сыграл на руку правоверным. Огромная фигура сияла в лучах солнца расплавленным золотом. Именно это яркое пятно посреди безжизненной трясины привлекло внимание наемника. Скорее всего, где-нибудь рядом с идолом находился и храм, в котором вполне можно было соснуть часок-другой.

– Это ведь мандреченское капище, – сказала ведьма неуверенно. – Нас там не примут.

– Оно брошено – там огонь не горит, – возразил экен.

Зарина перестроилась, заходя на посадку и целясь прямо на светлое пятно перед идолом. Где-то аршин со ста стало ясно, что это жертвенник странной формы, приземлиться на который не рискнула бы даже самая опытная ведьма. Зарина чуть сменила угол наклона метлы. Прочертив черный след по площадке, метла остановилась. Теплый, как парное молоко, прогретый воздух у самой земли после пронизывающего холода высоты был особенно приятен. Окунувшись в него, ведьма сразу почувствовала, что не улетит отсюда, пока не выспится. И даже черепа, насаженные на колья забора вокруг капища, не могли изменить решения Зарины.

У северной стены капища обнаружилась небольшая контина. Храм был очень, очень старым. На крыше седой бородой нарос мох и пестрели какие-то цветочки. Глина, которой когда-то обмазали стены, потрескалась, и были видны могучие бревна. Здание то ли просело от старости, то ли изначально было очень невысоким – даже экену с эконкой пришлось наклониться, входя. У противоположной стены контины стоял идол из светлого металла. Ведьма остановилась, рассматривая статую. Это оказалась женщина с коровьими рогами на непропорционально большой голове. В левой руке богиня держала пиршественный кубок. Глаза идола, сделанные из лунного камня, тихонько мерцали во мраке. На шее висело ожерелье, сплетенное в две нитки. Черные иглы верхнего ряда были оправлены в светлый и темный металл, на второй нити висели необработанные камни. На стене за статуей тремя светлыми пятнами белели ритуальные маски. Зарина подошла поближе. Маска, прикрепленная к стене справа от идола, изображала гримасу плача. Гипсовое лицо слева от богини уродовала боль, а маска над головой идола улыбалась пустой трещиной рта.

– Мне кажется, не стоит нам здесь оставаться, – совсем оробев, сказала Зарина.

– Да перестань, – улыбнулся зубами Гёса. – Правоверным не страшны ложные боги.

Пока ведьма разглядывала идола, экен прошелся по контине и у левой стены обнаружил нары. Гёса постелил на них плащ Зарины и поманил ведьму к себе. Зарина подошла к своему Синергисту, мысленно умоляя неизвестную богиню не гневаться на них. «Нам некуда больше идти», думала ведьма. – «Нам так нужен отдых. Прости нас, если мы нарушили какие-то правила. Мы немного побудем здесь и совсем не обеспокоим тебя, о великая».

Зарина легла рядом с Гёсой. Они обнялись и мгновенно заснули.

Ветер свистел в ушах Карины. Назад уносились изломанные кряжи и ошеломленные птицы. На то, чтобы пролететь вдоль всех Черных гор, ведьме потребовалось всего четыре часа, своеобразный рекорд. Карина должна была добраться в капище до заката, а еще надо было успеть в Пламенную, прихватить все необходимое для жертвоприношения.

Ей не удалось попасть в Кулу. Сначала телепортация шла как обычно, но в какой-то момент Карина ощутила себя так, словно кто-то затягивает на ее горле тонкую петлю. Ведьма решила, что эльфка все-таки солгала им и заманила в какую-то ловушку. Карина пыталась призвать свою Чи, вырваться из магического пространства, в котором перемещались объекты при телепортации, и ей это удалось. Ведьма сильно ударилась коленом обо что-то твердое и ощутила аромат роз. Телепорт выбросил Карину обратно на террасу Лакгаэра.

– Говорила я ведь, – сказала Ваниэль, протягивая руку ведьме. – Что мы еще встретимся.

Карина вскочила, схватила эльфку за руку и крутанула так, что спина Ваниэль оказалась прижатой к груди ведьмы. Эльфка даже не могла толком вдохнуть в кольце рук Карины. Ваниэль скосила глаза на кинжал, который ведьма прижала к ее горлу.

– Это мы с тобой уже проходили, – сказала эльфка спокойно. – Убери.

– Где Светлана? – задыхаясь от гнева, спросила Карина. – Что ты с ней сделала?

– Твоя подруга в Куле, в том месте, которое представила, – сказала Ваниэль терпеливо. Карина на миг ослабила хватку. Эльфка ударила ее локтем в солнечное сплетение. Ведьма ойкнула и согнулась пополам, а Ваниэль выскользнула из ее рук и проворно отбежала шага на три.

– Чем докажешь? – спросила Карина, пытаясь восстановить дыхание.

Эльфка пожала плечами.

– Тебе придется положиться на мое слово.

– А почему я снова здесь? – спросила ведьма.

– Эрустим держит тебя на длинной привязи. Но и эта веревка конечна, – сказала Ваниэль.

Губы Карины дрогнули.

– Значит, я… – прошептала ведьма. – Я не смогу уйти от Шенвэля, даже если захочу?

– Сможешь, почему же, – сказала Ваниэль. – Но не слишком далеко. Так далеко, чтобы он потерял над тобой власть, так далеко, чтобы он не смог тебя найти, тебе не убежать.

Карина провела рукой по лицу.

– Пойдем, выпьем, – сказала она.

Ведьма и эльфка вошли в покои. Ваниэль снова устроилась в кресле. Карина позвонила в колокольчик.

– Ты знала, что я хочу прыгнуть дальше длины моей веревки, – медленно произнесла Карина. – Откуда?

– После того, как Балеорн поднял Бьонгард из руин, они всей семьей уехали в Фейре. Но Разрушительница Пчела появилась в Бьонгарде еще один раз. После того, как ударила Эрустимом своего мужа, – ответила Ваниэль. – Все думали, что Пчела уже давно перебросила себя через всю Мандру. Куда-нибудь сюда, в Черные горы, чтобы Балеорн ее не достал. Но Пчела путешествовала пешком. Она пришла к моей матери, которая была одной из самых могущественных волшебниц Лихого Леса. Пчела попросила составить самый сильный обезболивающий декокт, какой только могла моя мать. На вопрос зачем, Пчела ответила: «Телепорты выплевывают меня, но идти я могу. Однако чем дальше, тем сильнее ошейник сжимает мое горло. Я не хочу чувствовать этого. Тогда я смогу идти».

Карина невольно потерла шею. Ведьма знала, что Разрушительница Пчела оставила Эрустим мужу. Жезл тянул Пчелу к Балеорну так же, как Карину у Шенвэлю.

– А от Бьонгарда до Ливрасста меньше, чем отсюда до Кулы, – закончила Ваниэль.

В дверях появился слуга.

– Бутылку водки, – сказала Карина. – И огурчиков там, картошечки, селедки.

– Но… – пробормотал слуга.

– Испепелю, – проникновенно сказала Карина.

Положение эльфа в обществе зависело от силы дара. Ведьма видела по ауре эльфа, что он вообще лишен способности управлять Чи.

Слуга побледнел, поклонился и поспешно вышел.

– Может, не стоит? – спросила Ваниэль. – Может, мы лучше пока подумаем, как…

Карина махнула рукой, села на кровать.

– Шенвэль тут как-то распинался о том, что с помощью водки наши правители превращают нас в безмозглых рабов, – сказала ведьма угрюмо. – Ты права, Эрустим он мне не отдаст, пока жив, а убить его я не смогу. Так что мне суждено провести жизнь в рабстве. Это, в общем, не самый плохой вариант, Шенвэль меня не бьет, по крайней мере. Но

удлинять срок своего рабства я не намерена. Наоборот, я сделаю все, чтобы его сократить.

Ваниэль только покачала головой. Слуга прикатил столик с закусками и прозрачным, запотевшим от холода графином. Эльф быстро сервировал стол и удалился. Ваниэль только моргнула, увидев, что ведьма разливает водку в стаканы из-под сока. Эльфка заподозрила, что маленькие изящные стопочки Карина видит впервые и просто не знает их назначения.

– За все дары судьбы, – сказала Карина, поднимая свой стакан. – За горькие и сладкие. Я потеряла свободу, но приобрела изумительную подругу.

Ваниэль улыбнулась. Они чокнулись. Как и ведьма, эльфка выпила залпом.

– Я не буду возражать, если ты захочешь жить с нами, – сказала Карина, закусывая. – Раньше в Мандре так и было, мужчина содержал столько жен, сколько мог прокормить. В конце концов, я для Шенвэля только воплощение интересов его нации, а ты…

– Я тоже согласна, – грустно улыбнулась Ваниэль и подцепила селедку вилкой. – Мне кажется, что возражать будет как раз он. Ты ошибаешься насчет его чувств к тебе.

Ваниэль отправила селедку в рот, затем вытащила из кармана куртки смятый листок и протянула Карине. Ведьма узнала черновик со стола Лакгаэра.

– Владение мертвой силой – искусственно… – прочла Карина вслух.

– Не здесь, – сказала Ваниэль сердито. – На обороте.

Ведьма задумчиво пробежала глазами по строчкам и перевернула листок.

– Это ничего не меняет, – прочитав, сказала Карина и налила по второй. Ваниэль подняла свой стакан и сказала:

– Я верю, что ты сможешь освободиться. Вот за это давай и выпьем.

Ведьма вздохнула, взялась за свой стакан. Эльфка сделала большой глоток, сморщилась.

– А что это за Осколок Льда, о котором говорила Света? – спросила Ваниэль.

– Моя наставница, Кертель, когда мне исполнилось шестнадцать лет, привела меня в капище Ящера, прокляла меня и умерла, – сказала Карина, с хрустом откусив половину огурца. – То есть я вообще никого не могла любить, мужчины мне становились противны после … ну, сама понимаешь, но эльфов я, прости за такие подробности, просто убивала. Того, кого я сама не прикончила бы, должен был убить артефакт, выйдя из моей груди. А Шенвэль вытащил его… сволочь…

Ваниэль сочувственно вздохнула, провела рукой по груди ведьмы. Карина поставила рюмку и наклонилась к губам эльфки. Что было потом, ведьма помнила плохо, но предполагала, что то же, что и обычно. Проснулась она оттого, что Ваниэль трясла ее.

– А… – пробормотала Карина, уворачиваясь от ее рук. – Что такое…

– Да проснись же! – воскликнула эльфка. – Я знаю, куда тебе нужно идти за помощью!

Ведьма открыла глаза.

– Лети в капище, где умерла твоя наставница! – сказала Ваниэль.

– Зачем? – удивилась Карина.

– Да потому что! – энергично воскликнула эльфка. – Вызови ее духа, и пусть она проклянет тебя снова! Кертель знала, кто ты такая, знала об Эрустиме и его власти над тобой. Твоя наставница хотела убить эльфа, которого ты полюбишь. И если даже вдруг ее чары окажутся бессильны, если вдруг кто-то опутает тебя более сильными чарами, и ты не исполнишь того, что требует твое проклятие – тот, кто наложил их, должен был погибнуть от артефакта! Если бы все произошло так, как задумала Кертель, ты оказалась бы свободна и с жезлом в руках!

– А ведь и правда, – сказала Карина задумчиво.

– Даже если мы ошибаемся, ты ничего не теряешь. Не поможет наставница – вызовешь, в конце концов, своего бога, и спросишь у него что, делать. А Шенвэль не сунется в капище Ящера.

– Это очень далеко, – сказала ведьма. – Телепорт выплюнет меня снова. Придется лететь на метле. Надо спешить, в капище Третьего Лика надо попасть до заката. Слушай, а что входило в декокт, который твоя мать сделала Пчеле?

– Зверобой, мята, болиголов, – сказала Ваниэль. – Опиаты, я думаю, произведут тот же эффект. И, хочу заметить – если бы мы так не напились, ты была бы уже на полпути к капищу!

– Мне это не поможет, – вздохнула Карина. – Во-первых, этих трав у меня с собой нет. Да и человек под воздействием таких сильных… хмм… обезболивающих отправляется в свой собственный полет и метлу вести уже не может.

– Ты можешь, конечно, попытаться телепортироваться еще раз. Но Пчела дошла до Бьонгарда без всяких декоктов. Ты боевая ведьма, тебя должны были научить терпеть боль. Да и я тебе в любом случае посоветовала бы лететь на метле, – сказала Ваниэль. – Шенвэль может вытащить обратно любого, кто прошел через телепорт.

– Но Шенвэль заметит, что я уже проходила телепорт, – сказала ведьма. – Получается, он выдернет Светлану?

– Да, – сказала Ваниэль невозмутимо.

– Ты не предупредила ее об этом, – сказала Карина.

Эльфка пожала плечами. Ведьма села, вызвала метлу, открыла корзину и достала оттуда ларчик с заколками.

– Подержи, будь другом, – сказала Карина. Ваниэль взяла несколько шпилек.

Ведьма стала заплетать косу.

– Ответь мне на один вопрос, – сказала Карина, пристально глядя на Ваниэль. – Ты помогаешь мне потому, что если я уйду, Шенвэль вернется к тебе?

– Не только, – сказала эльфка, подавая ведьме шпильку.

– А почему? – спросила Карина. – Это важно для меня.

Ваниэль вздохнула.

– Моей матери пришлось обречь моего отца на смерть, – сказала эльфка. – Так сложились обстоятельства. Но она очень любила его, и ей очень хотелось, чтобы у нее остался плод этой любви.

– Я могу ее понять, – сказала Карина, ловко подбирая пряди. – Подай мне вот синюю ленточку…

Ваниэль взяла ленту из шкатулки.

– И отец знал об этом ее желании и, хмм, делал все от него зависящее, – продолжала эльфка, протягивая ведьме ленточку. – Но когда они расставались, мать еще не знала, беременна или нет. Вскоре отец пришел в ее сон. Он сказал матери, что жрецы Ящера перед казнью спрашивают, осталось ли у осужденного на земле какое-нибудь незаконченное дело. Отец сказал, что очень хотел иметь ребенка, и ему жаль, что он так никогда и не узнает, удалось ли это ему. Жрецы сообщили отцу, что это достойное желание и Ящер может выполнить его, но с условием. Ребенок будет посланником Ящера в нашем мире. Отец спросил с осторожностью, что это значит. Он не хотел бы, чтобы его ребенок владел мертвой силой или стал жрецом Ящера. Этого и не потребуется, сказали жрецы. Твой ребенок будет жить в свое удовольствие, но однажды ему придется выполнить одно небольшое поручение. Отец согласился, но пришел к матери спросить, согласна ли она.

– И твоя мать согласилась, – прошептала ведьма.

Эльфка кивнула.

– В тот день, когда я родилась, на стене спальни родителей появился рисунок. Змей, свернувшийся в кольцо. Рисунок очень пугал мою мать, и она хотела переехать вместе со мной в другие покои. Но тогда отец снова пришел к ней во сне и сказал, что я должна с детства запомнить этот знак. Я должна была, когда встречу человека с таким знаком, помочь ему. Сделать для него все, что смогу. Какие бы чувства он во мне не вызвал. Потому что кроме меня, помочь этому человеку будет некому. Отец так же сказал, что Ящер выбрал для меня имя, «Ваниэль» – обещанная. Потом, когда я делала себе татуировку, мне захотелось выколоть тот же самый знак, что я привыкла видеть на стене своей комнаты.

– Да, я заметила, что у тебя татуировка такая же, как у меня… Что же, – сказала Карина. – Ты выполнила обещание.

– Да, – сказала эльфка. – Мне было это очень трудно, но я смогла.

– Чем я могу отблагодарить тебя? – спросила Карина. Она уже почти закончила шлем-косу, закрепила ее на затылке. Ведьме оставалось только заплести хвостик.

Ваниэль отвела глаза.

– Я сделала то, что должна была, – сказала эльфка.

– А все-таки? – спросила Карина, доставая из корзины форму.

– У нас в Лихом Лесу принято мечтать только о невозможном, – сказала Ваниэль.

– Понятно, – сказала Карина, натягивая блузку. – Конечно, что еще может просить темная эльфка. Свой лес.

Ваниэль кивнула.

– Как только я разберусь со своими трудностями, – сказала Карина, прыгая на одной ноге и пытаясь засунуть другую в штанину. – Я постараюсь поговорить с Искандером, обещаю тебе. Приятно, конечно, что в ясную погоду Мир Минас видно из Трандуиловых Чертогов, но это зрелище не стоит всей той крови, что пролита за него мандреченами. И золота на эту войн уже потрачено слишком много.

– Благодарю тебя, богиня, – сказала эльфка серьезно.

Карина надела куртку и застегнула ее. Ваниэль поднялась с кровати, натянула платье и вышла на террасу проводить ведьму. Метла плыла в воздухе между ними. Эльфка помогла подруге пристегнуться. Карина поцеловала ее в щеку.

– Ты сережку потеряла, – сказала ведьма.

– Немудрено. Я удивляюсь, что у меня уши еще на месте после твоих поцелуев, – сказала Ваниэль. – Пойду, поищу в кровати.

На этом они и расстались. Ведьма со страхом ждала первых симптомов «натянувшейся веревки», но до самой родной станицы никаких неприятных ощущений она не испытала и приободрилась. Карина потянула руль на себя, заходя на посадку.

Хлопнула дверь. Услышав шаркающие, неверные шаги, Василиса почувствовала, как в груди поднимается привычный гнев. Она отложила шитье – Василиса хотела выкроить рубашку для младшего сына из выношенных двух рубашек старшего, но сейчас у нее задрожали руки.

Антон, как всегда по субботам, пришел домой пьяным из шинка.

– Явился! – закричала Василиса, когда он вошел в горницу. – Алкоголик! Глаза б мои на тебя не глядели!

– Не смотри, коли неохота, – пробормотал муж и лег на лавку. – Сними сапоги.

– Сейчас! – рявкнула Василиса. – Сам снимешь, невелик барин!

– Василечка, – пробормотал Антон. – Ну сними, солнышко. Я ведь напачкаю здесь.

Самостоятельно снять сапоги сухорукому Антону было сложно даже в трезвом виде. Василиса, кряхтя, присела перед ним на корточки и стала разувать мужа. Антон запустил руку в вырез воротника жены.

– Пьяница окаянный! – крикнула Василиса, сбрасывая руку. – Пусть бы ты совсем безруким родился, тогда бы, может, не пил бы!

– Я грыз бы… – пьяно смеясь, ответил Антон. – Василечка, не шуми. Устал я. Спать буду… Утром поговорим.

– Утром у тебя один разговор – дай на опохмелку! – распрямляясь, воскликнула Василиса. – Все с себя пропил! Скоро с дома потащишь!

– Я сам заработал, сам и пропил, – начиная сердиться, отвечал муж. – Это ты меня довела! Всю жизнь на тебя пашу, не разгибаясь, и что? Что ты орешь? У меня от крика твоего в голове звенит!

– Пустая потому что! – не осталась в долгу Василиса. – Ведь все лучшие годы тебе отдала, свинье!

– Я тебя об этом не просил, – хладнокровно отвечал Антон. – Есть что поесть, жена?

Терпение Василисы лопнуло.

– Сейчас я тебя попотчую! Горяченьким! – закричала она и схватилась за ухват. Василиса была женщиной статной, и шансы Антона в предстоящей схватке были весьма сомнительные, учитывая опьянение.

– Я тебя научу уму-разуму! – закричал муж. Неожиданно быстро поднявшись, он ловко выхватил ухват из рук Василисы. Судя по всему, Антон был трезвее, чем казался. А как у всех калек, единственная рабочая рука у него была сильнее, чем даже у нормального мужчины. – Ишь, какая цаца! Много дури себе забрала в голову! Я сейчас ее-то повыбью!

– Тоша, перестань! – сквозь слезы и шум борьбы закричала Василиса. – Тоша! Тоша! Не надо!

Антон отбросил ухват, сел на стул и сам зарыдал. Вдруг он вскрикнул и схватился за голову.

– Вот это да, – сказал он, глядя на алтын в своей ладони. – Деньги с потолка падают, что ли?

Жена вырвала у него монету.

– Карина! – сообразила Василиса.

Она выскочила во двор, но было уже поздно.

Маленькая галочка в пустой высоте неба стремительно удалялась на север.

Василиса провела по двору привычным взглядом хозяйки. Исчез золотисто-огненный петух, да, пожалуй, в раздерганной поленнице около забора стало на пару чурок меньше.

Обычным подношением богам являлись горох или хлеб. Только Ящер требовал себе в дар жизни. Сестра ведьмы знала, что где-то на болоте есть капище бога Смерти, давно заброшенное. Петух и пара чурок столько не стоили, но видимо, меньше монеты у Карины в карманах не нашлось.

«Да помогут тебе боги, сестренка», – вытирая слезы, подумала Василиса.

Гёса проснулся первым. Он смотрел на спящую ведьму и думал о том, что в этой женщине – вся его жизнь. Черты лица Зарины заострились, рот был полуоткрыт. На бледном лице застыла какая-то безжизненная, смертельная усталость. Неожиданно экен испугался, что ведьма умерла, покинула его, пока он спал. Гёса знал, что это не так – если бы Зарина умерла, он сам, скорее всего, уже не проснулся бы, но все же приложил ухо к ее груди. Сердце билось медленно, ровно. Сердце экена же забилось гораздо быстрее, когда он вдохнул аромат кожи своей возлюбленной. Гёса распустил шнуровку на жилетке и от нетерпения чуть не оторвал пуговицы блузки. Грудь Зарины как раз помещалась в его руке. Он каждый раз восхищался тем, какие они у Зарины маленькие и упругие. Когда Гёса боролся с наверченным вокруг талии платком, он ощутил пальцы ведьмы у себя в волосах. Экен поцеловал ведьму в подвернувшийся пупок. Зарина застонала и закинула ногу ему на бедро. С широкой юбкой ведьмы у экена проблем не возникло.

А потом мерно покачивающаяся волшебная зыбь унесла их обоих туда, куда за людьми не могут последовать даже боги. Зарину всегда изумляла неистовость Гёсы, его страсть. Экен всегда желал ее так сильно, словно это был их первый раз.

Гёса знал, что Зарина теперь точно еще немного подремлет. Он укутал ее в плащ и, посвистывая, вышел из контины. Экен остановился перед жертвенником в форме восьмерки и заметил, что он расколот напополам. Только сейчас Гёса обратил внимание, что капище имеет ту же форму, и жертвенник стоит в месте пересечения большой и малой петель цифры. Слева и справа от экена в частоколе находились выходы из капища. За правым шумел мрачный ельник, за левым виднелось старое кострище. Именно там волхв Ящера постоянно поддерживал огонь, когда капище еще действовало. Гёса стал разглядывать идола. Он пытался определить, кто бы из всего обширного пантеона мандречен это мог быть.

Статуя дракона с человеческим телом, покрытым чешуей, по пояс сидела в трехгранной гранитной ступе. Экену случалось сталкиваться с драконами, и он понял, что и неизвестный скульптор видел огнедышащих ящеров вживую. Больше всего статуя напоминала гросайдеч, вставшую на задние лапы, только без крыльев. Идол был тускло-серого цвета, скорее всего,

статую отлили из свинца. Локти огромных рук вольготно опирались на косо срезанные грани стелы, как на подлокотники. В правой руке статуя держала боевой тесак. На лезвии тесака был вытеснен краб-отшельник. Судя по изяществу оформления, тесак когда-то принадлежал сидху. У экена мурашки побежали по спине, когда он понял, как тесак попал в руки идола. И что навсегда помешало волхву исполнять свои обязанности по поддержанию священного огня.

Статуя отобрала оружие у кого-то в бою. У кого-то, кого не смог остановить волхв. Хотя, надо думать, волхв очень старался.

На шее идола висело ожерелье из черепов, сплетенных за волосы. Гёса обогнул жертвенник, подошел вплотную к идолу и чуть не въехал ногой в груду костей у подножия алой, с черными прожилками каменной ступы. Экен заметил надпись, но прочесть ее не смог – руны были слишком старыми. Впрочем, Гёса и так уже почти догадался, к кому в гости их занесла судьба. Экен приподнялся на цыпочки и смог рассмотреть самую нижнюю бусину чудовищного ожерелья в деталях. Коса, соединявшая черепа, была просунута в глаз и теперь свешивалась изо рта. Но это не помешало Гёсе увидеть, что зубы в черепе еще сохранились. Экен довольно усмехнулся.

Какой бог мандречен любит сидхов только мертвыми, он знал.

Гёса обошел контину и помочился на частокол.

Услышав характерный свист снижающейся метлы, экен изумился настолько, что чуть не забыл застегнуть штаны. Пока Гёса разбирался со своей одеждой, ведьма приземлилась. Судя по глухому удару, это была тяжелая посадка. Гёса выглянул из-за угла контины, но никого не увидел. Неожиданная гостья, очевидно, находилась за идолом Ящера. Наемник осторожно, пригибаясь, проскользнул вдоль стены контины, короткими перебежками добрался до разбитого жертвенника, и присел за ним на корточках. Мысли вихрем клубились в голове Гёсы. Предположение о погоне он отбросил сразу. Ведьма прилетела с юга, а не с запада. Да и в Куле сейчас было не до них. Экен услышал болезненный стон, переходящий в хрип. Ведьма вдобавок была ранена.

Отбросив осторожность, Гёса поднялся на ноги и обошел идола. Стела оказалась треугольной формы, как наконечник копья.

А напротив огромного острия на земле лежала Карина.

Магический ошейник сдавил горло ведьме, когда под ее ногами мелькнула длинная овальная прогалина. Это было все, что осталось от деревни Малые Пасеки, уничтоженной еще эльфийскими Чистильщиками. Карина стиснула зубы и пригнулась к метле. До капища оставалось совсем немного. Но с каждой минутой ведьме становилось все хуже. Она почти не могла дышать, и не могла втягивать из Воздуха Чи, необходимую для полета. У Карины закружилась голова, все в глазах стало расплываться. Если бы Карина не была пристегнута, она свалилась бы с метлы. Ведьма поймала попутный ветер и закоченела, вцепившись в метлу. Внутренний голос, который сначала предлагал вернуться ласковым шепотом, уже гудел подобно набату, раскалывая голову на части.

Карина увидела горящую в лучах заката огромную статую Ящера, и ошейник, душивший ведьму, исчез. Бог Нави пришел на помощь той, ради защиты которой он и был создан. Но силы ведьмы уже были на исходе. Она с большим трудом дотянула до капища. Руки почти не слушались Карину, и только чудом ведьма не разбилась при посадке. Карина завалила метлу набок и сама проехалась ногой по твердой глине. При этом она порвала плащ и протерла до основы штаны в двух местах. Карина лежала и думала о том, что в Горной Школе за такую посадку у нее просто отобрали бы метлу. Ведьма услышала чьи-то шаги. Карина очень удивилась, потом ее пробрала дрожь. Живые люди не посещали капище последние двенадцать лет, за это ведьма могла поручиться.

Карина отстегнулась от метлы, перекатилась на спину и выставила перед собой руки.

Увидев Гёсу, ведьма решила, что бредит.

– Карина? – с бесконечным изумлением спросил наемник. – Откуда ты здесь? Ты

ранена?

– Нет, то есть да, – сказала ведьма. – Помоги мне.

Гёса дал ей руку и рывком поднял Карину на ноги. Вдруг экен нахмурился. Он заметил разноцветный магический кокон, опутывавший ведьму, ее искривленные, заблокированные каналы Чи.

– А что это за чары на тебе? – спросил Гёса. Наемник потемнел, как туча. – Их наложил на тебя сидх?

– Да, – сказала Карина. – А где Зарина?

Экен грязно выругался и сказал сквозь зубы:

– Здесь она, спит в храме… Знал бы, не стал покрывать сидха. Ни перед Владиславом, ни сейчас! Я могу тебе помочь?

Карина отрицательно покачала головой.

– Я за этим и прилетела сюда. Кроме Ящера, мне никто помочь не может. Здесь очень опасное место, и вы должны покинуть капище до заката, если хотите увидеть рассвет.

Гёса не стал спорить.

– Сейчас, разбужу Заринку, и мы улетим, – ответил экен.

Они обогнули стелу. Ведьма внимательно разглядывала ауру наемника.

– Ты весь завернут в Цин, как в плащ, – сказала она. – Что-то это мне напоминает… Какие чары ты наложил на себя?

– Я теперь Музыкант, – сказал Гёса. – Я им стал из-за того, что танцевал вместе с Лайто тогда, в замке Черного Пламени.

– Вот как, – сказала Карина задумчиво. – Что же, поздравляю. А как вы оказались здесь?

Заспанная Зарина вышла из контины прежде, чем Гёса успел ответить. Во сне ведьма согрелась и сняла форменную куртку, но прежде чем покинуть храм, накинула на плечи свой алый платок. Каждый Синергист получал любую информацию в тот же самый момент, что и другой, но все же нос эженки заострился от гнева, когда она увидела приворот в ауре Карины. На Зарине не было ничего, что могло бы напомнить летную форму, а попасть сюда из Кулы Синергисты могли только по воздуху. Карина нахмурилась. Увидев выражение лица старшей крыла, ведьма проснулась окончательно.

– Карина, слава Барраху, ты здесь! – воскликнула Зарина.– И не ругайся, мне некогда было переодеться, мы прямо из Имперской Канцелярии улетели…

Карина вздрогнула. Еще сегодня утром ведьма ничего не знала о своем небесном женихе. Но его земные последователи уже дышали Карине в затылок.

– Насколько я знаю, люди из Имперской Канцелярии сами не выходят. И уж тем более не вылетают на метлах, – переводя взгляд с одного на другого, сказала старшая крыла «Змей».

Лица Синергистов приобрели подозрительно невинное выражение.

– Ну, ты понимаешь, там как получилось, – начала рассказывать Зарина.

Гёса пошел в контину. Надо было забирать вещи и лететь. «Намаз надо бы еще сотворить», подумал экен. Но, скорее всего, сегодня ему не удалось бы помолиться, и это расстраивало Гёсу. Экен взял плащ и куртку ведьмы. Выйдя из храма, он озабоченно посмотрел на небо. Солнце уже цепляло краем макушки леса.

– Самое интересное, что этот борец за чистоту расы вовсе и не человек, а оборотень, – услышал Гёса и обрадовался. Зарина уже успела поведать почти все об их приключениях. – Татцель, судя по всему, еще очень молодой.

– Как все-таки мудры эльфы, – сказала Карина задумчиво. – Шенвэль догадался, что Крон – татцель, только из моего рассказа о нем. А мы всю войну прошли бок о бок с имперским магом, и даже никакой мысли не закралось, пока ты его настоящее лицо не увидела…

– Я там встретила Владислава, – сказала Зарина и отвела глаза. – Я не могла спасти его, Карина, прости нас.

Карина ощутила укол в сердце. Владислав, конечно, был слишком уж оборотист – достаточно было вспомнить рубиновые серьги из сокровищницы дракона, но в остальном выбранный от противного барон оказался одним из самых милых и порядочных людей, которых встречала в своей жизни ведьма. Карина с горечью подумала, что Владислав сделал для нее очень много хорошего, а она принесла ему смерть.

– На войне как войне, – сказала ведьма горько.

– Барон не доносил на вас с Шенвэлем, – продолжала Зарина. – Они его пытали, чтобы выяснить, где ты. Владислав просил передать тебе, что Искандер все знает, и чтобы вы бежали в Фейре как можно скорее.

– Я думаю, это дельный совет, – кивнула Карина. – Спасибо вам, ребята, вы мне очень помогли. Искандер сейчас будет немножко занят, но он все равно вернется к поискам меня. Все-таки зря вы разгрохали Кулу. Такой красивый город был!

– Мы же не знали, что так получится, – сказал Гёса. – Мы хотели только из Имперской Канцелярии вырваться.

Карина вздохнула.

– Как дети малые, честное слово. Ладно. Вы, должно быть, хотите есть и пить. Еды здесь нет, а в ельнике есть ручеек. Попейте и улетайте скорей, здесь очень опасно.

– А ты? – спросила Зарина.

Карина улыбнулась.

– За меня не бойся, – сказала она. – Мне надо поговорить с Ящером, но лучше сделать это без свидетелей.

– А ты не знаешь, случайно, что за богиня живет в этом храме? – спросила Зарина. – Такая, серебряная, с тремя масками…

– Это Могота, наша богиня Судьбы, – сказала Карина. – Она жена Ящера, вот их вместе и поставили.

Зарина всхлипнула.

– Что теперь будет с нашим крылом? – сказала экенка. – Ты в Фейре, Светлана замуж, я домой, да неизвестно, выживут ли девочки….

– Не дрейфь, подруга, – улыбнулась Карина. – Мы еще полетаем.

– Если будешь в Фейре, заезжай к нам, в М’Калию. Мы в Усть – Картане пока остановимся, – сказал Гёса.

– Хорошо, если оказия подвернется, я к вам обязательно загляну, – сказала Карина.

– Слушай, это священный лес, да? – спросил экен. – Тут Барраху молиться нельзя?

– Я думаю, что можно, – сказала Карина. – Только в капище нельзя возносить молитвы другим богам.

Ведьма обняла ведьму и Гёсу, расцеловала их. Экены пошли к выходу из капища, а Карина вернулась за идола, к своей метле. Пора было готовиться к ритуалу, а все необходимое для него – жертвенная птица и дрова для священного костра – находилось в корзине у ведьмы.

Стенки рва были обмазаны глиной, а плоское дно обуглено. В те времена, когда капище действовало, его отделяла от мира стена огня. Когда Гёса ступил на толстую каменную балку, перекинутую через ров, Зарина сказала:

– Ой, я в храме платок забыла. Ты иди, помолись пока, а я мигом.

– Давай быстрее, – сказал экен.

Зарина вернулась в капище. Экенка слышала, как Карина возится за идолом. Экенка прошмыгнула в храм. Зарина обнаружила платок в щели между нарами и стеной, когда уже решила, что улетит без него. Намотав платок на талию, ведьма направилась к выходу. Напротив статуи богини экенка остановилась. Зарина чувствовала, что Гёса сейчас молится, и ведьме впервые в жизни захотелось присоединиться к нему. Только обращаться она собиралась совсем к другому богу. Зарина опустилась на колени перед идолом.

– Не сердись на Гёсу за его необузданность, Могота, – тихо прошептала экенка. – Ты

ведь и сама любила и знаешь мужчин. Прости нас, если мы своей любовью осквернили твой храм. Этого мы не хотели. Помоги Карине, освободи ее от приворота, который навел сидх. Очень прошу тебя, Могота! Карина мандреченка, ты ее богиня, ты должна помочь.

Зарина вспомнила, что мандреченским богам необходимо что-нибудь пожертвовать, чтобы они услышали просящего. По привычке ведьма коснулась левого плеча. Но куртку с драгоценными амулетами Гёса унес с собой. Экенка начала шарить по карманам юбки, но везде было пусто. Зарина в отчаянии стиснула концы отложного воротника. Круглая головка брошки приятно холодила ладонь. Ведьма отколола украшение, последний раз взглянула на брошь. Для Зарины эта простенькая брошь была дороже самого роскошного из ее талисманов. Ведьма заколебалась, представив, что скажет Гёса, но потом решительным жестом вложила украшение в кубок богини.

– Это все, что у меня есть, – дрожащими губами прошептала Зарина.

Ведьма поцеловала пальцы серебряных ног идола и поднялась с колен. Зарина торопливо выбежала из контины, вышла из капища и перебралась через ров. Экенка оказалась в мохнатом ельнике. Где-то рядом чуть слышно журчала вода. Ведьма заметила на ветке дерева неподалеку небольшую кружку, сплетенную из бересты. Гёсы нигде не было видно. Зарина вызвала метлу и уже расстегнула жилетку, но снять не успела. Она услышала шаги экена. Зарина быстро разложила воротник на обе стороны, надеясь, что теперь Гёса не заметит отсутствия броши. Экен обнял ее.

– Я сейчас переоденусь, и полетим дальше, – сказала ведьма. – Принеси мне пока попить.

Рука Гёсы поднялась к груди Зарины. Ведьма закусила губу. Экен взялся за расправленный на стороны воротник, приподнял ткань. Несколько секунд Гёса смотрел на пустое место, оставшееся от его подарка, а потом отошел от экенки.

– Гёса, прости меня! – закричала Зарина, поворачиваясь вслед за ним.

Экен, стоя спиной к ведьме, пожал плечами.

– Ты же сам куртку забрал, у меня ничего больше с собой не было! – в отчаянии воскликнула Зарина.

– Я сержусь не потому, что ты пожертвовала мою брошь той серебряной бабе, – сказал Гёса, не оборачиваясь. – Хотя приносить жертвы ложным богам совершенно бессмысленно, но что сделано, то сделано.

Он обернулся, и Зарина увидела, что лицо его не гневно, а скорее грустно.

– Мне обидно, что ты хотела это скрыть от меня, – сказал экен. – Зарина, Зарина… Ты ведь знаешь, что я чувствую все, что ты думаешь, и знаю все, что делаешь. Как и ты знаешь все обо мне. Но если ты не хотела такой близости, зачем ты давала эту клятву проклятую, а? Если тебе тяжело со мной, давай Разрыв тот скажем – и все, сможешь спокойно врать мне… А я буду верить!

Ведьма зарыдала.

– Но ведь та брошь была особенная! – воскликнула Зарина. – Твоя, от всего сердца!

Гёса понял, что ей самой очень жалко подарка, и обнял ведьму.

– Ну не плачь, не плачь, – сказал он, целуя подругу. – Подумаешь, побрякушка… Я тебе другую куплю. Лучше, красивее. С изумрудами…

– А тебе флейту купим хорошую, – сквозь слезы сказала Зарина. – Серебряную, как у Шенвэля…

Метла с двумя всадниками вскарабкалась в небо как раз в тот момент, когда погас последний луч солнца. Карина проводила друзей взглядом и стала раскладывать дрова на жертвеннике. Ведьму беспокоила трещина между каменными кругами. Двенадцать лет назад, когда они были в капище вместе с Кертель, в жертвенник ударила молния, и теперь Карина опасалась, что место связи с Подземным миром повреждено и там ее не услышат. Когда два маленьких шалашика были готовы, ведьма достала из корзины петуха. Карина завернула ему голову под крыло, и поэтому птица промолчала весь полет. Ведьма встала перед

жертвенником лицом на запад, гортанно произнесла заклинание и отрубила голову птице. Она упала в щель между каменными кругами. Карина обошла жертвенник по периметру, старательно направляя струйку крови так, чтобы написать ею неразрывную восьмерку по краю жертвенника. Птица еще билась, и это было нелегкой задачей, но ведьма справилась. Затем Карина разрубила тушку пополам. Ведьма старалась разделить птицу как можно точнее. Карина положила половинки на заготовки для костров Моготе и Ящеру. Потом вернулась на восточную сторону жертвенника и встала ровно посередине. Карина вытянула руки вперед и призвала Чи Огня. Оба костра вспыхнули одновременно. Когда огонь съел все дары, небо уже окончательно потемнело. Крупные звезды смотрели с него подобно тысячам любопытных глаз. Карина раздробила и размельчила прогоревшие угли, защищая руки от ожогов полем из Чи Воды. Затем намазала оба жертвенника пеплом, взяла кинжал и вывела на сером поле необходимые руны. Вязь заклинания охватывала всю восьмерку жертвенника. Затем в центр большого круга вписывалось обращение к Ящеру. В малом Карина разместила прошение к Моготе. Закончив, ведьма воткнула кинжал в щель между жертвенниками, соединив их в один. Карина последний раз оглядела жертвенники, проверила точность рун в свете взошедшей луны. Хоть от полного круга осталась всего лишь щербатая, как полгроша, половинка, света она давала достаточно.

Ведьма сняла Осколок Льда с шеи, вытащила из артефакта цепочку и убрала в карман штанов. Карина не хотела призвать заодно дух и Светланы прямо из живого тела. Положив иглу на слой пепла прямо перед собой, ведьма сказала:

– Я желаю видеть дух той женщины, которая воткнула в меня этот Осколок Льда.

Сначала ничего не произошло. Ведьма задумчиво смотрела на рукоять кинжала. В лунном свете казалось, что это маленькая любопытная змейка высунула голову из расщелины.

Карина перевела взгляд.

Кертель стояла прямо напротив своей бывшей воспитанницы. Наставница смотрела на черную хрустальную иглу, и Карина с удивлением заметила, что губы Кертель дрожат.

– Когда это произошло? – не своим, каким-то изломанным голосом спросила Кертель. – Когда Осколок Льда вышел из тебя?

– Недели две назад, – несколько сбитая с толку, отвечала Карина.

Кертель закрыла лицо руками и воскликнула с болью в голосе:

– Он так давно в нашем мире и до сих пор не пришел ко мне!

– Вы знакомы с Шенвэлем? – спросила удивленная Карина.

Но Кертель уже справилась с собой.

– Это неважно, – сказала наставница. – Поговорим о деле.

– Да, – сказала Карина. – Прокляни меня снова.

Кертель покачала головой.

– Это невозможно. Да и зачем? Я наложила на тебя проклятие Ледяного Сердца не по злобе, как ты, наверно, думаешь. Я должна была защитить тебя от власти жуткого артефакта, который создала на свою – и твою голову. Возможно, был и другой способ, но я его не нашла.

Глаза Карины расширились.

– Ты создала Эрустим? – перебила она наставницу. – Кертель, ты – Разрушительница Пчела?! Мать Шенвэля? Дева Боли?

– Когда-то я носила и эти имена, – сказала мертвая ведьма сухо. – А потом они все мне надоели…

– Ты знала, что, скорее всего, Эрустим попадет в руки Шенвэлю, – пробормотала потрясенная Карина. – Ты знала, что твое проклятие убьет именно его. И ты пошла на это?

– Быть живой богиней не так легко, как кажется, – отвечала Кертель. – Давай жезл. Я унесу его в Подземный мир и сама прослежу, чтобы артефакт больше никогда не вернулся в мир живых.

Карина покачала головой.

– У меня Эрустима нет, – сказала ведьма.

В этот момент в ее душе распустились бутоны самых невероятных цветов, околдовывая своими ароматами, наполняя душу сказочным, спокойным счастьем. Ведьма наморщила нос. Этот симптом она знала.

– Но эльф, который владеет им, – сказала Карина. – Уже здесь.

Кертель вздрогнула и изменилась в лице. Ведьмы обернулись одновременно.

За частоколом расцветала яркая звезда открывающегося телепорта.

Дневная жара уже спала, солнце готовилось нырнуть в море. От воды веяло приятной прохладой. Заседание Нолдокора прошло бурно. Аласситрон договорился с Зейнеддином на большой торговый заказ, и распределить его между купеческими гильдиями Рабина, чтобы никого не обидеть, оказалось сложной задачей. Но Лакгаэру это удалось. Сейчас ему хотелось развеяться. Старый эльф не спеша прогуливался по эльфийской части набережной Зеленого мыса. Лакгаэр раскланивался со знакомыми, останавливался поболтать с приятелями и друзьями. Он прожил в Рабине всю жизнь и знал почти всех эльфов не только по именам, но и их предков до второго колена. Навстречу Лакгаэру попался и Ульрик. Глава Нолдокора окликнул его, и когда молодой эльф подошел к нему, достал из кармана бумаги.

– Шенвэль просил передать тебе вот это, – сказал он. – Здесь вид на жительство в Фейре для тебя и твоей жены.

С лица Ульрика исчезла обычная угрюмость. Эльф взял документы.

– Насколько я помню, ты выполнял заказ для Файламэл в прошлый раз? – спросил Лакгаэр.

Ульрик кивнул.

– Сейчас твой цех получил заказ от Великого Бека, – продолжал старый эльф. – Знаешь, кровати, столы, стулья – Зейнеддин хочет обставить несколько покоев в эльфийском стиле, в память о матери.

Ульрик усмехнулся.

– Что они там, всю мебель во дворце порубили во время переворота, что ли? – спросил эльф.

– Нет, они сожгли дворец, – ответил Лакгаэр.

– Горячие люди, – хохотнул Ульрик.

– Так что очень жаль, что ты покидаешь нас. Хоть наброски оставь…

– Но ведь спешки большой нет. Я думаю, что еще успею выполнить эту работу. Да и деньги мне очень пригодятся в Фейре.

Эльф стал убирать бумаги, и пустой левый рукав, заправленный за пояс Ульрика, выбился и взметнулся на ветру. Лакгаэр, не говоря ни слова, ловко заправил рукав на место. Он заметил, что волосы у Ульрика влажные.

– Как водичка? – спросил старый эльф.

– Удивишься, но вода к вечеру очень сильно остыла, словно уже осень, – отвечал Ульрик. – Зато море спокойное, как зеркало.

Лакгаэр вздрогнул, посмотрел на сине-зеленые воды. Море в заливе было гладким, как желе. Шенвэль вытянул из него всю Чи, какую мог. Этой энергии хватило бы, чтобы вынуть из залива все, что осталось от Круки. И перенести обнаруженный сегодня храм Ящера на ближайший склон Черных Гор, за что глава Нолдокора был бы искренне благодарен. Но старый эльф знал, что Шенвэль наполняет себя магической энергией вовсе не для этого.

– Мне пора, – сказал Лакгаэр Ульрику. – До встречи.

Старый эльф заспешил домой.

Лакгаэр обнаружил своего гостя там, где и ожидал. Шенвэль босиком, словно подросток, шлепал по краю залива. На Верховном маге Фейре была форма Танцора Смерти – черные кожаные штаны, шелковая темно-синяя рубаха и черно-синяя повязка, перехватывающая волосы надо любом. На бедре Шенвэля висел узкий чехол из кожи, в котором вполне мог поместиться тот из двух обязательных для Танцора Смерти мечей,

который был короче. Но Лакгаэр знал, что там не меч, а флейта. Аура Шенвэля светилась, как море в одну из тех ночей, когда Ульмо выписывает на черной воде свои послания эльфам.

Шенвэль занимался любовью не далее чем полчаса назад.

А Карина, насколько можно было судить по экипировке Верховного мага, еще не возвращалась.

Старый эльф поперхнулся и стал рассматривать мягкие сапоги Верховного мага, стоявшие на гальке. Один из сапог чуть завалился на бок под весом собранного в гармошку голенища. Из другого гордо, словно фантастическая роза, торчала портянка. Рядом, на камне, лежал заплечный мешок Верховного мага.

Шенвэль ощутил чье-то присутствие и обернулся.

– Тебя-то я и ждал, милый Лакгаэр, – сказал он.

– Я вижу, Ваниэль открыла тебе, куда она спрятала Карину, – сказал Лакгаэр сухо. – Но не кажется ли тебе, что способ, которым ты отворил уста эльфке, рассердит другую твою возлюбленную?

– Они с Ваниэль договорились о совместном пользовании мной, – сказал Шенвэль непринужденно. Но все же эльф перераспределил Чи в ауре так, чтобы оргазм не горел в ней подобно Мэнгиль, звезде, по которой ориентировались мореходы в своих далеких странствиях. – Почему я должен оспаривать их решение? Ведь оно мне приятно…

– Ласковый теленок двух маток сосет, – сказал Лакгаэр со вздохом. – Чем я могу тебе помочь?

– Благодаря твоему телепорту я мог бы перенестись к Карине в любой миг. Однако выныривать из воздуха на высоте нескольких десятков саженей мне как-то не хочется, – ответил Шенвэль. – Карина точно прибудет туда, куда летит, до наступления темноты, и я ждал. Тебя или…

– Или когда над Гниловранской трясиной наступит ночь, – внезапно севшим голосом сказал Лакгаэр.

Шенвэль кивнул. В животе у старого эльфа закопошились скользкие черви.

– Но теперь ты здесь, – продолжал Шенвэль. – Да и солнце садится. Слушай, а ведь капище Третьего Лика находится намного восточнее Рабина. Я думаю, разница во времени минут тридцать?

– Час, – сказал Лакгаэр.

– Вот как, – сказал Шенвэль.

Он вышел на берег и вытер ноги. Затем аккуратно стал наматывать портянку.

В этот момент Лакгаэра охватила странная, неведомая сила, о существовании которой старый эльф никогда не подозревал. Он что-то говорил Верховному магу, но не слышал своих слов. Лакгаэр слышал только грохот собственного сердца и незнакомый голос, который оглушительно верещал у него в голове. Шенвэль, закинув мешок за плечи, поднялся и протянул к нему руку. Лакгаэр замолчал и отшатнулся. Он подумал, что Шенвэль хочет ударить его своим Цин. Хочет силой принудить Лакгаэра вернуться в место, которое до сих пор приходило к старому эльфу в самых зловещих его снах. Лакгаэр перевел дыхание. В наступившей тишине раздался насмешливый крик чайки.

Шенвэль опустил руку и отвел взгляд.

– Спасибо тебе, Лакгаэр, – сказал он тихо. – Спасибо за все.

Старый эльф растерянно смотрел, как Шенвэль по узкой тропинке направился ко дворцу.

К террасе.

К телепорту.

Лакгаэр заметил, что Шенвэль все еще немного прихрамывает. Что-то дрогнуло в груди Лакгаэра. Он нагнал Верховного мага. Они молча поднялись по ступенькам на террасу. Перед выложенным светлой плиткой гексаэдром старый эльф на миг остановился, но потом шагнул в центр магической фигуры. Шенвэль последовал за ним. Эльфы взялись за руки.

Лакгаэр закрыл глаза.

Лакгаэр никогда особенно не любил телепортироваться, но этот переход мог бы длиться и подольше. Особенно учитывая расстояние, на которое их перебрасывал портал. Магическая сфера наконец лопнула, и эльфы снова очутились в реальности мира.

Лакгаэр открыл глаза и ощутил внутри себя огромный кусок льда вместо внутренностей.

Капище, словно лепестки, окружали восемь радиальных кострищ. Здесь, как и предполагал Лакгаэр, уже стемнело. Телепорт перенес эльфов в самое большое, западное кострище. В нем, когда капище действовало, огонь горел постоянно. В этом месте Лакгаэр убил волхва, который поддерживал священный огонь. Сейчас от кострища осталась только яма, набитая пеплом, и в ней-то и оказались эльфы.

Шенвэль переступил с ноги на ногу. Что-то противно хрустнуло. Эльф огляделся. Слева от них обнаружился частокол с насаженными на верхушки кольев черепами. Над оградой тускло сияла в лунном свете огромная статуя. Напротив кострища в ограде был проход. В него вела тяжелая балка, смутно белевшая в темноте. В капище слышались голоса.

Лакгаэр смотрел в прямо противоположную сторону. На небольшие, до пояса человеку валуны, которыми было огорожено кострище. Мох на них серебрился в лунном свете, словно небывалые водоросли.

Шенвэль размял пальцы.

– Считай, что ты уже дома, – ободряюще улыбаясь, сказал он Лакгаэру.

– Вы должны покинуть капище до полуночи. До того, как тень Ящера перечеркнет жертвенник и коснется другого идола, того, который стоит в храме, – пробормотал Лакгаэр.

Старый эльф невольно покосился на статую Ящера и задохнулся, увидев свой тесак.

– Мы быстро обернемся, – сказал Шенвэль. – Одна нога здесь, другая там.

Шенвэль аккуратно сложил пальцы. Лакгаэр снова очутился в магическом пространстве. А через несколько мгновений, показавшихся старому эльфу бесконечными, он снова оказался в своем розарии.

Лакгаэр некоторое время смотрел на пылающее в лучах заката море, а затем вошел во дворец. В голове его плыла звенящая пустота. Увидев хозяина, слуга всплеснул руками. Лакгаэр, взглянув на свою одежду, увидел, что дорогой камзол по пояс испачкан в золе. Но эльфу это было уже безразлично. Он смог вернуться оттуда. Живым. Больше Лакгаэру было не надо ничего.

Слуга наполнил для него ванну. Эльф долго нежился в теплой воде. Затем поужинал, и самые обычные блюда казались Лакгаэру сказочно вкусными. Из состояния эйфории Лакгаэра вывел вопрос дворецкого, ждать ли к ужину господина Шенвэля и его подругу. Вздрогнув, старый эльф ответил, что гости вернутся поздно. Дворецкий с поклоном удалился. Лакгаэр почувствовал первую тень на своем сияющем счастье.

Эльф прошел туда-сюда по пустынной столовой. Глухое беспокойство нарастало в нем. Надо было как-то заткнуть наметившуюся брешь, чем-то занять себя. Тут Лакгаэру вспомнились слова Светланы о каталоге. Лакгаэр ухватился за эту идею. Он прошел в свой кабинет, решив составить хотя бы рубрикатор. Дворецкому он наказал сразу сообщить, когда гости вернутся.

Некоторое время эльф прилежно скрипел пером, записывая по памяти названия и краткие аннотации к книгам, которыми владел. Колокол в Рабине звонил каждый час. При звуках колокола эльф вздрагивал, и некоторое время смотрел в пустоту, а затем сильнее углублялся в работу.

Шенвэль и Карина не вернулись ни в девять, ни в десять, ни в одиннадцать часов.

Когда в Рабине отзвонили одиннадцать, эльф отбросил перо и вышел из-за стола. В капище полночь уже наступила. Вдруг Лакгаэр вспомнил те слова, которые бросал в лицо Шенвэлю. Стыд хлестнул его, жгучий, словно ожог крапивы.

Из-за своего жалкого страха он предал Шенвэля. Шенвэль был сильным магом и, возможно, единственным эльфом, который владел Цин. Но смешно было ожидать, что

Шенвэль сможет справиться с Ящером, когда столкнется с разъяренным богом лицом к лицу. Лакгаэр взял меч. Старый эльф знал, что не стоит рассчитывать на оружие смертных в схватке с богами. Но отправиться туда безоружным было выше его сил. Лакгаэр сам не заметил, как оказался на террасе. Остановившись напротив пустующего цоколя, эльф задумчиво посмотрел на него. Ему вспомнилось, что Верховный маг сказал в вечер Мидаёте:

«Смелость решений встречается крайне редко. Ведь решать приходится в одиночестве. Но, по-моему, как раз она и является истинной. И ты, мой милый Лакгаэр, как раз настоящий храбрец».

Над ночным заливом плыли неторопливые удары колокола. На людской половине Рабина звонили полночь. Старый эльф и так уже видел это по положению звезд.

Стиснув зубы, чтобы не стучали, Лакгаэр закрыл глаза и шагнул в центр гексаэдра.

В этот миг раздалось тихое шипение, запахло озоном. На Лакгаэра обрушилось тело. Казалось, что оно состоит из одних локтей и коленей. Старого эльфа сбило с ног. Когда он открыл глаза, то увидел сидящую на себе верхом Карину в форме боевой ведьмы. Карина, очевидно, сгруппировалась, чтобы не ушибиться при падении. Но ей была уготована мягкая посадка. Магическая сфера лопнула. Ее молочно-белое свечение забрызгало розовые кусты, придав им волшебный вид. Игла Моргота в тусклой свинцовой оправе, вколотая в левый рукав ведьмы, заиграла разноцветными искорками в переливах магического света.

– Где Шенвэль? – дрогнувшим голосом спросил Лакгаэр. Ведьма спрыгнула с Лакгаэра и вытащила старого эльфа из гексаэдра. Пустота снова зашипела, и выплюнула второе сжатое в комок тело. Шенвэль приземлился прямо на пятки, и тут же выпрямился. Верховный маг Фейре вернулся в одном сапоге, а левая штанина ниже колена была оторвана, нет, скорее отрублена начисто. Правая щека была разорвана до кости, кровь уже запеклась. Шенвэль был весь вымазан в золе и пепле, как заправский трубочист.

– Вот и он, собственной персоной, – сказала Карина.

Лакгаэр облегченно улыбнулся. Шенвэлю просто не хватило сил, чтобы перебросить и себя, и ведьму одновременно. Старый эльф увидел в руке Шенвэля свой боевой тесак, и все остальные мысли вылетели из головы Лакгаэра.

– Я очень ценю, что ты хотел идти за нами, спасать, – серьезно сказал Шенвэль. Карина качнула ресницами в знак согласия. – Хотя это и было всего лишь намерение, я знаю, чего тебе это стоило. Спасибо тебе, Лакгаэр.

Старый эльф слабо улыбнулся.

– Мне кажется, что меч – оружие не по твоей руке, – продолжал Шенвэль. – Я думаю, тесак будет в самый раз.

Он протянул оружие Лакгаэру. Вытисненный на лезвии краб-отшельник тускло блеснул в лунном свете. Старый эльф принял оружие, прижал его к груди обеими руками и благоговейно посмотрел на Шенвэля.

– За свою жизнь я повидал немало магов, которые называли себя великими, и даже величайшими, – сказал Лакгаэр. – Я рад, что дожил, и узнал, что это значит на самом деле – великий маг. Позволь, я разбужу лекаря. Тебе нужна помощь.

– И ванна, – сказал Шенвэль, стирая пепел со щеки Карины.

Пока лекарь промывал разрез на лице Верховного мага и накладывал шов, ведьма купалась. Потом пришел черед Шенвэля погрузиться в теплую воду. Лакгаэр пожелал присутствовать при омовении, и Верховный маг согласился. Шенвэль попросил принести ему бокал вина, а в спальне накрыть небольшой ужин.

Лакгаэр устроился в ванной на мягком стульчике. Он заметил на груди Шенвэля, слева, черные отпечатки четырех огромных пальцев, а когда эльф повернулся спиной – след от большого пальца, перечеркивающий основание шеи Верховного мага. Всю лопатку Шенвэля покрывал отпечаток гигантской ладони. Лакгаэр сглотнул. Левую ногу глава Нолдокора украшал отпечаток той же руки. Старый эльф отвел глаза и заметил слабый блеск в ворохе одежды, сброшенной на пол Шенвэлем. Присмотревшись, Лакгаэр узнал Эрустим. Ему не раз доводилось видеть артефакт в морщинистой лапе Морул Кера на торжественных

парадах. Шенвэль перехватил взгляд хозяина дома. Лицо Верховного мага исказила отвратительная гримаса. Перевесившись через край ванны, Шенвэль взял Эрустим и забросил его в воду. Жезл глухо булькнул и стукнулся о дно.

Верховный маг Фейре стал играть с молочно-белой пеной, которая стояла над водой, словно взбитые сливки. Шенвэль отфыркивался, когда пена попадала ему в рот, и лукаво посматривал на Лакгаэра. Он видел, что старый эльф изнывает от нетерпения.

– Знатная у тебя ванна, – желая подразнить Лакгаэра, сказал Шенвэль. – Единственная, кроме той, что у нас дома, в Ливрассте, где я могу вытянуться во весь рост.

На лице Лакгаэра появилось то выражение, с которым голодная собака смотрит на кость, которой размахивают у нее перед носом. Шенвэль рассмеялся. Затем взял с подноса, стоявшего на краю ванны, бокал, и сделал неторопливый глоток.

– Сначала я рассердился на тебя за то, что ты включил в свои записи пассаж про мое истинное отношение к женщинам людей, – сказал Верховный маг. – Еще более странно, что мои объяснения о том, как передается владение мертвой силой, оказались на обороте именно этого листа. Но сейчас, милый Лакгаэр, ты даже не можешь представить себе, как я благодарен тебе, что ты записал все мои слова. Все, до последней руны.

Шенвэль плыл в старой золе, как в болоте, раздвигая ее руками. Под пальцами, кроме осколков костей, принадлежавших, как было известно эльфу, не только жертвенным животным, попадались острые осколки жертвенных сосудов, холодные обломки ножей и топоров, круглые бляшки монет. Судя по всему, несмотря на отдаленность капища, почитаемому здесь богу жертвовали охотно, часто и много. Опершись рукой на твердый, обугленный край ямы, Шенвэль вылез наверх и вошел в капище.

Он увидел ведьму, стоявшую за жертвенником. Карина вся потянулась к нему, но сдержала себя. На площадке капища магия Жезла действовала слабее. По крайней мере, ведьма сохраняла ясность сознания, и желание обнять, отдаться и выполнить любое желание Шенвэля не подминало под себя ее волю совсем.

И тут эльф заметил мать и остановился. У Кертель на несколько мгновений отнялся язык. Сын был одет так же, как и тогда, когда они виделись в последний раз. Кертель пристально взглянула на его потрепанный заплечный мешок. Духи чувствовали магию сильнее, чем люди. И тут Кертель поняла, что означает появление здесь ее сына.

– Ты все-таки сделал это! – яростно воскликнула Кертель. – Ты взял Эрустим! Надо было убить тебя тогда, в тронном зале! Не слушать Черное Пламя!

Карина тихо ойкнула. Кертель сказала только что: «Мне надоели все имена», но аналогия с Королевой Без Имени не сразу пришла в голову ведьме. Теперь стало ясно, почему дух-страж замка назвал Карину своей госпожой. Духи не видят лиц людей, а воспринимают только ауры; как и Кертель, Карина была Хозяйкой Четырех Стихий, и дух-страж принял ее за свою повелительницу – Королеву Без Имени.

Карина зябко передернула плечами.

Когда Лайтонд пришел в замок дракона с Танцорами Смерти, его остановила Королева Без Имени. Карина вспомнила слова Шенвэля: «Черное Пламя лишил меня матери». Тогда ведьма подумала, что дракон убил Разрушительницу Пчелу. Но Тенквисс обошелся с волшебницей гораздо отвратительнее. Находясь под чарами жезла, Кертель была готова убить своего сына, лишь бы спасти возлюбленного. У Карины комок подкатил к горлу. «Будь проклята эта палка», подумала ведьма. – «Заставляющая матерей убивать своих детей!».

– И почему ты не сделала аборт? – сказал Шенвэль ровным голосом.

– Что? – воскликнула Кертель. – Да как ты смеешь…

– Балеорн был слаб и не смог сдержать себя, но ты-то, ты… – спокойно продолжал эльф. – Ящер дал вам свою силу, силу Нави. А вы, Разрушители, использовали ее для служения Прави. И эта, искаженная, перерожденная магическая сила – единственное, что может угрожать самому Ящеру. Твой Цин был не даром, а свойством. Ты знала, знала

прекрасно, что владение мертвой силой может передаться твоему ребенку… Мне! А я мог стать воплощением как Эльфа, так и Яроцвета. Смог же Яроцвет воплотиться в Дренадане, мать которого была эльфкой. И меня никто не смог бы остановить. Впрочем, мне и так никто не смог помешать.

Кертель зарыдала. Шенвэль обошел мать по широкой дуге и оказался по одну сторону жертвенника с Кариной. Ведьма попятилась.

– Что такое, милая? – сказал эльф.

– Знаешь что, – сказала Карина тихо. – Да, твоя мать предала тебя. Но ты отомстил, отомстил сполна. Это твое желание оказалось даже сильнее отвращения к мандреченкам, как я вижу. Ты надругался надо мной, насладился той самой безоговорочной покорностью и страстью, из-за которой Кертель отреклась от тебя. Я заслужила то, как ты поступил со мной, и у меня к тебе претензий нет. Всю жизнь я мучила мужчин. Издевалась, разбивала сердца и убивала тех, кто имел неосторожность полюбить меня. Должен был найтись хоть кто-то, кто заставил бы и меня испытать все муки и горечь любви. Пусть судьба была жестока ко мне, но хотя бы справедлива. Я принимаю и этот ее дар. Но ты… Родителей не выбирают! Несмотря на все, что ты сказал, твоя мать дала тебе жизнь. А ты так жестоко унижаешь ее!

– Тебе не следовало приходить сюда, – закончила Карина. – Кертель ничем не смогла бы мне помочь. Я вернулась бы к тебе, и ты насладился бы своей местью и обладанием мной.

Шенвэль отошел от ведьмы, прислонился к ограде капища. Отсюда морда идола была хорошо видна. Глаза Ящера были сделаны из обсидиана редкого цвета – серого в снежинках. В лунном свете белые жилки породы светились на черном фоне точь-в-точь как ломаные зигзаги Цин в черном магическом поле. Ящер, казалось, смотрел на эльфа. И смотрел злобно. Шенвэль тряхнул головой, отгоняя наваждение, и поискал глазами тень от идола. Она полностью накрывала Кертель, но еще не касалась края жертвенника.

В голове Карины появилась какая-то очень ясная и простая мысль, но ведьма не успела додумать ее до конца, потому что эльф сказал устало:

– Ты ошибаешься. Я давно отказался от мести. А сейчас уходи, Карина.

– Никуда я не пойду! – воскликнула Карина. – Зачем тебе это надо?

Шенвэль прикрыл глаза веками.

– Пока я жив, я не выпущу Эрустим из рук, – сказал он. – Пока я жив, ты будешь несчастна. А этого я не хочу. В полночь Ящер придет сюда, и все это кончится. Заберет артефакт в Подземный мир, и я думаю, что теперь там будет кому присмотреть за ним…

Он покосился на мать.

– О да, – сказала Кертель, глотая слезы. – Не сомневайся.

– Но я не хочу, чтобы ты видела, как Ящер наказывает клятвопреступников, – добавил Шенвэль, обращаясь к ведьме. – Уходи. Улетай или телепортируйся, как тебе будет удобнее. У тебя рядом со станицей есть ведьминская избушка, насколько мне известно. Возвращайся туда.

Ведьма топнула ногой так, что из-под ее ноги взметнулось облачко сухой глинистой пыли.

– Нет! – крикнула она и расчихалась.

Как и прошлой ночью, пыль Подземного мира попала ей в нос. Карина вытерла лицо рукой, размазав грязь и сопли.

– Да, – сказал Шенвэль.

Ведьма подошла к эльфу и обняла его.

– Если ты умрешь, – кусая губы, сказала Карина. – Я буду несчастна всю оставшуюся жизнь.

Шенвэль грустно улыбнулся.

– Это ты сейчас так думаешь.

– Я хочу, чтобы ты жил! Уходи, пока не поздно! – воскликнула Карина. – Кертель расскажет мне, как ей удалось жить вдали от Тенквисса… от дракона. В той самой ведьминской избушке. Я буду жить одна… Ты будешь иногда приходить ко мне…

– Нет, – сказал эльф.

– Но почему? – закричала ведьма.

– Я… – сказал Шенвэль. – Я слишком люблю тебя для этого.

Карина почувствовала, что слезы текут у нее по лицу. Она поняла, что через какие-нибудь полчаса все кончится… все. Ведьма думала, что разрушение чар жезла принесет ей облегчение. А сейчас Карина поняла, что ничего, кроме боли, не ждет ее на этом пути. Карине хотелось прижать Шенвэля к себе крепко-крепко, целовать его, ласкать, шептать ему в уши самые безумные признания.

И вдруг ведьма поняла, что это была за мысль.

– Это, конечно, очень возвышенно и героично, – сказала Карина. – Но это не решает нашу проблему. Эрустим уже украли один раз, хотя Змей Горыныч и следил за ним во все свои шесть глаз, украдут и снова. Я хочу прекратить это все. Доставай жезл, Шенвэль. Ты вытащишь из него мертвую силу. Я извлеку силу жизни. А Кертель, создательница артефакта, скажет нам, как это сделать.

Некоторое время в капище стояла тишина.

– Ну? – начиная сердиться, сказала ведьма. – Чего вы молчите? Все необходимые маги здесь, Жезл Власти тоже здесь… Какая разница, в чьих он руках? Надо торопиться, а вы смотрите на меня, как куклы фарфоровые!

– Карина права, Шенвэль, – сказала Кертель. – Так мы и сделаем! Шенвэль, достань Эрустим. Держи его так, чтобы Карина могла видеть сам черный шар.

Эльф засмеялся, встал на одно колено и поцеловал ведьме руку.

– Я всегда преклонялся перед практичностью мандречен, – сказал Шенвэль. – Воплощенный здравый смысл – вот что ты такое, Карина…

– Хватит подлизываться, – сказала ведьма сердито.

Карина перевела взгляд на жертвенник. Что-то витало в воздухе, что-то странно будоражило ее.

– Для начала… – сказала Кертель и осеклась.

Витая фигурка змея на рукояти кинжала потускнела. Тень Ящера пересекла жертвенник и упала к ногам Моготы. Изо рва с ровным гудением поднялась стена пламени. Глаза статуи Ящера засветились, словно давно остывшая лава раскалилась снова.

– Поздно! – закричала Кертель. – Ящер пришел! Бегите!

Как во сне, Карина увидела, что серебряная статуя в храме зашевелилась и легко сошла со своего пьедестала. Земля задрожала под ногами идола. Шенвэль схватил Карину за руку и потянул к выходу из капища. Видимо, жрец Дренадан не все рассказал ему об отношениях Карины с богами – в глазах приближающейся Моготы, которая должна была защитить ведьму, читались прямо противоположные намерения. Ящер ухмыльнулся, из пасти его вылетели короткие язычки пламени. Идол перекинул секиру из одной руки в другую. Мощными буграми перекатились мышцы на огромных руках. И тогда Карина наконец поняла, что это не сон и не бред, а все это происходит на самом деле. Ведьма рванулась из рук эльфа обратно к жертвеннику. Шенвэль последовал за ведьмой. Эльф старался находиться между Кариной и Моготой. Разъяренная статуя устремилась прямо на него, прижимая к жертвеннику.

– Куда ты? – крикнул Шенвэль.

– Если мы уйдем, дух Кертель будет бродить здесь вечно! – воскликнула ведьма.

Моготе удалось разделить ведьму и эльфа. Шенвэль попятился к частоколу. Эльф вытащил флейту из чехла. При первых звуках музыки лицо Моготы страшно перекосилось. Статуя подняла руки, словно защищаясь. Затрещал камень, земля под ногами ведьмы качнулась. Это Ящер пытался выбраться из своей ступы, чтобы придти на помощь жене. Размахнувшись, идол с силой ударил тесаком по площадке, но не дотянулся до отпрыгнувшего эльфа нескольких пядей. Вместо этого Ящер попал тесаком по лямкам заплечного мешка и перерубил их. Мешок свалился на площадку. Музыка зазвучала гневно. Шенвэль бил ей богов, словно плетью. Моготе удалось загородить собой выход из капища.

Серебряная статуя погнала эльфа под удары тесака Ящера.

– Где Осколок Льда? – воскликнула Карина.

– Не знаю, куда-то свалился, – крикнула в ответ Кертель. – Вытащи кинжал!

Карина пыталась вырвать кинжал из щели между камнями, но он застрял накрепко. Ведьма в ужасе посмотрела на чешуйчатую грудь идола – когда Ящер наклонился, его торс навис прямо над головой ведьмы.

Ящер снова ударил тесаком, сухая пыль взметнулась с площадки. Карина наконец вытащила кинжал, и дух Кертель растаял в темноте. Ведьма бросилась бежать. Могота обернулась. Карина увидела, что идол улыбается. В глазах статуи кружились холодные искры. Богиня Смерти оставила эльфа и двинулась прямо на ведьму. Шенвэль снова поднес флейту к губам и выдал такую руладу, что Карину пробил озноб. Могота застыла на месте с искаженным от ярости лицом, но перед тем, как потерять подвижность, успела круто развернуться в талии и протянуть руки к мужу в молитвенном жесте. Ящер взревел – он находился слишком далеко от жены и не мог коснуться ее, чтобы освободить от чар.

Шенвэль с облегчением увидел, что ведьма уже в двух шагах от выхода из капища. Сам эльф побежал в противоположную сторону. Шенвэль почувствовал, как земля под его ногами снова затряслась.

Ящер наклонился вперед вместе со своим каменным креслом. Частокол за спиной Ящера заскрипел и резко поехал вверх, закрывая звезды. Ограда поднималась вместе с землей. Часть столбов вывалилась. Крутясь, поскакали по площадке черепа, соскочившие с кольев. Эльф с изумлением понял, что трехгранный каменный столб был вкопан в землю больше чем на две трети. И теперь он знал, для чего. Это была попытка удержать Ящера в его идоле.

Ящер коснулся руки жены. Маленькая серебряная ладошка полностью скрылась в огромной серой ладони. Глаза Моготы вспыхнули. Статуя снова устремилась за Кариной. Ящер качнулся, возвращая стелу в вертикальное положение. Идол повернулся к Шенвэлю. Глаза статуи пылали. Шенвэлю казалось, что взгляд бога пронзает его насквозь. Усмехаясь, идол провел пальцем по краю лезвия.

Карина споткнулась о мешок Шенвэля. Ведьма упала, больно ударилась коленями о твердую глину. Шаги Моготы приближались. Карина слышала, как тихонько звенят при движении иглы черного магического хрусталя. Перевернувшись на спину, ведьма сквозь плотную ткань нащупала круглую рукоятку. Это мог быть только Жезл Власти. Карина засунула руку в мешок, путаясь в складках ткани. Могота приблизилась вплотную к ведьме. Карина, не выпуская из рук мешка, поползла в сторону частокола. Статуя схватила мешок со своей стороны и потянула ведьму обратно.

Ящер гвоздил тесаком по площадке, Шенвэль уворачивался изо всех сил. Танцевать Шенвэль умел и любил, но впервые танец, который ему приходилось исполнять, был не Танцем Смерти, а танцем со смертью. Эльф не удержался и оглянулся через плечо. Он увидел Моготу, склонившуюся над Кариной. Шенвэль вздрогнул и сбился с ритма. Тесак просвистел в воздухе у самой его щеки. Эльф отпрыгнул и заехал ногой в кучу костей у подножия идола. Кости с грохотом рассыпались. Шенвэль чуть не упал. Следующий удар был более удачным для Ящера. Тесак оторвал штанину эльфа ниже колена, проскользнул по коже эльфа, сжевал сапог и вошел в землю. Шенвэль оказался пригвожденным к площадке.

– Увидел, что хотел? – с нескрываемой иронией спросил Ящер.

Шенвэль снова невольно обернулся. Могота и Карина боролись за его мешок. Эльф попытался вырваться. Горячая каменная рука сжала его правое плечо. Рука Шенвэля с флейтой обвисла. Эльф не мог больше играть. Ноги у него подогнулись под тяжестью руки бога, но Шенвэль стиснул зубы и выпрямился. Еще ни один эльф не стоял перед Ящером на коленях. Хотя в этом Шенвэль начал сильно сомневаться. Если бы Ящер хотел этого, эльф уже не то что стоял бы перед ним коленях, а даже лежал бы ниц.

Но Ящер этого не хотел. Пока.

Мешок лопнул. Из него вывалился гематитовый жезл в форме руки, сжимающей

черный шар, и Карина узнала Жезл Власти. Две руки потянулись к жезлу – холодная серебряная и теплая человеческая, но Карина оказалась проворнее. Ведьма схватила Эрустим и направила его на Моготу. Карина призвала всю Чи, какую смогла – силу Воздуха, Земли, Воды и Огня, – и ударила ей через жезл. Из артефакта вырвалась сияющая лента огня. Ожерелье на шее идола вспыхнуло. Страшный крик Моготы слился в один с торжествующим воплем ведьмы. Могота яростно изгибалась, пытаясь сорвать с шеи пылающее ожерелье.

Ящер выпустил тесак, протягивая руку к жене. Но Могота стояла слишком далеко. Идол снял руку с плеча эльфа и уперся ею в край гранитной ступы, пытаясь вырвать из камня свое тело. Гранит затрещал, как гнилая дранка, и покрылся трещинами. Стела, и без того расшатанная, заходила ходуном. Эльф увидел петли чешуйчатого тела, высвобождающиеся из каменного плена.

– Хвост Ящера, – пробормотал Шенвэль.

Он поднес ко рту флейту. Руки эльф не чувствовал. Прижав флейту к губам, Шенвэль закрыл глаза и заиграл.

Эльф не видел, как Ящер застывает в камне. Обсидиановые глаза идола еще некоторое время хранили отсвет ярости вулкана. Но потом погасли и они, став серыми, тусклыми осколками давно остывшей лавы с редким рисунком – снежинками. Шенвэль не слышал последнего крика Ящера, от которого растрескались и посыпались вниз черепа, висевшие на шее идола. Осколки костей задели эльфа, одна из них рассекла ему щеку до кости. От боли эльф открыл глаза.

Последним, что Шенвэль увидел в этом мире, была спина Карины, выходившей из капища.

Серая мгла окутала эльфа. Он знал, что это такое, и обнаружив себя сидящим на широких черных ступенях, не удивился. Однажды Шенвэлю уже случалось призвать больше Цин, чем он мог преобразовать, и тогда эльф оказался на Ступенях в Подземный мир первый раз. Отсюда еще можно было вернуться мир живых, если бы удалось правильно определить, в какую сторону по бесконечной лестнице надо двигаться. В тот раз друг Шенвэля, Рингрин, заплакал над ним, и Чи Воды, Чи слез, упавших на щеку Шенвэля, вспыхнуло в одном из концов лестницы подобно яркому факелу. Но в этот раз ни на что подобное рассчитывать не приходилось.

Однако Шенвэль не торопился начать спуск. Эльф очень устал и решил посидеть немного, отдохнуть перед дальней дорогой. Он ощутил колебания Цин рядом с собой, обернулся и увидел отца. Шенвэль улыбнулся.

– Привет, папа, – сказал он. – Я так соскучился по тебе.

– Привет, – сказал Балеорн. – Пойдем.

Шенвэль поднялся на ноги, и они двинулись по черным гладким ступеням.

– Ты зачем маму так обидел? – сказал Балеорн грустно. – Я не узнаю тебя, Лайтонд. Ты же был таким ласковым и добрым, а стал таким жестоким и холодным…

– У меня были хорошие учителя, – ответил Шенвэль сквозь зубы.

Балеорн покачал головой.

-Ты же знаешь, мать всю жизнь боялась, что ты разрушишь наш мир, – сказал он.

– Но я этого не сделал, – пожал плечами Шенвэль. – Ты надеялся, что мне этот страшный дар не достался, и хотел, чтобы я создавал прекрасные города, как ты. А я не выполнил и твоих ожиданий.

Балеорн вздохнул, остановился и вдруг обнял сына. Шенвэль почувствовал, как у него защекотало в носу от слез, и отвернулся.

– Обычно это материнская любовь безоговорочна, но у нас необычная семья, – сказал Балеорн. – Ты мой сын, и я всегда буду любить тебя. Что бы ты ни сделал.

Шенвэль увидел перед собой разгорающееся сияние.

– Твой срок еще не пришел, – сказал Балеорн, отпуская его. – Иди.

Шенвэль шагнул в свет.

– Пей, – услышал он голос Карины и ощутил, как холодная вода коснулась его губ. Эльф сделал жадный глоток. В воде ощущался привкус мокрого дерева. – Вот так, вот так…

Шенвэль открыл глаза и осмотрелся. Они все еще находились в капище. Голова эльфа лежала на коленях ведьмы. Карина улыбнулась ему. В руке ее была берестяная кружка.

Идол Моготы остался стоять в нескольких саженях от своего храма. Богиня обеими руками держала на уровне лба ожерелье, которое так и не смогла снять. Статуя Ящера застыла в позе, полной гнева и страдания. Наклонившись вперед вместе со стелой, идол тянул одну руку к жене. Второй рукой Ящер крепко сжимал край своей ступы. Идол стал выше – Ящеру удалось вытащить из камня не меньше пяти аршин своего свинцового тела.

– Давай договоримся, – сказала Карина.

Шенвэль посмотрел на прямоугольную выпуклость под курткой ведьмы и опустил взгляд.

– Давай, – откликнулся эльф.

– Ты отдашь мне Иглу Вахтанга, – сказала Карина.

– Не шевелись и не призывай свою Чи, – сказал Шенвэль. Ведьма увидела, как его ладонь засияла черным светом, и замерла, боясь даже вздохнуть. Черная игла в свинцовой оправе выпала из сияния и глухо ударилась о землю. Сияние погасло. Карина подняла артефакт и вколола его в рукав куртки.

– И сделаешь мне ребенка, – продолжала Карина. Ведьма нахмурилась. – И без всяких этих эльфийских штучек, не вздумай сделать свои сперматозоиды слишком медленными…

Эльф сглотнул.

– Что, прямо здесь? Сейчас?

– Да.

– Какие-то некрофильские у тебя наклонности… – пробормотал Шенвэль.

Карина удивленно посмотрела на него. Эльф понял, что для ведьмы черепа на кольях и кости эльфов перед идолом являются не останками живых существ, а неотъемлемой частью пейзажа. Вроде картины на стене.

– Я не могу заниматься любовью на костях моих соплеменников, – сказал Шенвэль.

– Так не здесь же, – сердито сказала Карина. – Мы в храм пойдем.

Ведьма поднялась на ноги и протянула руку эльфу.

– Отдай иглу, – сказал Шенвэль, вставая. – А то наш ребенок будет владеть мертвой силой.

Они направились к контине.

– Я этого и хочу, – сказала Карина спокойно.

Шенвэль вздрогнул и остановился.

– Нет, – сказал он. – Нет. Этого я не сделаю… Кто научит его управлять мертвой силой, если я погибну?

– Сделаешь… – прищурившись, ответила ведьма. – Учителя найдем, не беспокойся. Гёсу, например. Ты сам превратил его в Музыканта. Они с Зариной разнесли Кулу и сейчас летят в Экну, мы с ними встретились – они здесь отдыхали перед дальней дорогой.

– Зачем тебе это нужно? – спросил эльф.

Карина вздохнула.

– Душа Кертель была выжженной землей, Балеорн превратил ее в цветущий сад, – сказала ведьма. – Но изгнать черного змея, что гнездился там, твоему отцу оказалось не по силам. И имя этому змею было вовсе не боль, а Страх, и этот змей убил прекрасное дитя, рожденное в этом саду… Кертель предала тебя, хотя ты этого не заслужил. Никто в этом мире, даже самый последний негодяй, не заслужил предательства.

– Какое у тебя сегодня поэтичное настроение, – заметил эльф.

Ведьма отмахнулась.

– Для того, чтобы овладеть Чи Воздуха, надо научиться петь, – сказала Карина. – Всех ведьм учат петь – и сочинять песни… Кем бы ни стал наш ребенок – великим злодеем,

героем или просто садовником – я никогда не отрекусь от него. Я буду с ним, даже если в нем воплотятся Яроцвет, Эльф и Ящер вместе взятые! И если… вдруг… в нем снова воплотится Эльф, то… Я не люблю тебя. Ты – ледяной эльф. Черное небо твоей души освещают прекрасные фейерверки. Они похожи на те узоры, что горят по ночам в нашем море, но море – теплое, а цветы звезд холодны. Но я люблю в тебе того мужчину, которым ты мог бы стать – жизнерадостного, лукавого и доброго.

– Ты думаешь, я уже никогда…

– Не знаю, – сказала Карина задумчиво. – Не знаю. Иногда, в особенно суровые зимы, когда реки промерзают насквозь, в толще льда видны застывшие рыбы. Так и твоя душа – это рыба, погибшая во льду. Нужно очень много тепла, любви, терпения и магии, я думаю, чтобы мороженые тушки снова превратились в игривых карасей. Говорят, что и на берегу залива Вздыбленного Льда когда-то цвел миндаль и росли кипарисы. Но я не знаю, хватит ли мне сил…

– В этом мире для нас с тобой почти ничего невозможного нет, – сказал Шенвэль.

Карина усмехнулась.

– Ну да, – сказала ведьма. – Ты маг седьмого класса, единственный эльф, который владеет мертвой силой, я – Хозяйка Четырех Стихий. Но, видишь ли… От магии в любви мало проку.

– Я знаю, – сказал эльф. – Что же, пойдем, посмотрим, на что мы способны без нашей магии…

Ведьма возилась со штанами – в темноте она надела их задом наперед.

– Ты пока возьми Жезл Власти, – сказала Карина. – Он в ельнике, в роднике спрятан. Отоспимся у Лакгаэра, уберемся в Фейре, и возьмемся за Эрустим. Вместе раздолбаем уж его как-нибудь, я думаю.

Шенвэль замер на месте.

– Что? – сказал он, обернувшись. – Все это время ты…

– Да, – сказала ведьма устало. – Я не имела никакой власти над тобой, кроме той, что ты дал мне сам.

– Но у тебя куртка на груди так топорщилась…

– Мало ли что у кого из нас топорщилось. Я свернула твой заплечный мешок, – усмехнувшись, сказала Карина. – Вернемся, попробую пришить лямки.

– Но почему сейчас ты хочешь, чтобы я взял жезл? – спросил эльф.

– Я поняла, – помолчав, сказала ведьма. – Что не смогу быть рабовладелицей… Я не могу смотреть, как ты… Лучше уж я еще немного побуду рабыней. Игла Вахтанга на мне; может, это хоть немного сдержит чары Эрустима.

Шенвэль покачал головой.

– Послушай, – сказал он. – Я взял Эрустим потому, что у меня не было выбора. Я вовсе не хотел унизить тебя или что-то…

– Да я знаю… – с тоской в голосе сказала ведьма.

– Может, это и отвратительно выглядит, но мне не тяжело быть рабом. Совсем. Я ведь провел в воспитательном лагере почти пятьдесят лет. Да и Змей Горыныч убьет меня сегодня, если жезл будет в моих руках. Короче – я не хочу его брать.

– Во-первых, – сказала Карина рассудительно. – Может быть, дракон сегодня и не прилетит. Вон ты как его отделал.

Ведьма и эльф одновременно посмотрели через открытую дверь на изуродованного идола.

– Во-вторых, – продолжала Карина. – Поговори с ним.

Шенвэль хотел возразить, но вспомнил, что именно это спасло Лакгаэра. Эльф заговорил с богом, которого ненавидел – и Ящер ответил даже ему.

– Попробуйте вместе извлечь из жезла мертвую силу, – сказала ведьма.

Шенвэль покачал головой.

– Ну пожалуйста… – тихо сказала Карина.

Эльф вздохнул, и они вышли из контины.

– Жди меня на кострище, – сказал Шенвэль, отдал Карине флейту и удалился в ельник. Ведьма послушалась, прошла между гудящими стенами огня и оказалась на старом пепелище. Карина прошлась туда-сюда в ожидании эльфа, зацепилась ногой за что-то острое, торчавшее из золы, и чуть не упала. В этот момент ее душу заполнило знакомое чувство – щенячья радость самоотверженности.

Эльф нашел жезл и взял его.

Ведьма вздохнула.

«Ты сама этого хотела», стискивая зубы, напомнила себе Карина.

Она увидела Шенвэля, идущего через капище, и Эрустим за поясом эльфа. Шенвэль остановился и подобрал тесак, выпавший из руки статуи. Помахивая им, эльф перешел огненную стену по балке. Шенвэль обнял ведьму и пробормотал себе под нос заклинание, настраивающее телепорт.

Глава Нолдокора и князь Иван решили выставить в храме Проглоченного Солнца совместный патруль до прибытия из Кулы жреца Ящера. В эту ночь луны не было, и море не светилось тоже. Марфору пришлось дежурить в кромешной тьме. К полуночи эльфу начало казаться, что на корме его лодки сидит темная фигура ящероподобной формы, да и лодка вроде как стала тяжелее… Марфор сам понимал детскость своего страха, но подойти на корму и проверить ему не хватало духу. Впрочем, мандречену в храме должно было быть еще страшней. Марфор увидел огонек в темноте – мандречен вышел на берег. Пламя описало круг и поднялось вертикально вверх. Марфор испытал невыразимое облегчение и наполнил парус волшебным ветром. Человек подавал ему знак, который и у эльфов, и людей означал одно и то же – «Ко мне».

Марфор бросил якорь и выпрыгнул из лодки на песок.

– Слышь, сидх, – сказал мандречен. Голос его звучал глухо из-под старинной каски с узким наносьем. – Покажи мне, как там ваши светильники на стенах включаются, а то мне все кажется, что с лестницы ползет кто-то… Я уж и зачурался, и молитву Яриле прочел, а толку-то…

Человек устыдился своего признания и добавил почти шепотом:

– Так я хоть видеть буду…

– Это ваши светильники, я могу и не справиться, – сказал Марфор. – Но, честно говоря, я уже и сам хотел подплыть, помочь, да боялся, что ты меня зарубишь. Решишь, что все-таки к тебе приползли…

Мандречен усмехнулся. Они с эльфом поднялись по вытесанным в скале ступеням и вошли в храм. Марфора удивили огромные окна на первом этаже башни, в которых не было ни стекол, ни ставен. Эльф осторожно коснулся светильника на стене своим Чи. Ничего не произошло. Марфор озадаченно хмыкнул. Тут в отблесках факела он увидел круглую ручку под светильником.

– Предлагаю нажать, – сказал Марфор.

Мандречен сглотнул, вытащил меч из ножен.

– Давай, – сказал он.

Эльф надавил на ручку и сощурился – вспыхнула вся цепочка светильников на стенах. Мандречен перевел дух. Марфор столкнулся взглядом с суровым стариком, который в одной руке сжимал кнут, а в другой держал раскрытую книгу. Эльф шагнул назад, но в этот момент сообразил, что старец нарисован на черной двери в противоположном конце тесного придела. Шинель человека лежала на полу рядом с винтовой лестницей, ведущей в верхние этажи башни. Около шинели Марфор заметил котомку мандречена.

– Благодарствую, – сказал человек.

Марфор кивнул.

– А что там, наверху? – спросил эльф, указывая на лестницу.

Мандречен сплюнул.

– Я не смотрел, – сказал он мрачно. – Но князь Иван с вашим старейшиной ходили, говорят, там чертежи какой-то машины, которую должен крутить прилив. Ваш-то старейшина очень заинтересовался, да только там руны старые, секретные. Их только волхвы Ящера читать умеют. Так что надо ждать, пока волхв из Кулы приедет.

– Вот как, – пробормотал Марфор. – Ну, я пойду.

– Может, перекусим вместе? А потом уже и пойдешь… – сказал мандречен. По голосу было ясно, что мужчине совсем не хочется оставаться одному.

Эльф пожал плечами.

– А почему бы и нет, – сказал Марфор.

Эльф положил свой плащ на пол, рядом с шинелью мандречена, сел и потянул с плеч мешок.

– Меня Николаем зовут, – сказал мандречен, усаживаясь. – Будем как сюрки, на полу…

Марфор тоже представился. Николай достал из своего мешка тугой сверток. На белом полотенце были вышиты жуткие рогатые животные, отдаленно напоминающие лосей, и хвостатые руны, на мандречи означавшие «солнце». Эльф потянул носом. «Драники со сметаной», определил Марфор, вздохнул и вынул свои бутерброды. Николай развернул полотенце, постелил его вместо скатерти. Эльф и мандречен разложили на ней нехитрую еду, мандречен поставил небольшой кувшин и кринку со сметаной. Николай выудил из кармана брюк флягу, из другого вынул маленький железный стаканчик.

– Будешь? – спросил он.

Видя, что эльф колеблется, мандречен добавил дружелюбно:

– Только чуть-чуть, для храбрости…

– А давай, – сказал Марфор.

Николай достал второй стаканчик, наполнил оба прозрачной, остро пахнущей жидкостью.

– Ну, – сказал он, поднимая свой. – Со знакомством!

Спирт обжег горло Марфора. У эльфа на миг потемнело в глазах. Мандречен в это мгновение показалось, что редкие звезды в огромных окнах исчезли, и раздался тихий свист, словно бы от огромных крыльев. Николай решительно сплюнул, скрестил пальцы в знаке Чура.

– Запей, – сказал мандречен заботливо, подавая эльфу кувшин. В нем оказался морс. Марфор жадно отпил, вытер выступившие на глазах слезы и взял драник.

Николай откусил от бутерброда с ветчиной добрую треть, налил себе еще водки и предложил Марфору. Эльф жестом отказался и макнул драник в сметану.

– Ты в чем проштрафился, что тебя сюда послали? – спросил Николай.

– Да ни в чем. Я просто единственный холостой в нашем патруле, – ответил Марфор. – А ты, я так гляжу, вкушаешь все прелести семейной жизни…

К его удивлению, Николай смутился.

– Да я не женат, есть тут просто одна бабенка… – сказал мандречен. – Адриана зовут.

– А она не в госпитале работает? – спросил Марфор. – И сынишка еще у нее, Михеем зовут?

– Откуда ты ее знаешь? – ревниво спросил мандречен.

– Я приходил на ваш берег сдержать волну в ту ночь, когда ведьмы и Лайтонд разрушили замок, – сказал Марфор. – Так если бы не Михей и мама его, мы бы с тобой сейчас не разговаривали…

Взгляд мандречена потеплел. Николай снял каску.

– А я в ту ночь, вишь, на КПП был, – сказал мандречен. – Сам-то я не военный, а дружок у меня был такой – Сашка Перцев. Вот он мне и говорит – приходи, повеселимся….

Николай помрачнел и точным движением швырнул содержимое стакана себе в горло. Мандречен крякнул, обтер усы рукавом и продолжал:

– Навеселились – до самой смерти не забуду. От Сашки только левый ботинок нашли.

А он мне еще четыре ногаты был должен… Я в ту ночь на глаза этой сволочи, воеводе нашему, попался. Вот он сейчас и говорит – солдата посылать жалко, нет такой статьи в уставе – храмы охранять. Давайте дружинника отправим какого. А я хожу иногда с ребятами. Вот когда набережную Зленного мыса расчищали, мы там следили за порядком. А как только воевода меня увидел, так сразу и закричал – этого давайте пошлем, он самый ответственный, я его знаю…

– Так ты не солдат? – спросил Марфор.

Николай отрицательно покачал головой. Теперь, когда он снял каску, стало видно, что лицо у него и впрямь слишком добродушное для профессионального воина.

– Нет, я воевал, как все, – сказал человек. – А так гончар я, потомственный. Вот, а Михей у Адрианы в храм Хорса пристроен был, так его выперли. Магические способности полезли из мальчишки после праздника Купайлы, он говорит, его маленький эльф научил.

– В этом нет ничего удивительного, – сказал Марфор, прислоняясь к стене и чувствуя, как приятное тепло разливается по телу. – Мать у Михея магичка тоже…

Николай кивнул.

– Адриана убивается, – продолжал он. – Я мог бы Михея к гончарному делу приучить, так он не хочет. Заявил матери, что будет торговцем… Будет плавать на кораблях в заморские страны… И уперся, главное, как осел, честно слово…

– Если бы не закон этот дурацкий, – сказал Марфор задумчиво. – Я мог бы Михея к одному своему знакомому купцу на корабль пристроить. Мальчик тем более может управлять Чи…

Эльф подумал об Аласситроне и вспомнил, что заказ на утварь, который привез муж Ваниэль, был слишком велик – эльфийские мастера не смогли бы выполнить его к сроку. Аласситрон очень нервничал по этому поводу.

– Слушай, Николай, – сказал Марфор. – А у тебя с собой образцов продукции, конечно, нет?

– Почему же, есть – ответил Николай и вытащил из-под кольчуги висевший на шнурке оберег – небольшой кувшинчик, покрытый темной глазурью и геометрическим узором. Человек наклонился, чтобы эльф мог рассмотреть кувшинчик во всех подробностях. Марфор взял кувшинчик на ладонь. Насколько эльф разбирался в гончарном деле, качество работы было весьма неплохое. Крохотные треугольники были выписаны очень тщательно.

– А другой узор ты не можешь пустить?

– Переверни оберег, – сказал Николай.

Марфор так и поступил. Другая сторона кувшинчика была расписана тонкими, изящными зелеными листочками.

– Такой? – спросил человек.

Эльф хмыкнул.

– Примерно, – сказал Марфор. – Слушай, Николай, мне тебя просто послали боги. Тут пришел большой заказ из Сюркистана…

Ночи стояли теплые, не сказать – душные, и любовники не закрывали дверей на террасу. Ветер взметнул занавеску и мазнул ей эльфа по лицу. Шенвэль приподнялся на локте.

В открытые створки, поскрипывая жесткой чешуей, просунулась огромная голова. Серо-зеленые глаза дракона вспыхнули, когда он заметил Карину. Легкая простыня сползла с беспокойно спавшей ведьмы. Дракон высунул из пасти раздвоенный язык толщиной с хорошую змею и протянул его к спящей. Язык дракона коснулся обнаженного плоского живота Карины и скользнул чуть вниз. Но тут Шенвэль крепко схватился за язык в том месте, где он раздваивался. Дракон пискнул, как цыпленок, и потянул язык назад. Но руки эльфа держали его язык, словно тиски.

– Был бы меч, отсадил бы по самые гланды, – сказал Шенвэль с черной яростью. – А так придется вырывать…

Эльф начал наматывать язык себе на локоть. Голова бешено завращала глазами, попыталась вырвать язык из ловушки, но куда там! Дракон тихонько застонал от ужаса. Карина зашевелилась во сне.

– Уматывай, – сказал Шенвэль, отпуская язык. – Скажи Змею Горынычу, что я сейчас выйду.

– Я бы на твоем месте сильно не храбрился, – заметила голова на прощание и исчезла. Эльф встал, оделся и взял Эрустим. Некоторое время Шенвэль стоял у раздвинутой створки, собираясь с духом. Затем шагнул на террасу. Рана на лице задергала, нога заныла. Прихрамывая, Шенвэль спустился по дорожке.

Огромная черная глыба занимала весь пляж. В темноте вспыхнуло зеленоватое пламя, словно кто-то отодвинул заслонку с устья ведьминской печи – Центральная голова дракона, услышав шаги Шенвэля, открыла один глаз.

– Здравствуй, Змей Горыныч, – сказал Шенвэль.

– Здравствуй, Эльф, – отвечал дракон, открывая второй глаз.

По движению двух огромных светляков эльф догадался, что Змей Горыныч разминает шею, покачивает ей в разные стороны.

– Осталось ли у тебя в этой жизни какое-нибудь незаконченное дело? – спросила Центральная голова.

Шенвэлю была известна эта формула.

– Подожди, Змей Горыныч, – сказал эльф. – Карина сама отдала мне жезл, потому что…

– Осталось ли у тебя в этой жизни какое-нибудь незаконченное дело? – яростно повторил дракон.

– Да, – сказал Шенвэль. Он собрался с мыслями. – Я хочу вытащить из Эрустима мертвую силу и отдать жезл Карине. Я опасаюсь, что она не сможет вытащить из жезла Цин сама. Что Карине придется обращаться за помощью к другому магу, и к чему это может привести… Среди императоров Мандры только экен не хватало. Передай Гаде мои соболезнования. Я не хотел делать ее вдовой, я бы дал Черному Пламени уйти, но он сам напал на меня. И еще я хочу, чтобы ответил на один мой вопрос.

Три головы немного посовещались между собой. Все шесть зеленых глаз дракона горели над эльфом, словно самое близкое, невиданное созвездие.

– Что за вопрос? – спросила Центральная голова.

– Всего две недели я владею Эрустимом, – сказал эльф. – И вот ты здесь. Спасать от меня Карину. А Кертель прожила всю жизнь под чарами жезла, и ты так и не пришел ей на помощь. Почему? Ты рассердился на нее за то, что она передала твой страшный подарок дальше? Что она родила меня?

– Я не могу сердиться на Наву, – отвечала Центральная голова. – Чтобы она ни сделала. Но ваш мир может выдержать только одного истинного дракона. Двоих уже нет. А здесь уже был Черный Червяк. Он прекрасно знал, что я не могу войти в этот мир, пока он здесь. А ты не мог загнать его обратно в Подземное царство, пока Нава не полюбила тебя. Я ответил на твой вопрос?

– Да.

– Что касается извлечения мертвой силы из ведьминского скипетра, – продолжала Центральная голова. – Это можешь сделать только ты. И только на освященной земле.

– После этого власть ведьминского скипетра над тобой ослабнет, – сказала Правая голова. – И если ты сможешь отдать его Наве, у меня не будет причин убивать тебя.

– Полетим назад, в капище Третьего Лика? – спросил Шенвэль.

– Зачем? – удивился дракон. – Когда у нас под боком мой храм? Все равно его придется уничтожить – там хранятся знания, запретные для вас. Так уж заодно…

Шенвэль посмотрел вперед, где, невидимый в темноте, высился храм Проглоченного Солнца. Эльф покачал головой.

– Его охраняет объединенный эльфийско-мандреченский патруль.

Правая голова пренебрежительно щелкнула языком.

– Сколько их? – спросила Центральная. – Рота, две?

– Один человек и один эльф, – сказал Шенвэль. – Но мне не хотелось бы лишних смертей, Змей Горыныч. Эльфа я уговорю.

– А мандречена я беру на себя, – сказал дракон, протягивая лапу, чтобы эльф взобрался ему на шею.

Николай потер глаза.

– Вроде и выпили немного, а в сон клонит, – пробормотал он и смачно зевнул. Николай увидел, что эльф спит, и легонько ткнул его в бок. Марфор открыл глаза.

– Может, будем сторожить по очереди? – предложил мандречен. – Сначала я, потом ты…

Эльф пристально посмотрел на него и сделал несколько пассов руками. Глаза Николая заблестели, мандречен явно взбодрился. Эльф поднял с пола его меч. Увидев округлившиеся глаза Николая, он приложил палец к губам. Марфор бесшумно встал, подошел к двери храма и распахнул ее. Мандречен поспешно надел каску.

– Выходи, – сказал эльф, занося меч над головой. – Хуже будет.

Из темноты выступил эльф в форме Танцора Смерти. Лицо его украшал свежий пластырь, форма была исполосована серыми разводами золы. Но Марфор, несмотря на пластырь, узнал эльфа, а Николай узнал гематитовый жезл в его руке. Марфор опустил оружие и молча встал на одно колено. Все было ясно. Вошедший перевел взгляд на мандречена.

Тот понял, кто в этой истории окажется крайним. К Марфору никаких претензий предъявить никто не смог бы – Верховный маг Фейре по своим полномочиям приравнивался к верховному главнокомандующему, и мог снять часового с любого поста. Николай и не предполагал, что обнаруженный архив столь ценен, но что за сдачу храма эльфам ему придется ответить собственной головой, мандречен не сомневался.

По его безумным глазам Шенвэль понял, что мандречен решил стоять до последнего.

– Я смотрю, Лайтонд, ты уже на ногах, – хрипло сказал Николай. – И уже не только ходишь, но и танцуешь?

В этот момент в окна просунулись три головы дракона. Мандречен побледнел.

– Здорово, орел! Как служба? – спросила Центральная голова.

– Да, кстати, – сказала Правая голова. – Перцев просил передать тебе, что четыре ногаты, которые он был тебе должен, лежат у него дома в кладовке. В левом кармане старого мундира. Жена-то не знает. Так ты сходи, возьми…

Левая же голова для поддержания разговора выпустила длинную струйку огня. Николай рухнул без чувств. Каска сорвалась с его головы и с грохотом поскакала по полу.

– Уходи, – сказал Шенвэль Марфору. – Забирай мандречена и уходи…

Марфор покосился на дракона.

– Он тебя не тронет, – сказал Шенвэль.

– А тебя? – спросил Марфор тихо.

Шенвэль улыбнулся.

– Все будет в порядке, – сказал он ободряюще. – Идите же…

Шенвэль нагнулся, поднял каску. Марфор тоже наклонился и торопливо прошептал:

– Бей в горло, прямо под челюсть, туда, где зоб. Тогда он огнем больше дышать не сможет…

– Спасибо, – так же тихо ответил Шенвэль и нахлобучил на Николая каску. Марфор выволок мандречена из храма, дотащил до причала и погрузил в лодку. Губы не слушались эльфа, и произнести заклинание, чтобы наполнить парус волшебным ветром, ему удалось только с третьего раза.

В храм вошел невысокий плотный брюнет с зелеными глазами и в сером, словно

свинцовом, панцире.

– А я-то гадал, как ты сюда пролезешь, Ящер, – глядя на воина, медленно сказал Шенвэль. – Дренадан сказал, что ты не можешь воплотиться в человека…

– Ты же видел меня в человеческом обличье, – возразил Ящер. – На своей свадьбе.

– Но Гада сказала, что это были оптические чары, – сказал Шенвэль. – Чтобы я не чувствовал себя неуютно в окружении драконов.

Бог покачал головой:

– Я говорил тебе – никогда до конца не доверяй жене и волхву.

– Да, и кстати, чего это твоя жена так на Карину набросилась? – спросил эльф. – Ревнует, что ли?

Ящер усмехнулся.

– Нет, – сказал бог. – Просто Моготу так попросили, что отказать она не могла…

Ящер и эльф подошли к черным дверям. Шенвэль потянул на себя тяжелую створку, но она не поддалась. Ящер повел бровью, и двери распахнулись с отчетливым щелчком. Бог вошел, пошарил рукой по стене, и зал залил яркий свет. Эльф задумчиво посмотрел на круглую ручку, которую нажал Ящер.

– Лакгаэр сказал мне, что они обнаружили здесь чертежи машины, похожей на ту, остатки которой я видел в Квалмэнэн, – произнес Шенвэль. – Что плохого в том, что наши дома озарятся светом, на который не надо будет тратить Чи?

– В самом свете ничего плохого нет, – сказал Ящер угрюмо. – Да только я вас знаю. Скажем так, он очень горячий, этот свет; вы быстро научитесь поджаривать друг друга с его помощью…

Эльф увидел в центре зала жертвенник с петлями для рук и ног и помрачнел.

– Я сюда не лягу, – резко сказал Шенвэль.

– Конечно, конечно, – успокаивающе ответил бог и сильно ударил его в лицо.

Прямо в свежую рану.

От удара пластырь сорвался, кровь брызнула во все стороны. Эльф упал.

Ящер подхватил Шенвэля подмышки, подтащил к жертвеннику и уложил на него. Потом бог стал рыться в карманах, что-то бормоча себе под нос. Результатом поисков стал черный хрустальный шар, вполовину меньше того, что венчал Жезл Власти. Шенвэль заворочался, приходя в себя. Эльф резко сел на жертвеннике и направил Эрустим на Ящера.

Несколько секунд они смотрели друг другу в глаза. Шенвэль первым отвел взгляд.

– Не так, – спокойно сказал бог и протянул ему хрустальный шар. – Возьми его в левую руку, а ведьминский скипетр в правую.

Эльф взял магический шар.

– Ложись, – сказал Ящер.

Шенвэль опустился на спину и отвернулся, делая вид, что его очень заинтересовал барельеф на стене – черный ворон размером с орла, с широко распахнутыми крыльями, стоявший на куче отвратительных муравьев, жуков и пауков.

– Как ты управляешь мертвой силой? Как ты ощущаешь ее? – спросил бог.

– Я слышу музыку и отдаюсь ей, – сухо отвечал эльф.

– Сделай то же самое, – сказал Ящер. – Услышь музыку скипетра, сделай эту мелодию своей, отдайся ей. Как отдаешься женщине – весь, целиком. Когда я увижу, что мертвая сила ведьминского скипетра вошла в тебя, я загоню ее в этот шар. Ты готов?

Шенвэль кивнул.

– Начинай, – скомандовал бог.

Эльф закрыл глаза. Музыку Шенвэль услышал почти сразу. Это была самая чарующая и самая странная из всех мелодий, что ему доводилось слышать. Музыка возбуждала эльфа все сильнее, он чувствовал, что падает во влажную бездну, но остановиться не мог. Шенвэль больше не владел музыкой, это музыка владела эльфом. Шенвэль закричал, судорожно сжимая Эрустим и шар. На штанах спереди стало расплываться влажное пятно.

Шар в левой руке эльфа засветился неживым, холодным светом, и это свечение

разгоралось все ярче.

Такого полного оргазма Шенвэль не испытывал еще никогда в жизни. Но в какой-то момент эльф с ужасом почувствовал, что не может остановиться, хотя захлестывавшие его вихри наслаждения сменились спазмами невыносимой боли.

По ногам Шенвэля потекла кровь.

Ящер одной рукой сжал непоколебимо стоявший член эльфа, а второй накрыл лицо Шенвэля. Вспыхнули и опали под рукой бога черные молнии – Ящер коснулся эльфа своей Цин.

Мир взорвался, и эльф вместе с ним.

– Дыши! Дыши! – услышал Шенвэль голос Ящера, но самого бога не видел. Голос, словно гром, шел отовсюду. Эльф попытался вдохнуть и не смог. Однажды в детстве Шенвэль чуть не захлебнулся, и сейчас испытывал точно такое же ощущение – его легкие были словно наполнены водой. «Я забил Цин свои легкие», подумал эльф с отрешенным спокойствием.

– Дыши же! – воскликнул Ящер снова.

Шенвэль вдохнул. Эльфа начало рвать. Бог повернул его на бок. В перерывах между спазмами эльф пытался что-то сказать, но у него вырвалось только неразборчивое бормотание.

– Что? – переспросил Ящер, наклоняясь к нему.

– Убери руку, – сдавленно повторил эльф.

Бог усмехнулся, разжал руку и отошел. Некоторое время Шенвэль лежал на жертвеннике, приходя в себя. В разрыв на щеке, казалось, напихали горячих углей.

– Что теперь? – спросил эльф.

– Теперь ты отдашь ведьминский скипетр Карине и будешь ждать, пока она извлечет из него силы Жизни, – устало ответил Ящер. – Мертвая сила скипетра не уйдет в Подземный мир до тех пор, пока из скипетра не будут освобождены сил Жизни, пока он не будет разрушен. Когда это случится, твой шар затрещит, как погремушка базарного шута. Ты должен будешь положить на него руки. Тогда мертвая сила уйдет через тебя в землю. Если что-то пойдет не так, если шар взорвется раньше, чем ты сможешь прикоснуться к нему, ты должен будешь добраться до осколков, чего бы это тебе не стоило. Освобожденную мертвую силу через себя пропускать нельзя, тебе будет нужна хотя бы сухая палка или меч. Положишь левую руку на обломки, правую на палку, и упрешься ей в землю. И заклинание скажешь, слушай внимательно. «Уходи, сила врага, за крутые берега, где стоит трава в мой рост, уходи за Калинов мост!». Ты все запомнил?

– Да, – пробормотал Шенвэль. – Уходи, сила врага, за крутые берега, где стоит трава в мой рост, уходи за Калинов мост…

– Вот и отлично, – сказал Ящер.

Карина проснулась. Шенвэля не было. На столике у кровати лежал Жезл Единства и увесистый мешочек. Ведьма вскочила, схватила Эрустим и выбежала на террасу. Кожа ведьмы покрылась крупными пупырышками. Но Карина этого даже не почувствовала.

Ведьма увидела дракона. Огромный зверь мирно спал на пляже. Центральная голова лежала между вытянутыми передними лапами, по бокам были широко разбросаны огромные кожистые крылья. Карина спустилась на пляж и пнула дракона в бок.

– Просыпайся, скотина! – выкрикнула ведьма. – Кертель боялась, что Шенвэль убьет тебя, и испортила всю жизнь бедному парню, но она ошиблась! Это сделаю я! Лучше уж без всякого защитника, чем с таким, как ты!

Дракон зашевелился. Зашуршала крыло, и Правая голова оказалась прямо перед лицом Карины.

– Биться так биться, – сказала Правая голова сонно. – Но зачем кричать в…

Ведьма приставила Эрустим к ее носу. Правая голова открыла глаза и увидела Карину.

– Бессмертная Дева, – пробормотала Правая голова. – Это ты…

– Да, это я, – сказала Карина. – Насчет моего бессмертия я еще ничего не знаю, но ты сейчас сдохнешь!

– Как тебе будет угодно, – раздался сверху спокойный голос Центральной головы. – Но, может, весть о том, что Эльф жив, заставит тебя изменить твое решение?

Карина захлебнулась воздухом.

– Ты врешь, – сказала ведьма. – Я нашла жезл на столике. Шенвэль говорил, что пока жив, не сможет выпустить его из рук!

– Сильнее всего Эльфа держала мертвая сила ведьминского скипетра, – сказала Центральная голова. – Мы извлекли ее из скипетра, а потом Эльф ушел куда-то…

– Куда?

– Я не знаю, – сказала Центральная голова. – Но думаю, что знает вон тот старик, что спешит сюда.

Карина обернулась и увидела Лакгаэра. Старый эльф бежал по лесенке, размахивая какой-то книгой.

– Карина! – закричал он, увидев, что ведьма обернулась. – Подожди! Не улетайте!

– Закройте меня, я же голая, – пробормотала смущенная Карина.

Змей Горыныч закрыл ведьму своим крылом. Старый эльф остановился на террасе. Лакгаэр увидел, что дракон спрятал Карину, и подумал, что ведьма не хочет с ним разговаривать. Старый эльф собрался с духом. Он отлично понимал, кто перед ним. Змей Горыныч с интересом наблюдал за ним всеми тремя головами.

– Приветствую тебя, господин дракон, Змей Горыныч, – сказал Лакгаэр.

– Да я тебя знаю! – обрадовалась Правая голова. – Как нога? Все еще побаливает?

Старый эльф вздрогнул. Во рту у него вдруг пересохло. Но Лакгаэр все же смог произнести в ответ:

– Особенно перед грозой.

– Надо мазь из дракон-травы пополам с медвежьим ухом прикладывать, – сказала Правая голова. – Должно помочь.

– Я обязательно последую твоему совету, господин дракон, – ответил старый эльф почтительно. – Позволь поблагодарить тебя за то, что ты сохранил жизнь Верховному магу Фейре.

– Я не сохраняю жизнь, а прекращаю ее, – сказала Центральная голова сухо. – Но его время еще не пришло.

– Позволь мне поговорить с твоей госпожой, – сказал старый эльф.

– Ты будешь говорить с ним? – спросила Центральная голова.

– Конечно, – пискнула ведьма из-под крыла.

Лакгаэр спустился на пляж. Дракон зашуршал крылом. Над краем кожистой перепонки появилась голова ведьмы.

– Приветствую тебя, ресса, – сказал Лакгаэр и протянул трактат Карине.

– Доброе утро, – сказала ведьма, озадаченно рассматривая книгу в кожаном переплете с серебряным обрезом. – Что это ты мне принес?

– Это сборник предсказаний нашей известной провидицы, Кальвен, – пояснил Лакгаэр. – Как Светлана была права насчет каталога! Я думал, что все помню, все знаю, а куда там! Все утро рылся, еле нашел.

– А зачем она мне? – спросила Карина осторожно.

– Кальвен предвидела и бунт Разрушителей, и создание Эрустима, – сказал старый эльф. – Возможно, ты найдешь там указания, которые помогут тебе уничтожить жезл. Насколько я помню, там есть целая песня на этот счет.

Карина взяла книгу и спросила:

– А где Шенвэль?

– Он помогал мне искать книгу, а сейчас он спит в библиотеке, – сказал Лакгаэр.

Карина выскочила из-под крыла дракона и бегом кинулась к лестнице. Старый эльф поспешно отвернулся.

– Оденься, простудишься! – закричала Правая голова.

Ведьма ворвалась в покои. Но как сильно не спешила Карина, она вызвала свою корзину, спрятала в нее Эрустим и отправила ее обратно. Жезл потерял свою власть над любовниками, когда лежал в ельнике, в пятнадцати саженях от них; а оказавшись в том неизведанном мире, куда ведьма отсылала свою метлу и корзину, Эрустим вообще должен был перестать влиять на их отношения.

Карина выскочила из покоев, застегивая халат.

– Умоляю тебя, не буди Шенвэля, – сказал Лакгаэр.

– Не буду, – ответила ведьма. – Но должна я ведь на него хотя бы посмотреть!

Карина хотела воспользоваться самым коротким путем в библиотеку, через террасу и лесенку. В этот момент брызнул дождь. Тяжелые капли застучали по плиткам террасы. Дракон спрятал свои головы под крыльями.

– А, хвост Ящера, – пробормотала ведьма сквозь зубы. Дороги через внутренние покои Карина не знала. Хвост Змея Горыныча чуть дернулся, но ведьма этого не заметила.

– Пойдем, я покажу тебе путь, – сказал старый эльф.

Всю дорогу ведьма шагала с такой скоростью, что Лакгаэр основательно запыхался. У дверей библиотеки Карина на миг остановилась. В воздухе дрожала чья-то Чи. В книгохранилище кто-то вошел незадолго до них, возможно, учитель из пансионата или слуга. Но черный, грязный след ауры вошедшего почему-то не хотелось пересекать. Карина тряхнула головой и взялась за ручку двери.

– И кстати, Лакгаэр, – сказала ведьма. – У тебя нет большого, крепкого гамака?

– Наверно, есть, – сказал старый эльф. Тут он понял, что задумала ведьма. – Но, ресса… То есть, Карина…

– Клянусь тебе, Змей Горыныч будет лететь, как плыть, – сказала Карина, улыбаясь. – Твой Верховный маг проспит до самого Фейре.

Лакгаэр только развел руками. Ведьма вошла в библиотеку. Старый эльф хотел пойти распорядиться насчет гамака, но тут он заметил след, около которого споткнулась сама Хозяйка Четырех Стихий. Лакгаэр рванул дверь на себя.

В библиотеке было пусто. Старый эльф затравленно оглянулся.

Из-за шкафа вышла Карина. Глаза у нее были безумные. В руках ведьма держала тесак Лакгаэра. Старый эльф попятился, поднимая руки. Карина усмехнулась.

– Я так и знала, что вы все врете, – процедила ведьма сквозь зубы.

– О чем ты?

– На диване никого нет!

Лакгаэр хотел что-то сказать, но Карина его уже не слушала. Она взмахнула тесаком, и в следующий миг, наверное, зарубила бы старого эльфа. Но тут раздался голос Шенвэля.

– Нет, Дренадан, – устало сказал эльф. – Ты сам знаешь, что это запрещено.

Карина обернулась. Голос шел из кабинета.

Ведьма бросилась туда, и на этот раз Лакгаэр отстал от нее лишь самую малость.

Дренадан поднял глаза на открывающуюся дверь кабинета. Шенвэль, сидевший на стуле напротив волхва, оборачиваться не стал. Эльф наклонил голову и улыбнулся. В следующий миг руки Карины обвились вокруг его шеи. Распущенные волосы ведьмы упали на спину Шенвэля. Эльф немного повернул голову вбок, и они с Кариной расцеловались.

Лакгаэр посмотрел на гостя крайне неприятным взглядом. Дренадан стоял на почтительном расстоянии от Верховного мага, у самой стены. За его спиной на новом, прочном крюке висел меч Мстителя.

– Карина, я думаю, тебе это уже не надо, – сказал старый эльф и потянул тесак из руки ведьмы.

– Да-да, – сказала Карина, на миг отрываясь от Шенвэля. – Извините меня.

– Я думаю, господа, вы позволите нам оставить вас на минутку, – сказал Шенвэль.

Дренадан кивнул.

– О чем ты говоришь, конечно, – сказал Лакгаэр за спиной эльфа.

Пара вышла из кабинета. Старый эльф плотно закрыл дверь.

– Я говорил тебе никогда не приходить на наш берег? – сказал Лакгаэр тихо.

Дренадан усмехнулся.

– А что, знатоки фонетического письма тебе уже не нужны? – спросил волхв.

– Ты не хуже меня знаешь, что этим утром храм Проглоченного Солнца исчез вместе с островом, – ответил старый эльф. Лакгаэр пристально посмотрел взгляд на серую тень, лежавшую у ног волхва и напрягся, призывая всю свою Чи. Лоб старого эльфа пошел морщинами. Сгусток тьмы нехотя отделился от пола. На плечо Дренадана уселась маленькая летучая мышь с красными, как две капли крови, глазками.

Лакгаэр перекинул тесак из одной руки в другую. Волхв поморщился.

– Не сходи с ума, Лакгаэр, – сказал он.

Старый эльф ничего не ответил и пошел на Дренадана. Лакгаэр коротко замахнулся. С быстротой, недоступной человеку, Дренадан вскинул руку. Меч на стене со свистом вышел из ножен. Рукоятка легла в подставленную ладонь волхва. Тесак налетел на меч. Лакгаэр этого совсем не ожидал. Дренадан использовал всю силу, которую старый эльф вложил в удар, против него самого же. Тесак вырвался из рук Лакгаэра, пролетел в двух пядях над рукой волхва и с коротким неприятным звоном воткнулся в подоконник. Летучую мышь на плече Дренадана даже не качнуло. Волхв, усмехаясь, смотрел на задыхающегося от ярости старого эльфа. Затем Дренадан отпустил меч. Оружие проплыло по воздуху и вернулось в ножны на стене.

– Одного я не понимаю, – сказал Лакгаэр изломанным от гнева голосом. – Как ты сюда вошел? Неужели Шенвэль пригласил тебя?

Дренадан чуть помедлил с ответом.

– Нет, – сказал он, глядя на старого эльфа из-под черных, слишком черных для такого старика бровей. – Это сделал твой сын. Еще двенадцать лет назад.

Лакгаэр опустился на стул – у него вдруг подкосились ноги.

– Зачем? – спросил старый эльф почти шепотом. – Илуватар и Ульмо, зачем Аннвиль позвал в мой дом вампира?

– Твой сын переживал за своих друзей, – сказал волхв. – Они ушли в замок, а его с собой не взяли. Но и не вернулись. Аннвиль узнал, что можно поговорить с Ящером через его волхва. Он хотел спросить, его друзья уже в Подземном мире, или все-таки нет.

Лакгаэр сглотнул.

– И он… спросил?

Дренадан отрицательно покачал головой.

– Аннвиль не смог произнести формулу призыва бога до того, как я сделал три глотка, – сказал волхв. – А потом я уже не могу остановиться.

– Так это ты… облил его вином и поджег мой дом? – спросил старый эльф. – Ты? Но зачем?

– Призыв бога должен оставаться тайной, – сказал Дренадан сухо. – Мне правда очень жаль.

Помолчав, Лакгаэр сказал:

– Я не могу предложить тебе того, что больше всего любишь. Но, может, ты выпьешь со мной вина?

– Не откажусь, – сказал Дренадан.

Лакгаэр подошел к шкафу с книгами отодвинул в сторону непрозрачную черную створку.

Эпилог

– Нет, тебе придется лететь одной, – сказал Шенвэль.

Карина надулась и отодвинулась от него настолько, насколько позволяла длина

кожаного дивана. Эльф расхохотался при виде этой детской мести. Шенвэль схватил ведьму и посадил к себе на колени. Распахнув халатик, он зарылся лицом в ложбинку между грудей.

– Не подлизывайся, – сказала Карина сердито, пока Шенвэль целовал ее грудь, потихоньку подбираясь к соску. – Но почему?

Эльф поднял голову и посмотрел на ведьму. Карина улыбнулась. Таким веселым она не видела Шенвэля очень давно. «Никогда», вдруг поняла ведьма.

– Музыкант Смерти как бы прижимает спиной свою Дверь в Подземный мир, – сказал Шенвэль. – Но жезл истощил меня. Фигурально выражаясь, сейчас моя Дверь не открывается нараспашку только потому, что я лежу поперек порога. Дренадан, как и все жрецы Ящера, обязан следить за количеством Цин в этом мире. Он не отпустит меня, пока я опасен. Дренадан потребовал денег за сломанного идола и забор, а ликвидных активов у меня хватает только на забор, если честно. На самом деле волхв хочет, чтобы я жил под его присмотром в капище Всех Богов в Куле. А заодно пока и капище починю.

– Тогда я останусь тоже, – сказала Карина.

Эльф отрицательно покачал головой.

– Я не смогу защитить тебя, когда Крон придет за тобой со своими Чистильщиками, – сказал он. – И если Эрустим попадет в руки Искандера…

– Я отослала жезл из нашего мира, – перебила его ведьма. – А во-вторых, Крон вчера погиб в Куле!

– Но это всего лишь запятая в этой длинной истории, – пожал плечами Шенвэль. – А ты же сама хотела поставить в ней точку. Улетай в Ливрасст, прошу тебя. Пока еще можешь вести метлу.

Карина осторожно коснулась пальцами щеки эльфа. В том месте, где он рассадил себе об стелу щеку до кости сегодня ночью, уже был только толстый белый рубец.

– Жизненные силы эльфов, как я вижу, восстанавливаются очень быстро, – сказала ведьма. – Когда ты… выздоровеешь?

Верховный маг Фейре пожал плечами.

– Жизненные силы эльфов велики, это правда, – сказал Шенвэль. – Но ждать все равно придется не меньше месяца, это точно. А может, и больше.

– Я тогда как раз пока слетаю в Келенборност, – сказала Карина. – Я думаю, мои девочки уже там…

– Хотя бы подожди, пока крыло «Змей» доберется до Бьонгарда, – сказал Шенвэль. – Если бы я был на месте Искандера, я бы использовал твое крыло как приманку. И в Келенборносте, и в Бьонгарде тебя скорее всего будут ждать; но из Бьонгарда до Фейре всего часа два лету, я думаю, и перехватить тебя в воздухе они вряд ли смогут…

– Так это почти два месяца! – возразила ведьма. – Не знаю, смогу ли я вести метлу тогда…

Эльф прикрыл глаза веками. Карина молчала и смотрела на него. Было слышно, как за окном библиотеки шумит дождь.

– Карина, – сказал Шенвэль наконец. – Сейчас жезла нет в нашем мире, и ни один из нас не может принудить другого. Нам пора учиться договариваться. Я выполнил все твои просьбы сегодня ночью. Так вот, я прошу тебя – выполни и ты мою просьбу. Одну.

Ведьма закусила губу. Эльф снял перстень и протянул его ведьме. Эту тяжелую серебряную печатку Шенвэль не снимал даже во время любовных игр. Карина увидела, что на перстне был вытиснен скелет башни, а рядом с ним – крохотная стрела.

– Покажешь перстень воздушному патрулю в Мир Минасе, они тебя пропустят без вопросов. А потом в Ливрассте найдешь дом с золотой доской на шпиле, на которой вытиснено то же самое. Это мой дом, там сейчас Хифкрист живет…

Ведьма догадалась, что маленькая черточка рядом с недостроенной башней – это не стрела, а стило. Карина надела печатку на палец.

Карина подошла к шкафу за форменным плащом. Она не знала, на каких высотах

летает Змей Горыныч, но предпочла одеться потеплее. Карина почувствовала на своем плече руку Шенвэля и обернулась, держа плащ в охапке. Эльф протягивал ведьме темно-синюю эмалевую фибулу в виде свернувшегося в кольцо змея. Карина озадаченно перевела взгляд на точно такую же застежку, вколотую в ворот плаща.

И вдруг она поняла.

Фибула, которую держал в руках Шенвэль, была той самой, которую ведьма потеряла около горного источника, где крыло «Змей» всегда собиралось перед первым в сезоне заказом.

Ведьма приподнялась на цыпочки и поцеловала тонкий белый шрам, пересекавший шею эльфа.

– Поставь себе на пояс, – сказала Карина.

Шенвэль отошел и прислонился к стене рядом со статуей, изображавшей рассерженного василиска. Карина отвернулась. Ведьма уже не могла смотреть на мифическое чудовище без судороги в бедрах.

– Я готова, – сказала она. Привычным движением ведьма закрепила на поясе пращу и кинжал. – Ты меня подсадишь на дракона?

Шенвэль кивнул.

Проходя по террасе, Карина с наслаждением вдохнула запах роз. Дождь кончился. Влажные цветы благоухали так, что начинала кружиться голова. Этот оглушительный, тяжелый аромат основательно докучал ведьме все это время и уже порядком надоел. Но Карина знала, что теперь ей будет не хватать его. И как бы ни повернулась жизнь, всегда, ощутив этот запах, она будет вспоминать эти две недели счастья на берегу теплого моря, подаренные судьбой, и тихонько улыбаться.

Правая голова заметила ведьму и эльфа первой – Центральная голова дракона спала, а Левая смотрела на море. Наклонившись к соседке, Правая голова что-то пробормотала ей в ухо. Глаза Центральной головы открылись.

– Ты можешь отнести меня в Ливрасст? – спросила Карина.

– Это самый южный город Фейре, – сказал Шенвэль, догадавшись, что название ничего не сказало Змею Горынычу. – Он стоит на северном берегу пограничного озера… Или ты можешь летать только над землями людей?

– Я могу летать везде, – выделив последнее слово интонацией, сказала Центральная голова.

Дракон выставил переднюю правую лапу так, что получилась удобная лесенка.

– Забирайся, – сказала Правая голова Карине.

Ведьма и эльф спустились на пляж и подошли к основанию «лесенки». Шенвэль поцеловал Карину и подсадил на первую «ступеньку», обтянутую морщинистой кожей. Карина уселась за центральной шеей Змея, ухватилась за шип. В основании головы шипы были совсем маленькими, но на спине они были уже внушительного размера. Самый большой был в полтора человеческих роста, в основании хвоста. Затем шипы снова начинали уменьшаться. На раздвоенном кончике хвоста находился самый маленький шип. Размером он не превосходил собачий клык.

– Ты остаешься? – спросил Змей Горыныч у Шенвэля.

Эльф кивнул.

Змей Горыныч встал, взмахнул кожистыми крыльями. Потоком воздуха Шенвэля чуть не сбило с ног. Эльф вернулся на террасу. Карина помахала ему рукой. Шенвэль послал ей в ответ воздушный поцелуй. Горыныч взмыл в небо по крутой глиссаде.

– Как бы мне все же хотелось попасть в Келенборност, – пробормотала ведьма.

– А что там, в Келенборносте? – спросила Правая голова.

– Там мои боевые подруги, мое крыло, – вздохнув, отвечала Карина. – Они в опасности из-за меня. Шенвэль советовал мне подождать, пока они доберутся до Бьонгарда, и встретить их там. Но это еще два месяца, а то и больше. Не знаю, смогу я ли спокойно спать все это время.

– Если хочешь, мы можем полететь туда прямо сейчас, – сказала Центральная голова.

– Моего крыла в Бьонгарде сейчас еще нет, – терпеливо повторила ведьма. – Сейчас обоз только вышел из Келенборноста, я думаю. И то вряд ли. А лесные тропы медленны. Обоз доберется до столицы Лихолесья в начале вересеня, не раньше.

– Мы можем доставить тебя в тот день, когда твои ведьмы прибудут в Бьонгард, – повторила Центральная голова.

Когда до Карины дошел смысл его слов, у ведьмы захватило дух.

– А когда мы окажемся в Ливрассте, если сейчас навестим Бьонгард в начале вересеня? – спросила Карина осторожно.

– Когда захочешь, – сказала Центральная голова.

– Ты можешь вытворять такие штуки со временем? – восхищенно сказала ведьма. Правая голова приосанилась. Центральная голова ответила:

– Время – это лишь рябь на воде. Так куда мы летим?

– В Бьонгард, – ответила Карина, крепко сжимая шип. – В тот день, когда мое крыло прибудет туда!

В следующий миг мир исчез за стеной белого огня. Но пламя не причиняло вреда ни дракону, ни его всаднице. Они словно находились внутри стеклянного шара, вроде тех, которые вешают на елку в дни Коляды. Ощущение усиливалось тем, что языки огня растекались по этой невидимой сфере.

Когда Змей Горыныч вынырнул обратно, Карина уже не увидела Рабина под ногами. Мимо ведьмы проносились страшно иззубренные черные пики и величавые шапки вечных снегов. Леса в долинах качались под ветром, и по зеленому морю расходились волны.

– Долгая дорога веселей, если скрасить ее песней, – сказала Правая голова. – Спой, Карина.

– На певицу огонь не выдыхать, поет, как может, – кокетничая, сказала ведьма.

– Конечно, конечно, – закивала Правая голова.

Карина глубоко вдохнула и начала своим чистым, сильным голосом, которого не постеснялась бы и оперная певица:

– Как была когда-то я девою младою
От вампиров и троллей не было отбою
Колдуны и вещуны в чувствах признавались
На Купайло за меня гномы передрались …

Голос Карины разносился над лесами и горами. Ведьма словно видела изумленных крестьянах, роняющих мотыги, и всадников, от неожиданности падающих с коней. Видела старых ведьм, собирающих травы на заветных полянках – они поднимали головы к небу, прислушиваясь к ее песне, и в их тусклых глазах плясали опасные огоньки.

Однако в том мире не было никого, кто мог бы оценить ее пение. Если бы Карина знала об этом, ведьма бы не так старалась.

Но Карина об этом не знала.

Тогда.